

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(67)'2018

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2018

УДК 81'27
ББК Ш100.621
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Волгоград, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Республика Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – Вып. 1 (67). – 222 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27

ББК Ш100.621

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2018

© Политическая лингвистика, 2018

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(67)'2018

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Володина М. Н. Москва, Россия	«Медийная культура»: pro et contra (с позиции отечественных и зарубежных исследователей)	10
Гришаева Л. И. Воронеж, Россия	Членение информационного потока в медиaprостранстве и синтаксические механизмы вербализации сведений о мире (на примере медиатекстов канала «EURONEWS»)	19
Колмогорова А. В. Красноярск, Россия	Легитимация как социополитический феномен и объект дискурса-анализа	33
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации	41

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вовкула А. В. Россия, Челябинск	Речевые стратегии в интерактивном медиаформате международного политического интервью	47
Горностаева А. А. Москва, Россия	Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие	57
Канашина С. В. Москва, Россия	Роль интернет-мемов в процессе политических выборов	67
Кошкарова Н. Н. Челябинск, Россия	«Российская агрессия» по-американски и «российский след» по-украински	74
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия		
Зотова Е. Н. Челябинск, Россия		
Мужиковская В. Р. Амиров В. М. Екатеринбург, Россия	Трагедия Холокоста и зарубежные русскоязычные еврейские СМИ: особенности современного осмысления	82
Муслах Хусам А. Р. Палестина	Стратегия убеждения в речах палестинского лидера Ясира Арафата	87
Фомин А. Г., Мона Е. А. Кемерово, Россия	Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации)	98
Фу Хэчжэнь Волгоград, Россия	Политическая медиалингвистика: фреймовая методика анализа новостных сообщений	105
Чэн Юйсяо Екатеринбург, Россия; Сычуань, Китай	Китай в метафорическом зеркале российских СМИ	114
Ширинкина М. А. Пермь, Россия	Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными)	120

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Грибан И. В. Екатеринбург, Россия	Пакт Молотова — Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе	131
---	---	-----

Демидова Е. Е. Кемерово, Россия	Продвижение немецкого языка в мире 139
Доценко Е. Г. Екатеринбург, Россия	Этика, политика и лингвистика в пьесах Тома Стоппарда о коммунистическом тоталитаризме..... 145
Ковальчук Л. П. Челябинск, Россия	Особенности концептуальной интеграции в лингвостилистических средствах американской политической рекламы 151
Коновалова Т. А. Зейферт А. Д. Екатеринбург, Россия	Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира 158
Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля Каир, Египет	Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с числовым компонентом в русском и арабском языках 167
У Анна Москва, Россия	Генезис языков в новой политической реальности 176

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Иванова С. В. Санкт-Петербург, Россия	Идеологическая составляющая содержания как объект лингвистической экспертизы политического текста 180
Чанышева З. З. Уфа, Россия	
Руднев Д. В. Садова Т. С. Санкт-Петербург, Россия	Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования..... 191

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Богоявленская Ю. В. Екатеринбург, Россия	Проблема парцелляции во французской лингвистике: этапы и направления исследований..... 202
Юзефович Н. Г. Полякова И. А. Хабаровск, Россия	Теория проксимизации П. Цапа как метод анализа политического дискурса: межкультурный аспект 213
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 219	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	8
--	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Volodina M. N. Moscow, Russia	«Media-Culture»: Pro et Contra (From the Perspective of Domestic and Foreign Researchers).....	10
Grishaeva L. I. Voronezh, Russia	Segmentation of Information Flow in Mass Media Discourse and Syntactic Mechanisms of Verbalisation of Knowledge About the World (Case Study of Texts of the EURONEWS TV Channel).....	19
Kolmogorova A. V. Krasnoyarsk, Russia	Legitimation as a Societal Phenomenon and as an Object of Discourse Analysis.....	33
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Classification and Differentiation of the Types of Precedent Phenomena in Political Communication	41

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Vovkula A. V. Russia, Chelyabinsk	Speech Strategies in the Interactive Media Format of the International Political Interview	47
Gornostaeva A. A. Moscow, Russia	Permitted Limits in Political Discourse: Irony, Black Humour, Destructiveness, Invectives	57
Kanashina S. V. Moscow, Russia	The Role of Internet Memes in Political Elections	67
Koshkarova N. N. Chelyabinsk, Russia	“Russian Aggression” American-Style and “Russian Trace” Ukrainian-Style	74
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia		
Zotova E. N. Chelyabinsk, Russia		
Muzikovskaya V. R. Amirov V. M. Ekaterinburg, Russia	Tragedy of the Holocaust and Foreign Russian-Language Jewish Media: Features of Modern Judgment	82
Husam A. R. Musleh Palestine	Stratagy of Persuasion in the Speeches of Palestinian Leader Yasser Arafat.....	87
Fomin A. G., Mona E. A. Kemerovo, Russia	Lexical Peculiarities of Terrorist’s Speech in ISIS Video Messages	98
Fu Hezhen Volgograd, Russia	Political Media Linguistics: Frame Technique for Analyzing the News Reports	105
Cheng Yuxiao Ekaterinburg, Russia; Sichuan, China	China in the Metaphorical Mirror of Russian Media.....	114
Shirinkina M. A. Perm, Russia	Regulatory Documents of the Executive Power in the Aspect of Tonality (Compared to Directory Ones)	120

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Griban I. V. Ekaterinburg, Russia	Molotov-Ribbentrop Pact in Modern Mediapolitical Discourse	131
---	--	-----

Demidova E. E. Kemerovo, Russia	Worldwide Promotion of the German Language 139
Dotsenko E. G. Ekaterinburg, Russia	The Ethics, Politics and Linguistics in Tom Stoppard's Plays of Communist Totalitarianism 145
Kovalchuk L. P. Chelyabinsk, Russia	Peculiarities of Conceptual Integration in Linguostylistic Means of American Political Advertising 151
Konovalova T. A., Seifert A. D. Ekaterinburg, Russia	Metaphor as a Cognitive-Discursive Means of Representing the Image of Modern Russia in the Architectural Picture of the World 158
Mohammed Abdelfattah Abu Elela Cairo, Egypt	Linguoculturological Analysis of Phraseological Units with a Numerical Component in Russian and Arabic Languages.....167
Wu Anna Moscow, Russia	Genesis of Languages in the New Political Reality 176

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

S. V. Ivanova St. Petersburg, Russia Z. Z. Chanysheva Ufa, Russia	Ideological Component of Content as an Object of Linguistic Expertise of Political Text 180
D. V. Rudnev, T. S. Sadova St. Petersburg , Russia	Official Language as the Basis of State Communication: to the Problem of Normalization 191

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Bogoyavlenskaya Yu. V. Ekaterinburg, Russia	The Problem of Parceling in French Linguistics: Stages and Areas of Research 202
Iuzefovich N. G. Poliakova I. A. Khabarovsk, Russia	Proximization Theory of Piotr Cap as Cross-Cultural Political Discourse Analysis Method 213
Manuscripts requirements 219	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной

рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, незачитаны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Н. Володина
Москва, Россия

«МЕДИЙНАЯ КУЛЬТУРА»: PRO ET CONTRA (С ПОЗИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

АННОТАЦИЯ. В фокусе внимания автора находится рассмотрение разных подходов к определению понятия «медийная культура», а также социальной и культурной значимости соответствующего феномена с точки зрения отечественных и зарубежных исследователей. Актуальность работы обусловлена тем, что современные средства массовой коммуникации во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, массмедиа оказывают влияние на весь строй его мышления, его поведение, на стиль мировосприятия и тип культуры сегодняшнего дня. Согласно концепции Н. Лумана о реальности, конструируемой средствами массовой информации, общество передоверяет важнейшие функции самонаблюдения системе массмедиа, и эта система сама выбирает предмет своего внимания, определяя информационную ценность конкретных тем. Массмедиа выступают отнюдь не как посредники, передающие информацию, — они конструируют собственную реальность, в которой господствует самореференция. Особое внимание в статье уделяется необходимости приобретения медийной компетентности, основанной на медиаобразовании, на примере деятельности учебно-научного Центра филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова «Язык средств массовой информации». В рамках деятельности этого Центра заложены основы комплексного междисциплинарного исследования языка массовой коммуникации в аспекте восприятия и продуцирования текста, причем эта научная работа интегрирована в учебный процесс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средства массовой информации; СМИ; язык СМИ; массовая культура; медийная культура; медиатизация культуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Володина Майя Никитична, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языкознания, руководитель Центра «Язык средств массовой информации» филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 корп. гуманитарных факультетов, филологический факультет; e-mail: volodina@philol.msu.ru; mnvolodina@mail.ru.

Культура есть память. Поэтому она связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества.

Ю. М. Лотман

Современные средства массовой коммуникации во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, массмедиа оказывают влияние на весь строй его мышления, его поведение, на стиль мировосприятия и тип культуры сегодняшнего дня.

Нередко культура трактуется как система коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир. В русле этой концепции индивидуальные действия людей, неразрывно связанные с коммуникативными процессами, относятся к комплексной системе коллективного знания, передаваемого через язык.

Сегодня «поставщиками» коллективного знания, или посредниками в его распространении, являются средства массовой коммуникации, массмедиа, которые никогда не остаются индифферентными по отношению к тому, что опосредуют. Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации и тиражирования информации, массмедиа очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Человеческое восприятие постоянно испытывает влияние

современных средств массовой информации. Это тот модус, который обнаруживает свое воздействие во всех сферах жизни.

Именно в сфере массмедиа формируются знания, составляющие основу социально ориентированного отношения человека к действительности. По мнению исследователей, наша картина мира лишь на десять процентов состоит из знаний, основанных на собственном опыте. Остальное мы знаем или полагаем, что знаем, из газет, кино, радио- и телепередач, а также из Интернета, т. е. из текстов массовой коммуникации, воздействию которых вольно или невольно подвергается каждый из нас.

В этом плане очень значимой представляется концепция известного немецкого социолога Никласа Лумана о реальности, конструируемой средствами массовой информации [Luhmann 1996]. С точки зрения Лумана, почти все, что нам известно об обществе и окружающем мире, мы узнаем через массмедиа, к которым тем не менее чувствуем недоверие, подозревая возможность манипулирования. Знания, полученные нами с помощью массмедиа, как бы сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого прочно укрепляют друг друга.

© Володина М. Н., 2018

В современном обществе эти знания, согласно Н. Луману, заменяют те ценностные ориентиры, хранителями и проводниками которых в иной ситуации выступают старейшины, церковь и др. Общество передоверяет важнейшие функции самонаблюдения системе массмедиа, и эта система сама выбирает предмет своего внимания, определяя информационную ценность конкретных тем.

Массмедиа формируют *социальную память*, избирательно фиксируя, о чем следует помнить, а что следует забыть. Указывая на отсутствие (в то время) взаимодействия, интерактивной обратной связи между отправителем и получателем информации в рамках медийной системы, Н. Луман подчеркивает, что массмедиа выступают отнюдь не как посредники, передающие информацию, — они конструируют собственную реальность, в которой господствует самореференция (отсылка к событиям, [вос]созданным все теми же массмедиа).

На основе анализа концепции Н. Лумана можно сделать вывод о том, что, конструируя собственную реальность, *массмедиа становятся посредниками в формировании отношения людей к реальному миру*.

А вот что говорит о современной культуре Кен Лоуч, британский режиссер, классик европейского остросоциального кино: *«Культура — это способ коммуникации*. То, как мы воспринимаем и выражаем мир, в котором живем. Мы никогда не высказываемся нейтрально. Мы всегда воспринимаем мир через призму той или иной идеологии. Культура каждого времени находится в очевидной зависимости от идей этого периода. Идеи нашего времени выражаются вполне конкретным способом. *Сейчас общество воспринимает мир через телевизор и новости*. СМИ — это Церковь нашего времени. Они обеспечивают существование идеологии, а также ее ретрансляцию вниз. Газеты и телевидение словно соревнуются в том, насколько далеко они смогут уйти от реальности, пока читатель или зритель не скажет „хватит!“» [Лоуч 2017].

В отечественной традиции картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» социокультурных и исторических моделей мира, создаваемых единственным или коллективным субъектом на основе интерпретации этой действительности. Различия в интерпретации предопределяются индивидуальными и/или групповыми различиями в обработке социальной информации.

Поставляя соответствующую информацию, массмедиа включаются в процесс и результаты социальной коммуникации и по-

своему способствуют поддержанию, изменению или трансформации картины мира субъекта, определенным образом оценивая этот мир и воздействуя на общественное сознание.

В 1990-е гг. широкое распространение за рубежом и в нашей стране получило гуманитарное учебно-научное направление, связанное с изучением массмедиа. Появление новой науки было вызвано к жизни мощным развитием таких средств массовой коммуникации, как печать, радио, кино, телевидение и Интернет, располагающих особым языком информационного воздействия для создания соответствующей картины мира в общественном сознании.

Наука о средствах массовой информации — это новое междисциплинарное направление, которое, базируясь на традиционных методах, предполагает определенное изменение исследовательского акцента. С точки зрения данной науки такие явления, как театр, литература и пресса, относятся к традиционным, а фотография, кино, радио, телевидение, видео и Интернет — к современным средствам массовой коммуникации.

Общеизвестно, что человечество увековечивает себя в продуктах своей деятельности — произведениях искусства, текстах, фильмах, научно-технических достижениях. Если несколько «заземлить» сказанное, то, например, фильм в его «опредмеченном», овеществленном виде представляет собой коробку с целлулоидной лентой или кассету, а книга в данном аспекте может рассматриваться как стопка печатных листов. Оба эти произведения (как продукты человеческой деятельности) актуализируются лишь в процессе коммуникации. Коммуникация, или общение подобного рода, относится к духовной, мыслительной сфере человеческого бытия и осуществляется информационным путем.

«Специалисты, изучающие средства массовой коммуникации, являются, пожалуй, самыми большими материалистами среди гуманитариев, даже если они сами и не осознают этого. Занимаясь исследованием генезиса и производства коммуникаторов (литературы, прессы, рекламы, кино, телевидения и т. п.), их структуры и эстетики, их восприятия и воздействия, они всегда ясно представляют себе соотношение материального (технической определенности, производственных условий или самого продукта) и идеального (значения, когнитивной пользы или вреда, чувственного опыта, ментальной стандартизации или формирования). Эта методическая перспектива распространяется не только на язык литературы или такие

традиционные виды искусства, какими являются ведущие технические коммуникационные средства XX века — кино и телевидение, но и на самые современные формы аудиовизуальной техники — цифровые интерактивные средства массовой коммуникации» [Heller 1996: 110].

Известный немецкий исследователь массмедиа Вернер Фаульштих считает, что медийная компетентность (компетентность в области массмедиа) становится сегодня основным условием духовной и социальной экологии нашего общества [Faulstich 1994: 7].

Именно Фаульштих [Faulstich 1994: 96—99] два десятилетия тому назад, опираясь на работы своих немецких и зарубежных коллег, определяет понятие «медийная культура» (*Medienkultur*). При этом он выделяет пять разных подходов к пониманию данного понятия, которые, с его точки зрения, закрепились в рамках науки о средствах массовой информации.

1. «Инструментальный» подход. Поскольку массмедиа рассматриваются как «посредники в распространении» культуры, то понятие «медийная культура» напрямую связывается с «культурными программами», которые транслируют различные радио- и телеканалы. Массмедиа, таким образом, представляют собой технические средства «транспортировки» сообщений политической, экономической и другой тематики, но также, и прежде всего, «театральных, музыкальных, художественных, кинематографических и литературных продуктов культуры». В качестве варианта определения в данном контексте автор выдвигает термин «метакультура».

2. «Критический» подход. Ссылаясь на «укоренившееся» негативное отношение к массмедиа вообще и к электронным медиа в особенности, Фаульштих указывает на существующее противопоставление понятий «высокая»/«элитарная культура» и *медийная культура*, которая, по сути, «предает» истинную культуру или представляет для нее, не имеющей ничего общего с культурой медийной, серьезную «опасность».

3. «Дескриптивный, или компаративистский» подход связан с распространением «американского культурного империализма в Европе». В рамках этого подхода весьма остро ставится вопрос о том, как скоро и в какой степени *медийные культуры* разных стран потеряют свою национальную специфику или смогут сохранить ее (в связи с этим хотелось бы обратить внимание на современный термин «глокализация», возникший как обозначение процесса экономического, социального и культурного развития,

характеризующегося сосуществованием разнонаправленных тенденций на фоне глобализации, когда вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление; см.: <https://yandex.ru/search/?text=глокализация>).

4. «Нормативный подход. *Медийная культура* воспринимается как сфера, в которой необходимо объединение усилий руководства массмедиа, журналистов и деятелей искусства, направленных на медийную деятельность в соответствии с истинными культурно-этическими нормами и ценностями.

В качестве аналогичных понятий здесь выступают «медийная экология» и «медийная этика», свободное использование массмедиа всеми людьми с целью творческой самореализации, связанной с понятием «медийной компетентности» в широком смысле этого слова. Вариант данной позиции наблюдается, когда *медийную культуру* понимают как «ценностно ориентированный контроль воздействия массмедиа на политику, имея в виду „политическую культуру“» [Faulstich 1994: 98].

5. «Интегративный подход» (прежде всего связанный с телевидением). «*Медийная культура*» не только «транспортирует», но и, со своей стороны, «формирует» культуру. Культура сегодня — это в значительной степени «теле- и медиакультура», т. е. *телевидение и массмедиа являются основными составляющими современной культуры*.

С позиции конструктивистского подхода, «культура как коммуникативная тематизация модели действительности конкретного общества» тем скорее превращается в *медийную культуру*, чем больше когнитивных и социальных систем охватывают массмедиа.

В этом контексте необходимо остановиться еще на одной проблеме, которую отмечает в своей работе Вернер Фаульштих. Имеется в виду указание на снижение культурного уровня транслируемых программ в ФРГ «в связи с введением дуальной радио- и телесистемы в восьмидесятые годы» [Faulstich 1994: 96], когда конвергенция между общественно-правовыми и частными каналами привела к сближению транслируемых программ на данных каналах по уровню содержания и подачи материала, что связано с коммерциализацией массмедиа.

По мнению австрийского журналиста Г. Бахера, в последние десятилетия средства массовой информации в Европе превратились из культурного достояния в товар. Достояние ценится за содержание, а товар — за то, что его можно удачно продать. Среда обитания достояния — сознание, а место для товара — рынок [Bacher 2000: 13—23].

Показательно, что в 2012 г. в Мюнхенском университете имени Людвиг Максимилиана в Германии на факультете языкознания и литературоведения (Fakultät für Sprach- und Literaturwissenschaft) открылась новая магистерская программа под названием «Медийная культурология» (Neuer Studiengang «Medienkulturwissenschaft»). В качестве одной из важнейших задач этой междисциплинарной программы предполагалось включение в учебный план таких научных областей, как философия, социология, кино- и театроведение.

В этой связи хотелось бы не без удовлетворения отметить, что еще в 1999 г. на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова был открыт продолжающий работать учебно-научный Центр «Язык средств массовой информации», в рамках которого заложены основы комплексного междисциплинарного исследования языка массовой коммуникации в аспекте восприятия и продуцирования текста. Это новое научное направление непосредственно интегрировано в учебный процесс. Работа Центра осуществляется на межфакультетском, межвузовском и интернациональном уровнях.

Совместно с филологами в работе Центра принимали и принимают участие ведущие специалисты факультетов журналистики и психологии, иностранных языков и регионоведения, философского и социологического факультетов МГУ, Института языкознания РАН, Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова и других вузов. Международные партнеры — немецкие специалисты Берлинского университета им. Гумбольдтов, Марбургского и Тюбингенского университетов, а также Института немецкого языка (Маннгейм, Германия).

В 2000 г. в рамках Центра была создана программа двухгодичных курсов «Язык средств массовой информации», представляющая собой уникальный, новый для российской системы образования подход к подготовке специалистов в области массмедиа, основанный на междисциплинарном исследовании языка массовой коммуникации. Тогда же на филологическом факультете была открыта специализация «Язык СМИ». Цель специализации — формирование у студентов-филологов дополнительной профессиональной компетентности, связанной с деятельностью в области СМИ. Было подготовлено шесть выпусков студентов (всего за это время выпущено 78 человек, значительная часть которых работает в сфере массмедиа).

Комплексный анализ языка СМИ проводится в собственно лингвистическом, семио-

тическом, герменевтическом, психолингвистическом, риторическом, лингвопрагматическом, социологическом, стилистическом, когнитивно-дискурсивном и культурологическом аспектах. В 2000—2002 гг. исследовательский проект «Язык средств массовой информации» был поддержан Российским гуманитарным научным фондом (грант РГНФ № 00-04-00184а, руководитель проекта — М. Н. Володина). Команду «единомышленников» составили О. В. Александрова, В. З. Демьянков, В. Г. Кузнецов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев и Г. Я. Солганик.

Об актуальности нового направления исследований свидетельствует тот факт, что 1-я и 2-я Международные научные конференции «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования», организованные Центром «Язык средств массовой информации», были поддержаны Российским фондом фундаментальных исследований (гранты РФФИ №01-06-85074г и №08-06-06002г; руководитель проектов — проф. М. Н. Володина). Одноименный исследовательский проект получил гранты как Междисциплинарный научный проект Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 2002 и 2003 гг. (руководитель проектов — декан филологического факультета проф. М. Л. Ремнёва).

В 2003 г. в рамках междисциплинарного научного проекта МГУ в издательстве Московского университета была опубликована первая часть учебного пособия для вузов «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» (460 с.), а в 2004 г. издана его вторая часть (416 с.). В одной из рецензий двухтомное издание было названо «первой в России учебно-научной энциклопедией по медиалингвистике».

Наряду с видными учеными, авторами книг являются выпускники специализации «Язык СМИ». В книгах впервые дается комплексный междисциплинарный анализ языка массовой коммуникации в аспекте восприятия и продуцирования текста, что непосредственно связано с основными целями:

- 1) научить студентов адекватно оценивать язык современных СМИ;
- 2) помочь им овладеть необходимыми знаниями, направленными на понимание и создание текстов массовой коммуникации, во многом определяющих социально-психологическую, языковую и культурную ситуации в современном обществе.

В 2005 г. в рамках Центра было открыто контрактное отделение «Филологическое обеспечение СМИ». В 2014 г. состоялся пятый выпуск студентов этого отделения: из 25 выпускников 7 получили дипломы с отли-

чием. Многие из них сейчас работают в сфере массовой коммуникации.

В том же 2005 г. сборник докладов 1-й конференции «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» был опубликован в Германии под редакцией Вернера Кальмайера и М. Н. Володиной с названием «*Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation*» («Перспективы развития языка массмедиа и массовой коммуникации» — 316 с.).

В 2008 г. в издательстве «Академический проект» под редакцией М. Н. Володиной вышел однотомник «Язык средств массовой информации».

При этом хотелось бы отметить, что 1-я Международная научная конференция 2001 г. «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования» впервые объединила специалистов разных областей знания, связанных данной темой, и одной из сильнейших сторон мероприятия стал интегративный подход, позволивший выявить наиболее актуальные аспекты изучения языка СМИ.

Целью Второй Международной научной конференции 2008 г. «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования» стал *поиск новых подходов к решению проблем, обусловленных процессом медиатизации жизненного пространства современного общества, напрямую связанным с его духовной и социальной экологией.*

Кроме филологов, в конференции принимали участие журналисты, философы, психологи, социологи, политологи, информатики, а также специалисты других областей знания, работающие в сфере СМИ. С докладами выступили более 130 человек, среди которых были профессора, доценты, преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и студенты из 37 городов России, а также из Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины, из Латвии, Литвы, Германии, Италии и Испании (опубликовано около 200 тезисов докладов). Работа 10 секций проходила в творческой атмосфере, вызывая большой интерес аудитории. Доклады отличались высоким научным уровнем.

Как и на 1-й конференции, наряду с видными учеными в мероприятии участвовали молодые исследователи. Заинтересованное обсуждение докладов свидетельствовало об актуальности выбранных тем, о понимании значимости СМИ в жизни современного общества. Особенно плодотворным представляется состоявшийся обмен опытом столичных и региональных вузов по акту-

альным проблемам российских и зарубежных СМИ. Концепции многих докладов можно рассматривать как отправные точки для новых исследований в области языка массовой коммуникации.

Именно с таким докладом выступил на пленарном заседании Второй конференции декан философского факультета МГУ проф. В. В. Миронов. Его доклад «*Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры*» (обобщение положений этого доклада см. ниже), в котором дан глубокий анализ взаимодействия культур на разных этапах исторического развития и раскрыты механизмы распространения поп-культуры в современном обществе и науке, вызвал большой интерес аудитории.

В рамках конференции был сформирован коллектив авторов монографии «Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке», которая вышла в 2011 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в издательстве «Академический проект».

В 2013 г. под редакцией М. Н. Володиной в Германии опубликован сборник статей, созданный на основе докладов 2-й конференции: «*Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich*» («Язык массмедиа и массовая коммуникация в междисциплинарном и межкультурном сопоставлении» — 300 с.).

Учитывая вышесказанное, в контексте данной статьи хотелось бы подчеркнуть, что «*медийная компетентность*», ставшая сегодня необходимым условием духовной и социальной экологии человеческого общества, напрямую связана с междисциплинарным изучением такого сложного и многоаспектного феномена, как язык массмедиа — ведь именно язык выступает в качестве главного средства общения между культурами.

«Диалог культур» (Д. Лихачев) представляет собой *пересечение двух языковых пространств как двух культур* (здесь и далее курсив наш. — М. В.). Эта мысль высказывается и в статье В. В. Миронова «Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры», в которой речь идет о *массовой культуре, имеющей свою специфику и выступающей как особый пласт современной культуры.*

В самом начале статьи автор признает, что «*система массовой коммуникации становится доминирующим фактором современной культуры.* Это разрушает ее (культуру) как относительно равновесную систему, порождая ряд новых явлений, а некоторые из них столь необычны, что с трудом укладываются в рамки традиционных представлений о культуре» [Миронов 2008: 295].

Вслед за К. Х. Момджяном, в рассматриваемой статье «в общем плане под культурой понимается совокупность результатов деятельности людей, создавших систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера» [Кузнецов 2000: 377].

Одновременно автор обращается к известному положению М. М. Бахтина, который, анализируя средневековый карнавал, говорит «о двойственном характере культуры. В системе культуры сосуществуют как бы два этажа — верхний и нижний; являясь частью одной системы, они, тем не менее, отличаются друг от друга» [Бахтин 1990: 12—17].

На основании собственного анализа В. В. Миронов делает вывод о том, что «культура как система представляет собой диалектическое единство противоречивых сторон, находящихся в импульсивном взаимодействии. Высокая КУЛЬТУРА обеспечивает преемственность, единство, создает систему ценностей, а 'низовая' культура обеспечивает саморазвитие системы, ее обновление. В этом смысле культура диалогична уже в силу наличия в ней двух находящихся во взаимодействии культур, точнее, диалог является формой ее существования» [Миронов 2008: 299].

Говоря о диалоге культур, В. В. Миронов [Там же: 302] определяет его не как «некое однородное наложение смыслов друг на друга, а своеобразный пульсирующий симбиоз смыслов, вживающихся друг в друга, иногда прямо переходящих один в другой на языковом уровне. Поэтому язык — не просто средство коммуникации или перебрасывания информации, а важнейший механизм культурного общения. Если семиотически интерпретировать диалог культур, то он реализуется, по удачному обозначению Ю. М. Лотмана, внутри семиосферы как особого семиотического пространства, включающего в себя не только сумму отдельных языков, но и социокультурное поле их функционирования».

Согласно Ю. М. Лотману, «любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. <...> семиосфера — и результат, и условие развития культуры» [Лотман 1996: 165—166].

С точки зрения В. В. Миронова [Миронов 2008: 301], «язык — это живое культурное образование, включающее в себя такой компонент, как память. Память — это вневременная символическая коммуникация, обес-

печивающая живую реальную сущность и особенность культуры; именно память создает своеобразие той или иной культуры. Культура с этой позиции представляет, прежде всего, язык, включающий в себя компонент истории, т. е. компонент реальных исторических традиций, действий, переживаний и т. д., и зашифровку этой истории особенностями конкретного живого языка. Перед нами память той или иной культуры, но закодированная реальным языком» («Язык — это код плюс его история» [Лотман 1992: 14]).

Сравнивая прежнюю ситуацию с ситуацией настоящей, В. В. Миронов [Миронов 2008: 204—205] подчеркивает: «Если ранее пространство коммуникации возникало между двумя или несколькими культурами, не влияя на сами культуры, и само зависело от них, то сегодня культуры оказываются внутри глобального коммуникационного пространства. Ранее семиосфера (локальное коммуникационное пространство + социокультурное пространство) была результатом диалога, который провоцировался самими культурами за счет необходимости понимания и адаптации другого. Сегодня коммуникация как таковая является самостоятельной силой, помещающей диалог культур (часто без их согласия) внутрь глобального коммуникационного пространства. Здесь диалог ведется часто вынужденно, по законам и правилам „новых условий коммуникации“. Здесь ситуация не адаптации друг к другу, а подчинения более сильной и агрессивной среде. В такой внешней для культур среде создается предпосылка замыкания межкультурного диалога в Единое Глобальное Коммуникационное Пространство».

По мнению отечественного филолога и философа-культуролога Г. С. Кнабе [Кнабе 1993: 17], «поп-культура — это типичная низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального воздействия, позволяющего репродуцировать ее образцы на весь мир, причем очень быстро. Она стара по сути, но значительно отличается по форме. Она базируется не на этническом, локально замкнутом основании, а представляет собой новое интегративное образование, в котором практически все является общим, стереотипичным. Благодаря средствам массовой информации она уже не имеет своих генетических корней (даже если сопряжена с языком своей культуры), а является достоянием всех. Это типичное образование нового глобального коммуникационного поля».

«На современном этапе развития культуры ее двойственный характер сохраняется, но в связи с резким увеличением самого массива новокультурных образований „низовая“, массовая культура начинает доминировать, в каком-то смысле, по крайней мере, временно, подавляя „высокую“» [Мионов 2008: 309].

В работе В. В. Миронова, как мы видим, речь идет о массовой культуре, осмысление которой представляется очень важным и необходимым звеном в подходе к осмыслению культуры «медийной».

Н. И. Клушина [Клушина 2013: 42] в одной из своих статей справедливо отмечает, что с развитием массовой культуры связано формирование массового сознания, в основе которого лежит «тиражируемость, убивающая эксклюзивность».

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что еще в 1936 г. известный немецкий исследователь Вальтер Беньямин опубликовал эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», в котором оценивал роль средств массовой коммуникации в процессе развития культуры. Он провозгласил историческую неизбежность массового «репродуцирования» в сфере технических искусств, объясняя ее социальную обусловленность растущим значением «массы» в современной жизни [Benjamin 1972: Bd. 1, 2].

В качестве эпиграфа к своей работе автор использовал следующее высказывание французского поэта Поля Валери: «Во всех искусствах существует некая физическая часть, которую нельзя одинаково трактовать в течение долгого времени, поскольку она не может избежать влияния современной науки и практики. Ни материя, ни пространство, ни время не остаются в продолжение двадцати лет тем же, чем они были прежде. Необходимо готовить себя к тому, что великие новшества будут изменять технику искусства в целом. Благодаря этому, в конечном счете, возможно, непостижимым образом изменится и само понятие искусства» [Benjamin 1972: 472]. Согласно В. Беньямину, *вместе с изменением способа существования человеческих коллективов меняется и манера их чувственного восприятия* [Op. cit.: 478]. За несколько лет до этого Бертольт Брехт так охарактеризовал специфику эстетического восприятия начала XX в.: «Старые формы передачи информации <...> не остаются без изменения из-за вновь возникающих форм и не могут просто сосуществовать с ними. Тот, кто смотрит фильмы, по-иному читает рассказы. Но и тот, кто пишет рассказы, также смотрит фильмы. Технизацию ли-

тературного производства уже невозможно остановить» [Brecht 1967: 156]. По словам немецкого исследователя современных массмедиа Х.-Б. Хеллера [Heller 1996: 110—111], оценки Брехта и Беньямина совпадают прежде всего по двум пунктам: во-первых, «оба автора подчеркивают тот факт, что материальная техника современного искусства представляет собой 'не некое появившееся извне условие' дистрибуции. Она (эта техника) является конституирующим, определяющим компонентом самого процесса создания соответствующего произведения искусства. Во-вторых, и Брехт, и Беньямин концентрируют свое внимание на том, что „человеческое восприятие постоянно испытывает влияние современных средств массовой коммуникации, воздействие которых обнаруживается как в повседневной жизни, так и в сфере художественно-эстетического восприятия“» [Heller, op. cit.: 111]. «При этом, в отличие от своих соотечественников, М. Хоркхаймера и Т. Адорно (известные немецкие социологи, издавшие в США книгу «Диалектика просвещения» (Dialektik der Aufklärung) об «индустрии буржуазной культуры», которые определяли массмедиа как «инструмент обольщивания масс» (Instrument der Massenverdrummung). — М. В.), Брехт и Беньямин подчеркивали важную позитивную роль средств массовой коммуникации, благодаря которым искусство может стать достоянием широких масс, а не узкого круга избранных, как это было прежде».

В данном контексте нельзя не обратиться к работе Н. И. Клушиной [Клушина 2014: 71] «Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль». По мнению автора, «социальные эффекты медиатизации культуры как раз и состоят в том, что *общая социальная память сохранит образцы высокой культуры и передаст их будущим поколениям*. СМИ в этом процессе играют неоченимую роль: они являются и „носителями“ этой памяти, и „медиаторами“, посредниками в передаче культурной информации в будущее, т. е., по словам Н. Лумана [2012:177], выполняют функцию „воспроизводства будущего“».

Выступая «В ЗАЩИТУ МЕДИА», Н. И. Клушина [Клушина 2013: 40] приходит к заключению, что «СМИ не есть причина гибели культуры. Для новых поколений ноутбук — гусиное перо, а электронная книга — такой же носитель смысла, как и папирус». «Современные медиа отражают новую трансформацию культуры и общественного сознания».

При этом, однако, поскольку «в современной России партийная идеология смени-

лась коммерческой, ориентация российского социума на европейские экономические, политические и культурные модели привела к жесткой стратификации общественного сознания по западному образцу: на массовое и элитарное. <...> Современный российский медиадискурс перестраивает свою структуру, чтобы отразить интересы элиты и масс, заимствуя западную типологию деления СМИ на качественные (элитарные), массовые и желтые (таблоидные, бульварные) издания, отражающие часто разновекторные интересы своих аудиторий. Подобная типология основана на адресате и тиражах» [Клушина 2013: 43], когда «современная массовая культура „топит“ высокими тиражами культуру элитарную» [Там же].

Тем не менее, согласно Н. И. Клушиной [Клушина 2014: 70], «структуру культурного медиaprостранства» следует рассматривать «не в связи с типологическими характеристиками современных СМИ, а в связи с теми культурными феноменами, которые функционируют в зоне пересечения СМИ и культуры». Имеются в виду собственно культурные феномены, медиаверсия культуры (арт-журналистика) и *медиакультура*.

С точки зрения Н. И. Клушиной [Там же], «*собственно культурные феномены* — это драматические спектакли, оперы, кинофильмы и тому подобные продукты культуры, созданные за рамками медиа < ... >, но передаваемые через его каналы (например, телеканал „Культура“, транслирующий культурные феномены, или „толстые журналы“, делающие публичными произведения писателей)».

«*Медиаверсия культуры* — это область интерпретации собственно культурных феноменов в СМИ (рецензии, новости о событиях культуры, комментарии ведущих специалистов в области культуры, интервью с ними), т. е. медиадискурс о культуре. Сегодня эту область все чаще называют „арт-журналистикой“» [Цветова 2012: 1—6].

«И, наконец, *медиакультура* — это те культурные феномены, которые созданы в пространстве медиа, в медиамире, а не вовлечены в него извне» [Клушина 2014: 70]. Одновременно автор отмечает неоднородность медиакультуры, которая стратифицируется как элитарная и массовая.

В качестве особых медийных (социальных и стилистических) эффектов, связанных с процессом медиатизации культуры, Н. И. Клушина [Клушина 2014: 71] выделяет идеологизацию, популяризацию и массовизацию культуры.

Идеологизация культуры, по Клушиной, — это «„приспосабливание“ феноменов

традиционной или элитарной культуры под политические нужды конкретного общества, конкретной эпохи. Произведения традиционной и элитарной культуры „обрастают“ идеологическими смыслами, насильственно погружаются в идеологический контекст, политизируются и тиражируются СМИ, не столько приобщая массового адресата к качественным образцам культуры, сколько идеологически „заряжая“ массовое сознание необходимыми политическими смыслами с помощью архетипов традиционной и идиообразов элитарной культуры.

Второй медиаэффект культуры — это ее популяризация в СМИ. Именно пресса создает моду на «культурные продукты», муссируя состоявшиеся или будущие культурные события. Если, политизируя культуру, СМИ преследуют идеологические цели, то в процессе популяризации средства массовой коммуникации выполняют просветительскую (а иногда и рекламную. — М. В.) функцию.

Третий медиаэффект — это массовизация культуры, ее упрощение, редукция сложности из-за бесконечного тиражирования или ее одномерной интерпретации» [Клушина 2014: 71].

* * *

Проблема «медиатизации» и «массовизации» современной культуры требует глубокого и всестороннего анализа. В данной статье предпринята попытка представить разные подходы к осмыслению этого вопроса и показать, что наиболее интересным взглядам, сложившимся к настоящему времени, присущ некий «общий стиль мышления» (Ю. С. Степанов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1990.
2. Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — М., 2003. С. 9—31.
3. Ерёмкина Д. А. Особенности немецкого радиформата «инфотейнмент» в рамках публицистического стиля (на материале общественно-правовых и частных радиостанций Германии). : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014.
4. Клушина Н. И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 40—45.
5. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 67—71.
6. Кнабе Г. С. Двуединство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. — М., 1993.
7. Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Миронов В. В., Момджян К. Х. Философия. — М., 2000.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М., 1992.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.
10. Лоуч Кэн. Календарь. 17 июня 2016 г. — М. (ВГТРК «Культура»).

11. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М., 2012.
12. Миронов В. В. Средство массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. — М., 2008. С. 285—315.
13. Цветова Н. С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 1. С. 1—6.
14. Bacher G. Zwischen Zwangsbeglückung und Schwachsinn // Rundfunk-Kultur und Kultur-Rundfunk / Hömberg W. (Hrsg.). — Münster, 2000. S. 13—23.
15. Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit // Gesammelte Schriften / W. Benjamin ; Hg. v. R. Tiedemann, H. Schwappenhauer. — Frankfurt/M., 1972. Bd. 1, 2.

16. Brecht B. Der Dreigroschenprozess. Ein soziologisches Experiment // Gesammelte Werke : in 20 Bänden / B. Brecht. — Frankfurt/M., 1967. Bd. 18. S. 156.
17. Faulstich W. Vorbemerkungen // Grundwissen Medien / Werner Faulstich (Hrsg.). — München, 1994.
18. Heller H-B. Philologie und Medienwissenschaft: Mesalliance, Vernunftfeie oder mehr = Хеллер Х-Б. Филология и наука о средствах массовой информации: мезальянс, брак по расчету или нечто большее? / пер. М. Н. Володиной // Вестн. Москов. ун-а. Серия 9, Филология. 1996. № 6. С. 109—117.
19. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. 2., erweiterte Auflage. — Opladen, 1996.
20. Valery P. Pieces sur l'art. — Цит. по: Benjamin W. Op. cit.
21. Werner Kallmeyer // Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation / Maja N. Volodina (Hg.). IDS — amades — Mannheim, 2005.
22. Volodina Maja N. (Hrsg.) Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich / Institut für Deutsche Sprache. — Mannheim, 2013.

M. N. Volodina
Moscow, Russia

«MEDIA-CULTURE»: PRO ET CONTRA (FROM THE PERSPECTIVE OF DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS)

ABSTRACT. *The focus of attention in this article is the approaches to interpretation of the concept "media culture", as well as its cultural and social role assessment by Russian and foreign scholars. The urgency of this research is caused by the fact that contemporary mass media determine language, socio-psychological and cultural situation in the country. Giving information about the events in the world and entertaining the audience mass media influence the way of thinking, behavior, perception of the world and today's culture. According to N. Luhmann's conception of reality constructed by mass media, the society transfer the important functions of self-observation to mass media, and the media choose the subject of attention themselves and thus determine the importance of certain topics from the point of view of their informativeness. Mass media are not mere mediators transmitting information, they construct their own reality dominated by self-reference. Special attention is given to the importance of media competence acquisition based on media literacy. The academic and scientific centre of "The Language of Mass Media" of the Philological Faculty in Moscow State University carries out a lot of activities to develop such competence. The Centre undertakes interdisciplinary research of mass media language in the aspect of text perception and text production, moreover this work is an inseparable part of the learning process.*

KEYWORDS: *Mass media; media; language of mass media; mass culture; media culture; mediatization of culture.*

ABOUT THE AUTHOR: *Volodina Maja Nikitichna, Doctor of Philology, Professor, Department of the German Language, Head of the Research Centre "The Language of the Mass Media" Faculty of Philology, Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessans. — М., 1990.
2. Volodina M. N. Yazyk SMI — osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / otv. red. M. N. Volodina. — М., 2003. S. 9—31.
3. Eremina D. A. Osobennosti nemetskogo radioformata «infoteyment» v ramkakh publitsisticheskogo stilya (na materiale obshchestvenno-pravovykh i chastnykh radiostantsiy Germanii) : dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2014.
4. Klushina N. I. Intentsional'naya konfiguratsiya mediynogo prostranstva // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 40—45.
5. Klushina N. I. Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' // Russkaya rech'. 2014. № 1. S. 67—71.
6. Knabe G. S. Dvuedinstvo kul'tury // Materialy k lektsiyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima. — М., 1993.
7. Kuznetsov V. G., Kuznetsova I. D., Mironov V. V., Mordzhyan K. Kh. Filosofiya. — М., 2000.
8. Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv. — М., 1992.
9. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. — М., 1996.
10. Louch Ken. Kalendar'. 17 iyunya 2016 g. — М. (VGTRK «Kul'tura»).
11. Luman N. Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. — М., 2012.
12. Mironov V. V. Sredstvo massovoy kommunikatsii kak zerkalo pop-kul'tury // Yazyk sredstv massovoy informatsii / pod red. M. N. Volodinoy. — М., 2008. С. 285—315.

13. Tsvetova N. S. Diskurs iskusstva v sovremennoy rossiyskoy zhurnalistike // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2012. № 1. S. 1—6.
14. Bacher G. Zwischen Zwangsbeglückung und Schwachsinn // Rundfunk-Kultur und Kultur-Rundfunk / Hömberg W. (Hrsg.). — Münster, 2000. S. 13—23.
15. Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit // Gesammelte Schriften / W. Benjamin ; Hg. v. R. Tiedemann, H. Schwappenhauer. — Frankfurt/M., 1972. Bd. 1, 2.
16. Brecht B. Der Dreigroschenprozess. Ein soziologisches Experiment // Gesammelte Werke : in 20 Bänden / B. Brecht. — Frankfurt/M., 1967. Bd. 18. S. 156.
17. Faulstich W. Vorbemerkungen // Grundwissen Medien / Werner Faulstich (Hrsg.). — München, 1994.
18. Heller H-B. Philologie und Medienwissenschaft: Mesalliance, Vernunftfeie oder mehr = Kheller Kh-B. Filologiya i nauka o sredstvakh massovoy informatsii: mezal'yans, brak po raschetu ili nechto bol'shee? / per. M. N. Volodinoy // Vestn. Moskov. un-a. Seriya 9, Filologiya. 1996. № 6. S. 109—117.
19. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. 2., erweiterte Auflage. — Opladen, 1996.
20. Valery P. Pieces sur l'art. — Tsit. po: Benjamin W. Op. cit.
21. Werner Kallmeyer // Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation / Maja N. Volodina (Hg.). IDS — amades — Mannheim, 2005.
22. Volodina Maja N. (Hrsg.) Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich / Institut für Deutsche Sprache. — Mannheim, 2013.

Л. И. Гришаева
Воронеж, Россия

ЧЛЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАТЕКСТОВ КАНАЛА «EURONEWS»)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению средств и способов конструирования медиареальности, благодаря которым становится возможным манипулирование восприятием и действиями адресатов соответствующих медиапродуктов. Особое внимание уделяется синтаксическим механизмам вербализации сведений о мире, поскольку сфера функционирования таких механизмов — коммуникативные единицы разной степени сложности. В фокусе исследования — функциональный потенциал отдельных механизмов вербализации, благодаря которым при порождении медиатекста информационный поток членится в конкретной языковой культуре сообразно представлениям коллективного субъекта как носителя коллективной идентичности. В исследовании данное обстоятельство трактуется в качестве основного фактора воздействия на реципиента медиатекста, на котором базируется манипулирование. Обобщаются наблюдения над медиатекстами канала «EURONEWS», адресованными носителям немецкой и русской языковых культур. Сопоставление разнородных проявлений синтаксических механизмов в двух языковых культурах наглядно показывает, в чем конкретно заключаются различия при вербализации одного и того же комплекса сведений в разных условиях, а также в какой последовательности и какие именно сведения вводятся в поле сознания в разных культурах. Тем самым доказываемая продуктивность холистического подхода (предмет анализа — текст как функциональное, интенциональное, тематическое, содержательное, формальное единство, как целостность) к анализу языковых средств и демонстрируется ограниченность атомистического подхода (предмет анализа — отдельные языковые средства в отрыве от контекста их бытования в конкретных условиях) к изучению функционального потенциала и сферы использования разнородных и разноразноуровневых языковых средств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; информационные потоки; синтаксические механизмы; телеканалы; культурная специфика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гришаева Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет; 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru.

В последние два года одной из наиболее актуальных проблем в разных гуманитарных исследованиях стало осмысление того, как разным медиаресурсам удается конструировать такую медиареальность, что реципиенты разнородных медиапродуктов воспринимают медийную продукцию как субъективно подлинную реальность, к тому же зачастую как нечто более реальное (подлинное, даже истинное), чем то, что они наблюдают и сами проживают в окружающей их действительности. Очевидно, данное обстоятельство и стало основой «успешной карьеры» многочисленных фейк-ньюс, о которых так много и так запальчиво говорят в последнее время и политики, и эксперты в разных областях гуманитарного знания, и даже обыватели, сами того не осознавая.

Обозначенные процессы чрезвычайно сложны и неоднозначны, поскольку формы манипулирования сознанием, о которых, по сути, и идет речь, зависят от следующих факторов, на которых основывается манипуляция:

- несоответствие целей манипулятора актуальным желаниям и намерениям манипулируемого;
- отношение манипулятора к манипулируемому как средству достижения собственных целей;
- умалчивание манипулятором целей, средств и целей («сценария») действий;
- отсутствие явных требований к поведению манипулируемого, скрытность воздействия;

- мотивация личности (или группы) на осуществление определенных, для самой личности нежелательных действий;
- способность к манипулятивным действиям и умелое их осуществление со стороны манипулятора;
- завуалированный характер массовой коммуникации [Pugatschjow 2006: 228—229].

Поэтому настоятельно необходимо изучать средства и способы конструирования медиареальности, благодаря которым становится возможной манипуляция восприятием и действиями реципиентов соответствующих медиапродуктов.

Зачем изучать членение информационного потока?

Поставленную исследовательскую задачу можно решить только при условии анализа того, как членится информационный ^[1] поток. В качестве обоснования этого тезиса можно привести следующие соображения.

Каждый носитель языка и культуры постоянно находится синхронно в двух средах — естественной (природной) и искусственной (культурной), оказываясь в системе разнородных континуумов, т. е. того, у чего нет четких границ: прежде всего это пространственно-временной, деятельностный, дискурсивный, информационный континуумы. В процессе инкультурации носитель культуры учится членить эти континуумы на отдельные фазы, ориентируясь на разнообразные маркеры соответствующих континуумов, и владеть определенными механиз-

мами, с помощью которых он в состоянии реализовать такого рода членение. Чтобы этому научиться, носитель языка и культуры должен уметь вычленять из континуума главное, выполнять в определенной последовательности конкретные действия, чтобы достигать желаемого результата, использовать для этого специализированные инструменты.

Осмысление языка как средства познания и коммуникации побуждает особо обратить внимание на то, как по-разному в дискурсе «развертывается» информационная цепочка и как выводятся в поле сознания сведения, сообщаемые одним коммуникантом другому: последовательно, один квант за другим. Выражаясь иначе, сведения о мире актуализируются в коммуникации в строгой последовательности, что конвенциализируется разными способами, превращаясь в том числе и в правила построения коммуникативных единиц определенного типа.

Другими словами, речь линейна, однако связи между ментальными структурами и между компонентами ментальных структур иерархичны. В силу этого и необходимо на конкретном материале тщательно описать, какие сведения, в какой последовательности, какими способами, с помощью каких механизмов вербализации, в каких условиях, для чего выводятся в коммуникации. Это необходимо точно знать также потому, что для осмысления линейно воспринятой информации требуется установить иерархические связи между линейно воспринятыми сведениями.

Синтаксические и текстограмматические механизмы вербализации сведений о мире

Основным инструментом исследования в обозначенном контексте следует признать механизмы вербализации. Под последними понимаются все средства и способы, которыми располагает конкретный язык на определенном этапе своего развития для вербализации тех или иных сведений о мире^[2]. В целом все механизмы вербализации можно достаточно условно разделить на отдельные привычные для лингвиста группы: лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстограмматические, формально-структурные — с последующей тонкой дифференциацией в зависимости от их сущности, сферы бытования, функционального потенциала, интенции говорящего, типа коммуникативной и когнитивной задачи, которую решают в актуальный момент коммуниканты, и др.

С членением информационного потока напрямую и тесно, если не сказать каузаль-

но, связаны в первую очередь синтаксические и текстограмматические механизмы, поскольку именно они позволяют коммуникантам последовательно выводить в поле сознания и воспринимать определенные «порции» информации, поскольку сфера бытования названных механизмов вербализации — коммуникативные единицы разной степени сложности и поскольку их функциональный потенциал реализуется в коммуникативном пространстве и для коммуникативных целей.

Среди синтаксических и текстограмматических механизмов на микро- и макротекстовом уровне целесообразно назвать прежде всего тип связи в группе слов (согласование, управление, примыкание); порядок слов в группе слов разной структуры и в предложении разной структуры; тип текста со специфической семантической и синтаксической организацией, порядок текстом в сверхфразовом единстве; темо-рематическое членение каждой текстемы; тип темо-рематической прогрессии в микротексте; последовательность сверхфразовых единств в тексте; связь заголовка и текста; особенности прономинализации; сеть анафорических/катафорических связей в микро- и макротексте; тип актуализируемых сведений и мн. др.

В качестве примера можно привести самые банальные случаи использования языка в разных коммуникативных условиях, когда от синтаксических механизмов вербализации зависит коммуникативный результат: *беляши студенческие* — *студенческие беляши* (как иллюстрация специализации по формату дискурса: кулинарный (профессиональный) и бытовой); *Плохой хороший человек*, ср.: *Человек хороший* — *Хороший человек* — *Человек плохой* (разные когнитивные и коммуникативные задачи: охарактеризовать — идентифицировать — классифицировать); *Килограмма три, пожалуйста*, ср.: *Три килограмма* (выражение определенности/неопределенности); *Сегодня холодно, и я одеваюсь теплее* — **И я одеваюсь теплее, сегодня холодно*, ср.: *Я одеваюсь теплее, так как сегодня холодно* (разные способы маркирования причинно-следственных отношений) и т. д. Наконец, в определенных случаях компьютер подсказывает: *Ошибка в синтаксисе*, если нарушена **последовательность знаков в едином целом**.

Однако наиболее значимым в обозначенном контексте является свойство синтаксических и текстограмматических механизмов активизировать сведения не столько о связях между понятиями, пропозициями, комплексами сведений разной степени

сложности либо сведения о разных субъектах, объектах, сущностях, признаках, ситуациях, сколько социокультурно релевантные сведения, т. е. сведения о том, как носители языка и культуры в определенных условиях используют язык для решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи.

Единица анализа и последовательность исследовательских шагов

В силу сказанного необходимо избрать в качестве единицы анализа текст, ведь именно текст является коммуникативным результатом, текст фиксирует разные фазы использования разнородных языковых средств как средств познания и коммуникации, текст порождается в процессе решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в определенных коммуникативных условиях.

А поскольку для осмысления принципов членения информационного потока требуется контраст — сопоставление двух разных типов текста в одной языковой культуре или сопоставление одного и того же типа текста в разных языковых культурах, — целесообразно обосновать свой выбор, осознавая преимущества и негативные последствия, а также вероятные препятствия для корректной интерпретации полученных сведений.

Максимально продуктивным, очевидно, является сопоставление одного и того же типа текста в разных языковых культурах, так как во внимание принимается один тип коммуникативной и когнитивной задачи. Вследствие этого различия в выборе средств и способов овнешнения сведений о мире станут для исследователя более выпуклыми. Тематически анализируемые тексты должны быть тождественными или близкими, желательно, чтобы они сообщали об одном событии. Желательно также, чтобы соответствующие тексты сообщали о действиях носителей разных культур, так как в подобных случаях будут прослеживаться явные опоры на коллективную идентичность носителей разных культур и на стереотипы сознания, с помощью которых реципиент будет осмысливать воспринимаемую информацию, а адресант — порождать соответствующий текст.^[3]

Вместе с тем необходимо принимать во внимание и парадоксы восприятия, неизбежные в подобных случаях.

Реципиент (т. е. субъект восприятия) выступает либо как носитель личностной идентичности, либо как носитель коллективной идентичности, что обуславливает разную значимость итоговой интерпретации.

Объектом восприятия является коллективный субъект на разных уровнях: на мик-

роуровне (т. е. сообщение о конкретных лицах/лице), на мезоуровне (т. е. сообщение о социальных группах/классах/корпорациях/организациях и пр.), на макроуровне (т. е. сообщение о стране в целом). Во всех случаях основой для интерпретации при рецепции выступают разные комплексы сведений.

При порождении медиатекста имеет место ориентация на коллективного субъекта, и поэтому сведения о мире воспринимаются либо через когнитивную рамку «свой — чужой», либо «свой — другой», что неизбежно отражается на результате рецепции любого комплекса сведений о мире.

Стереотипы сознания являются основой для осмысления действительности: востребованными оказываются прямые и переносные авто- и гетеростереотипы о «своей» культуре и прямые и переносные авто- и гетеростереотипы о «чужой»/«другой» культуре.

Среди негативных последствий упомянутых парадоксов восприятия очевидными становятся перечисляемые ниже, которые, однако, зачастую не воспринимаются как негативные и/или даже не осмысливаются как таковые либо как фактор анализа:

1) интерпретация сведений с позиций собственной культуры приписывается инокультурному коммуниканту;

2) интерпретация сведений инокультурным адресатом конструируется в опоре на свое, заведомо неполное и редко точное и дифференцированное, знание инокультурной реальности;

3) интерпретация одного инокультурного адресата с конкретными индивидуальными характеристиками приравнивается к интерпретации соответствующего комплекса сведений коллективным субъектом с той же культурной идентичностью;

4) подлинными адресатами публикаций о «чужой»/«другой» стране являются не носители соответствующей культуры, а представители других культур;

5) корреспонденты как адресанты медиатекстов по преимуществу не ставят перед собой специальной цели сознательно дискредитировать какую-либо страну и ее граждан (исключение — информационные войны, стратегия создания образа врага и т. п.);

6) образ страны гетерогенен и зачастую весьма противоречив. **Носители других культур видят «чужую»/«другую» страну так, как они ее видят:** носителей других культур хвалят совсем не обязательно за то, за что себя хвалят носители соответствующих культур, и ругают также не по тем поводам, по которым носители соответствующих культур могут себя порицать.

При определении последовательности исследовательских шагов в первую очередь следует обратить внимание на количество и качество текстов в тексте; особенности синтаксической структуры текстемы; семантику логических связей между пропозициями и понятиями; на тип обозначения ситуации при учете потенциальных изофункциональных средств и способов. Анализируя способы обозначения ситуации, целесообразно не упускать из вида следующие аспекты: точка зрения на номинируемую ситуацию, синтаксические функции участников ситуаций, способы обозначения участников ситуаций, упоминание/умолчание сведений об участниках ситуации, поскольку по перечисленным механизмам вербализации можно достаточно определенно судить о профилировании комплекса сведений о мире, о результатах концептуализации и категоризации этих сведений.

Эмпирический материал

Адекватными для решения сформулированных выше исследовательских задач следует признать медиатексты канала «EURO-NEWS», поскольку этот канал (1) достаточно полно и точно отражает медийную, политическую и — что более важно — публичную европейскую повестку дня; (2) проводит единую медиapolитику в разных социокультурных пространствах; (3) сознательно учитывает культурную специфику своей аудитории, адаптируя медиатексты к особенностям коллективной идентичности коллективного субъекта как адресата; (4) предоставляет желающим доступ к разным формам бытования медиатекстов — к мультимодальным (поликодовым, креолизованным) видеотекстам и к скриптам (письменным текстам); (5) порождает тексты разного типа: комментарии, репортажи, новости, сообщения, интервью и др. Это становится естественным преимуществом для анализа не только закономерностей организации медиaprостранства, но и постижения сущности и значимости многих иных процессов, обуславливающих и регулирующих взаимодействие носителей языка и культуры в разных коммуникативных условиях.

Для анализа выбраны два текста [Buring 2017; Smirnov 2017].

С формальной точки зрения анализируемые тексты можно охарактеризовать следующим образом. Формальная текстогрaмматическая характеристика фиксирует такие признаки: немецкий вариант имеет в основном тексте 5 сверхфразовых единств; их тематика затрагивает следующие аспекты: участие российских спортсменов в зимних Олимпийских играх под нейтральным фла-

гом — фехтовальщица Софья Великая — поддержка любого решения российских спортсменов — условия для участия российских спортсменов в зимней Олимпиаде — позиция российских политиков и Путина относительно участия в Олимпиаде. В русском варианте в основном тексте 4 сверхфразовых единства, тематика которых — голосование российских спортсменов относительно участия в Олимпийских играх — Софья Великая относительно решений на заседании российских спортсменов — условия для участия российских спортсменов в зимней Олимпиаде — позиции российского общества относительно участия в Олимпиаде.

В этой связи интересно проследить, какие предикативные слова конституируют пропозиции, вербализуемые разными способами в тексте. Сопоставление первичных способов вербализации логических предикатов глагольными формами убеждает, насколько по-разному активизируются сведения о сообщаемом событии, а именно:

antreten — aufrufen — reisen — überschätzen — teilnehmen — antreten — sagen — unterstützen — teilnehmen — kommen — unterstützen — mitmachen — entscheiden — ausschließen — teilnehmen — sperren — geben — fahren — freistellen;

(высказаться) — голосовать — выступить — ехать — быть — получать — голосовать — принимать решение — (быть) — поддерживать — решать — не быть — участвовать — уважать — решать — дисквалифицировать — давать возможность — ехать — замешивать — отвергать — призывать — бойкотировать.

Интересно, что и последовательность вербализации пропозиций не тождественна в разных языковых культурах, хотя анализ убеждает, что в целом тематическое ядро в обоих текстах вполне сопоставимо. Однако комплекс активизируемых сведений о мире профилируется по-разному, что обусловлено, по всей видимости, тем, что тексты адресуются носителям разной культурной идентичности, т. е. разной коллективной идентичности. Данное обстоятельство побуждает адресантов «нажимать на такие кнопки», которые позволяют им не только удовлетворить информационный голод носителей языка и культуры относительно острого события, но и задать рамку восприятия, через которую будет производиться селекция сведений, поступающих в головной мозг реципиентов для детальной обработки. А процесс последовательной селекции сведений закономерен и довольно хорошо изучен.

В обозначенном контексте несомненный интерес представляет сопоставление спосо-

бов и средств обозначения участников события, о котором сообщается в тексте. Участниками события являются, судя по тексту, российские политики, российские спортсмены, представители международных спортивных организаций (см. ниже таблицу 1).

В немецком варианте российские политики обозначаются по-разному, и речь о них идет в разных частях текста: *russische Politiker — in der russischen Politik — Präsident Wladimir Putin*. В русском варианте имеется косвенная апелляция к российским политикам, о чем говорится в конце текста: *российское руководство*. Если принять во внимание, что именно обозначается, то получается следующее: в немецком варианте активизируются сведения о расчлененном (неопределенном) множестве (форма существительного во множественном числе) — нерасчлененном (неопределенном) множестве — одном конкретном субъекте, называемом собственным именем и обозначением высшего государственного поста.

Сведения о международных организациях активизируются как нерасчлененное множество (группа существительного в единственном числе, а также общепринятое сокращение для соответствующей группы слов): *das Internationale Olympische Komitee — das Internationale Olympische Komitee — das IOC — Олимпийский комитет — Международный олимпийский комитет — МОК*.

Обозначения спортсменов разнообразны, хотя доминирует представление о расчлененном (неопределенном) множестве, а также о соотношении «часть — целое» и о конкретном субъекте: *Russlands Athleten — die Athleten — die meisten russischen Olympia-Sportler — sie — die Athletensprecherin, die Fechterin Sofia Welikaja — Die Versammlung des Russischen Olympischen Komitees — die Athleten — sie — derer — Athleten ohne Doping-Vorgeschichte — die Sportler — die Athleten*, ср.: *большинство российских спортсменов — комиссия спортсменов ОКР — россияне — большинство российских спортсменов — позиция всех видов спорта — комиссия спортсменов Олимпийского комитета России — россияне — Олимпийское собрание — Софья Великая, председатель комиссии спортсменов — комиссия спортсменов Олимпийского комитета России — спортсмены — спортсмены — Олимпийский комитет России — отдельные российские спортсмены — российские спортсмены*. Интересно отметить, что в немецком варианте используются синонимы (*Athleten, Sportler*), имеющие разные стилистические и коннотативные характеристики, в отличие от русского варианта, в ко-

тором применяется одно стилистически нейтральное обозначение (*спортсмены*), модифицируемое через отсылку к гражданству (*россияне, российские спортсмены*).

Объяснить обрисованное положение дел можно, обратившись к свойствам восприятия как явления и учитывая влияние этих свойств на селекцию подлежащих глубокой и дифференцированной ментальной обработке сведений о мире, т. е., иными словами, влияние на членение информации.

Перцепция как феномен обладает такими признаками, как субъективность, аффективность, селективность, контекстная зависимость, телеологичность [Рубинштейн 2002; Солсо 2002; Сухих 2004; 2006; Anderson 2001 и др.], к которым следует добавить и культурогенность, поскольку вся структура связей между разнообразными понятиями не может не быть культурно-специфичной. Все сведения проходят систему фильтров, в результате чего информационный поток членится, причем имеют место такие процессы, как абстрагирование, упрощение, ассоциирование. Абстрагирование осуществляется через отбор информации, сокращение числа стимулов, поступающих извне, благодаря чему в конечном итоге обрабатывается меньшая часть информации по сравнению с начальным этапом перцепции, которая к тому же упрощается. Ассоциирование происходит через поиск аналогов, которыми располагает субъект в силу своей инкультурации, причем имеет место предпочтение, т. е. осуществление (более или менее сознательного) выбора с предпочтением (а) знакомому перед неизвестным, (б) приятному перед неприятным, (в) вызывающему эмоциональный отклик перед нейтральным, (г) вызывающему интерес перед тем, что оставляет субъекта восприятия безучастным [Рубинштейн 2002; Солсо 2002; Сухих 2004; 2006; Anderson 2001 и др.].

Кроме того, Дж. Андерсон [Anderson 2001], например, через серию разных экспериментов с целью изучения различных видов перцепции установил, что восприятие имеет разные стадии. На ранней стадии восприятия **вычленяются** формы и объекты, на поздней стадии **распознаются** формы и объекты. При анализе воспринятых признаков сначала распознаются **признаки** объекта, а затем — **комбинация** признаков [Anderson 2001: 38, 39, 53]. А поскольку соответствующие процессы, имеющие место при обработке воспринимаемых сведений о мире, погружены на любом этапе в определенную культурную среду, очевидно, что носители разных культур по-разному комбинируют воспринимаемые признаки разнород-

ных объектов внеязыковой действительности и по-разному категоризируют эти признаки.

Р. Поснер подчеркивает различия между восприятием разных элементов культуры: индивидов, артефактов, ментефактов. Он объясняет соответствующие различия особенностями названных категорий. Так, индивиды могут стать членами другого общества и принести в него свои артефакты, идеи и ценности. Артефакты могут быть использованными, заимствованными или скопированными членами другого общества, не влияя при этом на социальные отношения между членами общества. Ментефакты определяют поведение индивидов в обществе, могут восприниматься членами другого общества и предопределять их поведение [Posner 2003: 49].

Таким образом, очевидно, что культурно-специфичными следует признать абсолютно все процессы, сопровождающие порождение текста, хотя не менее ясно, что степень очевидности культурной специфики различна в каждом отдельном случае. Поэтому следует ожидать, что и анализ средств и способов членения информационного потока об одном событии в разных языковых культурах не может не обнаруживать культурной специфики, демонстрирующей вместе с тем диалектику универсального и специфического, общего и частного, закономерного и случайного, типичного и единичного, объективного и субъективного.

Способы членения информационного потока в разных языковых культурах

Прежде чем перейти к собственно анализу, необходимо в качестве предваритель-

ных замечаний подчеркнуть, что, с одной стороны, для формулирования серьезных обобщений требуется описание обширного эмпирического материала, культурологически, тематически и типологически разнородного. С другой стороны, объяснительную силу предлагаемых приемов целесообразно апробировать, чтобы далее уточнять, дополнять и совершенствовать исследовательскую практику. Это позволит к тому же накопить однородные примеры для иллюстрации закономерности, ставшей давно квазиаксиомой: в каждой культуре по-разному говорят об одном и том же — квази-потому, что приводимые в подобных случаях примеры характеризуются чрезвычайной разнородностью, что невольно акцентирует не диалектику универсального и культурно-специфического, а в конечном итоге универсальные закономерности.

Ниже сопоставляются оба текста, в которых разными способами (вид подчеркивания, жирность, курсив, тип шрифта) маркируются различия в выборе средств и способов вербализации сведений о событии. Уже беглый взгляд на тексты, содержащие по-разному маркированные единицы, убедительно свидетельствует о разнице в организации обоих текстов; при этом наличие одинаково маркированных языковых средств иллюстрирует, насколько различаются конфигурации разнородных элементов в тексте, т. е. в конечном итоге задействованные при порождении текстов сопоставляемые механизмы вербализации.

Таблица 1

Культурно-обусловленные способы членения информационного потока.

Russlands Athleten wollen trotzdem antreten	Большинство российских спортсменов <i>против бойкота</i> Олимпиады-2018
Von Andrea Buring	Yury Smirnov
Russische Politiker hatten zum Boycott aufgerufen: Doch die Athleten wollen trotzdem nach Pyeongchang reisen.	Комиссия спортсменов ОКР единогласно проголосовала за участие россиян в Играх .
Überschattet vom DOPINGSKANDAL , wollen die meisten russischen Olympia-Sportler doch an den Winterspielen in S d korea teilnehmen — auch wenn sie dort unter neutraler Flagge antreten. Das sagte die Athletensprecherin, die Fechterin Sofia Welikaja. "Die Versammlung des Russischen Olympischen Komitees wird die Athleten unterstützen, die an den Olympischen Spielen teilnehmen wollen, auch wenn vom Internationalen Olympischen Komitee noch keine offizielle Einladung kam. Aber sie wird auch die Entscheidung derer unterstützen, die aus bestimmten Gründen nicht mitmachen wollen."	Большинство российских спортсменов выступили за то, чтобы ехать на Олимпийские игры в Пхёнчхан, и это общая позиция всех видов спорта . Такие данные получила комиссия спортсменов Олимпийского комитета России и на этом основании единогласно проголосовала за участие россиян в Играх . Окончательное решение будет принято на Олимпийском собрании 12 декабря . Софья Великая, председатель комиссии спортсменов: " Комиссия спортсменов Олимпийского комитета России поддерживает мнение тех спортсменов, которые решат (так как еще нет приглашения от Олимпийского комитета) участвовать в предстоящих Олимпийских играх . А также уважает решение тех спортсменов, которые решат не участвовать в Олимпийских играх по тем или иным причинам".

<p>In der vergangenen Woche hatte das Internationale Olympische Komitee entschieden, Russland von den Spielen in Pyeongchang auszuschließen. Nur Athleten ohne DOPING-VORGESCHICHTE dürften teilnehmen. Das IOC hatte die Sportler wegen der systematischen Manipulationen mit Proben bei den Winterspielen in Sotschi 2014 gesperrt. Danach gab es in der russischen Politik viele Aufrufe an die Athleten, aus Protest nicht zu fahren. Präsident Wladimir Putin stellte ihnen die Teilnahme an den Winterspielen vom 9. bis zum 25. Februar <u>hingegen</u> frei.</p>	<p>Международный олимпийский комитет по итогам заседания в Лозанне дисквалифицировал Олимпийский комитет России, однако дал возможность поехать на Олимпиаду под нейтральным флагом отдельным российским спортсменам, не замешанным в ДОПИНГ СКАНДАЛЕ. Российское руководство отвергает <u>ОБВИНЕНИЯ в создании государственной системы поддержки допинга</u>. После решения МОК некоторые общественные деятели призывали российских спортсменов <u>бойкотировать Олимпийские Игры 2018 г.</u></p>
<p>http://de.euronews.com/2017/12/11/russlands-athleten-wollen-trotzdem-antreten</p>	<p>http://ru.euronews.com/2017/12/11/russian-athletes-olympics</p>

Процесс членения сведений о сообщаемом событии, активизируемых разнообразными средствами и способами, становится более наглядным, если сопоставить по одним и тем же параметрам структурные характеристики текстом, т. е. неотъемлемых от текста предложений как минимальных относительно самостоятельных коммуникативных единиц, на которые членится текст, будучи результатом речемыслительной, дискурсивной деятельности, средством решения коммуникативной и когнитивной задачи в некоторых коммуникативных условиях (см. табл. 2 и 3).

Указанные в таблицах 2 и 3 параметры синтаксических структур значимы для принятого анализа потому, что соотношение между глубинными и поверхностными структурами чрезвычайно важно, поскольку одна и та же пропозиция может иметь разные способы вербализации: глагольный, субстантивный, адъективный [Brinkmann 1971], причем первый тип предназначен для сообщения о положении дел, второй — для классификации процессов, субъектов, объектов и ситуаций, третий — для характеристики процессов, субъектов и объектов. Кроме того, одна и та же пропозиция может выражаться либо первичным способом (финитной конструкцией), либо вторичными (субстантивной, адъективной, адвербиальной, партиципальной, инфинитивной группой или сложным словом) способами. Кроме того, сведения об одной и той же ситуации мо-

гут профилироваться разными способами: активными либо пассивными структурами, разными типами темо-рематического членения минимальной коммуникативной единицы, разным порядком слов, использованием стилистических фигур, разными коммуникативными типами предложений и пр.

Поскольку коммуникативный тип у анализируемых текстом один и тот же — повествовательные структуры, — данный параметр не получает отражение в описании.

Связь между частями сложного предложения в паратаксисе и гипотаксисе, равно как и связь между отдельными текстами в сверхфразовом единстве, а также тип логической семантики у связи между пропозициями весьма важны, поскольку таким образом фиксируются различия в результате концептуализации цельного фрагмента тем или иным субъектом познания и восприятия: расчлененное или нерасчлененное единство, с позиции наблюдателя или участника и пр.

Информация о наличии инфинитивных, причастных оборотов, отраженная в таблицах 2, 3, значима потому, что они, будучи вторичным способом обозначения ситуации/пропозиции, уплотняют информационный поток, поскольку финитная конструкция становится полипропозитивной. Этому же способствует и выражение членов предложения либо одной словоформой, либо группой слов, однако останавливаться на этом мы ниже не будем для ясности изложения.

Таблица 2

Структурный анализ текstem (немецкий вариант)

№ текstemы	Структурный тип предложения			Тип семантической связи между частями сложного предложения	Средство связи между частями сложного предложения
	простое	сложное			
		паратаксис	гипотаксис		
1 (wollen)	+ глагольное				
2	+ эллипсис глагольное				
3	+ глагольное				
4 (wollen)	+ глагольное				
5 (wollen)			+ причастный оборот глагольное + глагольное	рестриктивная	auch wenn
6	+ глагольное				
7 (wollen)			+ глагольное глагольное глагольное	атрибутивная + рестриктивная	die, auch wenn
8 (wollen)			+ глагольное глагольное	атрибутивная	die
9	+ глагольное инфинитивный оборот				
10 (dürften)	+ глагольное				
11	+ глагольное				
12	+ глагольное инфинитивный оборот				
13	+ глагольное				

Таблица 3

Структурный анализ текstem (русский вариант)

№ текstemы	Структурный тип предложения			Тип семантической связи между частями сложного предложения	Средство связи между частями сложного предложения
	простое	сложное			
		паратаксис	гипотаксис		
1	+ эллипсис глагольное				
2	+ эллипсис глагольное				
3	+ глагольное				
4		+ глагольное субстантивное инфинитивный оборот		копулятивная	и
5		+ (слитное) глагольное глагольное		копулятивная	и

№ тексты	Структурный тип предложения			Тип семантической связи между частями сложного предложения	Средство связи между частями сложного предложения
	простое	сложное			
		паратакис	гипотакис		
6	+ глагольное				
7	+ эллипсис глагольное				
8			+ глагольное глагольное глагольное	атрибутивная каузальная	которые так как
9			+ глагольное глагольное	атрибутивная	которые
10		+ причастный оборот глагольное глагольное		адверсативная	однако
11	+ глагольное				
12	+ глагольное				

Характерно, что в немецком варианте в шести случаях используются модальные глаголы, вербализующие сведения о намерении (*wollen*) и возможности/разрешении (*dürfen*) что-либо делать (см. таблицу 2). Однако в русском варианте вероятность передается через использование временной формы (*reshat*) и указанием на вероятное множество потенциальных причин (*по тем или иным причинам*) для поливариантного развития события (*которые решат не участвовать в Олимпийских играх по тем или иным причинам*). Тем самым ясно, что русский и немецкий варианты сообщения о событии акцентируют разную степень достоверности и уверенности.

Весьма показателен для осмысления принципов членения информационного потока об одном событии в разных языковых культурах анализ средств обозначения хронотопа. Так, в русском варианте имеется дата, когда будет приниматься окончательное решение относительно участия/неучастия конкретных спортсменов — 12 декабря; в немецком варианте такого темпорального маркера нет. Но в немецком варианте называется время проведения зимних Олимпийских игр: *vom 9. bis zum 25. Februar*, а в русском варианте эта информация отсутствует.

В немецком варианте к тому же актуальный скандал с допингом напрямую связывается с прошедшими Олимпийскими играми в Сочи (*wegen der systematischen Manipulationen mit Proben bei den Winterspielen in Sotchi 2014*), причем еще раз называется причина, очевидная и неоспоримая для адре-

санта, к тому же уже озвученная для реципиента (*überschattet vom Dopingskandal — Nur Athleten ohne Doping-Vorgeschichte dürfen teilnehmen*). Однако в русском варианте этого нет, и только в конце текста, в последнем сверхфразовом единстве, обозначается причина скандала с допингом (*Российское руководство отвергает обвинения в создании государственной системы поддержки допинга*).

По-разному дается информация о месте проведения очередных Олимпийских игр: в немецком варианте называется не только город, но и страна (*Pyeongchang — Südkorea — Pyeongchang*), а в русском — только город (*Пхёнчхан*), а также город, где расположена штаб-квартира международных спортивных организаций (*Лозанна*), что адресант немецкого текста не считает обязательным сообщать для немецкого реципиента.

Обозначения международных и общественных организаций вводятся стандартно: сначала общепринятое обозначение, а затем — аббревиатура (*das Internationale Olympische Komitee — das IOC, Международный олимпийский комитет — МОК, die Versammlung des Russischen Olympischen Komitees — комиссия спортсменов Олимпийского комитета России, комиссия спортсменов ОКР*).

Показательным является использование немногочисленных собственных имен, что делается по-разному: для немецкого реципиента сведения о конкретном человеке профилируются через функцию в общественной организации и спортивную специа-

лизацию (*die Athletensprecherin, die Fechterin Sofia Welikaja*), а для русского — только через функцию (*Софья Великая, председатель комиссии спортсменов*). Только в немецком варианте упоминается имя российского президента (*Präsident Wladimir Putin*), причем его имя погружается в контекст скандала и отмечается его позиция, отличная от мнения других политиков (*Präsident Wladimir Putin stellte ihnen die Teilnahme an den Winterspielen vom 9. bis zum 25. Februar hingegen frei*).

Комплекс «заголовок + подзаголовок»

Весьма важным при анализе медиатекста является, без сомнения, рассмотрение комплекса «заголовок + подзаголовок», которые в конкретном случае имеют существенные отличия во всех отношениях.

Прежде всего целесообразно вспомнить о функциях заголовка медиатекста, которым, как известно, для реципиента в подавляющем большинстве случаев и заканчивается знакомство с медиатекстом. Функции заголовка медиатекста, с одной стороны, тождественны функциональному потенциалу заголовка текста любого типа, а с другой — обладают своими особенностями. Другими словами, заголовок медиатекста призван:

- информировать носителей культуры о разного рода событиях и разных персонах;
- привлекать внимание к чему-либо;
- определять перспективу для активизации комплекса сведений о мире;
- задавать соотношение «когнитивный фон — когнитивная фигура»;
- активизировать сведения о типе события, о котором сообщает медиатекст;
- активизировать сведения о мире, чтобы осмыслить значимость события, о котором сообщает медиатекст;
- задавать рамки восприятия;
- конструировать рамки интерпретации;
- устанавливать связи разной степени плотности с различными образованиями:
  - с другими текстами по той же тематике;
  - с текстом, для которого заголовок становится своего рода «именем собственным»;
  - с внеязыковой реальностью;
  - со всеми видами повестки дня или только с одним из ее видов, т. е. с публичной, или медийной, или политической агендой.

В анализируемых текстах заголовки имеют разную структуру (см. таблицы 2 и 3), по-разному профилируют комплекс сведений о событии и определяют разную точку зрения на событие и на характер оценки соответствующих действий участников ситуации: *Russlands Athleten wollen trotzdem antre-*

ten — Большинство российских спортсменов против бойкота Олимпиады-2018. К тому же эти заголовки задают разную рамку восприятия: в немецком варианте речь идет о желании участвовать в соперничестве, несмотря на возможные и уже имеющиеся препятствия (*Russlands Athleten wollen trotzdem antreten*). В русском варианте сообщается о позиции определенной части (*большинство*) спортивного сообщества относительно одного возможного решения (*Большинство российских спортсменов против бойкота Олимпиады-2018*).

Не менее интересны и подзаголовки (о структурной характеристике см. таблицы 2, 3). В немецком варианте сообщается о позиции российских политиков, высказанной ими до актуального сообщения, и о несогласии спортсменов с таким призывом (*Russische Politiker hatten zum Boykott aufgerufen: Doch die Athleten wollen trotzdem nach Pyeongchang reisen*). Особого упоминания заслуживает и то обстоятельство, что в немецком варианте подзаголовок состоит из двух простых структур, связанных друг с другом в тексте *doch*, употребляемым для опровержения негативного утверждения. В русском варианте адресат узнает о решении спортсменов и о том, что это решение выносилось на голосование и что это мнение разделяют все участники заседания Комиссии (*Комиссия спортсменов ОКР единогласно проголосовала за участие россиян в Играх*).

Таким образом, очевидно, что в немецком варианте делается акцент на преодолении препятствий (негативные условия — *doch wollen trotzdem*), а также на противоположных мнениях политиков и спортсменов, в то время как в русском — на согласии между спортсменами. Комплекс «заголовок + подзаголовок» задает тем самым разный когнитивный фон, на котором затем будут профилироваться сведения о событии: в немецком варианте задается однозначный аксиологический контекст, который далее поддерживается разными способами (см. таблицу 1, а также комментарий ниже), к тому же конструируются разные по своему характеру перспективы: *за — против*, причем по какому вопросу и кто *за*, а кто *против*, становится ясным после прочтения основного текста.

В целом комплекс «заголовок + подзаголовок» задает такую рамку восприятия, сквозь которую будут селектироваться сведения о сообщаемом событии, что активизирует разные ментальные структуры, под которые будут подводиться сведения, вычлененные из информационного потока, воспринимаемые реципиентом и подвергаемые

глубокой и тщательной ментальной обработке: определенное (*большинство*) / неопределенное (*Russlands Athleten, russische Politiker, die Athleten — российские спортсмены, комиссия спортсменов ОКР*) количество участников события — разные по своей профессиональной деятельности (*Politiker, Athleten — спортсмены*) участники события — разное отношение к событию: бойкот Игр / участие в Играх (*zum Boykott aufrufen — быть против бойкота, единогласно проголосовала за участие*) — преодоление препятствий (*doch wollen trotzdem*)/Ø — разное осмысление предстоящего события: соревнование (*участие в Играх*) / поездка (*nach Pyeongchang reisen*) — разное обозначение предстоящего события: Пхенчхан (*Pyeongchang*) / Игры-2018 (*Игры, Олимпиада-2018*).

Различия в профилировании информации

Анализ средств и способов вербализации комплекса сведений о ситуации (участие российских спортсменов в зимней Олимпиаде 2018 г.) показывает, что для понимания принципов членения информационного потока в конкретной языковой культуре не столь значим набор подлежащих овнешнению сведений и характер механизмов вербализации сам по себе, сколь конфигурация этих сведений и способы конструирования соответствующей конфигурации.

С этой точки зрения интересно обратить внимание на начало и конец текста.

Основной текст (немецкий вариант) начинается с примечательной фразы: *Überschattet vom Dopingskandal wollen die meisten russischen Olympia-Sportler doch an den Winterspielen in Südkorea teilnehmen — auch wenn sie dort unter neutraler Flagge antreten*. Ср. с русским вариантом: *Большинство российских спортсменов выступили за то, чтобы ехать на Олимпийские игры в Пхёнчхан, и это общая позиция всех видов спорта*. Важно подчеркнуть, что негативный аксиологический фон, заданный заголовком и подзаголовком (*trotzdem — Boykott — doch — trotzdem*), подхватывается первой фразой (*überschattet vom Dopingskandal*), далее по-разному поддерживается и модифицируется (*Russland von den Spielen in Pyeongchang ausschließen — Athleten ohne Doping-Vorgeschichte — systematische Manipulationen mit Proben — die Sportler bei den Winterspielen sperren — viele Aufrufe an die Athleten, aus Protest nicht zu fahren — Teilnahme an den Winterspielen hingegen freistellen*).

В русском варианте начало основного текста (*Большинство российских спортс-*

менов...) практически дублирует заголовок (*Большинство российских спортсменов против бойкота Олимпиады-2018*), а негативная оценка, задаваемая одним из обозначений отношения к событию (*бойкот*), не интенсифицируется (*ехать на Олимпийские игры — единогласно проголосовала за участие — участвовать в предстоящих Олимпийских играх — уважает решение тех спортсменов, которые решат не участвовать — дал возможность поехать на Олимпиаду — отвергает обвинения в создании государственной системы поддержки допинга*).

На конструирование неярко выраженного аксиологического фона работает и конец русского варианта текста (*После решения МОК некоторые общественные деятели призывали российских спортсменов бойкотировать Олимпийские игры 2018 г*). Однако в немецком варианте (*Präsident Wladimir Putin stellte ihnen die Teilnahme an den Winterspielen vom 9. bis zum 25. Februar hingegen frei*) текст завершается апелляцией к Путину, который якобы волен предопределять решение каждого из российских спортсменов (*stellte ihnen ... frei*).

Таким образом, в фокусе сообщения в немецком варианте оказывается информация о допинге, в то время как в русском — возможность принятия разных решений относительно участия в Олимпиаде в неблагоприятных для российских спортсменов условиях.

О различиях в профилировании комплекса сведений об одном событии свидетельствуют и способы обозначения одного и того же референта, будь то объект, субъект, ситуация, например: *Athleten ohne Doping-Vorgeschichte — отдельным российским спортсменам, не замешанным в допинг-скандале*. Ср.: *Das IOC hatte die Sportler wegen der systematischen Manipulationen mit Proben bei den Winterspielen in Sotschi 2014 gesperrt — Международный олимпийский комитет по итогам заседания в Лозанне дисквалифицировал Олимпийский комитет России, однако дал возможность поехать на Олимпиаду под нейтральным флагом отдельным российским спортсменам, не замешанным в допинг скандале*. Другими словами, в одном случае активизируются сведения о препятствии, которое надо преодолевать, в другом — о санкциях за неправомерное действие в профессиональной сфере.

Можно сопоставить и другие случаи, показывающие, насколько разными могут быть обозначения одной и той же пропозиции и в итоге — разное профилирование комплекса сведений вследствие различий в категори-

зации и концептуализации сведений о мире (вторичный и первичный способ обозначения пропозиции соответственно): *Danach gab es in der russischen Politik viele **Aufrufe** an die Athleten, aus Protest nicht zu fahren — После решения МОК некоторые общественные деятели призвали российских спортсменов бойкотировать Олимпийские игры 2018 г.* — или вследствие различий в перспективизации сведений (точки зрения на обозначаемую ситуацию): **systematische Manipulationen mit Proben bei den Winterspielen in Sotschi 2014 — обвинения в создании государственной системы поддержки**; ср. также *die Athleten unterstützen, die an den Olympischen Spielen teilnehmen wollen — поддерживает мнение тех спортсменов, которые решат...* За счет разного способа обозначения одной ситуации можно варьировать плотность информационного потока: *Entscheidung etwas zu tun — решать участвовать.*

Еще один пример, демонстрирующий вычленение более и менее значимой информации через употребление вводного предложения: *auch wenn vom Internationalen Olympischen Komitee noch keine offizielle Einladung kam (так как еще нет приглашения от Олимпийского комитета).*

Любопытно сравнить также разные способы акцентирования позиции и передачи мнения: *Das sagte die Athletensprecherin, die Fechterin Sofia Welikaja — Такие данные получила комиссия спортсменов Олимпийского комитета России и на этом основании единогласно проголосовала за участие россиян в Играх. Окончательное решение будет принято на Олимпийском собрании 12 декабря. Софья Великая, председатель комиссии спортсменов.* При этом любопытно, как по-разному вводится прямая речь: *Das sagte die Athletensprecherin, die Fechterin Sofia Welikaja: ... — Софья Великая, председатель комиссии спортсменов: ...* (в русском варианте не сообщается спортивная специализация субъекта).

Сопоставление средств и способов вербализации сведений о сообщаемой ситуации показывает, что ряд сведений активизируется только для носителей одной из обсуждаемых языковых культур: для носителей немецкой, например, о предыстории скандала с допингом (*überschattet vom Dopingskandal*), о том, что президент России в курсе событий (*Präsident Wladimir Putin*), для русской — о дате принятия окончательного решения (*Окончательное решение будет принято на Олимпийском собрании 12 декабря*), что, по всей видимости, свидетельствует о стремлении адаптировать сообще-

ние к потребностям конкретного коллективного субъекта.

Можно было бы продолжить анализ способов членения информационного потока, однако это существенно увеличит объем статьи и к тому же будет только подтверждать уже отмеченные особенности (см. таблицу 1 с разнородными маркерами сопоставимых разнородных явлений в разных языковых культурах).

Таким образом, анализ задействованных при порождении текста синтаксических и текстограмматических механизмов вербализации сведений о мире доказывает, что итог восприятия сообщений об одном и том же событии в разных культурах не может быть тождественным. И не только потому, что реципиент медиатекста на немецком языке весь комплекс воспринимаемой информации концептуализирует сквозь когнитивную рамку «свой — чужой», что негативный аксиологический потенциал проецируется на всю совокупность активизируемых текстом сведений. Разным является соотношение «когнитивный фон — когнитивная фигура»: в немецком варианте в фокусе манипуляции с допингом (т. е. нечестность, непорядочность спортсменов, государственная поддержка допинга и, как следствие, справедливое наказание спортсменов и страны), в русском варианте — выбор решения относительно поездки на Олимпиаду (т. е. обсуждение альтернатив и уверенность в отсутствии государственной системы поддержки допинга и, как следствие, несправедливость обвинений против всех спортсменов). Приведенная интерпретация подтверждается и тем, что оценка и номинация обсуждаемых позиций в разных языковых культурах могут и совпадать: *Boykott — бойкот Олимпиады-2018.*

Сформулированное обобщение следует признать значимым минимум по двум причинам. Во-первых, обобщения данных относительно культурной специфичности восприятия и организации тех или иных видов деятельности в разных культурах, как правило, иллюстрируются отдельными примерами, выбор которых отнюдь не обоснован, т. е. случаен, основывается на субъективных представлениях и мнениях того или иного человека, а значит, подобные рассуждения легко опровергнуть, проведя аналогичное исследование. Во-вторых, научно обоснованный выбор эмпирического и иллюстративного материала не может не учитывать важные для функционирования изучаемого феномена закономерности, независимо от свойств этого феномена, исследовательских процедур, ракурса исследования и других аналитически важных аспектов.

Особо значимым в этой связи является следующее: «...при сходстве интегральных признаков дискурсивных событий в родной и иноязычной культурах (например, в ситуациях приветствия, прощания, извинения, угощения и т. д.) эти признаки воспринимаются как классифицирующие — на их основании новая информация помещается в знакомое когнитивное пространство. Дифференциальные признаки нового, которые могут выделяться по другим, незнакомым основаниям, при этом отчасти не осознаются и не замечаются, поскольку у носителя другой культуры просто нет когнитивного инструмента для их анализа. В результате иноязычные коммуниканты воспринимают коммуникативные ситуации и разворачивающиеся в них дискурсивные события „чужой“ и родной культур как полностью идентичные, вследствие чего они осуществляют общение на иностранном языке по законам своей родной культуры, совершенно не осознавая этого, поскольку такой способ ведения коммуникации представляется им единственно возможным и естественным» [Стратегии... 2005: 380].

Выводы

Обобщение наблюдений над синтаксическими и текстосинтаксическими механизмами вербализации сведений об одном и том же событии на примере текстов, адресованных носителям разных языковых культур, позволяет не только сформулировать ряд умозаключений, значимых с теоретической и с прикладной точки зрения, относительно порождения и восприятия текстов, но и верифицировать и/или конкретизировать общие закономерности соотношения универсального и культурно-специфического, общего и частного, случайного и регулярного, субъективного и объективного, а также особенностей активизации социокультурно релевантных сведений в конкретных дискурсивных условиях.

Учитывая то, что механизмы вербализации сведений о мире имеют прямую и/или опосредованную связь с по-разному организованными комплексами гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, важно последовательно и корректно выявлять на адекватном материале не столько функциональный потенциал отдельных механизмов вербализации сведений о мире, сколько принципы членения информационного потока в определенных дискурсивных условиях.

В связи с тем, что каждая коммуникативная и когнитивная задача решается в том числе с помощью разнородных языковых

средств, в фокусе исследования не может не находиться текст как коммуникативный продукт. Поэтому основное внимание целесообразно уделять синтаксическим и текстосинтаксическим механизмам вербализации, в результате которых и порождаются коммуникативные единицы.

Анализ способов членения конкретного информационного потока доказывает продуктивность холистического подхода к анализу языковых средств и демонстрирует ограниченность атомического подхода к изучению функционального потенциала и сферы использования разнородных и разнородных языковых средств. При холистическом подходе предметом анализа является текст как функциональное, интенциональное, тематическое, содержательное, формальное единство, целостность. При атомистическом подходе, наоборот, предмет анализа — отдельные языковые средства в отрыве от контекста их функционирования в конкретных условиях.

И хотя очевидно, что серьезные, теоретические и значимые обобщения по поводу культурно-специфичных принципов членения информации в определенных условиях можно сформулировать только после последовательного изучения описанными методиками более обширного эмпирического материала, ясно, что получаемые результаты оказываются чрезвычайно важными в том числе и для выявления интенциональной, семантической и синтаксической организации текстов разного типа на микро- и макроуровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. В техническом смысле о менеджменте знаний/информации (knowledge management) говорят, имея в виду организацию, распределение информации. В другом смысле речь идет о «перспективе использования», о «целенаправленном применении знаний для успеха предприятия, выражающемся в формах инноваций, увеличении продаж и т. п.» [Koch 2006: 338].

[2]. См. подробную аргументацию высказанного тезиса и описание средств и способов овнешнения сведений о мире на примере изучения изофункциональных средств вербализации концепта «Поведение человека» в следующей работе: [Гришаева 1998] и др.

[3]. О значимости текста для социализации и формирования коллективной идентичности как механизма культурной памяти, как средства инкультурации носителей культуры, фактора формирования культурной, коллективной и личностной идентичности, как одного из способов фиксации культурно специфического знания см. подробнее: [Assmann 2000; ErlI 2011; Posner 2003].

ИСТОЧНИКИ

1. Buring Andrea. Russlands Athleten wollen trotzdem antreten // Euronews. 2017.11.12. URL: <http://de.euronews.com/2017/12/11/russlands-athleten-wollen-trotzdem-antreten>.

2. Smirnov Yury. Большинство российских спортсменов против бойкота Олимпиады-2018 // Euronews. 11.12.2017. URL: <http://ru.euronews.com/2017/12/11/russian-athletes-olympics>.

ЛИТЕРАТУРА

3. Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. — Воронеж : ВГУ, 1998. 272 с.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб. ; М. ; Харьков ; Минск : Питер, 2002. 720 с.

5. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М. : Тривола : Либерия, 2002. 600 с.

6. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации : коллективная моногр. / под ред. Л. И. Гришаевой, Л. В. Цуриковой. — Воронеж : ВГУ, 2005. 391 с.

7. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. — Краснодар : Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2004. 156 с.

8. Сухих С. А. Источники специфического в знаковой деятельности человека // Человек как субъект коммуникации:

универсальное и специфическое : коллективная моногр. / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, Е. Н. Ищенко. — Воронеж : ВГУ, 2006. С. 71—85.

9. Anderson J. R. Kognitive Psychologie. — Heidelberg : Spektrum ; Berlin : Akademischer Verl., 2001. 542 s.

10. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München : Verl. Beck, 2000. 344 s.

11. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. — Düsseldorf : Schwann, 1971. XXXI, 939 s.

12. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. — Stuttgart-Weimar : Verl. J. B. Metzler, 2011. 243 s.

13. Koch G. Wissensmanagement [knowledge management] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation / Leon R. Tsvasman (Hrsg.). — Würzburg : Ergon-Verl., 2006. S. 337—341.

14. Posner R. Kultursemiotik // Konzepte der Kulturwissenschaften / hrsg. von A. Nünning, V. Nünning. — Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler, 2003. S. 39—72.

15. Pugatschjow V. [Faktoren und Merkmale der Manipulation] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation / Leon R. Tsvasman (Hrsg.). — Würzburg : Ergon-Verl., 2006. S. 228—233.

L. I. Grishaeva
Voronezh, Russia

SEGMENTATION OF INFORMATION FLOW IN MASS MEDIA DISCOURSE AND SYNTACTIC MECHANISMS OF VERBALISATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD (CASE STUDY OF TEXTS OF THE EURONEWS TV CHANNEL)

ABSTRACT. *The paper discusses the means and ways of constructing media reality. It is argued that these means are used with the aim of manipulating the audience's perception of events and their subsequent actions. Special attention is paid to the syntactic mechanisms of verbalization of knowledge about the world. These mechanisms operate on various levels with different degrees of complexity. The study focuses on the functional potential of those syntactic mechanisms of verbalization which mark the segments of the information flow in a particular culture in accordance with common beliefs shared by members of society taken as a collective agent. In the study this fact is treated as the major factor of influence on the media text recipients and further basis for manipulation. The paper offers the analysis of the media texts produced by the TV channel EURONEWS. The target recipients of these texts are speakers of the German and Russian languages. The comparative analysis of syntactic mechanisms used in German and Russian texts clearly demonstrates the differences in verbalization of the same amount of information in two different cultural contexts. The author describes the differences in sequencing of knowledge presentation and pays attention to the sets of facts which are activated in the German and Russian texts. As a result, the usefulness of the holistic approach to the text analysis as a whole, as a functional, intentional, thematic, semantic and formal phenomenon is proved. Alongside this idea, the limitations of the atomistic approach, which is centered on specific language means taken out of the context of their functioning, is demonstrated.*

KEYWORDS: *media texts; media discourse; media linguistics; information flows; syntactic mechanisms; TV channels; cultural specifics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grishaeva Lyudmila Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Department of German Linguistics, Faculty of Romano-Germanic Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.*

REFERENCES

1. Buring Andrea. Russlands Athleten wollen trotzdem antreten // Euronews. 2017.11.12. URL: <http://de.euronews.com/2017/12/11/russlands-athleten-wollen-trotzdem-antreten>.

2. Smirnov Yury. Bol'shinstvo rossiyskikh sportsmenov protiv boykota Olimpiady-2018 // Euronews. 11.12.2017. URL: <http://ru.euronews.com/2017/12/11/russian-athletes-olympics>.

3. Grishaeva L. I. Nominativno-kommunikativnaya funktsiya predlozheniy s glagolami povedeniya. — Voronezh : VGU, 1998. 272 s.

4. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. — SPb. ; M. ; Khar'kov ; Minsk : Piter, 2002. 720 s.

5. Solso R. L. Kognitivnaya psikhologiya. — M. : Trivola : Liberiya, 2002. 600 s.

6. Strategii uspekha i faktory riska v mezhkul'turnoy kommunikatsii : kollektivnaya monogr. / pod red. L. I. Grishaevoy, L. V. Tsurikovoy. — Voronezh : VGU, 2005. 391 s.

7. Sukhikh S. A. Lichnost' v kommunikativnom protsesse. — Krasnodar : Izd-vo Yuzh. in-ta menedzhmenta, 2004. 156 s.

8. Sukhikh S. A. Istochniki spetsificheskogo v znakovoy deyatelnosti cheloveka // Chelovek kak sub'ekt kommunikatsii: universal'noe i spetsificheskoe : kollektivnaya monogr. / pod

obshch. red. L. I. Grishaevoy, E. N. Ishchenko. — Voronezh : VGU, 2006. S. 71—85.

9. Anderson J. R. Kognitive Psychologie. — Heidelberg : Spektrum ; Berlin : Akademischer Verl., 2001. 542 s.

10. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München : Verl. Beck, 2000. 344 s.

11. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. — Düsseldorf : Schwann, 1971. XXXI, 939 s.

12. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. — Stuttgart-Weimar : Verl. J. B. Metzler, 2011. 243 m.

13. Koch G. Wissensmanagement [knowledge management] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation / Leon R. Tsvasman (Hrsg.). — Würzburg : Ergon-Verl., 2006. S. 337—341.

14. Posner R. Kultursemiotik // Konzepte der Kulturwissenschaften / hrsg. von A. Nünning, V. Nünning. — Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler, 2003. S. 39—72.

15. Pugatschjow V. [Faktoren und Merkmale der Manipulation] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation / Leon R. Tsvasman (Hrsg.). — Würzburg : Ergon-Verl., 2006. S. 228—233.

А. В. Колмогорова
Красноярск, Россия

ЛЕГИТИМАЦИЯ КАК СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению процесса легитимации как социальной практики, ставшей объектом современных дискурсивных исследований. Целью публикации является описание с позиции социальных наук существенных характеристик легитимации, ее структуры и свойств, доступных для наблюдения и лингвистического описания. Материалом для исследования послужили 30 посвященных феномену легитимации англоязычных научных публикаций в журналах из реферативных баз данных «Scopus» и «WoS» за 2012—2017 гг. В ходе аналитической работы были сформулированы с учетом концепций зарубежных авторов определения легитимации в широком и узком смысле, описаны измерения и стадии данного социального процесса, основные дискурсивные стратегии его реализации. Знакомство с различными кейсами позволило автору выделить три группы проблем, находящихся в фокусе внимания дискурс-аналитиков, исследующих легитимацию. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на то что изучаемый феномен может иметь в качестве своего объекта экономические, социальные и даже культурные практики, он теснее всего связан с политическими процессами в обществе, поскольку в любой сфере является инструментом воплощения в жизнь решений и желаний политических элит. Следовательно, изучение дискурса легитимации является частью проблемного поля политической лингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стадии легитимации; измерения легитимации; дискурсивные стратегии легитимации; дискурс-анализ; политические процессы; политические элиты; политический дискурс; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр.1, каб. 333б; e-mail: nastiakol@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Введение

Данная публикация посвящена феномену легитимации. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа современных зарубежных публикаций уточнить содержание понятия легитимации, наметить абрис методологической платформы для ее изучения в дискурсивных исследованиях, обозначив перспективы подобного подхода применительно к различным аспектам жизни социума: экономическим, социальным, политическим.

Интерес к данной тематике и прагматическая задача подобного обзора обусловлены работой Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований СФУ в рамках международного междисциплинарного проекта «Politique. Discours. Innovation» совместно с лабораторией ILCEA4 Университета Гренобль-Альп (Франция). Целью проекта является сопоставительное описание стратегий, тактик и вербальных маркеров легитимации сравнимых категорий событий и явлений социальной практики (политическое решение, социальная инновация и т. д.) на материале таких языков, как французский, испанский, английский и русский.

Работа в большом коллективе потребовала уточнения и гармонизации методологических позиций, что, в свою очередь, обнаружило недостаточное знакомство отечественных исследователей с уже сложившейся за рубежом традицией изучения легитимации.

1. Понятие легитимации в дискурсивных исследованиях

Русскоязычный термин «легитимация» является калькой английского слова *legitimation*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому существительному *lex, legis* — «закон». Таким образом, исходя из внутренней формы, в самом общем смысле легитимация понимается как «признание или подтверждение законности каких-либо прав, полномочий, организаций» [Современный словарь иностранных слов 1992: 335].

Интерес к легитимации как социальной практике возникает в западных странах во второй половине 1990-х гг. в связи с окончательным переходом их экономик к так называемому пятому технологическому укладу (под технологическим укладом понимают периодический процесс последовательного замещения целостных комплексов технологически сопряженных производств, когда принципиально изменяются формы сочетания средств труда, предметов труда и рабочей силы в процессе производства продукции и услуг [Сбойчакова 2010]), ключевым фактором развития которого явилась разработка и серийное производство микроэлектронных компонентов, повлекшее за собой повсеместное применение компьютеров и информационно-коммуникационных технологий. Благодаря таким технологическим нововведениям изменился как экономический, так и политический, а также социальный пейзаж западных государств: произошла индивидуализация производства и по-

требления, позволившая укрепить горизонтальные связи в гражданском обществе — у людей появилась возможность самостоятельно без участия и санкций власти формировать сообщества, координировать свои действия, получать и генерировать информацию, влиять на социальные процессы. Лингвистическим свидетельством данных изменений является рост частотности лексемы *legitimation* (по данным сервиса «Google Books ngramm viewer» (рис.)) в печатных текстах в период с 60-х гг. по конец 90-х — отныне любое нововведение в любой области жизни социума нуждается в обосновании, «узаконивании» в глазах и менталитете граждан, и это ново.

Активно термин входит и в практику лингвистических и — шире — социогуманитарных исследований, выполняемых в парадигме критического дискурс-анализа, для которого ключевым сюжетом является поиск ответа на вопрос «Как власть воспроизводит самую себя?».

Согласно Д. Битаму [Beetham 1991: 78], феномен легитимности — это соответствие между нормами и правилами, разделяемыми большинством членов некоторого сообщества, и теми способами, которыми в нем осуществляется власть. Таким образом, легитимность власти зиждется на трех основаниях: законность — приверженность принятым в сообществе правилам приобретения властных полномочий и их применения на практике; согласие членов сообщества с решениями власти, проявляющееся в участии граждан в выборах и других социальных акциях; обоснованность, т. е. соответствие решений власти интересам и ценностям сообщества.

Легитимация же предстает как процесс, социальная практика, конечной целью которой является достижение легитимности социального или политического феномена в некотором сообществе. В литературе суще-

ствуют широкий, узкий и специализированный подходы к определению данного ключевого термина.

С точки зрения Марка Сачмана [Suchman 1995], социолога и специалиста по менеджмент-коммуникации, легитимация в самом *общем смысле* — это процесс, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений. Иными словами, это процесс, обеспечивающий постепенное приятие сообществом некоторого объекта или феномена [Deerhouse, Suchman 2008].

Дискурс-аналитики рассматривают легитимацию в более *узком смысле* как разновидность дискурсивной стратегии, состоящей в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности [Fairclough 2003; Vaara, Tienari 2008] посредством такого описания действий объекта легитимации, которое непротиворечиво и естественно «встраивает» их в систему существующих ценностей сообщества [Francesconi 1982]. Легитимировать — значит сконструировать в дискурсивном пространстве социума положительный образ себя и суметь этот образ донести до большинства его членов [Screti 2013].

Поскольку, чтобы обосновать законность и приемлемость чего бы то ни было, необходимо апеллировать к элементам уже существующих в данном конкретном социальном коллективе применительно к определенной сфере жизни норм и правил, «легитимность не прорастает из ничего» [Zelditch, Walker 2003] — исследователи, изучающие процесс легитимации в разных областях экономики, менеджмента, искусства и т. д., вынуждены уточнять рабочее определение применительно к конкретному предмету изучения. Так появляются *специализированные* определения легитимации.

Рис. Частотность лексем *legitimation*, *legitimaze* в англоязычной коллекции текстов «Google Books» с 1800 по 2010 г.

Например, группа исследователей способов и стратегий легитимации такого нового потребительского продукта на рынке товаров и технологий Амстердама, как электрические моторные лодки, определяет легитимацию (новой технологии, продукта или услуги) следующим образом: общепринятое допущение или мнение, что использование некоторой категории товаров является приемлемым, правильным или желательным в определенном материальном или социальном контексте и соответствует нормам, ожиданиям и убеждениям данного сообщества [Bork et al. 2015: 38]. Другим примером специализированного подхода к определению легитимации является проект по изучению стратегий легитимации культурных продуктов (на примере рэпа на французском музыкальном рынке), автор которого [Hamton 2016] принимает за рабочую дефиницию легитимации следующую трактовку С. Баумана: легитимация в сфере творчества — это процесс, посредством которого нечто новое и первоначально отторгаемое становится приемлемым и ценным [Baumann 2007: 48].

В нашем проекте объектом исследования является **легитимация** в ее узком понимании — как контекстно и культурно зависимая дискурсивная стратегия, позволяющая адаптировать политическое решение власти, поначалу отторгаемое сообществом как не соответствующее его нормам и ожиданиям, таким образом, что данное решение начинает восприниматься как желательное, ценное и необходимое в сложившемся социально-политическом контексте.

2. Доступные наблюдению свойства, характеристики и параметры легитимации

Чтобы определиться с предметом междисциплинарного сопоставительного исследования легитимации, необходимо проанализировать, какие свойства и параметры легитимации доступны лингвистическому наблюдению и могут быть описаны средствами социально-гуманитарных наук. Тщательному «препарированию» понятия легитимности и легитимации подверглись в социологии и менеджменте.

Так, вслед за М. Сачманом [Suchman 1995: 574—579] исследователи выделяют у феномена легитимности *три аспекта*: прагматический, моральный и когнитивный. *Прагматическая легитимность* строится на учете интересов целевой аудитории, обнаруживающихся при непосредственных контактах с ней представителей организации / социального института, желающих изменить

отношение к себе и/или своим услугам, продуктам. *Моральная легитимность* опирается на мнение основных «игроков» на рынке или в политическом истеблишменте относительно того, можно ли считать «правильным» то, что является объектом легитимации. *Когнитивная легитимность* глубоко фундирована в разделяемых всеми членами сообщества культурно обусловленных моделях поведения. В поисках такой легитимности заинтересованные стороны должны доказать, что сущностные характеристики объекта легитимации (нового продукта, политического решения или социального института) не идут вразрез с константными базовыми культурными моделями социального коллектива.

Такая трехмерная модель позволяет исследователям рассматривать, описывать и сравнивать стратегии достижения (1) прагматической легитимности, (2) моральной легитимности и (3) когнитивной легитимности.

В свою очередь, процесс легитимации, рассматриваемый в динамике, проходит, согласно П. Толберт и Л. Зукер [Tolbert, Zucker 1996: 181], три стадии: (1) *стадия теоретизации* — распространение знаний о полезности нововведения, его технических характеристиках, экономической рентабельности, а также признание адекватности инновации в качестве выхода из какой-либо непростой ситуации; (2) *стадия продвижения* нововведения — создание в обществе позитивного отношения к инновации преимущественно за счет умелого включения ее в ценностную картину мира сообщества посредством искусной медиаполитики, поддержки государства и общественных институтов; (3) *стадия окончательного укоренения* инновации, когда новшество становится естественной частью общего социального контекста и не вызывает уже более ни отторжения, ни протестов. Каждая из вышеперечисленных стадий опирается на один или несколько *видов легитимности*: стадии теоретизации и продвижения — на прагматическую и моральную легитимность соответственно; стадия укоренения — на когнитивную легитимность [Greenwood et al. 2002].

По мнению Кэтрин Джонсон и ее коллег [Johnson et al. 2006], легитимация имеет *4 стадии*: на первой стадии нововведение приобретает *прагматическую легитимность* в каком-нибудь очень локальном контексте — отдельном секторе экономики, некотором социальном институте, закрытой и немногочисленной группе граждан; затем при поддержке государства, заинтересованных общественных и бизнес-структур нововведение получает все большую *моральную*

легитимность, становясь неотъемлемой частью данного локального контекста, в котором граждане уже не мыслят своей жизни без еще недавно отторгаемой ими инновации; на третьей стадии уже приобретшая *когнитивную легитимность* для отдельного сектора гражданского общества инновация активно внедряется в жизнь всех граждан при помощи успешного «встраивания» ее в существующую систему норм и ценностей (широкая моральная легитимация); наконец, на четвертой стадии инновация становится необходимой и естественной частью жизни всего гражданского общества.

В связи с различными аспектами легитимности и стадиями процесса легитимации в социальных науках встал вопрос о том, какими средствами, прежде всего вербальными, они реализуются на практике. Свой ответ предложил лингвист, известный дискурс-аналитик Т. ван Левен [Van Leeuwen 2008], выявив четыре основных *дискурсивных стратегии легитимации*, каждая из которых включает несколько субстратегий.

1. Стратегия апелляции к авторитету предполагает привлечение социального ресурса, внешнего по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации, и реализуется при помощи следующих субстратегий: (а) апелляция к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и особую значимую роль в обществе; (б) апелляция к авторитету эксперта, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации; (в) апелляция к авторитету модели поведения некоторой «модной» личности, деятельность которой, как правило, широко освещается в массмедиа; (г) апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы («так по закону положено», например); (д) апелляция к авторитету традиции: это правильно, потому что мы так всегда делали; (е) апелляция к авторитету «большинства»: это правильно, поскольку все так делают.

2. Стратегия моральной оценки локализует объект легитимации на шкале «хорошо — плохо» и опирается на следующие субстратегии: (а) оценочная субстратегия, для реализации которой широко используются прилагательные, в семантике которых содержится оценочный компонент (*нормальный, естественный* и т. д.); (б) субстратегия абстрагирования, когда оценка объекта легитимации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции, например: раздельный сбор мусора — это правильно и необходимо, потому что это один

из шагов к экологическому оздоровлению планеты; (в) аналогия — субстратегия, призванная обосновать необходимость принятия объекта легитимации, потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению.

3. Стратегия рационализации призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т. д.) и предполагает следующие субстратегии: (а) целевая субстратегия, строящаяся по формуле (где X — объект легитимации, а Y — более обобщенная социальная цель или категория): «Я делаю X для того, чтобы добиться/получить Y»; (б) инструментальная субстратегия, использующая формулу «Я достигаю Y при помощи X'a / благодаря использованию X»; (в) субстратегия, ориентированная на результат: «Y — это результат X'a» (например, город, свободный от мусора, который легко и эффективно перерабатывается, — это результат раздельного сбора мусора); (г) «определение» — объект легитимации X определяется через призму некоторой другой социально значимой деятельности, категории (например, через категории гражданской ответственности, толерантности и т. д.); (д) «разъяснение» — объект легитимации X описывается в терминах оправданных и необходимых действий людей, работающих или действующих в той сфере, которой X принадлежит (например, некоторое решение правительства правильно, поскольку граждане поддерживают его, судя по письмам в редакции газет, интервью, результатам опросов общественного мнения); (е) «предсказание» — объект легитимации X помещается в будущий позитивный (в случае легитимации) или негативный (в случае делигитимации), сконструированный, как правило, от имени экспертов социальный контекст (принятие данной меры позволит в будущем...).

4. Мифопоэтическая стратегия обращена к рудиментам мифопоэтического сознания человека и включает такие субстратегии, как (а) поучительный рассказ, когда протагонист действует согласно социальной модели — объекту легитимации и получает за это награду; (б) апокрифический рассказ — протагонист действует вопреки социальной модели — объекту легитимации, что приводит к чрезвычайно печальным последствиям; (в) повествование с одной ярко выраженной сюжетной линией: в фокусе внимания рассказчика оказывается лишь одна линия по-

вестования, которая сопровождается однозначной оценкой и зачастую гиперболизацией (*миллионы людей по всей стране ждут...*); (г) символическое или инвертированное повествование, когда объекту легитимации приписывается некая символическая функция — быть знаком новой эпохи, нового времени и т. д.

3. Тренды в современных исследованиях легитимации

Обзор актуальных статей, посвященных обсуждаемой проблематике, из реферативных баз данных «Scopus» и «Web of Science» позволяет сделать набросок современного «ландшафта» исследований в области дискурсивных стратегий легитимации.

По критерию «характер объекта легитимации» можно выделить следующие группы исследований.

1. Работы, посвященные стратегиям легитимации, применяемым к объектам и практикам социальной жизни общества.

Так, например, в [Наппои 2016] выявляются способы и средства легитимации рэп-музыки во французском обществе в период с 1990 по 2000 г. Материалом для исследования послужили 30 полуструктурированных интервью, взятых в период с 2004 по 2006 г. у музыкантов, продюсеров, музыкальных критиков и журналистов, работающих во французских музыкальных изданиях и на радиостанциях. Кроме того, были проанализированы статьи, посвященные рэп-музыке, во французских изданиях, ориентированных на разную целевую аудиторию: обывателей, любителей музыки, музыковедов и критиков, наконец, продюсеров и арт-менеджеров. Автор приходит к выводу, что в начале 90-х хип-хоп стал скорее объектом делигитимации, поскольку рассматривался в рамках оппозиции «свои — чужие» как маркер чужой культуры. Однако благодаря дискурсивной стратегии объединения двух позиций «рэп — это новая эстетика» и «новое — это маркер протеста», использованной музыкальными промоутер-компаниями на волне политической нестабильности во Франции в 90-е гг., рэп стал восприниматься как символ протестной по своей сути уличной культуры, что в итоге привело к тому, что «музыка окраин и рабочих кварталов», превратившись во французском обществе в символ социального единения в борьбе за политические права, прочно и достаточно гармонично «встроилась» во французскую ценностную картину мира.

Другим интересным примером изучения легитимации в широком социальном контексте является работа К. Терлоу [Terlouw

2014], посвященная изменению роли и социальной функции «знаковых» природных территорий (парков, водных пространств) в Дании. Автор отмечает, что такие природные территории являются одним из средств конструирования национальной идентичности датчан. В исследовании выделяются так называемая «прочная идентичность», связанная с идеями национального наследия, и «тонкая идентичность», представляющая собой формирующийся в настоящий момент и направленный в будущее нации образ датчан, рисуемый ими самими. На примере изменения статуса и устройства нескольких знаковых для Дании водных пространств показывается, как реорганизация водного ландшафта и сопровождающая его кампания в массмедиа могут повлиять на укрепление «тонкой идентичности» — легитимировать ее.

2. Исследования, посвященные стратегиям легитимации, применяемым в отношении экономических практик в современном обществе.

Одним из ярких примеров подобных исследований является работа К. Сика и М. Хубера [Sico, Huber 2017], посвященная анализу способов легитимации экономической программы добычи сланцевых газов в штате Пенсильвания (США) при помощи технологии гидравлического разрыва пластов. В общих чертах метод заключается в создании высокопроводимой трещины в целевом пласте для обеспечения притока добываемого флюида (газ, вода, конденсат, нефть либо их смесь) к забою скважины. Его применение увеличивает добычу газа, но имеет ряд чрезвычайно негативных экологических последствий: загрязнение артезианских скважин и почвы ядовитыми химическими веществами, ухудшение качества воздуха. Ряд стран уже ввели запрет на использование данной технологии, но крупные международные и частные инвесторы заинтересованы в увеличении объемов добычи газа в Пенсильвании. В целях легитимации экологически вредного, но экономически прибыльного способа добычи газа была инициирована мощная пропагандистская кампания. Авторы исследования отмечают, что основной стратегией легитимации стала одна из стратегий рационализации, а именно — объект легитимации был помещен в глобальный контекст конкуренции стран за источники энергии: чтобы быть свободной, страна должна быть энергетически независимой от других государств. Риторика энергетической независимости США стала тем источником легитимирующих образов и идей, который позволяет скрыть непригляд-

ную реальность: разрушительный для природы метод добычи выгоден прежде всего инвесторам, в том числе и американским магнатам.

Другая бизнес-модель, потребовавшая специальных усилий для своего внедрения в экономическую практику, а главное в сознание потребителей, это цифровые технологии обеспечения потребителей книжной продукцией [Laïfi, Josserand 2016]. Электронные библиотеки стали появляться в глобальном образовательном пространстве в начале 2000-х гг. В то время идея виртуальных книг, к которым можно было получить доступ из любой точки мира, а не только из университетской библиотеки, была новаторской. Одной из первых компаний, начавших ее реализацию на практике, стала компания «Cyberlibris». Последовательно организуя свое взаимодействие с потенциальными клиентами — университетами и Grands Ecoles — компания использовала пять основных стратегий легитимации своей бизнес-идеи. Данные стратегии описаны в [Laïfi, Josserand 2016] с опорой на четыре параметра: вид легитимации (моральная, прагматическая, когнитивная); аспект бизнес-модели, становящийся объектом легитимации; контекст легитимации и ее целевая аудитория. Авторы делают вывод о том, что каждая такая стратегия похожа на «поделку» домашнего умельца: менеджеры компании пробовали разные виды легитимации в различных контекстах, пытаясь заинтересовать целевую аудиторию и прибегая для этого к «подручным» дискурсивным средствам. Иными словами, у компании не было сколько-нибудь продуманной долговременной стратегии — она исходила из контекста, целевой аудитории и профессиональных умений своих менеджеров, однако сумела добиться успеха.

3. Наконец, многочисленная группа исследований, направленных на изучение практик и способов легитимации собственно политических решений.

Так, в русле подобных работ предметом изучения становятся стратегии легитимации и делегитимации политических протестов против Х. Мубарака в Египте в новостном дискурсе двух агентств — VOA news Fars news [Sadeghia, Hassanib, Jalalic 2014], дискурсивные способы легитимации внедрения новой системы учета расходования государственных денежных средств на материале дискуссий в парламенте Италии в период с 1990 по 2000 г. [Liguori, Steccolini 2017]; интернет-мемы как средство делегитимации кандидатов во время предвыборной гонки на президентских выборах 2016 г. в США [Ross, Rivers 2017]; роль концептов «ПАТЕРНА-

ЛИЗМ», «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» и «РЕЛИГИЯ» в конструировании стратегий легитимации политической власти в Китае в период с 1904 по 1912 г. [Fairbrother, Zhao 2016]; дискурсивные средства легитимации автократии в университетской среде Марокко [Thuyen 2017] и т. д.

Отметим также, что приведенная выше типология имеет несколько условный характер: по сути дела, большая часть всех исследований, посвященных описанию механизмов и средств осуществления легитимации, носит политический характер, поскольку легитимация, по большому счету, всегда направлена на внедрение в социальную практику и массовое сознание идей и моделей, лоббируемых политическим истеблишментом.

Заключение

Проведенный обзор актуальных работ по тематике легитимации в дискурсивных исследованиях позволяет констатировать, что, несмотря на относительную молодость данного направления, оно обладает уже сложившейся методологией — определена номенклатура стратегий легитимации, ее виды и измерения — и имеет определенную традицию. Несмотря на то что диапазон сфер-источников объектов легитимации разнообразен (от экономической сферы, сферы потребления до ландшафтных решений), так или иначе стратегии легитимации имеют политическую подоплеку. Представляется, что сфокусированность инициированного международного проекта именно на легитимации в политической сфере составляет его сильную сторону, а отсутствие работ, выполненных в сопоставительном, межкультурном аспекте свидетельствует о новизне предмета проекта, результаты которого могут внести определенный вклад в разработку кросс-культурного ракурса дискурс-анализа легитимации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сбойчакова Е. В. Смена технологических укладов как перспектива инновационного развития страны // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2010. № 5. С. 57—61.
2. Современный словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1992.
3. Baumann S. A general theory of artistic legitimation: how art worlds are like social movements // Poetics. 2007. Vol. 35. P. 47—65.
4. Beetham D. The Legitimation of Power. — Macmillan, Basingstoke, 1991.
5. Bork S., Schoormans J. P. L., Silvester S., Joore P. How actors can influence the legitimation of new consumer product categories: A theoretical framework // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2015. Vol. 16. P. 38—50.
6. Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism / R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.) // Sage handbook of organizational institutionalism. — London: Sage, 2008. P. 49—77.

7. Fairbrother G. P., Zhao Zh. Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse // *Journ. of Chinese Political Science*. 2016. Vol. 21. P. 417—434. Doi 10.1007/s11366-016-9435-x.
8. Fairclough N. *Analysing discourse textual analysis for social research*. — London : Routledge, 2003.
9. Francesconi R. A. James Hunt, the Wilmington 10, and institutional legitimacy // *Q.J.Speech*. 1982. Vol. 68. P. 47—59. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00335638209383591>.
10. Greenwood R., Suddaby R., Hinings C. R. Theorizing change: The role of professional associations in the transformation of institutionalized fields // *Academy of Management Journ.* 2002. Vol. 45 (1). P. 58—80.
11. Hammou K. Mainstreaming French rap music. Commodification and artistic legitimation of othered cultural goods // *Poetics*. 2016. Vol. 59. P. 67—81. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.poetic.2016.05.002>.
12. Johnson C., Dowd T. J., Ridgeway C. L. Legitimacy as a social process // *Annual Review of Sociology*. 2006. Vol. 32. P. 53—78.
13. Laïfi A., Josserand E. Legitimation in practice: A new digital publishing business model // *Journ. of Business Research*. 2016. Vol. 69. P. 2343—2352. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.10.003>.
14. Liguori M., Steccolini I. The power of language in legitimating public sector reforms: When politicians “talk” accounting // *The British Accounting Review*. 2017 (in press). Doi: 10.1016/j.bar.2017.09.006.
15. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // *Discourse, Context and Media*. 2017. Vol. 16. P. 1—11. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>
16. Sadeghia B., Hassanib M., Jalalic V. Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 98. P. 1580—1589. Doi: 10.1016/j.sbspro.2014.03.581.
17. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs // *Crit. Discourse Stud.* 2013. Vol. 10 (2). P. 205—222. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2013.764614>.
18. Sica C., Huber M. “We Can’t Be Dependent on Anybody”: The rhetoric of “Energy Independence” and the legitimation of fracking in Pennsylvania // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4. P. 337—343. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2017.02.003>.
19. Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // *Academy of Management Revue*. 1995. Vol. 20. № 3. P. 571—610. Doi: 10.5465/AMR.1995.9508080331.
20. Terlouw K. Iconic site development and legitimating policies: The changing role of water in Dutch identity discourses // *Geoforum*. 2014. Vol. 57. P. 30—39. URL: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.08.008>.
21. Thyen K. Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. P. 325—347. doi: 10.1007/s12286-017-0334-0.
22. Tolbert P. S., Zucker L. G. The institutionalization of institutional theory // *Handbook of Organization Studies*. — London : SAGE, 1996. P. 175—90.
23. Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985—993.
24. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2008.
25. Zelditch M., Walker H. A. The legitimacy of regimes // *Adv. Group Processes*. 2003. Vol. 20. P. 217—249.

A. V. Kolmogorova
Krasnoyarsk, Russia

LEGITIMATION AS A SOCIETAL PHENOMENON AND AS AN OBJECT OF DISCOURSE ANALYSIS

ABSTRACT. *The article focuses on the legitimation as a social practice largely examined in the context of discourse analysis studies. The paper aim to feature legitimation essential characteristics from the point of view of social sciences, its structure and properties available for linguistic analysis. The research corpus is built on the material of 30 articles dealing with legitimation studies that are selected from the largest abstract and citation databases of peer-reviewed literature such as Scopus and Web of Science. As a result, we have formulated broad and narrow definitions of legitimation, its dimensions, stages and discursive strategies were also described. The examined case studies were regrouped in three fields of problems focused by the researchers. In conclusion, we argue that even as legitimation may concern economic, social or cultural practices, it has the closest connection with politics because it functions as an instrument of implementation of political elites decisions. As such, legitimation integrates the research field of political linguistics.*

KEYWORDS: *legitimation strategies; legitimation scopes; discursive strategies of legitimation; discourse-analysis; political processes; political elite; political discourse; mass media; media; media discourse; media texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolmogorova Anastassia Vladimirovna, Doctor of Philology, Full Professor, Head of Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Sboychakova E. V. Smena tekhnologicheskikh ukhodov kak perspektiva innovatsionnogo razvitiya strany // *Vestn. Saratov. gos. sots.-ekonom. un-ta*. 2010. № 5. S. 57—61.
2. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov*. — M. : Russkiy yazyk, 1992.
3. Baumann S. A general theory of artistic legitimation: how art worlds are like social movements // *Poetics*. 2007. Vol. 35. P. 47—65.
4. Beetham D. *The Legitimation of Power*. — Macmillan, Basingstoke, 1991.
5. Bork S., Schoormans J. P. L., Silvester S., Joore P. How actors can influence the legitimation of new consumer product categories: A theoretical framework // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2015. Vol. 16. P. 38—50.
6. Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism / R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.) // *Sage handbook of organizational institutionalism*. — London : Sage, 2008. P. 49—77.
7. Fairbrother G. P., Zhao Zh. Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse // *Journ. of Chinese Political Science*. 2016. Vol. 21. P. 417—434. Doi 10.1007/s11366-016-9435-x.
8. Fairclough N. *Analysing discourse textual analysis for social research*. — London : Routledge, 2003.
9. Francesconi R. A. James Hunt, the Wilmington 10, and institutional legitimacy // *Q.J.Speech*. 1982. Vol. 68. P. 47—59. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00335638209383591>.
10. Greenwood R., Suddaby R., Hinings C. R. Theorizing change: The role of professional associations in the transformation of institutionalized fields // *Academy of Management Journ.* 2002. Vol. 45 (1). P. 58—80.
11. Hammou K. Mainstreaming French rap music. Commodification and artistic legitimation of othered cultural goods // *Poetics*. 2016. Vol. 59. P. 67—81. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.poetic.2016.05.002>.
12. Johnson C., Dowd T. J., Ridgeway C. L. Legitimacy as a social process // *Annual Review of Sociology*. 2006. Vol. 32. P. 53—78.
13. Laïfi A., Josserand E. Legitimation in practice: A new digital publishing business model // *Journ. of Business Research*.

2016. Vol. 69. P. 2343—2352. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.10.003>.

14. Liguori M., Steccolini I. The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians “talk” accounting // *The British Accounting Review*. 2017 (in press). Doi: 10.1016/j.bar.2017.09.006.

15. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // *Discourse, Context and Media*. 2017. Vol. 16. P. 1—11. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>

16. Sadeghia B., Hassanib M., Jalalic V. Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 98. P. 1580—1589. Doi: 10.1016/j.sbspro.2014.03.581.

17. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimization and delegitimation through songs // *Crit. Discourse Stud.* 2013. Vol. 10 (2). P. 205—222. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2013.764614>.

18. Sica C., Huber M. “We Can’t Be Dependent on Anybody”: The rhetoric of “Energy Independence” and the legitimization of fracking in Pennsylvania // *The Extractive Industries and Society*.

2017. Vol. 4. P. 337—343. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2017.02.003>.

19. Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. № 3. P. 571—610. Doi:10.5465/AMR.1995.9508080331.

20. Terlouw K. Iconic site development and legitimating policies: The changing role of water in Dutch identity discourses // *Geoforum*. 2014. Vol. 57. P. 30—39. URL: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.08.008>.

21. Thyen K. Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. P. 325—347. Doi: 10.1007/s12286-017-0334-0.

22. Tolbert P. S., Zucker L. G. The institutionalization of institutional theory // *Handbook of Organization Studies*. — London : SAGE, 1996. P. 175—90.

23. Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985—993.

24. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2008.

25. Zelditch M., Walker H. A. The legitimacy of regimes // *Adv. Group Processes*. 2003. Vol. 20. P. 217—249.

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

О КЛАССИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВИДОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Лингвистическая теория прецедентности — перспективное научное направление, понятийно-терминологический аппарат которого требует дальнейшего осмысления и уточнения. Как показывает представленный обзор, в последние годы традиционная (восходящая к Ю. Н. Караулову) классификация прецедентных феноменов в ее лингвокогнитивном и лингвокультурологическом вариантах (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация) существенно пополняется, детализируется и уточняется (можно назвать таких исследователей, как С. Г. Воркачев, И. В. Высоцкая, Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Л. А. Мардиева, Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин и др.). При конкретном анализе прецедентности целесообразно учитывать и такие феномены, как прецедентное событие, прецедентный поступок, прецедентный знак, прецедентный визуальный образ, прецедентное изображение, прецедентный жест, прецедентное звучание и др. Обоснованным представляется введение термина «прецедентный мир», в рамках которого разнообразные прецедентные феномены объединяются благодаря хронологической и пространственной близости и смысловым связям (как комплексные лингвоконцептологические образования рассматривались прецедентные миры «Великая Отечественная война» и «Империрия Наполеона Бонапарта»). Важное направление развития теории прецедентности — ее взаимодействие с теорией креолизованных текстов, которые отличаются взаимодействием вербальной, визуальной, аудальной и иных видов прецедентности. Различия в подходах к классификации часто объясняются особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы, а также тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; теория прецедентности; виды прецедентности; прецедентные феномены; прецедентные тексты; прецедентные имена; прецедентные ситуации; прецедентные события; прецедентные поступки; прецедентные высказывания; прецедентные знаки; визуальный образ; прецедентные концепты; архетипические концепты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь». Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Принципы классификации и дифференциации — одна из наиболее дискуссионных проблем теории прецедентности [Высоцкая 2013; Голубева 2010; Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Кушнерук 2006; Назарова, Золотарев 2015; Мардиева 2016а; Нахимова 2011 и др.]. Выбор той или иной концепции зависит от цели и задач исследования, от рассматриваемого материала и аспекта исследования, от научной школы, к которой принадлежит автор, и многих иных факторов.

Всякая систематизация прецедентных феноменов закономерно начинается с определения их сущности и формулирования оснований для рубрикации. Современные российские лингвистические исследования проблем прецедентности, как правило, восходят к монографии Ю. Н. Караулова, где был обоснован новый подход к изучению прецедентности, в рамках которого к сфере прецедентности оказалось возможным отнести самые разнообразные единицы — лексемы, фразеологизмы, высказывания, тексты, а также невербальные феномены, поскольку произведения архитектуры, живописи, музыки — это тоже своего рода «тексты», а их названия (храм Христа Спасителя, картина «Опять двойка!», балет «Спартак» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков [Ка-

раулов 1987]. К сфере прецедентности исследователь относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации. Соответственно прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, обозначение ситуации, имя автора или персонажа, что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в тексте и дискурсе.

Новым этапом в развитии рассматриваемой теории стала концепция прецедентных феноменов, ведущее место среди которых занимают прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена [Гудкова, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997]. В этом случае прецедентные феномены исследуются с позиций прагматической и когнитивной значимости их

реализации в процессе «непосредственной коммуникации» (по терминологии В. В. Красных), при рассмотрении которой значительное внимание уделяется способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощенной в лингвоментальной базе человека и социума.

Еще один вариант лингвистического подхода к прецедентности связан с концептуализацией как одной из центральных проблем когнитивной лингвистики и научным направлением, которое нередко определяют как концептуальные исследования (исследование конкретных концептов). В рамках указанного направления отчетливо различаются лингвокогнитивный и лингвокультурологический варианты. В первом случае концепт воспринимается как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

Лингвокогнитивный вариант концептуальных исследований широко представлен в исследованиях Тамбовской школы когнитивной лингвистики во главе с Н. Н. Болдыревым. При данном подходе в центре внимания оказывается концепт как особая единица знания, которая «встраивается в концептуальную систему и помогает человеку выйти за границы его индивидуального опыта, отражает сведения о менталитете отдельного человека, сообщества людей, народа, нации; иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [Щербак 2007: 41].

При лингвокультурологическом понимании концепт — «это, прежде всего, вербализованный культурный смысл, и он „по умолчанию“ является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) — семантической единицей языка культуры» [Воркачев 2009: 10]. В исследованиях Г. Г. Слышкина и его последователей прецедентные феномены рассматриваются как особого рода концепты — единицы, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой и опредмечиваются в языке [Слышкин 2000: 9]. Исследователь выделяет особую прецедентную концептосферу — группу концептов, которые ориентированы «на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта» и «обеспечивают мыш-

ление и коммуникацию средствами наглядности и иллюстративности» [Слышкин 2004: 116]. Используя тщательно разработанную многоаспектную методику, автор ярко демонстрирует особенности в восприятии одних и тех же концептов на разных этапах развития общества представителями различных социальных, национальных, профессиональных и иных групп.

В последние годы неоднократно высказывалось мнение о необходимости учитывать все многообразие проявлений прецедентности и соответственно совершенствовать понятийно-терминологический аппарат рассматриваемой теории. В частности, вполне обоснованным представляется введение термина «прецедентный мир», в рамках которого разнообразие прецедентные феномены объединяются благодаря хронологической и пространственной близости и смысловым связям [Слышкин 2004]. Ярким примером такого комплексного лингвоконцептологического образования может служить прецедентный мир «Великая Отечественная война» [Лавриненко 2007] или прецедентный мир «Империя Наполеона Бонапарта» [Нахимова, Постникова 2015]. В последнем случае основным связующим стержнем для выделения прецедентного мира оказывается не столько время и пространство, сколько выдающаяся личность, создающая вокруг себя целый мир прецедентных имен, высказываний, текстов и ситуаций.

В нашей монографии 2011 г. разграничены прецедентные миры, восходящие к сфере искусства, сфере реальности и сфере религии, которые, в свою очередь, подразделяются на субсферы (литература, живопись, кино, история, политика, техника и др.); возможна также более дробная рубрикация, например, автономный анализ прецедентности, восходящей к творчеству А. С. Пушкина или Н. В. Гоголя [Нахимова 2011].

Еще одним направлением развития теории прецедентности оказываются попытки более детальной классификации тех или иных прецедентных феноменов. Например, наряду с традиционно выделяемыми прецедентными ситуациями, имеет смысл рассматривать прецедентные события. При таком подходе прецедентная ситуация характеризуется определенной стабильностью, тогда как прецедентное событие — это динамичный феномен, который воспринимается как цепь сменяющих друг друга ситуаций. Например, метафора «**Титаник подходит к айсбергу. Раскол КПРФ возможен. Но не по кремлевскому**» (Известия) представляет прецедентную ситуацию, тогда как метафора

«**Финансовый „Титаник“ неизбежен**» — это прогнозирование прецедентного события, включающее сменяющие друг друга фреймы «путешествие на комфортабельном судне», «неожиданное столкновение с айсбергом», «гибель судна, его экипажа и пассажиров». К числу прецедентных событий можно отнести также гибель «Варяга», защиту Брестской крепости или «встречу на Эльбе». Ср.: *Все три российских лидера видели некую срединную точку в отношениях, путь к которой должны пройти обе стороны... К началу века Россия свой путь к точке предполагаемой „встречи на Эльбе“ практически прошла* (Известия).

В качестве особой разновидности прецедентности можно рассматривать также прецедентный поступок: примером здесь может служить подвиг Александра Матросова, который закрыл своим телом амбразуру, или же выступление на суде пионера Павлика Морозова, который разоблачил «преступления» родного отца. Показательны в этом отношении следующие метафоры. *У нас ведь была знакомая семья, где сын подслушал разговор родителей, ляпнувших лишнее, и стал их шантажировать, требуя купить игрушечный паровоз. — Павлик Морозов хренов!* (Российская газета). *Комсомольский билет вел на штурм Перекопа, согревал сердца строителей Магнитки и Комсомольска-на-Амуре, поднимал Матросовых навстречу урагану свинца фашистских пулеметов* (Правда).

В группе, традиционно обозначаемой как прецедентные имена, оказывается полезным дифференцировать прецедентные антропимы (Наполеон, Кутузов, Фуше), прецедентные топонимы (Березина, Тулон, Бородино) и иные ономастические разряды прецедентных феноменов [Нахимова 2011]. Вполне обоснованно также выделение календарной прецедентности, когда то или иное событие (и ему подобные) обозначается как «термидор», «Октябрь (Великий Октябрь)», «тридцать седьмой год», «11.09» и др. Показательны, в частности, следующие примеры метафорического использования календарных обозначений: *В Тегеране сей-час своего рода 37-й год, а в роли Сталина — Ахмадинежад. Старых „большевиков“ и оппозицию просто убивают* (Комсомольская правда). *Представители „ленинской гвардии“ вплоть до прискорбного конца дней своих занимались поисками наступившего „термидора“ (который в самом деле наступил, но лишь в конце 1993 г.) — столь сильно было желание подогнать жизнь под историю французской революции* (Известия). *У нас уже было два трагических Фев-*

раля: первый, календарный, в 1917-м, второй — в декабре 1991 года был таким же „безумием элиты“ (Российская газета).

При рассмотрении разновидностей прецедентных онимов в нашей монографии охарактеризованы аксиологема *Керенский*, идеологема *Сталин*, мифологема *Александр Невский*, хроним *Смутное время*, а также прецедентные неологизмы, архаизмы, регионализмы и окказионализмы [Нахимова 2011: 134—203]. Предметом исследования Е. М. Семеновой стал прецедентный архетипичный концепт *Dark Ages* и его метафтонимическая актуализация [Семенова 2017]. Возможно, подобный аспект характеристики прецедентных концептов станет общепринятым.

Во многих исследованиях, начиная с основополагающей монографии Ю. Н. Караулова, разграничиваются прецедентные феномены вербального и невербального характера [Караулов 1987], а также вербального, визуального и аудиального. Так, в диссертации А. А. Евтюгиной рассматриваются не только вербальные, но и музыкальные прецедентные знаки [Евтюгина 1995]. Особенно детальная классификация невербальных прецедентных единиц представлена в диссертации Ю. Б. Пикулевой, которая обнаружила в телевизионной рекламе такие невербальные компоненты, как узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, культурно значимые предметы вещного мира, типовые жесты, поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева 2003].

Детальный анализ прецедентных визуальных образов представлен в публикациях Л. А. Мардиевой, которая при анализе печатных СМИ разграничивает иконические прецедентные феномены (фотографии, карикатуры, рисунки и др.) и прецедентные жестовые феномены (прецедентные жесты, прецедентные жестовые стигматы), к числу которых относят не только собственно жесты, но и позы, размещение, телодвижения, взгляды [Мардиева 2016б: 290—293].

Требуется дальнейшая разработка теории и практики исследования креолизованных текстов, которые отличаются взаимодействием вербальной, визуальной, аудиальной и иных видов прецедентности [Ворошилова 2013; Voroshilova, Solopova 2016 и др.].

Специалисты выделяют также некоторую зону переходности между вербальной и невербальной прецедентностью. Сюда относят, в частности, использование в российских текстах элементов латиницы: «Берё**Z**ка», «Дру**ж**ба». «Об**LAD**ать» (реклама автомобильной марки «Лада»). Аналогичные слу-

чаи наблюдаются в современных англоязычных рекламных текстах, где эпизодически встречаются кириллические вкрапления, т. е. вместо букв английского алфавита, созданного на основе латиницы, используются графически сходные буквы русского алфавита, который, как и алфавиты ряда других народов, восходит к азбуке, созданной православными святыми Кириллом и Мефодием. Примером может служить написание «Rϭssia» (Russia), где вместо английской буквы U использована отдаленно напоминающая ее русская буква Ц. Подобные факты одни исследователи характеризуют как графические окказионализмы, другие рассматривают с точки зрения концепции иноязычных вкраплений, третьи анализируют как проявление языковой игры, но вполне возможна и интерпретация подобных написаний как использования прецедентных знаков [Высоцкая 2012]. К числу прецедентных знаков (прецедентных символов) относят также красную звезду, серп и молот, изображение Кремля и др.

Ярким примером использования разнообразных ресурсов вербальной и невербальной прецедентности сможет служить обложка книги Юрия Галеновича «Россия: взгляд из Китая» (рис.).

Рис. Обложка книги Ю. М. Галеновича

Центральное место занимают традиционные символы России (медведь) и Китая (дракон) на фоне соответствующих государственных символов — российского триколора и китайского красного знамени с золотыми звездами разной величины. Медведь и Дракон изображены в антропоморфном облике: на них пиджаки, галстуки, светлые рубашки, они жмут друг другу конечности и улыбаются, как вежливые дипломаты, хотя

отчетливо видны острые клыки.

Особый прецедентный знак — стилизованное написание букв: кириллица — традиционный символ России, но в слове «Китай» славянские буквы очень напоминают иероглифы.

Заканчивая наш обзор, отметим, что теория прецедентности в ее лингвокогнитивном и лингвокультурологическом вариантах стремительно развивается, а поэтому вполне закономерно стремление к расширению, уточнению и детализации традиционной классификации прецедентности. Во многих случаях использование новых терминов (прецедентное событие, прецедентный поступок, прецедентный знак, прецедентный концепт, прецедентный визуальный образ, прецедентное изображение, прецедентный жест, прецедентное звучание, прецедентный архетипический концепт и др.) позволяет точнее охарактеризовать варианты прецедентности, выявить существенные нюансы, обнаружить новые закономерности. Важное направление развития теории и практики использования прецедентности — ее взаимодействие с теорией креолизованных текстов, рассмотрение совмещения возможностей вербальной и невербальной прецедентности. Вместе с тем обнаруженные различия в подходах к классификации часто объясняются особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы, а также тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. — Волгоград: Перемена, 2009. 190 с.
2. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
3. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117—137.
4. Высоцкая И. В. О прецедентном знаке / Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6: Журналистика. С. 134—141.
5. Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1995. 23 с.
6. Галенович Ю. М. Россия: взгляд из Китая. — М.: Яуза: Эксмо, 2017. 141 с.
7. Голубева Н. А. Когнитивный аспект прецедентных единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3 (24). С. 28—34.
8. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. — М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 82—103.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. 261 с.
10. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
11. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в си-

стеме других единиц языка и в коммуникации // *Вестн. МГУ. Серия 9, Филология*. 1997. № 4. С. 106—117.

12. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2006. 22 с.

13. Лавриненко Т. А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2007. 17 с.

14. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретация в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. — Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2016а. 348 с.

15. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов) : дис. ... д-ра филол. наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. — Казань, 2016б. 412 с.

16. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // *Изв. Саратов. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика*. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 17—23.

17. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 276 с.

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

CLASSIFICATION AND DIFFERENTIATION OF THE TYPES OF PRECEDENT PHENOMENA IN POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The linguistic theory of precedence is a promising scientific field, the concepts of which need to be developed and defined. As the review shows, traditional classification of precedent phenomena (worked out by Yu.N. Karaulov) and its linguo-cognitive and linguo-culturological variants (precedent text, precedent phrase, precedent name and precedent situation) are expanded and specified (in the works of S.G. Vorkachev, I.V. Vysotskaya, D.V. Bagayeva, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh, L.A. Mardieva, E.A. Nakhimova, G.G. Slyshkin, and others). When analyzing precedence, it is necessary to include such phenomena as precedent event, precedent act, precedent sign, precedent visual image, precedent picture, precedent gesture, precedent sound, etc. Introduction of the term “precedent world” is timely as it unites different precedent phenomena due to their chronological or spatial proximity and semantic connections (such precedent worlds as “The Great Patriotic War” and “The Empire of Napoleon Bonaparte” have been studied as linguo-conceptological unities). An important tendency of precedence theory development is its combination with the theory of creolized texts, which studies texts built on the basis of verbal, visual, audio or some other type of precedence. The differences in classification are often caused by the methods and goals of research, as well as the type of discourse (scientific, literature, mass media, everyday, political, discourse of art, etc).*

KEYWORDS: *political communication; theory of precedence; types of precedence; precedent phenomena; precedent texts; precedent names; precedent situations; precedent events; precedent acts; precedent phrases; precedent signs; visual image; precedent concepts; archetypal concepts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture*. — Volgograd : Peremena, 2009. 190 s.

2. Voroshilova M. B. *Politicheskiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.

3. Vysotskaya I. V. *Spornye voprosy teorii pretsedentnosti* // *Kritika i semiotika*. 2013. № 1. S. 117—137.

4. Vysotskaya I. V. *O pretsedentnom znake* / *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2012. Т. 11, вып. 6 : *Zhurnalistika*. S. 134—141.

5. Evtyugina A. A. *Pretsedentnye teksty v poezii V. Vysotskogo (k probleme idiositliya)* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 1995. 23 s.

6. Galenovich Yu. M. *Rossiya: vzglyad iz Kitaya*. — М. : Yauza : Eksmo, 2017. 141 s.

7. Golubeva N. A. *Kognitivnyy aspekt pretsedentnykh edinit* // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2010. № 3 (24). S. 28—34.

8. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagayeva D. V. *Pretsedentnye vyskazyvaniya kak simvolyy pretsedentnykh fenomenov* // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. — М. : Izd-vo MGU, 1997. S. 82—103.

9. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. — М. : Nauka, 1987. 261 s.

10. Lubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. — М. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.

18. Нахимова Е. А., Постникова А. А. *Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции* / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 197 с.

19. Пикулева Ю. Б. *Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003. 23 с.

20. Семенова Е. М. *Прецедентный архетипичный концепт «Dark Ages» и его метафтонимическая актуализация в политическом медиадискурсе США* // *Политическая лингвистика*. 2017. № 1. С. 155—160.

21. Слышкин Г. Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. — Волгоград : Перемена, 2004. 240 с.

22. Слышкин Г. Г. *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. — М. : Академия, 2000. 128 с.

23. Щербак А. С. *Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов* // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 3. С. 40—45.

24. Voroshilova M., Solopova O. *Discursive metaphors in creolized texts* // *SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017*. — 2017. Volume 1. *Language and Linguistics*. P. 65—71.

11. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagayeva D. V. *Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugih edinit yazyka i v kommunikatsii* // *Vestn. MGU. Seriya 9, Filologiya*. 1997. № 4. S. 106—117.

12. Kushneruk S. L. *Sopostavitel'noe issledovanie pretsedentnykh imen v rossiyskoy i amerikanskoy reklame* : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2006. 22 s.

13. Lavrinenko T. A. *Pretsedentnyy mir «Velikaya Otechestvennaya voyna» v russkoy lingvokul'ture* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2007. 17 s.

14. Mardieva L. A. *Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsiya v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya*. — Kazan' : Kazan. (Privolzh.) feder. un-t, 2016a. 348 s.

15. Mardieva L. A. *Virtual'naya deystvitel'nost' v yazykovoy i vneyazykovoy reprezentatsii (na materiale mediatekstav)* : dis. ... d-ra filol. nauk / Kazan. (Privolzh.) feder. un-t. — Kazan', 2016b. 412 s.

16. Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. *Pretsedentnye fenomeny: problemy definititsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov* // *Izv. Saratov. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*. 2015. Т. 15, вып. 2. S. 17—23.

17. Nakhimova E. A. *Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

18. Nakhimova E. A., Postnikova A. A. *Napoleonovskaya epokha v kommunikativnoy pamyati Rossii i Frantsii* / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 197 s.

19. Pikuleva Yu. B. Pretdentnyy kul'turnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003. 23 s.

20. Semenova E. M. Pretdentnyy arkhetychnyy kontsept «Dark Ages» i ego metaftonimicheskaya aktualizatsiya v politicheskom mediadiskurse SShA // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1. S. 155—160.

21. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty. — Volgograd : Peremena, 2004. 240 s.

22. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretdentnykh tekstov v soznanii i diskurse. — M. : Akademiya, 2000. 128 s.

23. Shcherbak A. S. Kontseptosfera yazyka kak mental'naya osnova formirovaniya toponimov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2007. № 3. S. 40—45.

24. Voroshilova M., Solopova O. Discursive metaphors in creolized texts // SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017. — 2017. Volume 1. Language and Linguistics. P. 65—71.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'271.2
ББК Ш105.553

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.00

А. В. Вовкула
Россия, Челябинск

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ИНТЕРАКТИВНОМ МЕДИАФОРМАТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

АННОТАЦИЯ. В статье обозначены специфические свойства медиаформата политического интервью: в качестве автора текста выступают оба собеседника; речевое воздействие осуществляется каждым участником в двух направлениях, одно из которых — собеседник, другое — аудитория (при этом реакция аудитории является приоритетной). Рассмотрено, как трансформируются стратегическая линия и средства речевой коммуникации главы государства в интервью в зависимости от типа дискурса, кооперативного или конфронтационного. Материалом для исследования послужили интервью президента России В. В. Путина таким американским журналистом, как Оливер Стоун и Мегин Келли. Стратегическая линия главы государства в рамках формата международного политического интервью реализуется строго в соответствии с целями коммуникации и варьируется в зависимости от типа дискурса. Регулярными для внешнего вектора воздействия на аудиторию являются семантическая презентационная стратегия утверждения авторитета государства и частная стратегия убеждения. В кооперативной среде презентация взаимодействует с конвенцией (кооперацией), рождая полифункциональные инструменты: уклонение от прямого ответа, перемещение акцента в вопросе, реплики с иронической коннотацией. В преимущественно кооперативном дискурсе лидер страны использует стратегию кооперации, которую маркируют вербальное согласие, переход на язык интервьюера, речевая игра. Конфронтационный дискурс обуславливает релевантную речевому поведению интервьюера стратегию оппозиции, индикаторами которой выступают ирония, эксплицитная оценка высказываний. Специфической чертой стиля В. В. Путина является отсутствие однозначной тональности беседы во внешнем интервью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые стратегии; политическое интервью; политическая риторика; политические деятели; языковая личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Вовкула Анна Васильевна, аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; педагог дополнительного образования высшей категории муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Детско-юношеский центр г. Челябинска»; 454010, Россия, г. Челябинск, ул. Коммунаров, д. 28; e-mail: vasilisa.16@mail.ru.

Функциональным свойством медиасферы является отражение запросов общества на информацию в актуальной релевантной форме. Вектор трансформации медиaprостранства сегодня направлен в сторону расширения социально-политической проблематики. Об этом свидетельствует увеличение числа информационно-аналитических программ на федеральных каналах. Формы организации эфиров преобразуют современная ситуация диалогичности, многоголосия [Почепцов 2001], существование в едином времени и коммуникативном пространстве творцов и участников интерактивного общения.

Востребованность социально-политического контента и диалога как формы осуществления речевого взаимодействия определяет актуальность политического интервью в медиадискурсе. В отличие от форматов ток-шоу, дискуссий, круглых столов, транслирующих мнения точно и концентрированно, интервью дает возможность респонденту донести свою позицию развернуто; применяя релевантные стратегии и тактики, создать предпосылки для изменения оценок, трансформации образа какой-либо ситуации, корректировать модели мира адресата [Иссерс 2008: 106]. Данная особенность коррелирует с институциональным характером политического интервью и обуславливает использование формата в каче-

стве инструмента для того, чтобы утвердить, пояснить, продекларировать позицию государства по значимым вопросам на международном уровне. В этом случае «интервью может играть роль официального политического документа, если его дает журналисту крупный политический деятель, глава правительства, президент. Особенность таких официальных интервью в том, что они отражают не индивидуальное мнение, а точку зрения официальной власти, политической партии, движения» [Грабельников 2004: 219].

Несмотря на несимметричные позиции участников диалога, обусловленные социальной иерархией, формат имеет двусубъектный характер: в качестве автора текста выступают оба собеседника [Лавринова 2009]. Поэтому тональность, звучание, персуазивный эффект интервью зависят от вклада каждого участника коммуникации.

Важным специфическим свойством формата является особый вектор адресованности [Там же]. Речевое воздействие осуществляется каждым участником в двух направлениях, одно из которых — собеседник, другое — аудитория. При этом воздействие на аудиторию является приоритетным, в то время как реализация интенции по отношению к собеседнику может выступать в качестве инструмента влияния на массовую аудиторию. Таким образом, и интервьюер, и респондент реализуют свою стратегиче-

скую задачу. Если их цели в рамках определенного интерактивного произведения совпадают, то мы можем говорить о кооперативной установке собеседников на общение. При этой расстановке сил результат речевого взаимодействия может коррелировать с прогнозируемым. Если цели участников коммуникации расходятся, противостоят друг другу, каждый собеседник реализует индивидуальную стратегию, то результат общения в процессе столкновения мнений, позиций может стать неожиданным, неоднозначным. Таким образом, установка на кооперацию или конфронтацию в формате политического интервью является значимым фактором для выстраивания плана общения всех участников коммуникации. При этом резонанс коммуникативного успеха как интервьюируемого, так и интервьюера представляется достаточно широким, поскольку результат общения коррелирует с имиджем государственного деятеля. В этом смысле роль журналиста как модератора, конструктора дискурса является значимой: особо выстроенной переговорной стратегией он может влиять на формирование образа политика. Установка интервьюера в пространстве диалога диктует партнерский или непартнерский стиль поведения и таким образом формирует общую тональность беседы и собственно коммуникативный дискурс: кооперативный или конфронтационный. Данный тип дискурса мы можем назвать основным параметром, который влияет на речевое поведение лидера страны в рамках интерактивного медиаформата международного политического интервью.

В данной статье мы рассмотрим, как трансформируются стратегическая линия и средства речевой коммуникации главы государства в интервью американским журналистам в зависимости от типа дискурса, кооперативного или конфронтационного.

Стратегию мы будем понимать как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, тактику — как инструмент реализации стратегии. При анализе речевых средств лидера страны мы будем опираться на типологию стратегий, предложенную О. С. Иссерс, где с функциональной точки зрения выделяются основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные типы стратегий. К основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия. Среди них выделяются прагматические (коммуникативно-

ситуационные) стратегии, подразумевающие учет компонентов коммуникативной ситуации, диалоговые (конверсационные) стратегии, которые используются для контроля за организацией диалога, а также риторические стратегии, в рамках которых используются приемы ораторского искусства [Иссерс 2008: 104—109].

Обратимся к внешней линии взаимодействия главы государства со СМИ. Рассмотрим интервью Владимира Владимировича Путина американскому режиссеру Оливеру Стоуну (фильм «Интервью с Путиным», телеканал Showtime, 12—15 июня 2017 г.).

Стратегическую задачу режиссер определяет как возможность «открыть американцам глаза на другое мировоззрение, с которым они не знакомы» (интервью «The Sydney Morning Herald»). В интервью газете «Star Tribune» О. Стоун говорит о заинтересованности в том, «чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение международных отношений». Определяя интерактивное произведение как «призыв к миру в разгар второй холодной войны», режиссер задает общий, ведущий стратегический вектор на кооперацию. Интенция воздействия интервьюера реализуется в двух направлениях — аудитории, граждан США и Президента РФ В. В. Путина. Комплекс персуазивных действий респондента также адресован и аудитории, и собеседнику. Особая адресованность [Лавринова 2009] формата коррелирует с необходимостью актуализировать основные, семантические когнитивные стратегии собеседников, непосредственно связанные с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей и поведение [Иссерс 2008: 106], и вспомогательные, прагматические стратегии, которые способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и реализации установки на кооперативное общение [Там же].

Прагматическая стратегия обоих участников диалога находит выражение в формальной организации взаимодействия, соотносится с ситуационным основанием коммуникации и особенностями вербального и невербального оформления интерактивного процесса. Пространство диалога не ограничивается характерными для статусно-ролевой беседы залами Кремля или телевизионной студией. Фоном для разговора становятся природа, салоны машины и самолета, хоккейные трибуны, интерьеры рабочих комнат Кремля и часовня. Символом расположения президента выступает книга Оливера Стоуна на столе в личном кабинете. Речь президента сопровождают широкие жесты, подвижная мимика, небольшой

наклон корпуса в сторону собеседника. Кооперативную вспомогательную прагматическую стратегию реализуют релевантные тактики солидаризации [Чистякова 2015] при схожести декларируемых позиций: «я тоже», согласия: «да», «конечно, Вы абсолютно верно сформулировали», смягченного отрицания: «не совсем так». Расширению границ статусно-ролевого диалога способствуют вводные элементы «Вы знаете...», «Понимаете...», «Представьте себе...», включение в ткань речи пословиц «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет», афористичность: «Каждый должен делать свою работу», «Всем суждено умереть, вопрос в том, что мы сделаем», «Вопрос не в том, чтобы иметь много власти, а в том, чтобы распорядиться хотя бы той, властью, которая есть — правильно распорядиться», «В Великую Отечественную войну люди сражались до последней капли крови, а не до последнего рубля». Маркером кооперации также является переход на язык собеседника:

— Вы наносите от семидесяти до ста ударов (в Сирии) каждый день?

— Yes.

— Каждый день?

— Everyday.

Целевая установка Оливера Стоуна также проявляется на уровне прагматической стратегии. Режиссер демонстрирует сосредоточенное вдумчивое слушание, результатом которого являются релевантные последующие вопросы в логике ответа главы Российской Федерации. В качестве сигналов обратной связи Стоун использует комментарии с функцией комплимента, например, во время демонстрации Владимиром Путиным видео бомбардировки российской авиацией боевиков ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ. — прим. ред.): «Вы застали их врасплох», «Это был бы хороший плакат против вступления в ИГИЛ. После такой картинке точно не захочешь». При демонстрации парада Победы — 2016: «Парад — захватывающее зрелище. Четкий шаг. Гордость».

Рамки институционального формата разрывает своеобразная взаимная речевая игра собеседников; конверсация выполняет и кооперативную, и риторическую функцию; в речи президента она приобретает ироническую коннотацию:

Стоун. Вы скучали по мне?

В. Путин. Всплакнул пару раз. Ну, ничего, дождался.

Перед выходом Владимира Путина на лед:

Стоун. Я буду следить за Вами с три-

бун.

В. Путин. Я постараюсь Вас не подвести. Следить недостаточно. Вы должны болеть. Иначе зачем Вы пришли.

Таким образом, кооперативная вспомогательная прагматическая стратегия, нацеленная на собеседника, определяет характер коммуникативного взаимодействия участников диалога, репрезентирует партнерский стиль речевого поведения и создает кооперативный конверсационный дискурс.

Основные семантические стратегии определяются целевыми установками участников интервью с позиций воздействия на аудиторию. Номинированная задача Оливера Стоуна — донести до американского зрителя другую точку зрения — обуславливает наличие вопросов с негативной коннотацией, острых вопросов. Подобные вопросы представляют констатацию содержания оппозиционного политического дискурса. Формально иллюзия выражена доброжелательно, в соответствии с прагматической стратегией вежливости, что соответствует коммуникативному намерению, заявленному в интервью корреспонденту РИА «Новости»: «Я не пытался его (В. Путина) поймать, как говорят журналисты... Приехал в Россию, потому что для меня важны отношения между странами».

Для Президента Российской Федерации целевой установкой является декларация позиции государства по спорным международным политическим вопросам, а также демонстрация готовности, открытости к конструктивному диалогу с «американскими партнерами». Эти задачи определяют коммуникативные семантические стратегии: презентация (утверждение авторитета государства), убеждение, кооперация.

Стратегия кооперации в речи Президента коррелирует, переплетается, взаимодействует с номинированными семантическими стратегиями и эксплицитно реализуется в отдельном ответном коммуникативном действии, вплетается в основную часть информационного сообщения или завершает речевое произведение главы государства:

Стоун. Вы часто называете США партнерами...

В. Путин. Потому что диалог должен быть продолжен.

Разговор о действиях в Сирии: Мы заинтересованы не в раздувании конфликта. А наоборот, в налаживании диалога для того, чтобы сохранить территориальную целостность страны.

Завершение речевого фрагмента об отношениях с США: Нам нужно начать предметный диалог. Не на прессу, а конструк-

тивный диалог.

В ходе интервью Стоун задает ряд «острых» вопросов. Одни провоцируют на оценку политики США, другие транслируют устойчивые представления американцев о Президенте Российской Федерации.

Ответные реакции на вопросы-провокации репрезентируют, с одной стороны, презентационную статусную стратегию, с другой — кооперативную. Тактическими инструментами выступают:

– уклонение от прямого ответа:

Стоун. *Что Вы можете сказать о кандидатах в Президенты США?*

В. Путин. *Народ проголосует за самого достойного. Это не наше дело.*

Стоун. *Вы не ответили.*

В. Путин. *Считайте это ответом;*

– уклонение от ответа — сдвиг и юмор:

Стоун. *Какова стратегия США в мире?*

В. Путин. *Отвечу откровенно и подробно, но только после того, как выйду на пенсию.*

Владимир Путин не дает однозначных оценок политическим деятелям США. Президент балансирует, удерживается на тонкой грани между категоричной оценкой и стремлением к кооперации.

Стоун. *Хиллари Клинтон делает весьма агрессивные заявления в связи с событиями на Украине, сравнивая господина Путина с Гитлером.*

В. Путин. *В этом нет ничего нового для нас. Мы с ней знакомы лично. Она — энергичная женщина. У нас тоже могут быть разные сравнения, но мы, вследствие политической культуры, воздерживаемся от крайних высказываний.*

Положительная эксплицитная оценка личных качеств политика сопровождается латентно выраженной, основанной на сравнении с собственной сдержанностью (следование этикетным нормам взаимодействия) оценкой высказывания Х. Клинтон как не соответствующего нормам дипломатической культуры.

Оценка действий США, отвлеченная от персоналий, выражена в речи президента эксплицитно через номинацию акций, организованных Вашингтоном, указание мотивов деятельности и положительную оценку (с негативной коннотацией) результатов этой деятельности в ироническом ключе:

Стоун. *Что Вы подумали, когда на Украине разразилась революция (в контексте разговора об отношениях с США)?*

В. Путин. *Философия американской политики в этом регионе заключается в том, чтобы не допустить сближения Украины и России <...>. Исходя из этих со-*

ображений, а не из соображений свободы выбора украинского народа, действовали многие наши партнеры в США и Европе. Поддержка радикальных националистических элементов на Украине с точки зрения этого подхода — беспроигрышная. Так что кто это сделал, достигли своей цели, сделали это безупречно. Они — молодцы.

Следуя семантической стратегии кооперации и вспомогательной стратегии вежливости, В. В. Путин не дает оценок персоналиям. В то же время отношение к действиям политических лидеров США выражено однозначно и четко, оформлено этически корректно в соответствии с правилами деловой коммуникации.

При отражении провоцирующих вопросов, в которых режиссер излагает стереотипные представления о Российской Федерации и Президенте, В. Путин в рамках названных стратегий использует следующие тактики:

– перемещение акцента в вопросе; расширение тезиса:

Стоун. *Говорят, Вы — царь, хотите быть царем. Об этом пишут газеты.*

В. Путин. *Им, видимо, нравится, вот они и пишут. (Пауза.) Вопрос не в том, чтобы иметь много власти, а в том, чтобы распорядиться хотя бы той властью, которая есть — правильно распорядиться;*

– перемещение акцента в вопросе на инициатора конфронтационного стимула, имплицитная оценка его действий.

Оливер Стоун демонстрирует В. В. Путину журнал Совета по международным отношениям, обращает внимание на заголовок «Putin's Russia down».

В. Путин. *Кто-то хочет думать, что Putin's Russia down. Но это не соответствует действительности. И тот, кто пишет, знает об этом.*

Стратегия утверждения авторитета государства реализуется на фоне кооперативной стратегии убеждением в функции нейтрализации негативного образа России. Инструментом стратегии выступает система аргументов, в ряду которых — выявление причин и предпосылок событий, явлений и действий, описание особенностей российских реалий, объяснение и комментирование позиции власти по обсуждаемым вопросам:

Стоун. *За эти два дня Вы повторили несколько раз, что Россия — демократическая страна. Ваши критики в Америке, а их немало, сказали бы, что это не так, что Россия — традиционно авторитарное государство. У Вас есть парламент, но не он принимает ключевые решения. Оппозиционным партиям ограничен доступ на те-*

левидение. Ваша партия контролирует СМИ. Оппозиции сложно зарегистрировать свою партию. Нет независимых судебных органов, хотя это давнишняя проблема России, как я полагаю. Такую критику можно услышать в Ваш адрес. Хотелось бы, чтобы Вы ответили на нее.

В. Путин. Я понял. Что касается демократического характера Российского государства сегодня. Смотрите. У нас в течение почти тысячи лет государство складывалось как монархия. Затем произошла революция 1917 года. К власти пришли коммунисты, во главе государства оказался Сталин. Только в начале 90-х годов произошли события, которые положили начало новому этапу развития России. Конечно, невозможно себе представить, что сегодня-завтра у нас наступят такие же порядки, как в США, Франции, Германии. Общество, государство, как любой живой организм, должны развиваться постепенно, поэтапно. Вот это и есть нормальный процесс развития.

Вы сказали о доступе к СМИ. У нас сотни телевизионных компаний и радиокомпаний. Государство их вообще никак не контролирует. Это невозможно просто <...>.

Теперь по поводу многопартийности и возможности зарегистрировать партию. Мы недавно серьезным образом либерализовали эти возможности. Возможность зарегистрировать свою партию стала настолько доступной, что у избирателя возникает другая проблема — разобраться в многообразии выбора предложений политических.

Статусная стратегия также реализуется во время экскурсии в Ситуационный центр Президента РФ — штаб с широкими функциональными возможностями связи с министерствами — и при демонстрации военных операций российской авиации в Сирии.

Коммуникативное пространство интервью Президента Российской Федерации американскому режиссеру Оливеру Стоуну и речевое поведение интервьюера формируют преимущественно кооперативный дискурс. Конвенция создает релевантные основания для реализации лидером страны цели коммуникации — воздействия на широкую аудиторию. Декларация позиции России по спорным международным политическим вопросам определяет когнитивную семантическую статусную презентационную стратегию утверждения авторитета государства и частную стратегию убеждения. Демонстрация готовности, открытости к конструктивному диалогу на международном уровне опреде-

ляет семантическую стратегию кооперации. Являясь оппозиционными по природе, данные стратегии в речи Президента рождают универсальные инструменты, тактики иходы, призванные исполнять не одно функциональное назначение. Полифункциональность речевых приемов маркирует специфику речи В. В. Путина. Эта же особенность проявляется во многих ответных речевых произведениях главы государства как балансирование между эксплицитной однозначной оценкой политической линии США и установкой на конструктивный диалог с «американскими коллегами». Кооперация присутствует в речи президента не только на уровне основных, семантических стратегий. Вспомогательная, прагматическая, коммуникативно-ситуационная стратегия кооперации коррелирует со стратегией вежливости и образует структурное полотно диалога.

Рассмотрим особенности речевого поведения Президента Российской Федерации при взаимодействии с интервьюером на международном уровне в условиях конфронтационного дискурса.

Американские СМИ позиционируют интервью журналиста телеканала NBC Мегин Келли на полях Петербургского международного экономического форума 5 июня 2017 г. как «беседу в жестких тонах» («The Los Angeles Times»).

Паратекстуально Мегин Келли демонстрирует сдержанный, нейтральный тип взаимодействия. Конфронтационный дискурс формирует содержание вопросов: 80 % связано с темой вмешательства России в американские выборы, 10 % транслирует устойчивое стереотипное представление о стране, лишенной демократических свобод, и лишь 10 % касаются личности президента и формулируются с позитивными, комплиментарными коннотациями.

После кратких этикетных слов приветствия журналист задает вопрос, задающий тему всего диалога: *Господин Президент, Вы несколько раз говорили о том, что Россия никак не вовлечена во вмешательство в президентские выборы. Однако в США считают, есть такой консенсус, что вы это сделали. Есть 17 агентств в области безопасности, которые так утверждают, демократы, республиканцы, все комитеты, которые видели секретные материалы, говорят, что это так. Они что, все врут?* Иллокуция репрезентирует манипулятивную тактику сомнения в словах интервьюируемого [Руженцева 2016] в рамках провокационной речевой стратегии и задает оппозиционную тональность дискурса. Последующая цепь вопросов представляет вариации дан-

ной темы. Ряд уточнений, многочисленные навязчивые повторы являются инструментами коммуникативного мониторинга [Иссерс 2009], призванного осуществить контроль над эмоциональными состояниями собеседника, а именно дестабилизировать, спровоцировать экспрессивную реакцию, показать свое «истинное лицо», выведать информацию:

М. Келли. *Специальный совет был назначен для того, чтобы исследовать связи между вашим Правительством и кампанией Трампа. Вы сказали, что посол Кисляк просто выполнял свою работу. А что же всё-таки обсуждалось на этих заседаниях?*

В. Путин. *Не было никаких заседаний. Понимаете, заседаний никаких не было <...>.*

М. Келли. *То есть встреч между господином Кисляком и кем-нибудь из штаба Трампа не было?*

В. Путин. *Понятия не имею. Говорю Вам совершенно откровенно. Я не знаю. Текущая работа посла <...>.*

М. Келли. *С тех пор как это случилось, Вы говорили с послом о том, что же обсуждалось с Кушнером, с Майклом Флинном, с кем-то ещё из штаба?*

В. Путин. *Нет, не говорил.*

М. Келли. *Вам не было интересно?*

Стратегию провокации и манипулятивные тактические задачи управления эмоциональным состоянием собеседника реализуют коммуникативные приемы журналиста:

– попытка поймать на противоречиях: «*Вы говорили, что Россия никак не связана с вмешательством в американские выборы, и на этой неделе Вы вдруг говорили о каких-то патриотических хакерах. Почему Вы сейчас начали об этом говорить, о патриотических хакерах, которые могут как-то действовать?»*;

– контраргументация:

В. Путин. *Глубоко убежден, что никакое вмешательство извне ни в одной, даже в маленькой стране, а уж тем более в такой большой, великой державе, как Соединенные Штаты, не может повлиять на конечный результат выборов. Это никогда не возможно.*

М. Келли. *А другая сторона говорит, что 70 тысяч голосов всего, которые изменили результат выборов. И это не так уж сложно было — повлиять на 70 тысяч голосов;*

– оценочный комментарий: «*Как оправдание звучит*».

Конфронтационное пространство интервью обуславливает основную коммуникатив-

ную статусную стратегию В. В. Путина, тактическую задачу нейтрализации негативного образа страны и частную стратегию убеждения, которая реализуется системой рациональных логических аргументов; ответ на вопрос М. Келли о вмешательстве России в выборы в США:

В. Путин. *Я ни разу не видел каких-то прямых доказательств вмешательства России в президентские выборы в США. Мы говорили об этом и с бывшим Президентом Обамой, мы говорили с некоторыми другими официальными лицами — никто никогда не предъявил мне никаких прямых доказательств. <...>*

Я уже Вам говорил, могу повторить, ведь сегодняшние технологии таковы, что конечный адрес можно так закамуфлировать, что никто не поймет происхождение этого адреса <...>. Современные технологии очень изощренные, тонкие и позволяют это сделать. Когда мы это поймем, мы избавимся от всяких иллюзий. Это во-первых.

Во-вторых, глубоко убежден, что никакое вмешательство извне <...> не может повлиять на конечный результат выборов. Это никогда не возможно.

Провокативный персуазивный дискурс, сформированный интервьюером, требует отражения вербальных ударов. Отметим ответные приемы, репрезентирующие статусную стратегию В. В. Путина:

– переадресация с предмета контраргумента на его причину, усиленная ироническим вопросом:

М. Келли. *А другая сторона говорит, что 70 тысяч голосов всего, которые изменили результат выборов. И это не так уж сложно было — повлиять на 70 тысяч голосов.*

В. Путин. *Конституция Соединенных Штатов и избирательное законодательство построены таким образом, что за кандидата может проголосовать большее количество выборщиков, за которым стоит меньшее количество избирателей. И такие случаи в истории Соединенных Штатов бывают. Правда?*

– переадресация на личность, заинтересованную в обсуждении подобных вопросов:

В. Путин. *Поэтому если уж говорить о какой-то социально-политической справедливости, то нужно, видимо, менять это избирательное законодательство, довести дело до того, чтобы прямым тайным голосованием избирался глава государства и был прямой подсчет, который можно легко проконтролировать. Вот и всё. И не нужно ни на кого ссылаться и винить кого*

бы то ни было в своих бедах тем, кто выборы проиграл;

– расширение тезиса, переадресация на политику страны, в интересы которой входит обсуждение подобных вопросов:

В. Путин. Теперь, если эту страничку всё-таки перевернуть, я Вам скажу то, о чём Вы наверняка должны знать: я никого не хочу обидеть, но Соединенные Штаты везде, по всем миру активно вмешиваются в выборные кампании других стран. Вам это разве неизвестно? <...>

Поэтому если кто-то, я не говорю, что это мы (мы не вмешивались), но если кто-то каким-то образом влияет, или пытаются влиять, или как-то участвует в этих процессах, то уж тогда Соединенным Штатам не на что обижаться. Кто это нам говорит, кто это обижается на нас за то, что мы вмешиваемся? Вы сами постоянно вмешиваетесь.

Многочисленное дублирование вопросов, в том числе перефразированных, многоэтапные уточнения несут в себе потенциал воздействия на эмоциональную сферу собеседника. Эффект накопления идентичных стимулов вызывает нарастание ироничной тональности в содержании ответных реплик главы государства:

М. Келли. Господина Флинна Вы знали, он приезжал сюда на ужин, есть фотография, которая распространяется в американских СМИ. Какие у Вас были отношения с господином Флинном?

В. Путин. У меня с Вами лично гораздо более близкие отношения, чем с господином Флинном. Мы с Вами вчера встречались вечером, мы с Вами сегодня целый день вместе работали, сейчас опять встречаемся.

Я с ним практически не разговаривал. Я с ним только поздоровался, сел рядом, потом попрощался, встал и ушел. Всё мое знакомство с господином Флинном. Вот если у нас с Флинном был такой контакт, а с Вами целый день, Флинна уволили с работы, а Вас нужно просто арестовать и посадить в тюрьму.

В данном речевом произведении ирония усилена апелляцией к аналогии с личностью собеседника и возведена в прием «доведение до абсурда».

Релевантной реакцией на выверенное речевое поведение журналиста является использование в ответных комплексах экспрессивной эмоционально-оценочной лексики в рамках апелляции к коммуникативно-ситуационной стратегии искренности:

М. Келли. То есть встреч между господином Кисляком и кем-нибудь из штаба Трампа не было?

В. Путин. Понятия не имею. Говорю Вам совершенно откровенно. Я не знаю. Текущая работа посла. Вы что думаете, со всего мира и из США посол мне каждый день докладывает, с кем он встречается, что обсуждает? Бред какой-то. Вы понимаете, что Вы спрашиваете, или нет?

М. Келли. Вы же его босс, Вы же его начальник.

В. Путин. Начальник — министр иностранных дел. Вы думаете, что у меня есть время каждый день общаться с нашими послами во всем мире, что ли? Чушь какая-то.

Последний вопрос журналиста противостоит оппозиционному вектору интервью и содержательно репрезентирует кооперативную интенцию:

М. Келли. Мы в Санкт-Петербурге провели уже около недели. И почти каждый человек, которого мы встречали на улице, говорит, что они уважают Вас, потому что, по их мнению, Вы вернули России ее достоинство. Вы вновь сделали Россию уважаемой всеми. Вы руководите этой страной на протяжении 17 лет. Скажите, это как-то на Вас сказало лично?

В. Путин. Надеюсь, что нет.

Что я чувствую? Я чувствую прямую живую связь с этой землей, с историей, со страной. Вот Вы сказали, что в Петербурге уже несколько дней. Мы вчера разговаривали с Премьер-министром Индии, он посещал Пискаревское мемориальное кладбище, где похоронено примерно 400 тысяч ленинградцев, как правило, мирных жителей, которые погибли во время Второй мировой войны в блокаде. Они умерли от голода. И в одной из могил похоронен мой старший брат, которого я никогда не видел, и я никогда не забуду об этом, так же как и то, в каком состоянии была наша страна в начале 90-х годов. <...>

Экономика стала совсем другой в целом: изменился объем, почти в два раза выросла экономика по объемам <...>. У нас сегодня совершенно другие Вооруженные силы по сравнению с тем, что было, скажем, 15 лет тому назад.

И всё это, конечно, включая и нашу великую историю, культуру, всё это, а не только то, что мы видим сегодня, у подавляющего большинства граждан России вызывает гордость за свою страну.

Табл. Речевые стратегии в интерактивном медиаформате политического интервью (на материале интервью В. В. Путина)

	Внешнее интервью (интервьюер — Оливер Стоун)	Внешнее интервью (интервьюер — Мегин Келли)
Дискурс	Преимущественно кооперативный	Конфронтационный
Когнитивные стратегии, направленные на целевую аудиторию; инструменты: тактики и приемы	Статусная презентационная стратегия утверждения авторитета государства. Стратегия кооперации; инструменты: – использование слов с семантикой сотрудничества, взаимодействия; полифункциональные инструменты реализации стратегий: – уклонение от прямого ответа, – уклонение от ответа — сдвиг и юмор, – перемещение акцента в вопросе, расширение тезиса, – имплицитная оценка действий инициатора конфронтационного стимула. Частная стратегия убеждения; инструменты: система аргументов, в ряду которых: – выявление причин и предпосылок событий, явлений и действий, – описание особенностей российских реалий, – объяснение и комментирование позиции власти по обсуждаемым вопросам	Статусная презентационная стратегия утверждения авторитета государства; инструменты реализации стратегии: – переадресация. Частная стратегия убеждения; тактика нейтрализации негативного образа страны; инструменты реализации стратегии: – система рациональных логических аргументов
Прагматические стратегии, направленные на собеседника; инструменты: тактики и приемы	Стратегия кооперации; инструменты реализации стратегии: – тактика солидаризации, – вербальное согласие, – афористичность, включение в речь пословиц и поговорок, – переход на язык собеседника, – речевая разговорная игра с элементами иронической коннотации	Оппозиция; инструменты реализации: – ирония и «доведение до абсурда», – оценка высказывания, выраженная экспрессивно. Стратегия искренности; инструменты реализации стратегии: – апелляции к общим для россиян ценностям, – вербальные индикаторы: «говорю Вам совершенно откровенно»

Кооперативный посыл, маркированный комплиментом, оформленным со ссылкой на мнение граждан России о роли В. В. Путина в истории страны, и демонстрацией интереса к личности главы государства, инициирует релевантную по эмоционально-оценочному наполнению ответную реплику президента. Частная стратегия искренности, маркирующая кооперацию, реализуется в апелляции к общим для россиян ценностям. Частную стратегию убеждения репрезентирует рациональная аргументация, демонстрирующая прогрессивный вектор развития страны. Упоминание в завершении речи величия русской истории и культуры оформляет семантическую статусную стратегию утверждения авторитета государства в качестве ведущей в данном интерактивном формате политического интервью.

Политическое интервью международного уровня предусматривает речевое воздействие лидера страны на широкую аудиторию с целью утверждения авторитета государства. Релевантную семантическую статусную презентационную стратегию в пространстве конфронтационного, провокативного дискурса реализуют:

- частная стратегия убеждения,

- тактика нейтрализации негативного образа страны,
- приемы отражения манипулятивных стимулов, в том числе переадресация.

На уровне вспомогательных, коммуникативно-ситуационных стратегий можно выделить оппозицию, которая является реакцией контрагента на манипуляционные действия агента влияния [Дацюк]. Оппозицию репрезентируют экспрессивная эмоционально-оценочная лексика в рамках апелляции к коммуникативно-ситуационной стратегии искренности, ироничная тональность ответных реплик лидера страны.

Индикаторы кооперации в речи президента присутствуют в виде апелляции к вспомогательной коммуникативно-ситуационной стратегии искренности. На семантическом уровне в условиях конфронтационного дискурса маркеры кооперации отсутствуют.

Стратегическая линия главы государства в рамках формата международного политического интервью реализуется строго в соответствии с целями коммуникации и варьируется в зависимости от типа дискурса. Регулярными для внешнего вектора воздействия на аудиторию являются семантиче-

ская презентационная стратегия утверждения авторитета государства и частная стратегия убеждения. При этом в кооперативной среде презентация взаимодействует с конвенцией (кооперацией), рождая полифункциональные инструменты: уклонение от прямого ответа, перемещение акцента в вопросе, реплики в иронической коннотации. Вспомогательные стратегии, нацеленные на коммуникацию с интервьюером, обладают большей степенью гибкости, подвижности и варьируются в соответствии с установкой собеседника. В преимущественно кооперативном дискурсе лидер страны использует стратегию кооперации, которую маркируют вербальное согласие, переход на язык интервьюера, речевая игра. Конфронтационный дискурс обуславливает релевантную речевому поведению интервьюера стратегию оппозиции, индикаторами которой выступают ирония, эксплицитная оценка высказываний. К специфическим чертам стиля В. В. Путина относится отсутствие однозначной тональности беседы во внешнем интервью: вспомогательная коммуникативно-ситуационная стратегия кооперации может сопровождаться высказываниями в иронической тональности, а вспомогательная стратегия оппозиции может использоваться в паре с когерентной конвенции стратегией искренности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе : учеб. пособие. 4-е изд. — М. : РИП-холдинг, 2004. 273 с.
2. Дацюк С. В. Коммуникативные стратегии [Электронный ресурс]. URL: http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html (дата обращения: 10.11.2017).

A. V. Vovkula
Russia, Chelyabinsk

SPEECH STRATEGIES IN THE INTERACTIVE MEDIA FORMAT OF THE INTERNATIONAL POLITICAL INTERVIEW

ABSTRACT. *The article outlines the specific features of media format of a political interview: both interlocutors are text authors; speech manipulation is realized by both communicants in two directions – towards the interlocutor and towards the audience (reaction of the audience is of greater importance). The article describes the ways of transformation of the strategy and the means of communication in the interview of the President in different discourses, cooperative and confrontational discourses in particular. The material for this research is based on the interviews with the Russian President V.V. Putin by the American journalists Oliver Stone and Megyn Kelly. The strategic line of the President is realized in political interview according to the goals of communication and depends on the type of discourse. The frequent outer vector of manipulation is semantic presentation strategy of authority strengthening and the strategy of persuasion. In cooperation discourse presentation interact with convention giving rise to poly-functional tools: evasion of the answer, shift of stress in the issue, and ironic connotation. In cooperation discourse the President uses the strategy of cooperation, which is represented by verbal agreement, use of the language of interviewer, and role play. Confrontational discourse uses the strategy of opposition that is relevant to the verbal behavior of interviewer; the indicators of this strategy are irony and explicit assessment of statements. The specific feature of V.V. Putin's style is the absence of unique manner in the interview with foreign journalists.*

KEYWORDS: *communicative strategies; political interview; political rhetoric; political leaders; linguistic persona.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vovkula Anna Vasilievna, Post-graduate Student of the Russian Language Department and Methods of Teaching the Russian Language of the South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Teacher of Additional Education of the Children and Youth Center of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Grabel'nikov A. A. Rabota zhurnalista v presse : ucheb. posobie. 4-e izd. — М. : RIP-kholding, 2004. 273 s.
2. Datsyuk S. V. Kommunikativnye strategii [Elektronnyy resurs]. URL: http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html (data obrashcheniya: 10.11.2017).

3. Интервью американскому каналу NBC [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/54688> (дата обращения: 12.11.2017).

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : учеб. пособие. — М. : ЛКИ, 2008. 283 с.

5. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92—104.

6. Лавринова Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью // Вестн. Поморск. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 68—71.

7. Нахимова Е. А. «Прямая линия» с народом»: президентские ответы на детские вопросы // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 22—26.

8. Первый канал. Путин. Документальный фильм Оливера Стоуна. Часть первая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olive-ra-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn> (дата обращения: 11.11.2017).

9. Первый канал. Путин. Документальный фильм Оливера Стоуна. Часть вторая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-vtoraya-smotret-onlayn> (дата обращения: 11.11.2017).

10. Первый канал. Путин. Документальный фильм Оливера Стоуна. Часть третья [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-tretaya-smotret-onlayn> (дата обращения: 11.11.2017).

11. Первый канал. Путин. Документальный фильм Оливера Стоуна. Часть четвертая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olive-ra-stouna-chast-chetvertaya-smotret-onlayn> (дата обращения: 11.11.2017).

12. Руженцева Н. Б. Манипулятивный компонент и предположительное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера // Политическая лингвистика. 2016. № 1. С. 26—34.

13. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации : моногр. — М. : Рефл-бук, 2001. 651 с.

14. Чистякова С. В. К вопросу об особенностях политического интервью // Инновационная наука : междунар. науч. журн. 2015. № 10. С. 194—196.

15. Lu Tingting, Chudinov A. P. Implicit and explicit tactics of evasion strategy in Russian and Chinese political interview // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 76—82.

5. Issers O. S. Strategiya recevoy provokatsii v publichnom dialoge // *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2009. № 2 (18). S. 92—104.
6. Lavrinova N. I. Tekstoobrazuyushchie kharakteristiki politicheskogo interv'yu // *Vestn. Pomorsk. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2009. № 5. S. 68—71.
7. Nakhimova E. A. «Pryamaya liniya» s narodom»: prezidentskie otvety na detskie voprosy // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 2. S. 22—26.
8. Pervyy kanal. Putin. Dokumental'nyy fil'm Olivera Stouna. Chast' pervaya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn> (data obrashcheniya: 11.11.2017).
9. Pervyy kanal. Putin. Dokumental'nyy fil'm Olivera Stouna. Chast' vtoraya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-vtoraya-smotret-onlayn> (data obrashcheniya: 11.11.2017).
10. Pervyy kanal. Putin. Dokumental'nyy fil'm Olivera Stouna. Chast' tret'ya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-tret'ya-smotret-onlayn> (data obrashcheniya: 11.11.2017).
11. Pervyy kanal. Putin. Dokumental'nyy fil'm Olivera Stouna. Chast' chetvertaya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-chetvertaya-smotret-onlayn> (data obrashcheniya: 11.11.2017).
12. Ruzhentseva N. B. Manipulyativnyy komponent i predposlochnoe znanie v politicheskom interv'yu: voprosy i kommentarii interv'yuera // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 1. S. 26—34.
13. Pocheptsov G. G. Teoriya kommunikatsii : monogr. — M. : Refl-buk, 2001. 651 s.
14. Chistyakova S. V. K voprosu ob osobennostyakh politicheskogo interv'yu // *Innovatsionnaya nauka : mezhdunar. nauch. zhurn*. 2015. № 10. S. 194—196.
15. Lu Tingting, Chudinov A. P. Implicit and explicit tactics of evasion strategy in Russian and Chinese political interview // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2018. № 1. P. 76—82.

А. А. Горностаева
Москва, Россия

ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИРОНИЧНОСТЬ, ЧЕРНЫЙ ЮМОР, ДЕСТРУКТИВНОСТЬ, СКВЕРНОСЛОВИЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу современного политического дискурса, в частности, тем изменениям, которые произошли в течение последних десятилетий: смещение от официального стиля в сторону ток-шоу; приобретение таких черт, как развлекательность, театральность, деструктивность. Стремление шокировать и эпатаживать публику отражается в выборе определенных языковых средств и стилистических приемов, которые представляют собой предмет изучения лингвистов. Широкое использование иронии, черного юмора, сквернословия является особенностью речевых портретов многих современных ораторов. Данное исследование, основанное на материале российского, британского и американского дискурса последних лет, дало интересные результаты в области сопоставительного аспекта и позволяет сделать выводы относительно некоторых тенденций в современном политическом языке. Деструктивность речевого поведения некоторых политиков заставляет их балансировать на границе дозволенного, а иногда делает их речь откровенно грубой и неприемлемой. Современный российский политический дискурс характеризуется промежуточным положением между двумя разновидностями политической коммуникации — тоталитарной и либеральной, не имеет четких ориентиров и находится на пути становления. Западный политический дискурс — это дискурс с устойчивыми традициями, со сложившейся культурой политических дебатов. Английский политический дискурс отличается такой чертой, как ироничность, которая представляет собой характерную особенность английской коммуникативной культуры в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; ирония; ироничность; черный юмор; речевая агрессия; сквернословие; речевое поведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горностаева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства, факультет непрерывного образования, Московский государственный лингвистический университет; 119571, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 36, к. 519; e-mail: anngormostaeva@yandex.ru.

1. Введение

В современной лингвистике все больше возрастает интерес к политическому дискурсу. Основная задача его лингвистического анализа состоит в выявлении механизмов сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [Наскер 1996: 51]. Исследователи политического дискурса выделяют следующие присущие ему характеристики: преобладание массового адресата; доминирующая роль фактора эмотивности; значительный удельный вес фатического общения (часто более важным оказывается не содержание сообщения, а сам факт его произнесения); смысловая неопределенность (значимость момента веры как проявления иррациональности политического дискурса); эзотеричность, обуславливающая использование таких стратегий, как эвфемизация и намеренная уклончивость; опосредованность политической коммуникации фактором СМИ (ее представители исполняют роль медиатора, выражающуюся в следующих функциональных вариантах: ретранслятор, рассказчик, конференсье, интервьюер, псевдокомментатор, комментатор); театральность; динамичность, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и изменчивостью политической ситуации [Шейгал 2000: 12; Садуов 2012]. К этим характеристикам можно добавить черты, особенно ярко проявившиеся сравнительно недавно: деструктивность, развлекательность, карнавальность, стремление к эпатажу [Волкова, Панченко 2016; Горностаева 2014; Озюменко 2017; El-Zawawy 2017;

Mirzaei, Eslami, Safari 2017; Ryshina-Pankova M., Quam J. 2016].

Политический язык отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы [Чудинов 2001; Anikin, Budaev, Chudinov 2015]. Используя экспрессивные средства языка, власть, в свою очередь, осуществляет манипулирование общественным сознанием. Таким образом, развитие политического языка и политической реальности тесно взаимосвязано.

2. Черты современного политического дискурса

Политический дискурс является предметом исследования политической лингвистики — науки, призванной изучать воздействие на массовое сознание языковых средств и приемов. Его целью является воздействие на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям. Центральные понятия политической коммуникации — это адресат и способы его убеждения.

В процесс осуществления политического дискурса вовлечены, как правило, несколько участников, один из которых — аудитория, являющаяся косвенным адресатом высказываний говорящих. Поскольку язык является

ся средством воздействия на мысли, чувства, поступки адресата, правомерно рассматривать политический дискурс в рамках прагмалингвистики и трактовать его как совокупность речевых актов, используемых в политической коммуникации с целью борьбы за власть и ее удержание. Характер языка политики идеологически обусловлен и следует прагматическим установкам, целям и условиям общения. Речевое воздействие осуществляется посредством лексических, стилистических и синтаксических средств через убеждение, внушение и принуждение в эксплицитной и имплицитной форме.

Традиционно политический дискурс характеризуется как официальный и сдержанный, однако в современном политическом дискурсе происходит переход от официальности и сдержанности к неформальности речи, на что обращают внимание многие исследователи [Базылев 2005; Шейгал 2000; Fialkova, Yelenevskaaya 2013 и др.]. Политические дебаты приближаются по своим характеристикам к ток-шоу, ораторы исполняют приемы, удивляющие и даже шокирующие публику: язвительную иронию, откровенную грубость, черный юмор, сквернословие. Развлечение зрителей становится едва ли не главной составляющей политических дискуссий. Это признают как сами политики, так и политические комментаторы. Например, в свете грядущих выборов президента России в 2018 г. ведущий одной из популярных программ заявляет: *Реальный кандидат на выборах только один, но надо как-то украшать выборы. Народ надо веселить* [Первый канал. «Время покажет». 25.10.2017].

3. Агрессия и деструктивность

Критика и нападение — особенности политического диалога между оппонентами в любой культуре. Политики самоутверждаются за счет победы над своими противниками, что выражается в речи.

В политическом дискурсе, по своей природе агональном [Шейгал 2000] и деструктивном [Волкова, Панченко 2016; Озюменко 2017], принцип соперничества является одним из главных. Некоторые лингвисты уподобляют политический дискурс военным действиям, в которых язык приобретает статус оружия [Шилихина 2011: 177], при этом целью говорящего является уничтожение противника: «Как и на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение „боевой мощи“ противника — вооружения (то есть мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента)» [Демьянков 2002: 39]. Агрессия является од-

ной из стратегий, которая predetermined самой целью политического дискурса — победой над оппонентом.

В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: в качестве примеров исследователи приводят манипулятивное общение, авторитарный стиль, распад и осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, даже молчание как наказание партнера, а также умолчание [Волкова, Панченко 2016]. Интенцией деструктивности в политической коммуникации является нанесение вреда репутации оппонента и уменьшение его политических шансов. Исследователи отмечают, что подобное речевое поведение является результатом не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии [Волкова 2014]. Согласно теории деструктивности, различаются доброкачественная агрессия, т. е. «биологически адаптивная, способствующая поддержанию жизни», и «злокачественная агрессия, не связанная с сохранением жизни» [Фромм 1994: 163]. Доброкачественная агрессия представляет собой реакцию на угрозу и выполняет защитную функцию, в то время как злокачественная агрессия не является защитой: «В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» [Фромм 1994: 21]. Именно такое отношение к оппоненту, вызванное сознательным желанием разрушить, нанести вред, и определяется исследователями как деструктивная деятельность — «специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем» [Лысак 1999: 5]; тип общения, направленного на «сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [Волкова, Панченко 2016: 168]. Для реализации деструктивного поведения характерны обвинительный тон высказываний, разная степень интенсивности критики — от резкой до злобной, превалирование отрицательной оценочности.

Одной из предпосылок агрессивности и деструктивности политического дискурса является современная тенденция идентификации и разделения на «нас» и «их», или «своих» и «чужих» [Van Dijk 2009; Wodak 2015; Фоменко 2016] и др. Под «ними» подразумеваются все те лица, которые могут угрожать национальной безопасности госу-

дарства — террористы, иммигранты и т. д. Специалисты в области критического дискурс-анализа определяют «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур (примеры: исследование Т. А. ван Дейка о представлении в голландских СМИ суринамцев, турок и марокканцев; исследование Р. Водак антииммигрантского и антисемитского дискурса в Австрии). Тем не менее этот термин трактуется и шире: например, «чужие» — это все те, кто нарушает традиционные нормы, т. е. лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики [Будаев, Чудинов 2006].

Противопоставление «свои — чужие» обостряет деструктивность политической речи. С целью выявления этой тенденции в современном политическом дискурсе нами был проанализирован материал выступлений американских, британских и российских ораторов. Анализ показал, что политические лидеры используют прямые оскорбления оппонентов, т. е. транспонированные знаки агрессии [Шейгал 2000], оскорбительные прозвища с инвективной функцией, издевки, насмешки, передразнивания политических противников.

(1) *She [H. Clinton] took a little short circuit in the brain; John Kasich — dummy; Karl Rove — irrelevant clown; Jeb Bush — low energy, crooked Hillary* (Дональд Трамп о своих оппонентах) [цит. по: Волкова, Панченко, 2016: 174].

(2) *Кто такая Собчак? Что она знает? Она в Сибири была? В армии служила? Просто девушка и все* (В. В. Жириновский во время предвыборной кампании) [«Время покажет». Первый канал. 23.11.2017].

(3) *Американцы никогда не будут воевать... это торгаши, спекулянты. Им только на разборки приезжать* (В. В. Жириновский об американцах) [Там же].

Деструктивное поведение подразумевает высокий уровень речевой агрессии, того, что называется «языком вражды» (*hate language*). Этот термин включает в себя использование некорректных выражений и оскорблений в адрес собеседника: «Есть определенные четко ограниченные формы речи, наказание за которые никогда не составляло конституционной проблемы. К ним относятся скабрзные, непристойные, грубые, клеветнические, оскорбительные слова, или „вербальная агрессия“ — те, которые в силу своего произнесения наносят травму или подстрекают к нарушению мира» [Лаккофф 2014: 71].

Агрессия может быть выражена и в вуалированной форме, например, через иронию. В политическом дискурсе она может

приобретать острые, гротескные проявления, выражаясь и в грубой форме, а не только в виде тонкой издевки или «под видом похвалы» [Ермакова 2014: 77]. В политической речи часто присутствует сарказм, который некоторые авторы рассматривают как разновидность иронии [Attardo 2007; Leech 2014]. Такая ирония является способом нагрубить и реализуется за счет подразумеваемого противоречия: «...irony is triggered by inferred contradiction» [Alba-Juez 2014: 145].

Ирония, с одной стороны, маскирует некорректное поведение, с другой — доносит до собеседника негативный смысл оценки. В этом заключается один из секретов успешного проведения дискуссий: «Если вам необходимо нанести оскорбление, сделайте это таким образом, чтобы не противоречить „принципу прагматики“: позвольте собеседнику косвенным путем постичь оскорбительный смысл вашего высказывания за счет имплицатуры» («If you must cause offence, at least do so in a way which doesn't conflict with the *Principles of Pragmatics*, but allows the hearer to arrive at the offensive point of your remark indirectly, by way of implicature» [Leech 1983: 82]).

4. Ироничность

Ирония — категория субъективная, подчас трудно уловимая, это живой и сложный феномен, который не может быть загнан в жесткие рамки. Ирония представляет собой синтез идеологического процесса и лингвистического явления, функционирующий в политическом дискурсе как механизм смыслопорождения и интерпретации политических реалий.

Мы опираемся на предложенное ранее определение иронии как речевого жанра, имеющего в основе языковую манипуляцию, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания в отличном от буквального смысле. Ирония выполняет функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего, является отражением менталитета народа и имеет этнокультурные особенности [Горностаева 2013].

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Иронический политический дискурс заставляет аудиторию активно участвовать в процессе переосмысления и интерпретации информации.

Ирония может быть подготовлена заранее и включена в выступление политика сознательно; тем не менее наиболее ценными с лингвистической точки зрения представ-

ляются иронические экспромты (в данном случае ирония выступает не как готовый инструмент, а как категория дискурса, продукт взаимодействия между автором и адресатом).

В политическом дискурсе ирония выполняет различные функции — от нападения до защиты, сохранения лица; от сближения с аудиторией до дистанцирования.

(4) *I am not known for my sense of humour... people say I am boring compared to Donald... but I am not boring at all... In fact I am the life of every party I attend... and I have been to three* [2016 Al Smith Dinner (Full) [http](http://)]. (Х. Клинтон использует иронию в защитной функции: «Я не могу похвастаться чувством юмора... Люди говорят, по сравнению с Дональдом я скучна... Но это не так. На самом деле, я — душа компании на любой вечеринке. А я была на трех»).

(5) *The press this year is more biased than ever. You want an example? Michelle Obama gives a speech and everyone loves it, it's fantastic. They think she's absolutely great. My wife, Melania, gives the same exact speech and people get on her case and I don't get it!* [2016 Al Smith Dinner (Full) [http](http://)] (Дональд Трамп, рассказывая о выступлении своей супруги с речью, которую сочли плагиатом: «Пресса в этом году очень предвзята. Хотите пример? Мишель Обама выступает с речью, которая всем очень нравится. Это замечательно. Все считают ее умницей. Моя жена, Мелания, произносит в точности ту же самую речь. И все набрасываются на нее. Не понимаю!»).

В данных примерах присутствует самоирония, которая отсекает все дальнейшие попытки критики и является мощным орудием защиты от нападков. Так, в речи Х. Клинтон неожиданное добавление в конце фразы *and I have been to three* является нарушением коммуникативных ожиданий адресата и сигнализирует о том, что говорящий использует иронию. Показное и нарочитое возмущение Д. Трампа поведением прессы также свидетельствует о его неискренности и предотвращает дальнейшую критику.

Ирония может выполнять и иную функцию — сближение с аудиторией.

(6) — *What would you do with people who avoid tax?*

— *I would kill them.*

— *Would you pay the same tax if you could get away with it?*

— *I certainly wouldn't say I would. If I did, I would do it secretly and then lie about it* [David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [http](http://)].

(Дэвид Митчелл, британский актер и

комментатор, отвечая на вопросы интервью:

— *Что бы вы делали с теми, кто уклоняется от уплаты налогов?*

— *Я бы убивал их.*

— *А вы сами стали бы платить налоги, если бы могли избежать этого?*

— *Если бы я мог избежать, я бы не стал об этом рассказывать. Я бы делал это втайне, а потом бы врал.*)

В данном случае говорящий сначала использует ироническую гиперболу (*I would kill them*), а потом прибегает к механизму нарушения коммуникативных ожиданий, открыто сознаваясь в готовности уклоняться от налогов, что контрастирует по смыслу с первоначальным заявлением. Такая манера вести диалог создает неформальную атмосферу даже при обсуждении серьезных вопросов. Ирония помогает снять напряжение, нивелировать проблему.

(7) — *По поводу Роберта Крафта и этой истории с кольцом... Что вы думаете по этому поводу?*

— *Я не помню ни господина Крафта, ни кольца... Но если это такая большая ценность, я попрошу, чтобы у нас изготовили, чтобы было видно, что это дорогая вещь. Это будет лучшим решением этой сложной международной проблемы* [Лучшая подборка Путина... [http](http://)] (В. В. Путин — об инциденте с пропавшим кольцом Роберта Крафта).

Употребленная в ответе ироническая гипербола — «сложная международная проблема» — сигнализирует об истинном отношении говорящего к данному вопросу: он считает проблему незначительной и не считает нужным заострять на ней внимание (речь идет о заявлении владельца американской футбольной команды «Нью Ингленд пэтриотс» Роберта Крафта о якобы похищенном у него в России кольце). Наилучший способ сообщить об этом — ирония, которая помогает выразиться предельно ясно, не обижая собеседника.

Таким образом, ирония является значимым и неотъемлемым компонентом политического дискурса.

5. Черный юмор

Еще одной чертой политического дискурса является черный юмор (*black humour*, *grim humour*, или *gallows humour*) как способ юмористического отражения чего-либо трагического или ужасного. Черный юмор не имеет цели высмеять общечеловеческие ценности. Его функция — защита, смягчение эффекта от возможных потрясений, с которыми может столкнуться любой человек. Почти сотню лет назад З. Фрейд писал, что человеческое эго предпочитает не мучиться

из-за реальности, а считать травматические эпизоды внешнего мира незначительными; такие травмы превращаются в способ достичь удовольствия [Фрейд 2006]. Часто черный юмор — один из способов справиться с тяжелой, кажущейся неразрешимой проблемой.

Американские авторы отмечают возрастание роли черного юмора в период нестабильности в обществе, роста тревожности и нервозности [Blank 2013]. Современное общество переживает как раз такой период — мы можем наблюдать, как трагические события провоцируют нервный смех и мрачный юмор. Распространению этого «фольклора» способствует Интернет, публикующий шутки на все темы — дозволенные и недозволенные, иногда выходящие за рамки пристойности и корректности.

Многие современные политики прибегают к черному юмору, чтобы привлечь исключительное внимание аудитории, обозначить свою неоднозначную позицию по какому-либо вопросу, сделать заявление, граничащее с сенсацией.

Например, вскоре после трагической смерти российских летчиков, сбитых турецкими ВВС, получила широкое распространение ироническая метафора «Помидорами не отделаетесь». Впервые она появилась в двенадцатом послании президента России Федеральному собранию (2015 г.) и имела под собой выражение реального негодования и обещание дальнейших решительных действий, кроме запрета импорта турецких овощей и фруктов в Россию. Далее крылатое выражение многократно повторялось и видоизменялось СМИ: «Нельзя мерить жизнь наших военных майками и помидорами», «Турки помидорами не отделаются» (о закрытии турецких курортов). Ирония в данном словосочетании заключена в том, что центральный образ — помидоры — на самом деле не имеет никакого значения, речь идет о вещах намного более важных: жизни и смерти.

События внутривнутриполитической жизни также представляют собой обширное поле для мрачных шуток. Так, отвечая на вопрос о повышении пенсионного возраста, президент РФ В. В. Путин прокомментировал ситуацию риторическим вопросом:

(8) *Отработал — в деревянный макинтош — и поехал?* (Прямая линия с В. Путиным. 16.04.2015).

Использование яркой иронической метафоры («деревянный макинтош» вместо «гроб»; «поехал» вместо «умер») убедительно выражает негативную позицию говорящего по отношению к такой реформе.

В англоязычной политической речи использование черного юмора — давняя традиция. К таким распространенным темам, как война, смерть, болезни, в современном языке прибавилась тема беженцев и терроризма, дающая широкий простор для творчества использующим черный юмор. Подобные шутки можно встретить на сайтах, посвященных обсуждению политических событий. Некоторые шутки из разряда черного юмора маркированы на сайте пометкой *Feel free to laugh! This is America. And remember: laughter is the best medicine. If you can't laugh at your pain, then they won.* («Смейтесь, не стесняйтесь! Это Америка. И помните: смех — лучшее лекарство. Если вы не можете смеяться над своей болью, они победили»). Примером может служить шутка на тему теракта в США 11 сентября 2001 г.:

(9) *American Airlines offer a new deal: they promise to fly you straight from the airport to the office* [This 9/11 Joke Collection Will Save America! <http://>]. («„Американ Эрлайнз“ предлагают новую услугу: вас доставят из аэропорта прямо в офис»).

Юмористические сайты публикуют фотографии темнокожих иммигрантов, снабженные подписями:

(10) *This is Nahir (photo of an Arab). Nahir is born in Germany. Nahir is German.*

This is Fluffy (photo of a guinea pig). Fluffy is born in horse stable. Fluffy is a horse [Dark humour].

(*Это Нахир* (фото араба). *Нахир родилась в Германии. Нахир — немец.*

Это Флаффи (фото морской свинки). *Флаффи родилась в конюшне. Флаффи — лошадь.*)

В данном рассуждении использован иронический механизм абсурдного вывода. Любопытно, что отсутствие логики становится очевидным во втором примере, тогда как первое утверждение кажется формально логичным. Ирония здесь направлена против иммигрантов, что нарушает все правила политкорректности и является расизмом по сути. Тем не менее в современной Европе, которую захлестнула волна иммигрантов из стран третьего мира, подобные шутки иногда встречаются.

Теме расизма посвящен и следующий афоризм:

(11) *All races are equal. No matter if you are black, yellow, brown or normal* [Dark humour] («Все расы равны. И не важно, какой вы — черный, желтый, коричневый или нормальный»). Ирония здесь заключена в несоответствии первого утверждения второму, подразумевающему противопоставление белой расы всем остальным.

Сексистские шутки также популярны:

(12) *Women should have equal rights as men but... BACK TO THE KITCHEN!* («У женщин должны быть равные права с мужчинами, но... Марш назад на кухню!»)

Несмотря на давность событий Второй мировой войны, остаются актуальными связанные с ними шутки, исполненные черного юмора:

(13) *The story of Hansel and Gretel wouldn't be the last time Germans pushed people into ovens* [Dark humour] («История Гензеля и Гретель — не последняя, в которой немцы заталкивали людей в печи»).

Можно предположить, что чем напряженнее ситуация в стране и в мире в целом, тем большее распространение имеет черный юмор. Он выполняет функцию защиты общества и каждой личности в отдельности от потрясений, стрессов и чрезмерного накала эмоций.

6. Сквернословие

Сквернословие часто занимает значимое место в дискурсе современных политиков. Необходимо отметить, что допустимость сквернословия варьируется в зависимости от национальной культуры, например «сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в английской коммуникации шире, чем в русской» [Ларина 2013: 326—327]. Поскольку грубость, как и вежливость, имеет свою национально-культурную специфику и степень толерантности к ней в различных культурах различна [Ларина, Козырева, Горностаева 2012: 126], оценивать поведение как вежливое или грубое не всегда просто, особенно в сопоставительном аспекте.

В российском политическом дискурсе присутствуют общие пейоративы со значением «негодяй, ничтожество» (*посмешище, подлец*), специальные пейоративы, называющие носителей конкретных пороков (*извращенец, мошенник, вор, убийца, предатель, провокатор*), и обсценная лексика. Эти языковые средства способны создать у реципиента определенное эмоциональное отношение к предмету разговора, сформировать негативные ментальные репрезентации.

В течение последних десятилетий отмечается широкое употребление в публичной речи единиц общеупотребительной, просторечной и жаргонной лексики, а также инвектив. Анализ российского политического дискурса на рубеже XX—XXI вв. показал, что «в речи многих верховных, официальных и политических лиц (примеров множество: Б. Ельцин, А. Чубайс, А. Руцкой, Ю. Батулин, Е. Гайдар) встречаются такие оскорбительные выражения, как *недоумки, популисты,*

спекулянты, политическая паранойя, бредовые прожекты... не говоря о таких „мелочах“, как *бред, чушь*» [Шапошников 1998: 157]. Данную тенденцию отметили многие исследователи: так, В. И. Жельвис [Жельвис 1999, 2001] рассматривает многочисленные примеры использования бранных выражений в современной агитационно-политической речи; А. М. Майданова анализирует разнообразные виды речевой агрессии в средствах массовой коммуникации [Майданова и др. 1997]. Агрессивная природа современных политических лозунгов и использование пейоративов детально исследованы А. Н. Барановым, Д. Б. Гудковым, Л. В. Ениной и Е. И. Шейгал [Баранов 1993; Гудков 1999; Енина 2000; Шейгал 2000].

Несмотря на то, что современная публичная речь открыта для разговорно-сниженной лексики, которая способствует деофициализации речи и делает общение более непринужденным, существуют определенные ограничения, регулирующие границы снижения стиля в выступлениях политиков.

Проникновение обсценной лексики в политический дискурс можно наблюдать даже в парламентских дебатах, политических интервью.

Например, во время пресс-конференции В. В. Жириновский, даже не дослушав вопрос журналистки, среагировал таким образом:

(14) *Фурии Майдана... Бешенство матки у вас у всех! Не было бы бешенства матки, Майдана не было бы. Нету любовника, нету мужа, никого нет! Через язык вырывается огненный смерч. Так и у вас... Пошла вон отсюда, лесбиянка!* [Жириновский опять Оскарданился! [http](#)].

Даже во время встреч на высшем уровне можно слышать сквернословие. Так, известна реплика С. В. Лаврова:

(15) *«Дебилы, б...ь»*, адресованная журналистам, переговаривавшимся в ходе пресс-конференции с министром иностранных дел Саудовской Аравии Аделем аль-Джубейром [Сергей Лавров: «Дебилы, ...» [http](#)], а также иронический комментарий по этому поводу пресс-секретаря президента РФ Д. С. Пескова, что лучше было бы выразиться *«Козлы, нах...й»* [Песков: "Козлы нах*й" [http](#)].

Тем не менее есть способы формально соблюсти литературные нормы и вместе с тем дать понять, какие именно пейоративы могли бы быть употреблены:

(16) *Многие меры давно назрели, и нужно было принимать адекватные складывающейся ситуации решения... такие вопросы решаются недостаточно продуманно. Не буду употреблять крепких выражений, не имею на это права, тем более в прямом*

эфире, но вы понимаете, что я имею в виду [Путин В. В. Прямой эфир 27.09.2005 [http](http://www.kreml.ru)].

Сквернословие в английском парламенте формально не допускается. Существуют специальные правила, запрещающие напрямую называть оппонентов лгунами или обвинять в намеренном обмане; нельзя говорить, что член парламента пьян; запрещается запугивание или физическое воздействие (в отличие от австралийского парламента, где допустимы прямые оскорбления и обвинения). Например, премьер-министр Пол Китинг в 1980—1990 гг. характеризовал оппозицию таким образом: *cheats, vandals, lice, brain-damaged, piece of criminal garbage* — жулики, вандалы, вши, слабоумные, кусок криминального мусора) [Beard 2001]. Тем не менее, по замечанию исследователей, есть множество не прямых способов высказать неуважение и враждебность: «This does not mean that members are perpetually disrespectful to each other — they have to find less direct means of being hostile to their opponents» [Beard 2001: 111].

Ораторы, находящиеся вне стен парламента, позволяют себе и более свободные выражения:

(17) *And that's the most fucking bomb* [David Mitchell on Tax Avoidance [http](http://www.bbc.com/news/health-12345678)]. «Это — полная х...ня!» — говорит комментатор Дэвид Митчелл о неправильной, на его взгляд, системе налогообложения в Великобритании.

Одно из особо любимых англоязычными политиками бранных слов — *crap*, которое часто используется для характеристики того, что говорят и делают оппоненты, что подлежит критике:

(18) *They used to call it "silent majority", but they are not using this word any more. We are not taking this crap any more* [Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami... [http](http://www.foxnews.com/politics/2016/11/09/donald-trump-in-miami/)] («Раньше это называлось „молчаливое большинство“, но теперь это выражение больше не употребляют. Хватит этой ерунды»).

(19) *Proclaiming separation of churches and all this crap...* [Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [http](http://www.foxnews.com/politics/2016/02/11/ben-carson-iowa-caucus/)] («Предлагается разделить церкви и прочий бред...»).

(20) *We are supposed to hate Muslims... and that kind of crap is not going to work in the USA. Let's stop this scapegoating one group of people or another* [Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [http](http://www.foxnews.com/politics/2016/02/11/bernie-sanders-looks-forward-to-beating-donald-trump/)] («Предполагается, что мы ненавидим мусульман... Весь этот бред не пройдет в США. Давайте прекратим относиться к той или иной группе людей как к козлам отпущения»).

Таким образом, пейоративы занимают прочное место в современном политическом дискурсе. Это является следствием демо-

кратизации речи и утраты политическим языком строго официального характера.

7. Выводы

Изменения, происходящие в политическом дискурсе на современном этапе, демонстрируют его смещение от официальности в сторону разговорного стиля. К тем характеристикам, которые присущи политическому дискурсу изначально (эмоциональная насыщенность, агрессивность, направленность на манипулирование общественным мнением), добавились новые черты: заигрывание с аудиторией, стремление ее позабыть или шокировать, клоунада и карнавальность речи. Такие приемы, как ирония, черный юмор, употребление обценной лексики, служат, с одной стороны, для минимизации дистанции между оратором и публикой, создания образа «своего парня», с другой — для самовозвышения говорящего и уничтожения политических оппонентов. Деструктивность современного политического дискурса, грубость и оскорбления, ему присущие, приводят к тому, что некоторые ораторы с трудом балансируют на границе дозволенного. Спасти положение, сохранить лицо помогает ирония, выполняющая различные функции — как критики, так и защиты, как сближения, так и дистанцирования. Таким образом, исследование иронии как риторической фигуры политического общения играет важную роль в плане повышения эффективности дискурса.

Отражая специфику социокультурного развития страны, современный российский политический дискурс занимает промежуточное положение между двумя разновидностями политической коммуникации — тоталитарной и либеральной. Недостаток у говорящих представлений об этических параметрах и соответствующих коммуникативных инструментах не всегда позволяет отражать реалии нового времени и взаимодействовать с ними, вследствие чего ораторы пытаются адаптировать старые (или заимствованные) политические и коммуникативные клише к новой ситуации, включая в свою речь дискредитирующие оппонента элементы (оскорбление, компромат и черный пиар). В целом можно сказать, что российский политический дискурс не имеет четких ориентиров и находится на пути становления.

Что касается западного политического дискурса, то здесь наблюдается несколько иная картина: это дискурс с устойчивыми традициями, со сложившейся культурой политических дебатов. Английский политический дискурс отличается такой чертой, как ироничность, которая представляет собой характерную особенность английской ком-

муникативной культуры в целом.

Тем не менее и в российском, и в англо-американском современном политическом дискурсе наблюдаются общие тенденции: распространение черного юмора, сквернословия, балансирование на границе дозволенного.

ИСТОЧНИКИ

1. Жириновский опять Оскандалился! "Пошла вон отсюда лесбиянка..." [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 19 apr. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDIAfVqEyg>.
2. Лучшая подборка Путина Свежие остроты и шутки Путина Зал рукоплещет его шуткам [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 2 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo>.
3. Песков: "Козлы нах*йи" [Электронный ресурс] // Youtube. 2016. 30 дек. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dWhpPOmq5js>.
4. Путин В. В. Прямой эфир 27.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru>.
5. Сергей Лавров: «Дебилы, ...» [Электронный ресурс] // Youtube. 2015. 12 авг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TfhlFGaIHRw>.
6. Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [Electronic resource] // Youtube. 2016. 1 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AYEO9FSgNMA>.
7. Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [Electronic resource] // Youtube. 2015. 8 Dec. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WkNXjVIEQoI>.
8. Dark humour [Electronic resource]. URL: <https://9gag.com/darkhumor>.
9. David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [Electronic resource] // Youtube. 2015. 2 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m2q-Csk-ktc>.
10. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD [Electronic resource] // Youtube. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bx3sZfOoZp8>.
11. This 9/11 Joke Collection Will Save America! [Electronic resource] // Ooze.com. URL: <http://www.ooze.com/articles/9-11-jokes.html>.
12. 2016 Al Smith Dinner (Full) | The New York Times [Electronic resource] // Youtube. 2016. 10 Oct. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>.

ЛИТЕРАТУРА

13. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5—32.
14. Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
16. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : моногр. — Волгоград : Перемена, 2014. 324 с.
17. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.
18. Горностаева А. А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации // моногр. — М. : Маска, 2013. 240 с.
19. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64—74.
20. Гудков Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России — 3 : материалы рабочего совещания. — М., 1999. С. 64—67.
21. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. — № 3. С. 32—43.
22. Енина Л. В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. С. 207—216.
23. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры ре-

- чи. — Калуга, 2014. № 1—2 (9—10). С. 74—80.
24. Жельвис В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. — Екатеринбург, 1999.
25. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Ладомир, 2001. 352 с.
26. Лакофф Р. Вербальная агрессия vs. политкорректность / пер. В. В. Дементьева // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 69—73.
27. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. — М. : Языки славянских культур, 2013. 360 с.
28. Ларина Т. В., Козырева М. М., Горностаева А. А. О грубости в коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 126—134.
29. Лысак И. В. Человек-разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. — Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. 55 с.
30. Майданова А. М., Амиров В. М., Енина Л. В. [и др.]. Речевая агрессия в средствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997. 118 с.
31. Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. No 1. С. 203—220.
32. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.
33. Фоменко Т. А. Образ врага как стереотип мышления // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. Т. 20. Ч. 2. С. 46—60.
34. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — М., 2006. 55 с.
35. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : Республика, 1994. 447 с.
36. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2001) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
37. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998. 243 с.
38. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
39. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 177—182.
40. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // Russian Journ. of Linguistics. 2014. № 4. P. 139—152.
41. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. P. 26—32.
42. Attardo S. Irony as a Relevant Inappropriateness. Irony in Language and Thought // A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston, R. W. Gibbs. — New York ; London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
43. Beard A. The language of politics. — Taylor & Francis e-Library, 2001. 133 p.
44. Blank T. J. The Last Laugh. — Eurospan, 2013. 176 p.
45. El-Zawawy A. M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 183—202.
46. Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. — Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
47. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis. The Theory and Practice of Political Communication Research. — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.
48. Leech G. N. Principles of pragmatics. — London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
49. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2014.
50. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
51. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
52. Van Dijk T. A. Society and Discourse. How social contexts

control text and talk. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009.
53. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist

Discourses Mean. — London : Sage, 2015.

A. A. Gornostaeva
Moscow, Russia

PERMITTED LIMITS IN POLITICAL DISCOURSE: IRONY, BLACK HUMOUR, DESTRUCTIVENESS, INVECTIVES

ABSTRACT. *The article analyzes contemporary political discourse; special attention is paid to the changes happening in the last decades – the shift from official style to talk show style, acquisition of such features as entertainment, theatrics and destruction. The desire to shock and astonish the audience is reflected in the choice of certain language means and stylistic devices, which are in the focus of great attention of linguists. Wide usage of irony, black humor and taboo words is the peculiarity of many public speakers today. This research, based on the Russian, American and British discourses of the nearest past, revealed interesting tendencies in the field of comparative aspect and makes it possible to make conclusions about some trends in political language. Destructive verbal behavior of some speakers makes them sail close to the wind, but still, in some cases their speeches are vulgar and unacceptable. Contemporary Russian political discourse is characterized by intermediary position between two types of political communication – totalitarian and liberal, at the same time it has no clear road map and it is still developing. The western political discourse is the discourse with stable traditions and its rules of debates. The English political discourse is ironic, which is the characteristic feature of the English communicative culture in general.*

KEYWORDS: *political discourse; irony; ironical; dark humour; speech aggression; swearing; verbal behavior.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gornostaeva Anna Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Department of Translation and Pedagogy, Moscow, Russia.*

REFERENCES

- Zhirinovskiy opyat' Oskandalilsya! "Poshla von otsyuda lesbiyanka..." [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2014. 19 apr. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDIAfVqEyg>.
- Luchshaya podborka Putina Svezhie ostroty i shutki Putina Zal rukopleshchet ego shutkam [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2014. 2 iyunya. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo>.
- Peskov: "Kozly nakh*y" [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2016. 30 dek. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dWhpPomq5js>.
- Putin V. V. Pryamoy efir 27.09.2005 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://archive.kremlin.ru>.
- Sergey Lavrov: «Debily, ...» [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2015. 12 avg. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TfhfGaiHRw>.
- Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [Electronic resource] // Youtube. 2016. 1 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AYEO9FSgNMA>.
- Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [Electronic resource] // Youtube. 2015. 8 Dec. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WkNXjVIEQoI>.
- Dark humour [Electronic resource]. URL: <https://9gag.com/darkhumor>.
- David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [Electronic resource] // Youtube. 2015. 2 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m2q-Csk-ktc>.
- Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD [Electronic resource] // Youtube. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bx3sZfOoZp8>.
- This 9/11 Joke Collection Will Save America! [Electronic resource] // Ooze.com. URL: <http://www.ooze.com/articles/9-11-jokes.html>.
- 2016 Al Smith Dinner (Full) | The New York Times [Electronic resource] // Youtube. 2016. 10 Oct. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>.
- Bazylev V. N. Politicheskiy diskurs v Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2005. № 15. S. 5—32.
- Baranov A. N. Yazykovye igry vremen perestroyki (Fenomen politicheskogo lozunga) // Rusistika. 1993. № 2.
- Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
- Volkova Ya. A. Destrktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte : monogr. — Volgograd : Peremena, 2014. 324 s.
- Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Destrktivnost' v politicheskom diskurse // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 161—178.
- Gornostaeva A. A. Ironiya kak komponent angliyskogo stilya kommunikatsii : monogr. — M. : Maska, 2013. 240 s.
- Gornostaeva A. A. Ironiya v politicheskom diskurse: agressiya ili razvlechenie? // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2014. № 3. С. 64—74.
- Gudkov D. B. Nastennyye nadpisi v politicheskom diskurse // Politicheskiy diskurs v Rossii — 3 : materialy rabochego soveshchaniya. — M., 1999. S. 64—67.
- Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya. — M., 2002. — № 3. S. 32—43.
- Enina L. V. Ideologicheskoe sodержanie sovremennykh lozungov protesta // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg, 2000. S. 207—216.
- Ermakova O. P. Yavlyatsya li ironiya rechevym zhanrom? (Eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) // Zhanry rechi. — Kaluga, 2014. № 1—2 (9—10). S. 74—80.
- Zhel'vis V. I. Invektiva v politicheskoy rechi // Russkiy yazyk v kontekste kul'tury. — Ekaterinburg, 1999.
- Zhel'vis V. I. Pole brani. Skverno slovie kak sotsial'naya problema. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Ladimir, 2001. 352 s.
- Lakoff R. Verbal'naya agressiya vs. politikorrektnost' / per. V. V. Dement'eva // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 69—73.
- Larina T. V. Anglichane i russkie: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 360 s.
- Larina T. V., Kozyreva M. M., Gornostaeva A. A. O grubosti v kommunikativnoy etike v mezhkul'turnom aspekte: postanovka problemy // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2012. № 2. S. 126—134.
- Lysak I. V. Chelovek-razrushitel': destrktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen. — Taganrog : Izd-vo TRTU, 1999. 55 s.
- Maydanova A. M., Amirov V. M., Enina L. V. [i dr.]. Rechevaya agressiya v sredstvakh massovoy informatsii. — Ekaterinburg, 1997. 118 s.
- Ozyumenko V. I. Mediyyny diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii — k agressii // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. No 1. S. 203—220.
- Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskyy i semioticheskyy analiz : monogr. — Ufa: RITs BashGU, 2012. 136 s.
- Fomenko T. A. Obraz vraga kak stereotip myshleniya // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. № 1. T. 20. Ch. 2. S. 46—60.
- Freyd Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu. — M., 2006. 55 s.
- Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destrktivnosti. — M. : Respublika, 1994. 447 s.
- Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2001) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

37. Shaposhnikov V. N. Russkaya rech' 1990-kh. Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii. — M., 1998. 243 s.
38. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. — M. ; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.
39. Shilikhina K. M. Ironiya v politicheskom dialoge // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 177—182.
40. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // Russian Journ. of Linguistics. 2014. № 4. P. 139—152.
41. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A.P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 3. P. 26—32.
42. Attardo S. Irony as a Relevant Inappropriateness. Irony in Language and Thought // A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston, R. W. Gibbs. — New York ; London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
43. Beard A. The language of politics. — Taylor & Francis e-Library, 2001. 133 p.
44. Blank T. J. The Last Laugh. — Eurospan, 2013. 176 p.
45. El-Zawawy A. M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 183—202.
46. Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. — Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
47. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis. The Theory and Practice of Political Communication Research. — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.
48. Leech G. N. Principles of pragmatics. — London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
49. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2014.
50. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
51. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
52. Van Dijk T. A. Society and Discourse. How social contexts control text and talk. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009.
53. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. — London : Sage, 2015.

С. В. Канашина
Москва, Россия

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется роль интернет-мемов в политических выборах. Актуальность статьи обусловлена возрастающей популярностью и массовостью интернет-мемов в контексте политических выборов и, как следствие, необходимостью научно осмыслить этот феномен. Цель статьи — изучить и описать функции интернет-мемов в электоральном процессе. Чаще всего интернет-мемы имеют стандартизированную шаблонную форму — текст и картинка в квадратной рамке. Исследование показало, что мемы имеют высокую значимость в избирательных кампаниях. С одной стороны, они выступают в качестве современного фольклорного жанра, народного творчества интернет-пользователей, которые пытаются осмыслить политические выборы и выразить свое мнение с помощью интернет-мемов. В этом случае они выполняют такие функции, как функция выражения политического мнения, политического протеста или высмеивания политика во время выборов (во время выборов нередко появляются мемы, высмеивающие одиозные фразы кандидатов, их внешний вид, слабые места предвыборных кампаний и т. д.). С другой стороны, мемы могут использоваться как современное оружие политической борьбы, намеренно применяемое политиками для победы на выборах путем привлечения внимания, дискредитации соперника, распространения пропаганды, создания определенного имиджа или повышения рейтинга политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-мемы; интернет-коммуникации; политические выборы; политическая пропаганда; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Канашина Светлана Валериевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru.

Развитие информационных технологий в последние годы кардинально изменило политический контекст. Если до недавнего времени официальные СМИ являлись самыми важными трансляторами политической информации, предлагая публике информационный продукт, подвергнувшийся цензуре, правке и отвечающий интересам определенных социальных групп, сегодня мы наблюдаем иную картину. Официальные СМИ теряют популярность и авторитет в политической жизни, все большую значимость приобретает интернет как платформа для свободного анонимного политического диалога. По мнению Ю. А. Михалева, «в эпоху информационных технологий интернет становится важным коммуникативным инструментом, широко используемым государственной властью, партиями, политическими лидерами и представителями гражданского общества в своих интересах, в том числе и в ходе предвыборных кампаний» [Михалев 2015: 147].

Под воздействием современных информационных процессов меняются и политические выборы. Официальные СМИ в меньшей степени выступают сегодня в качестве мощного инструмента политической пропаганды ввиду того факта, что публика имеет выбор при получении информации в лице альтернативных оппозиционных СМИ. Важным распространителем политических идей выступает интернет [Смирнова 2012], который предлагает плюрализм политических мнений, а «интернет-аудитория становится активным началом в политическом дискурсе» [Зеленская 2014: 120]. Осознавая роль интернета в политической жизни, политики ме-

няют свои стратегии при выстраивании предвыборных кампаний, пытаются использовать ресурсы интернета для достижения победы. А традиционное понимание политических выборов как борьбы, основанной на противостоянии политических программ, взглядов и принципов, уступает место современному пониманию выборов как шоу, захватывающего зрелища, полного драматичных острых моментов, и даже цирка [Hess 2016]. Кроме того, меняется и политическое поведение людей, все более заметной становится тенденция к снижению избирательной активности, аполитичности населения.

Среди множества интернет-феноменов, выступающих инструментами политики, особое внимание привлекают интернет-мемы, единицы культурной информации, тиражирующиеся в интернете. Интернет-мемы могут иметь разнообразную форму и представлять собой популярное видео в интернете, лозунг, текст и т. д. Однако чаще всего интернет-мемы имеют стандартизированную шаблонную форму — текст и картинка в квадратной рамке. Как отмечают В. А. Глухих и С. М. Елисеев, «использование интернет-мемов в избирательных кампаниях представляет собой новый тренд в современной политике» [Глухих, Елисеев 2017: 90].

Анализ политических выборов последних лет (президентские выборы в США 2016 г., выборы мэра Москвы 2013 г., а также набирающая обороты предвыборная кампания в России накануне президентских выборов 2018 г.) показал, что интернет-мемы играют важную роль в определении политического

контекста, выступая мощным инструментом политического влияния.

Цель данной статьи — изучить роль интернет-мемов в процессе политических выборов.

Необходимо прежде всего отметить, что интернет-мемы могут рассматриваться в данном аспекте с двух сторон. С одной стороны, они выступают как современный фольклорный жанр, народное творчество интернет-пользователей, которые пытаются осмыслить политические выборы и выразить свое мнение с помощью интернет-мемов. В данном случае процесс создания интернет-мемов спонтанный, в большей мере стихийный, неуправляемый. С другой стороны, интернет-мемы могут использоваться как определенная PR-технология, стратегия, осознанно применяемая политиками в процессе политических выборов для достижения победы. В этом случае интернет-мемы создаются намеренно с целью создать положительный имидж политика или отрицательный имидж политического противника, повысить популярность политика и т. д.

В процессе политических выборов интернет-мемы могут выполнять следующие функции.

1. Функция выражения политического мнения во время выборов.

Интернет-мемы являются важным инструментом выражения политического мнения, что обусловлено их жанровыми характеристиками, а также функциями «интернет-среды как пространства открытого общения, обсуждения и выражения мнения» [Галинская 2013: 91]. Такие свойства мемов, как анонимность, отсутствие цензуры и правки, нарушение речевого этикета и языковых конвенций, позволяют интернет-пользователям выражать свое мнение о политических кандидатах максимально свободно. Интернет-мемы становятся платформой, своеобразной трибуной для прямого, не ограниченного барьерами и условностями высказывания мнения. Причины этого явления кроются в социальных и культурных изменениях общества. Поскольку избирательная активность населения падает и общество становится все более аполитичным, прямые, открытые формы политической активности (митинги, уличные демонстрации) уступают место пассивному политическому участию. Люди, как правило, выступают пассивными реципиентами политической информации, транслируемой через СМИ, которая воспринимается с разной долей критики. В том слу-

чае, если человек хочет выразить свое политическое мнение, которое может быть непolitкорректным, радикальным или агрессивным, и быть услышанным сообществом, ему на помощь приходят интернет-мемы. Создав интернет-мем, человек может поделиться им с другими пользователями, сохранив свою анонимность. В данном случае интернет-мемы выступают как личная реакция человека на политические выборы.

В качестве примера можно привести многочисленные интернет-мемы, посвященные Д. Трампу и Х. Клинтон, появившиеся в период предвыборной кампании 2016 г. На рис. 1 изображен интернет-мем, посвященный Д. Трампу и Х. Клинтон. Сопроводительная надпись гласит: «Неужели эти двое — лучшее, что мы можем предложить?». Очевидно, интернет-пользователь выражает свое ироничное отношение к двум политикам.

2. Функция выражения политического протеста во время выборов.

Поскольку выражение открытого политического протеста в форме митингов, уличных демонстраций, пикетов и т. д. имеет законные ограничения и требует соблюдения определенных норм законодательства, а также предполагает высокую степень политической сознательности и активности, эти традиционные формы выражения политического протеста менее распространены в современном обществе. Стихийные формы проявления политического протеста, перерастающие в массовые беспорядки, даже подавляются государством с участием полиции и т. д. Таким образом, общество ищет альтернативный способ выражения политического протеста, и интернет-мемы являются тем самым инструментом, позволяющим людям выразить протест, негодование, возмущение и т. д. По сути дела, интернет-мемы дают возможность устроить своеобразную анархию, хаос, в котором нет политических авторитетов. Даже уважаемый политик, участвующий в выборах, может подвергнуться осмеянию, злобной сатире. Интернет-мем — современный *vox populi* (глас народа), т. е. индикатор общественного мнения.

Примером интернет-мема, выражающего политический протест во время политических выборов, могут служить интернет-мемы, появившиеся в 2011 г. после выборов в Госдуму, посвященные «нелегитимной» Думе (рис. 2) и инициированные сообщениями о нарушениях и фальсификациях во время выборов.

Рис. 1

3. Функция высмеивания.

Роль комического в политическом контексте чрезвычайно велика, поскольку «смех во все эпохи был мощнейшим политическим оружием» [Пророкова 2016]. Интернет-мем является влиятельным инструментом политической сатиры и по своим жанровым характеристикам похож на карикатуру, которой свойственна сатиричность, злободневность, гротеск. Поскольку процесс политических выборов привлекает пристальное внимание общественности, публика «сканирует» политический ландшафт в поисках комического и, находя комизм, выражает его в форме интернет-мема. Интернет-мем представляет собой современный сетевой фольклор, народное творчество, которое основано на юморе. Нетрудно заметить родственность таких фольклорных жанров, как интернет-мем и анекдот. Во время выборов нередко появляются мемы, высмеивающие одиозные фразы кандидатов, их внешний вид, слабые места предвыборных кампаний и т. д. В целом интернет-мемы можно рассматривать как воплощение народной смеховой культуры, как результат переосмысления людьми политического контекста через призму комизма.

В качестве примера можно привести многочисленные интернет-мемы, посвященные Хиллари Клинтон во время президентской гонки в США 2016 г.: интернет-пользователи подшучивали над скандалом, связанным с утечкой электронных писем Х. Клинтон, сообщением о ее заболевании пневмонией, ее возрастом и т. д.

Таким образом, интернет-мемы являются важным инструментом политики и выполняют такие функции, как функция выражения политического мнения, политического протеста и высмеивания во время выборов. Эти функции реализуются на уровне широкой

Рис. 2

общественности, которая реагирует на процесс выборов в форме интернет-мемов. В данном случае интернет-мемы создаются обычными людьми без специальной подготовки с целью поделиться своим мнением с помощью этих единиц интернет-коммуникации. Тенденция комментировать процесс выборов с помощью интернет-мемов набирает популярность во многих странах и обусловлена растущей значимостью интернет-технологий в жизни людей.

Однако кроме тенденции к созданию интернет-мемов обычными интернет-пользователями в качестве развлечения, досуга необходимо отметить и другую тенденцию, которая заключается в том, что в период политических выборов некоторые интернет-мемы создаются специально обученными людьми и используются в качестве манипулятивной стратегии, направленной на достижение победы определенным кандидатом. Данная тенденция распространена в США, а также наблюдается в России, и мотивирована она прежде всего богатым прагматическим потенциалом интернет-мемов, т. е. способностью влиять на людей, воздействовать на подсознание.

Не секрет, что в процессе политических выборов политики прибегают к помощи различных специалистов, которые помогают создать выигрышный имидж. Образ политика формируется в пространстве СМИ, во время дебатов на федеральных телеканалах, выступлениях по радио, в газетных публикациях. Но все большая часть электората отстраняется от потребления традиционного контента СМИ (все меньше людей смотрят новостные передачи по телевизору, рейтинги телеканалов и тиражи газет падают [Власкин 2016]) и предпочитает проводить время в интернете, выбирая интересное для себя. В результате возникает проблема: «как

достучаться» до тех, кто остается вне контекста традиционных СМИ и предпочитает получать информацию из интернета? При этом политики также сталкиваются с тем, что современное молодое поколение менее восприимчиво к традиционным методам политической пропаганды и давно практиковавшиеся политические стратегии оказываются не столь эффективными. В этом случае политикам на помощь приходят специалисты — интернет-технологи, которые пытаются максимально использовать потенциал интернета для привлечения электората. Одной из современных эффективных стратегий политического манипулирования является использование интернет-мемов во время выборов.

Если рассматривать интернет-мемы как инструмент политической борьбы, осознанно используемый политиками для победы на выборах, то интернет-мемы выполняют следующие функции.

1. Функция привлечения внимания.

Интернет-мем выступает как «инструмент, который может повысить узнаваемость политика за счет массового распространения» [Антонов 2017]. Поскольку современная концепция выборов предполагает шоу, зрелищность, эпатирование публики, перед политиками стоит задача привлекать внимание электората, постоянно создавая информационные поводы, в том числе используя нестандартные стратегии. Как отмечает М. Карягин, «успех политических кампаний зависит от яркости и запоминаемости мессенджей, которые с собой несет политик или партия» [Карягин 2017]. Многие современные политики прибегают к сетевой активности (имеют профили в социальных сетях — «ВКонтакте», «Facebook» — и аккаунты в «Twitter», ведут интернет-блоги) для того, чтобы установить максимальный контакт с электоратом. В рамках своей сетевой активности политики и прибегают к использованию интернет-мемов для привлечения внимания. Размещение яркого, броского, возможно, скандального интернет-мема на интернет-ресурсе политика способно, без сомнения, вызвать интерес публики. Даже если интернет-мем имеет негативную коннотацию, неполиткорректен, затрагивает тему табу, политик достигает главную цель: он привлекает внимание и повышает свою узнаваемость среди электората.

В качестве примера можно привести интернет-мем с лягушонком Пепе (рис. 3), размещенный сыном Дональда Трампа во время президентской гонки в США. Сопроводительная надпись переводится как «ужасные» (англ. *deplorable* означает *ужасный, отвратительный*) и создает аллюзию к выражению *basket of deplorables* (англ. «сборище ужасных людей»): именно так в 2016 г. Х. Клинтон назвала Республиканскую партию США. Интернет-мем является достаточно скандальным, поскольку в нем используется интернет-символ расизма и превосходства белой расы — лягушонок Пепе. Несмотря на негативную риторику, связанную с использованием этого мема в штабе Д. Трампа, кандидату от Республиканской партии удалось таким способом привлечь внимание к себе.

2. Функция дискредитации соперника на выборах.

Политики могут прибегать к использованию мемов во время предвыборной гонки для намеренной дискредитации соперника. Данная стратегия достаточно часто реализуется, потому что в политической борьбе зачастую преследуется цель выделить недостатки, связанные с политической программой оппонента, и тем самым указать на его несостоятельность. В этом случае интернет-мем должен быть прагматически нагружен, понятен среднестатистическому интернет-пользователю и содержать информацию, негативно репрезентирующую оппонента. Интернет-мемы могут рассматриваться как грозное дискредитирующее оружие, потому что, во-первых, они способны воздействовать на подсознание, оперируя понятными и доступными образами и символами, во-вторых, они стремительно распространяются в интернете и могут стать очень популярными. Интернет-мем — своеобразный понятный и популярный язык, на котором политики говорят с массами. При этом для дискредитации оппонента во время выборов политики используют целый арсенал языковых и неязыковых средств, которые может предоставить интернет-мем, начиная от запоминающейся, броской картинки и специально подобранного шрифта до сатиры, гротеска, разнообразных тропов и аллюзий.

Рис. 3

В качестве примера можно привести интернет-мем «Партия жуликов и воров», распространение которого было инициировано А. Навальным в 2011 г.

3. Функция пропаганды во время выборов.

Интернет-мемы также являются влиятельным инструментом политической пропаганды [Haddow 2016]. Как было сказано выше, они апеллируют к подсознанию реципиента. По форме мемы напоминают традиционные орудия пропаганды (агитационный плакат, листовка и т. д.), грамотно сочетающие вербальный и невербальный компоненты. По мнению А. А. Столярова, «мем — это скрытый идеологический код, который способен воздействовать на человека» [Столяров 2014]. Кроме того, вербальный компонент мемов (сопроводительная надпись) часто напоминает короткие и убедительные лозунги, характерные для политической пропаганды в целом. Поскольку традиционные стратегии политической пропаганды становятся менее актуальными и эффективными, она эволюционирует и развивается в контексте интернет-пространства. Прагматические возможности интернет-мема настолько велики, что удачный мем может повлиять на голосование избирателя во время выборов.

В качестве примера можно указать мем про 146 % (рис. 4), распространять который начали оппозиционно настроенные россияне после выборов в Госдуму 2011 г., когда в эфире телеканала «Россия 24» появился график с результатами голосования, общая сумма процентов в котором составила 146,47 %. Оппозиция использовала этот мем как оружие пропаганды, намекая на фальсификации на выборах.

4. Функция создания имиджа политика.

Поскольку «интернет сегодня становится той площадкой, где политик может презентовать себя огромной массе людей — будущих избирателей, высвечивая наиболее положительные компоненты своего имиджа» [Кравцов 2009: 307], интернет-мемы умело используются политиками как средство со-

Рис. 4

здания положительного имиджа. Манипулируя интернет-мемами в интернет-пространстве, политики позиционируют себя как современные, открытые для инноваций люди. Поскольку интернет-мемы охватывают преимущественно молодую аудиторию, политик, приобщаясь к мемам, идентифицирует себя с группой продвинутых интернет-пользователей и таким образом сам становится в глазах общественности человеком «в теме», «в тренде». Важно отметить, что данная тенденция предполагает не традиционное дистанцирование политиков от массовой культуры как пошлого и шаблонного явления, а, наоборот, приобщение к ней, потому интернет-мемы — проявление современной массовой культуры. В целом использование интернет-мемов в процессе выборов можно рассматривать как продуманную PR-технология, которая направлена на создание образа «политика-приятеля», разговаривающего с массами простыми категориями (понятными формулировками, смешными мемами), пришедшего на смену образу «политика-эксперта».

В качестве примера можно указать многочисленные мемы, размещенные Д. Трампом в период предвыборной гонки. Все они направлены на создание имиджа Д. Трампа как человека «из своих», простого и в то же время современного.

5. Функция повышения рейтинга политика.

Интернет-мемы помогают политику повысить уровень популярности среди избирателей, потому что данные единицы воспринимаются обществом позитивно. В период выборов перед политиком стоит задача максимально повысить свой рейтинг. Высокий рейтинг отдельно взятого политика, а не сильная политическая программа, является основным условием победы, потому что, во-первых, власть в наивысшей степени персонализирована и общество идентифицирует будущее страны с конкретным человеком, во-вторых, выбор электората всегда основан на оппозиции «нравится / не нравится», т. е.

на симпатии [Axelrod 2016], а не на рациональном суждении. Для того чтобы нравиться электорату, политику нужно вписываться в культуру избирателей, а поскольку интернет-мемы — важная часть современной культуры, политикам приходится приобщаться к ним.

В качестве примера можно вновь привести мемы, размещенные Д. Трампом в период предвыборной гонки.

Таким образом, интернет-мемы являются современным сильным оружием политической борьбы, целенаправленно используемым политиками для победы на выборах. Очевидно, создание мемов осуществляется специалистами из команды политика, а не самим политиком, но сам мем размещается в интернет-пространстве от лица политика. Интернет-мемы в данном случае многофункциональны и направлены на привлечение внимания, дискредитацию соперника, распространение пропаганды, создание определенного имиджа и повышение рейтинга политика. Мемы служат универсальным языком *lingua franca* [Chmielewski 2016] и позволяют установить своеобразный контакт с избирателями, при котором коммуникация осуществляется опосредованно через интернет. Политик транслирует идеи, концепты, призывы через интернет-мем, а электорат декодирует это сообщение политика.

В заключение необходимо сказать, что роль интернет-мемов в процессе политических выборов велика. С одной стороны, мемы выступают в качестве народного интернет-творчества, своеобразной трибуны, позволяющей избирателям выразить политическое мнение, протест или высмеять политика в период выборов. С другой стороны, интернет-мемы используются политиками в процессе выборов как стратегия политического воздействия, нацеленная на привлечение внимания электората, дискредитацию оппонента на выборах, распространение пропаганды, создание имиджа или повышение рейтинга политика. Активное использование интернет-мемов в процессе политических выборов отражает изменения полити-

ческого контекста под воздействием интернет-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Е. Как устроены интернет-мемы и почему люди их так любят. Рассказывает лингвистика [Электронный ресурс] // Бумага : интернет-газета. 2017. 31 окт. URL: <https://paperpaper.ru/campus/memes/> (дата обращения: 17.01.2018).
2. Власкин А. Борьба интернет-мемов. Трамп как лицо новой политической реальности [Электронный ресурс] // Новости TUT.BY. 2016. 4 июня. URL: <https://news.tut.by/world/498666.html> (дата обращения: 17.01.2018).
3. Галинская Т. Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа российского политика (на материале комментариев интернет-пользователей о Б. Немцове) // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 91—98.
4. Глухих В. А., Елисеев С. М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. 2017. № 4. С. 90—96.
5. Зелянская Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 120—126.
6. Карягин М. Мемная политика [Электронный ресурс] // Актуальные комментарии. 2017. 12 мая. URL: actualcomment.ru/memnaia-politika-1705121050.html (дата обращения: 17.01.2018).
7. Кравцов В. В. Политическая коммуникация в Интернете // Вестн. ЧГУ. 2009. № 4. С. 305—311.
8. Михалёв Ю. А. Роль Интернета в политике государств современного мира // Вестн. МГЛУ. 2015. № 26 (737). С. 147—154.
9. Пророкова М. Почему политики боятся мемов? [Электронный ресурс] // FURFUR. 2016. 23 нояб. URL: www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/219457-pepe_strikes_again (дата обращения: 17.01.2018).
10. Смирнова М. В. Применение интернет-технологий в предвыборной кампании РОДП «Яблоко» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 4. С. 107—110.
11. Столяров А. А. Политические мемы эпохи «Facebook-революции» как способ конструирования медиарельности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2014. № 3. URL: www.mediascope.ru/1590 (дата обращения: 17.01.2018).
12. Axelrod E. The role of memes in politics [Electronic resource] // Brown Political Review. 20.03.2016. URL: www.brownpoliticalreview.org/Culture (date of access: 17.01.2018).
13. Chmielewski D. Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle [Electronic resource] // USA TODAY. 30.09.2016. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490/> (date of access: 17.01.2018).
14. Haddow D. Meme warfare: how the power of mass replication has poisoned the US election [Electronic resource] // The Guardian. 4.11.2016. URL: <https://www.theguardian.com/.../political-memes-2016-electi..> (date of access: 17.01.2018).
15. Hess A. Memes, myself and I: the internet lets us all run the campaign [Electronic resource] // The New York Times. 4.11.2016. URL: <https://www.nytimes.com/.../memes-myself-and-i-the-interne...> (date of access: 17.01.2018).

S. V. Kanashina
Moscow, Russia

THE ROLE OF INTERNET MEMES IN POLITICAL ELECTIONS

ABSTRACT. *The article looks at the role of internet memes in political elections. The relevance of the article is proved by the growing popularity and high occurrence of internet memes in the context of political elections, and, as a result, the necessity to scientifically examine this phenomenon. The aim of the article is to analyse and describe the functions of internet memes in the electoral process. Most often internet memes are standard and follow certain pattern – a text and a picture in a square frame. The study shows that memes are very important in the sphere of elections. On the one hand, they are a modern folklore genre, creative product of internet users who try to conceptualize elections and express their opinion with the help of internet memes. In this case they fulfill the functions of expressing political opinion, protest or satirizing a politician during elections (memes that ridicule infamous phrases of politicians, their appearances, weak point in the electoral program, etc. are very frequent). On the other hand, memes can be used as a modern tool of political strife intentionally used by politicians and aimed at attracting attention, discrediting an opponent, disseminating propaganda, creating an image or increasing a political rating.*

KEYWORDS: *Internet meme; Internet communication; elections; political propaganda; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kanashina Svetlana Valerievna, Candidate of Philology, Lecturer, Department of the English language №3 Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation; Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Antonov E. Kak ustroeny internet-memy i pochemu lyudi ikh tak lyubyat. Rasskazyvaet lingvistika [Elektronnyy resurs] // Bumaga : internet-gazeta. 2017. 31 okt. URL: <https://paper.paper.ru/campus/memes/> (data obrashcheniya: 17.01.2018).
2. Vlaskin A. Bor'ba internet-memov. Tramp kak litso novoy politicheskoy real'nosti [Elektronnyy resurs] // Novosti TUT.BY. 2016. 4 iyunya. URL: <https://news.tut.by/world/498666.html> (data obrashcheniya: 17.01.2018).
3. Galinskaya T. N. Kontent-analiticheskoe issledovanie mediynogo obraza rossiyskogo politika (na materiale kommentariyev internet-pol'zovateley o B. Nemtsove) // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 91—98.
4. Glukhikh B. A., Eliseev C. M. Internet-memy kak instrumenty publichnoy politiki // Diskurs. 2017. № 4. S. 90—96.
5. Zelyanskaya N. L. Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agens politicheskoy real'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 120—126.
6. Karyagin M. Memnaya politika [Elektronnyy resurs] // Aktual'nye kommentarii. 2017. 12 maya. URL: actualcomment.ru/memnaya-politika-1705121050.html (data obrashcheniya: 17.01.2018).
7. Kravtsov V. V. Politicheskaya kommunikatsiya v Internete // Vestn. ChGU. 2009. № 4. S. 305—311.
8. Mikhalev Yu. A. Rol' Interneta v politike gosudarstv sovremennogo mira // Vestn. MGLU. 2015. № 26 (737). S. 147—154.
9. Prorokova M. Pochemu politiki boyatsya memov? [Elektronnyy resurs] // FURFUR. 2016. 23 noyab. URL: www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/219457-pepe_strikes_again (data obrashcheniya: 17.01.2018).
10. Smirnova M. V. Primenenie internet-tekhnologiy v predvybornoy kampanii RODP «Yabloko» // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2012. № 4. S. 107—110.
11. Stolyarov A. A. Politicheskie memy epokhi «Facebook-revoljutsii» kak sposob konstruirovaniya mediarel'nosti [Elektronnyy resurs] // Mediaskop. 2014. № 3. URL: www.mediascope.ru/1590 (data obrashcheniya: 17.01.2018).
12. Axelrod E. The role of memes in politics [Electronic resource] // Brown Political Review. 20.03.2016. URL: www.brownpoliticalreview.org/Culture (date of access: 17.01.2018).
13. Chmielewski D. Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle [Electronic resource] // USA TODAY. 30.09.2016. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490/> (date of access: 17.01.2018).
14. Haddow D. Meme warfare: how the power of mass replication has poisoned the US election [Electronic resource] // The Guardian. 4.11.2016. URL: <https://www.theguardian.com/.../political-memes-2016-electi..> (date of access: 17.01.2018).
15. Hess A. Memes, myself and I: the internet lets us all run the campaign [Electronic resource] // The New York Times. 4.11. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/.../memes-myself-and-i-the-interne...> (date of access: 17.01.2018).

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

Е. Н. Зотова
Челябинск, Россия

«РОССИЙСКАЯ АГРЕССИЯ» ПО-АМЕРИКАНСКИ И «РОССИЙСКИЙ СЛЕД» ПО-УКРАИНСКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию репрезентаций двух деструктивных феноменов: «российская агрессия» на страницах американских СМИ и «российский след» в украинских средствах массовой информации. В качестве материала для исследования используются макрокорпус «News on the Web» (NOW Corpus) — Британский национальный корпус и украинские интернет-издания. Возможности любого языкового корпуса определяются его использованием в качестве инструмента для изучения и интерпретации аксиогенных ситуаций. В свою очередь, средства массовой информации, материалы которых представлены в национальных языковых корпусах и в сети Интернет, транслируют аксиологические установки и приоритеты акторов политической коммуникации, отражают концептуальную оппозицию «свои — чужие», становятся причиной деструкции политического дискурса. Анализ лингвопрагматических характеристик деструктивных феноменов «российская агрессия» и «российский след» на новом витке информационно-психологической войны свидетельствует о том, что их воздействие является достаточно сильным и вызывает ответную реакцию со стороны российских СМИ и интернет-изданий. Такую реакцию можно охарактеризовать как опровержение или, наоборот, поддержку с высокой негативно-оценочной составляющей. Авторы статьи делают вывод о том, что информационно-психологическая война, разворачивающаяся в настоящее время на страницах средств массовой информации, характеризуется трансляцией деструктивных смыслов и ведет как к психологическому и речевому воздействию на целевую аудиторию, так и к дестабилизации отношений между государствами. В целом ситуация, при которой журналистика фактов подменяется журналистикой мнений, а информационная война превращается в информационную агрессию, является опасной и ведет к дестабилизации отношений между народами и государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиогенная ситуация; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; образ России; корпусные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Зотова Елизавета Николаевна, студент, бакалавриат, направление «Международные отношения», кафедра «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: lizazotova45@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе существования лингвистической науки одно из ее направлений — корпусная лингвистика — переживает настоящий бум. Подтверждением тому служит большое количество работ, обосновывающих необходимость применения корпусных исследований для изучения различных типов дискурса, описывающих преимущества и недостатки заявленной методики [Богоявленская 2016; Борискина, Донина 2016; Борискина, Шилихина 2017; Воркачев 2016; Задобривская, Борискина 2016; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016; Brinton 2012; López-Couso, Méndez-Naya, Núñez-Per-tejo, Palacios-Martínez 2016; Postolea 2014]. Лейтмотивом большинства публикаций по вопросам использования методов корпусной лингвистики является мысль о том, что информационно-коммуникационные технологии (Information and Communication Technologies — ICT) могут дать «возможность взглянуть на,

казалось бы, достаточно изученное явление в ином ракурсе, что будет способствовать приращению знания междисциплинарного характера» [Борискина, Шилихина 2017: 31].

В качестве преимуществ языковых корпусов О. Ф. Задобривская и О. О. Борискина выделяют следующие признаки: «сбалансированность по разным параметрам; специализированный поисковый интерфейс и морфологическая, синтаксическая и редко семантическая разметка» [Задобривская, Борискина 2016: 205]. К недостаткам корпусных исследований Ю. В. Богоявленская относит отсутствие валидной методики проверки репрезентативности корпуса, позволяющей определить «необходимо-достаточное количество текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач» [Богоявленская 2016: 164]. Полагаем, что корпусом, репрезентативным с речевой и культурной точек зрения, является макрокорпус «News on the Web» («NOW Corpus»), который включа-

ет более 5 млрд слов из газет и журналов, размещенных в сети Интернет, с 2010 г. до сегодняшнего дня (на январь 2017 макрокорпус насчитывал 3,8 млрд слов [Борискина, Шилихина 2017: 32]).

Ценность любого языкового корпуса определяется возможностью его использования в качестве инструмента изучения и интерпретации аксиогенных ситуаций, под которыми В. И. Карасик понимает «положение дел, заслуживающее внимания, допускающее переосмысления и, главное, выражающее ту или иную ценность — высший ориентир поведения» [Карасик 2015: 6]. Средства массовой информации, материалы которых представлены в национальных языковых корпусах, как нельзя лучше отвечают предложенному определению. Т. Г. Добросклонская приводит следующие функции СМИ в современном обществе: «формирование общественного мнения, создание определенного идеологического фона, **пропаганда той или иной системы ценностей** (выделено нами. — Н. К., Н. Р., Е. З.), движение языковой нормы, состояние национальной культуры» [Добросклонская 2010: 19].

В целом система функций СМИ, по мнению Т. Г. Добросклонской, включает в себя следующие компоненты: 1) информативная; 2) развлекательная; 3) образовательная; 4) рекламная; 5) идеологическая [Добросклонская 2010: 21]. Безусловно, данный список может быть продолжен и изменен в соответствии с новыми политическими и дискурсивными условиями и обстоятельствами. Можно предположить, что идеологическая функция имела первостепенное значение в партийно-советский период, когда отечественная печать выполняла пропагандистские, агитационные и организаторские задачи. Однако в условиях информационной войны эта функция вновь актуализируется, становится одним из наиболее важных средств ведения информационной войны, когда «конфликтующие стороны уже открыто объявляют своим противникам информационную войну» [Суходолов 2015: 121]. Современные средства массовой информации очень изобретательны в создании идеологически маркированных феноменов, которые позволяют «противопоставить поступки, подтверждающие принадлежность участников коммуникативной ситуации той или иной группе, осознающей свою идентичность и противопоставляющей себя другим группам» [Карасик 2011: 32]. К числу таких идеологически маркированных феноменов, детерминированных геополитической ситуацией и претендующих на роль лингвокультурологических

концептов, относятся образы «российской агрессии» и «российского следа», активно используемые в западных и украинских средствах массовой информации.

«РОССИЙСКАЯ АГРЕССИЯ» В АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Трансляция аксиологических установок и приоритетов того или иного актора политической коммуникации, детерминированная концептуальной оппозицией политического дискурса («свои — чужие»), может стать причиной его деструкции. Под деструкцией дискурса мы понимаем «нарушения кодирования/декодирования информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации» [Кошкарлова 2015: 127]. Так, одним из активно употребляемых в западных СМИ стало словосочетание *Russian aggression* — *российская агрессия* и метонимический инвариант *Moscow's aggression* — *агрессия Москвы*.

Целью данной части исследования является анализ лингвопрагматических характеристик репрезентации феномена «российская агрессия» на страницах американских СМИ. Выбор материала для анализа продиктован современным положением дел в российско-американских отношениях, что не могло не отразиться на представлении анализируемого феномена в массмедийном дискурсе. Для журналистики как ценностно маркированной области человеческой деятельности и для массмедиа как сферы реализации «четвертой власти» характерны «политематичность, социальная оценочность, идеологическая ориентация» [Болотнова 2017: 150].

В настоящее время мы становимся свидетелями ситуации, когда расширяется репертуар методов информационной политики, которая часто перерастает в информационно-психологическую войну. Одним из речевых приемов представления «российской агрессии» на страницах американских СМИ является метафорическая модель со сферой-источником «Война», которая используется для описания необходимости борьбы с анализируемым явлением: *Poroshenko is expressing confidence that U.S. President-elect Donald Trump will support Ukraine in its struggle against Russian aggression despite his desire to mend ties with Moscow* (Radio Liberty. January 18, 2017). <...> *All three countries (the United States, Estonia, Georgia and Montenegro. — Н. К.) have struggled for years with Russian aggression, so Pence's* (Vice Presi-

dent of the United States. — H. K.) *tough-on-Russia message will be “welcome” in each of them, said Michael McFaul, the former U.S. ambassador to Russia* (Washington Post. July 31, 2017).

Милитарная метафора используется и для описания реакции западных партнеров на «российскую агрессию». «Российскую агрессию» необходимо **сдерживать** (*deter*): *Mr. Poroshenko sought to buttress Ukraine's case by saying that it had responsibly used the nonlethal systems it had already received from the United States, and asserting that the anti-tank weapon would be used to **deter** further **Russian aggression*** (New York Times. August 24, 2017); от нее необходимо **обороняться** (*defend*) и **защищаться** (*protect*): *A range of non-cyber responses could also have been entertained, such as providing arms to Ukraine to **defend itself from Russian aggression** or ratcheting up sanctions on Russia by kicking it out of the SWIFT system of inter-bank transfers* (USA Today. April 6, 2017) <...> *The Whitehouse recently announced its intention to include \$4.8B for the European Reassurance Initiative, a special fund created during the last administration to **protect against Russian aggression*** (Seeking Alpha. June 6, 2017); с ней необходимо **бороться** (*fight*) и **сражаться** (*combat*): *In passing on his congratulations to Trump on behalf of Ukraine, the president reiterated to Yovanovitch the importance of keeping U.S. sanctions against Russia in place and said he looked forward to working with the new Trump administration” in our **fight against Russian aggression**, in our fight for freedom and democracy, and sovereignty and territorial integrity, where the United States remains our reliable partner* (Radio Liberty. November 9, 2016). <...> *Russia is beating the United States in cyber warfare, Senator John McCain has told CNN. The Arizona senator and Republican former presidential candidate told CNN's State of the Union that the U.S. needed to do more **to combat Russian aggression** or risk the “unraveling of the world order”* (Inquisitr. December 18, 2016).

Форпостом защиты западной демократии против «российской агрессии», по мнению американских СМИ, безусловно является Украина: *But Trump is really talking about indirect funding. Since 2006, each NATO member has had a guideline of spending at least 2 percent of gross domestic product on defense spending. At a 2014 summit, responding to **Russian aggression in Ukraine**, NATO members pledged to meet that guideline by 2024* (ABC News. May 31, 2017). <...> *But investigators find aspects of the meetings, as described, puzzling. Why was a banker involved? Did it have something to do with sanctions on Russia imposed by the Obama ad-*

*ministration due to **Russian aggression in Ukraine**? Why would Kushner want to use Russian communications equipment, if it's true he made that request? Where bold ideas germinate* (Christian Science Monitor. May 30, 2017).

Нетрудно догадаться, что «российская агрессия» в американских СМИ упоминается в одном ряду с присоединением Крыма к России, которое западное сообщество рассматривает как аннексию: *Pence's address and a series of one-on-one meetings with world leaders along the sidelines sought to calm nervous European allies who remain concerned about **Russian aggression**, including its **annexation of Crimea**. Many have been alarmed by Trump's positive statements about Russian President Vladimir Putin. Pence's speech aimed to reassure international partners who worry that Trump may pursue isolationist tendencies* (Northwest Arkansas. February 19, 2017). <...> *Poroshenko said that Trump had raised “the question of the **Russian aggression** and illegal **annexation of Crimea**” in a phone conversation a few days after the Republican candidate's election victory* (Radio Liberty. November 24, 2016).

Следует отметить, что концепт «российская агрессия» представлен не только в американском массмедийном, но и в официальном дискурсе, к которому вполне можно отнести высказывания политических лидеров. Так, на встрече министров иностранных дел стран — членов НАТО в марте 2017 г. госсекретарь США Рекс Тиллерсон сказал: *Наконец, мы хотим обсудить позицию НАТО в Европе, в частности, на востоке Европы, в ответ на агрессию России на Украине и в других местах. — NATO needs to discuss its force posture, “particularly Eastern Europe in response to Russia's aggression in Ukraine and elsewhere”.*

Безусловно, что подобные высказывания на официальном уровне не могли не вызвать реакцию со стороны МИД России. В официальном Комментарии Департамента печати и информации МИД России по итогам министерской сессии Совета НАТО сказано: *Поддержание единства в рядах многосторонней структуры — тем более такой как НАТО, куда входят столь различные государства, — насколько можно судить, дело непростое. Важно иметь сильный объединяющий мотив. Натоевским министрам, как следует из их же комментариев, долго искать такой мотив не пришлось — у них на уме всегда одно и то же: миф о „российской угрозе“, клевета о „российской агрессии“ и бесконечные заклинания о необходимости ей „коллективно противостоять“* [Комментарий Департамента информации и печати МИД России по итогам министерской сессии

Совета НАТО [http](http://)].

Прагматический потенциал официального комментария МИД России созвучен утверждению В. А. Жилиной о том, что «погружение американского или западного обывателя в „угрозы со стороны русского медведя“ позволяет не только закамуфлировать явные причины современных военных агрессий, но и сформировать внутренние стимулы для преодоления сложных негативных тенденций развития» [Жилина 2015: 66].

Выражение «российская агрессия» употребляется и в украинских СМИ, однако ограниченный объем статьи не позволяет нам привлечь достаточное количество украинских публикаций, в которых использован данный феномен. Перейдем к понятию «российский след», которое не менее активно используют СМИ Украины.

«РОССИЙСКИЙ СЛЕД» ПО-УКРАИНСКИ

Украинские СМИ находятся под сильным внешним давлением, вынуждающим их формировать в сознании потребителя массовой информации резко негативный образ России. К причинам этого мы в предыдущих публикациях отнесли «наличие политического задания (в известной степени аналогичного техническому заданию — брифу); конструирование доминантного информационного пространства; использование СМИ как пропагандистской машины; „вброс“ чужого контента (информационных уток, фейковых новостей); „цензурное давление“; информационную изоляцию, давление спецслужб и неизвестных личностей; давление отдельных известных личностей» [Руженцева 2013: 122—124]. Анализ речевого материала показывает, что феномен «российской агрессии» активно обсуждается в западных СМИ — на Украине же он репрезентирован лишь в официальном дискурсе. В свою очередь, украинский массмедийный дискурс эксплуатирует такое понятие, как «российский след». Эти выражения можно, с нашей точки зрения, назвать атакующими — «именно их авторы хотят сделать в первую очередь достоянием адресата, „продавить“ в его сознание» [Там же: 125]. Так, в июле 2017 г. президент Украины Петр Порошенко на брифинге по итогам встречи со своим коллегой Александром Лукашенко заявил, что *за все время российской агрессии на Донбассе погибли 11 тысяч украинских граждан* [Российская агрессия убила 11 тысяч украинцев — Порошенко. [http](http://)]. Подобное заявление манипулятивного характера контекстуально поддержано использованием другой манипулятивной техники — «навешивание ярлыков», когда номинация «агрессор» употребляется по

отношению к стране, против которой были выдвинуты подобные обвинения, в данном случае против России: *Только за последние два дня агрессор убил 8 украинских защитников*. Статус России как «страны-агрессора» был официально закреплен в «Законе о реинтеграции Донбасса», принятом Верховной радой Украины 6 октября 2017 г.

Другим устойчивым словосочетанием, активно тиражируемым украинскими СМИ, является номинация «российский след». Так, после покушения в октябре 2017 г. на народного депутата Украины VIII созыва Игоря Мосийчука в МВД Украины поспешили заявить, что «в покушении на народного депутата Игоря Мосийчука может быть „российский след“, так как в его убийстве заинтересован глава Чечни Рамзан Кадыров» [Покушение на Мосийчука: в полиции не исключают российский след. [http](http://)].

Во многих публикациях на страницах украинских СМИ понятие «российский след» не эксплицировано на лексическом уровне, а имплицитно выводится из общего содержания материала через употребление следующих конструкций: «*Был выгоден России*», «*причастность спецслужб РФ*», «*„подстава“ российских спецслужб*». Приведем примеры публикаций из украинских СМИ о так называемом «российском следе».

Пример 1: экспликация

● *В СБУ заявляют, что обстрел консульства Польши может быть выгоден России, он был осуществлен из гранатомета РПГ-26, одна из версий следствия — теракт. Об этом говорится в заявлении СБУ, распространенном в среду. „По предварительным данным причиной стал выстрел из гранатомета РПГ-26. Жертв в результате взрыва нет. На месте работают следственно-оперативные группы СБУ и полиции“, — говорится в заявлении. „Следствие рассматривает несколько версий инцидента, в том числе и террористический акт“, — добавили в документе. В СБУ не исключают российский след в этой провокации* [СБУ не исключает российский след и теракт в обстреле консульства Польши. [http](http://)].

Пример 2: импликация

● *Служба безопасности предупредила в Киеве покушение на государственного деятеля, которое планировалось осуществить при кураторстве российских спецслужб. Об этом 21 января на брифинге сообщил глава СБУ Василий Грицак. „Вчера сотрудники СБУ разоблачили, задокументировали и на этапе выполнения предотвратили покушение на жизнь государственного деятеля, народного депутата Украины. По нашим данным, операция по*

физической ликвидации нардепа планировалась, готовилась и контролировалась с территории России», — сообщил Грицак. Имя упомянутого нардепа глава СБУ не сообщил. Грицак продемонстрировал фото- и видеодоказательства в подтверждение сообщения. «Это дает нам основания **предполагать о причастности** к организации покушения **спецслужб РФ**», — добавил глава СБУ [Грицак рассказал про «российский след» в подготовке покушения на нардепа. [http](#)].

Пример 3: импликатура

- Правоохранители задержали в Ягодине гражданина Франции, который мог быть причастен к подготовке порядка 15 терактов во Франции к Чемпионату Европы по футболу. Глава Службы безопасности Украины Василий Грицак на пресс-конференции не исключил, что за этим могут стоять российские спецслужбы. По его словам, француз хотел провезти много оружия, которое планировалось применить для терактов в Европе. «Нам удалось предупредить серию террористических актов. Объектами подрыва должны были стать: мусульманская мечеть, еврейская синагога, учреждение, которое занимается сборами налогов с граждан Франции, пункты наблюдения за автобанами и много других мест. Планировалось провести 15 терактов», — сказал Грицак. <...> «Это может быть **„подстава“ российских спецслужб**. Я думаю, мои слова не очень понравятся представителям российских спецслужб, но факт остается фактом», — заявил Грицак [Глава СБУ: предупредили теракты во Франции, возможна «подстава» РФ. [http](#)].

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ

Вариантов реакции на дискурсивный феномен «российский след» нами не зафиксировано, однако разнонаправленные реакции российской стороны на феномен «российская агрессия» были отмечены неоднократно. К таким реакциям относятся следующие.

1. Прямое опровержение самого существования российской агрессии в официальном комментарии МИД России в связи с публикациями СМИ (основным средством опровержения является модальная частица *якобы*):

*„Неотложные следственные действия“ почему-то не помешали украинской стороне приглашать к задержанному россиянину представителей СМИ для раскручивания любимой властями темы о **якобы имеющей место „российской агрессии“** на*

Украине [Комментарии Департамента информации и печати МИД России в связи с публикациями ряда СМИ по делу задержания на Украине россиянина В. А. Агеева. [http](#)].

2. Прямое официальное опровержение факта существования «российской агрессии» (основные средства опровержения — оппозиция «пропагандистский — реальный», негативно-оценочная лексика):

*Лозунги о т.н. „российской агрессии“ — **пропагандистское** прикрытие желания поддерживать конфликт. О готовности **реально** добиваться мирного урегулирования украинского кризиса мы узнаем, когда увидим шаги, направленные на прекращение карательной операции против жителей Донбасса, обуздание, а не легализацию националистов, провоцирующих перестрелки у линии соприкосновения, занимающихся насилием и грабежом* [Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, 14 декабря 2017 года].

3. Смешанное (прямое и не прямое) опровержение факта существования «российской агрессии» в неофициальном комментарии российско-украинских взаимоотношений. Автор заменяет выражение «российская агрессия» дисфемизмом (более жестким выражением «уничтожение украинского государства»), используя для опровержения эмоциональные аргументы и приемы из области фигуративной практики:

Россия пытается уничтожить Украину? Нет, она удерживает ее от суицида.

Ложь — визитная карточка Киева.

Здесь что ни пункт, то чудовищная и изощренная ложь, переворачивание ситуации на Украине и в Донбассе с ног на голову.

Не Россия начала борьбу с проникновением на свой рынок товаров из соседней страны. Не российские патриоты грабят оказавшиеся на ее территории фуры или громят украинские банки.

В сущности, Россия не только не пытается уничтожить Украину, но, напротив, она парадоксальным образом спасает соседнее государство от погружения в полный хаос, нищету и кровавую гражданскую войну [Лепехин. [http](#)].

4. Прямое убеждение в существовании «российской агрессии»/«российской угрозы» посредством развивающих тезисов и аргументов-мнений (случай, когда основной тезис, по сути, доказывается самим собой):

ОСНОВНОЙ ТЕЗИС: *Российская угроза*

представляет собой серьезный вызов всему западному обществу.

РАЗВИВАЮЩИЙ ТЕЗИС — 1: *Основное и базовое отличие реакции цивилизованного мира на Россию от реакции России на этот мир в том, что странам Запада в противостоянии с Москвой приходится сталкиваться с реальной, а не мнимой угрозой.*

РАЗВИВАЮЩИЙ ТЕЗИС — 2: *Российская угроза несравнимо страшнее и деструктивнее, чем действия на международной арене тех же Соединенных Штатов.*

АРГУМЕНТЫ-МНЕНИЯ:

- *Страх, ненависть и ложь вроде „украинского фашизма“ или „американской агрессии“ — вот основные продукты, распространяемые российской пропагандой.*

- *Пожалуй, важнейшее отличие от США — это использование Россией в своих целях военных, криминала и террористов, причем в странах Европы. Даже если не брать во внимание высказываемые многими экспертами недоказанные подозрения о связях российской разведки с ИГИЛ, достаточно привести в пример аннексию Крыма, войну на Донбассе и подготовку несостоявшегося переворота в Черногории, чтобы утверждать, что международный терроризм в Европе является нормой поведения для сегодняшней России — и т. д. [Кириллова. http].*

Спектр вариативных речевых реакций на феномен «русской агрессии» гораздо шире, чем сказано выше. Нам хотелось бы подчеркнуть лишь тот факт, что разнонаправленное речевое представление обоснований есть и для мнений за существование данного феномена, и для мнений против. В данном контексте актуальны исследования в области теории и практики аргументации и такого коммуникативного феномена, как ирония, особенно при анализе неформальных интернет-комментариев положения в Украине.

ВЫВОДЫ

Таким образом, информационно-психологическая война, разворачиваемая в настоящее время на страницах средств массовой информации и в официальном дискурсе, характеризуется трансляцией деструктивных смыслов, психологическим и речевым воздействием на целевую аудиторию и — как следствие — дестабилизацией отношений между народами и государствами. Вариантов ответных действий на подобную агрессию может быть несколько: опровергать ложные сведения, пытаться оправдаться, предпринять контрмеры, использовать средства негативной оценки, иронию и

разные способы аргументации. Однако мы полагаем, что следование ценностным нормам должно стать ориентиром в деятельности журналистов любого уровня и любого издания. Журналистика фактов не должна подменяться журналистикой мнений, когда нарушается золотое правило «Невозможно показать то, чего нет».

ИСТОЧНИКИ

1. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 28.09.2017).

2. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей [Электронный ресурс]. Вена. 2017. 14 дек. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news (дата обращения: 02.01.2018).

3. Глава СБУ: предупредили теракты во Франции, возможна «подстава» РФ [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2016. 6 июня. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/06/6/7110897/> (дата обращения: 27.10.2017).

4. Грицак рассказал про «русский след» в подготовке покушения на нардепа [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 21 янв. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/01/21/7133079/> (дата обращения: 27.10.2017).

5. Лелехин В. Россия пытается уничтожить Украину? Нет, она удерживает ее от суицида [Электронный ресурс]. URL: <http://rusvesna.su/news> (дата обращения: 02.01.2018).

6. Кириллова К. Российская угроза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stopfake.org> (дата обращения: 02.01.2018).

7. Покушение на Мосийчука: в полиции не исключают российский след [Электронный ресурс]. URL: <http://news.liga> (дата обращения: 27.10.2017).

8. Российская агрессия убила 11 тысяч украинцев — Порошенко [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 21 июля. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/07/21/7150199/> (дата обращения: 27.10.2017).

9. СБУ не исключает российский след и теракт в обстреле консульства Польши [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 29 марта. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/03/29/7139612/> (дата обращения: 27.10.2017).

ЛИТЕРАТУРА

10. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163—166.

11. Болотнова Н. С. Отражение медийных коммуникативных универсалий в медиатекстах разных жанров // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 149—160.

12. Борискина О. О., Доница О. В. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 167—171.

13. Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30—53.

14. Воркачев С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3. С. 111—116.

15. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. — М.: КРАСАНД, 2010.

16. Жилина В. А. Российская агрессия или агрессия против России: сущностные аспекты бытия современного российского общества // Мировоззренческие основания культуры современной России. — Магнитогорск, 2015. С. 66—70.

17. Задобровская О. Ф., Борискина О. О. Корпус как исследовательский инструмент для лингвиста // Информатика: проблемы, методология, технологии. — Воронеж, 2016. С. 202—205.

18. Карасик В. И. Концептуализация социального действия:

«мероприятие» // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 32—38.

19. Карасик В. И. Языковое проявление личности. — М.: Гнозис, 2015.

20. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2015.

21. Руженцева Н. Б. Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе. — Екатеринбург: УрГПУ; Цюрихский ун-т, 2013. С. 119—132.

22. Суходолов А. П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 117—126.

N. N. Koshkarova

Chelyabinsk, Russia

N. B. Ruzhentseva

Ekaterinburg, Russia

E. N. Zotova

Chelyabinsk, Russia

“RUSSIAN AGGRESSION” AMERICAN-STYLE AND “RUSSIAN TRACE” UKRAINIAN-STYLE

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analysis of the “Russian aggression” representation in the American mass-media and the “Russian trace” in the Ukrainian mass-media. The data of the subcorpus News on the Web (NOW Corpus) from the British National Corpus and the Ukrainian Internet mass-media serve as the material for the analysis. Corpus studies represent the combination of Information and Communication Technologies and the reflection of the linguistic situation. Another opportunity of using a language corpus is its application as a means of studying and interpreting the axiogenic situations. The mass-media, being represented in the national language corpora and in the Internet, transmit axiological prescriptions and priorities of the political communication actors, reflect the conceptual “friend-foe” opposition of the relevant type of discourse, cause the discourse destruction, the definition of which is given in the paper. The analysis of the linguistic and pragmatic characteristics of the “Russian aggression” and the “Russian trace” at a new round of information and psychological warfare proves the fact that the influence of the phenomena under study is quite strong and generates a backlash on the part of the Russian mass-media and online outlets. This reaction can be characterized as rebuttal and, on the contrary, as support with negative evaluation semantics. The conclusion is made that information and psychological warfare being unleashed in the mass-media is characterized by the transmission of the destructive narratives, psychological and speech influence on the target audience, disruption of the states’ relations. The situation is considered to be dangerous when journalism of facts is substituted by journalism of opinions and information and psychological warfare turns into information aggression.*

KEYWORDS: *axiogenic substance; political discourse; media discourse; media texts; mass media; media; image of Russia; corpus studies.*

ABOUT THE AUTHORS: *Koshkarova Natalya Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of International Relations and Foreign Regional Studies Department, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

Ruzhentseva Natalya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Zotova Elizaveta Nikolayevna, Bachelor Degree Student of the Programme “International Relations”, International Relations and Foreign Regional Studies Department, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. British National Corpus. NOW Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 28.09.2017).

2. Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya Rossiyskoy Federatsii pri OBSE A. K. Lukashovicha na zasedanii Postoyannogo soveta OBSE o situatsii na Ukraine i neobkhodimosti vypolneniya Minskikh dogovorennoyest [Elektronnyy resurs]. Vena. 2017. 14 dek. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news (data obrashcheniya: 02.01.2018).

3. Glava SBU: predupredili terakty vo Frantsii, vozmozhna «podstava» RF [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2016. 6 iyunya. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/06/6/7110897/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

4. Gritsak rasskazal pro «rossiyskiy sled» v podgotovke pokusheniya na nardepa [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 21 yanv. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/01/21/7133079/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

5. Lepekhin V. Rossiya pytaetsya unichtozhit' Ukrainu? Net, ona uderzhivaet ee ot suitsida [Elektronnyy resurs]. URL: <http://rusvesna.su/news> (data obrashcheniya: 02.01.2018).

6. Kirillova K. Rossiyskaya ugroza [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.stopfake.org> (data obrashcheniya: 02.01.2018).

7. Pokushenie na Mosiychuka: v politzii ne isklyuchayut Rossiyskiy sled [Elektronnyy resurs]. URL: <http://news.liga> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

23. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 2 (47). P. 39—48.

24. Brinton L. J. Historical pragmatics and corpus linguistics: problems and strategies // Language and Computer. 2012. № 76. P. 101—131.

25. Lopez-Couso M. J., Mendez-Naya B., Nunez-Pertejo P., Palacios-Martinez I. J. From the Fringe to the Mainstream: English Corpus Linguistics Moving Ahead. — Leiden: Koninklijke Brill Nv, 2016. P. 1—18.

26. Postolea S. State-of-the-art Text Linguistics: Corpus-Analysis Tools. A Practical Demonstration // Philologica Jassyensia. An X. 2014. Nr. 1 (19). Supliment. P. 51—59.

8. Rossiyskaya agressiya ubila 11 tysyach ukrainsev — Poroshenko [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 21 iyulya. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/07/21/7150199/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

9. SBU ne isklyuchaet Rossiyskiy sled i terakt v obstrele konsul'stva Pol'shi [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 29 marta. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/03/29/7139612/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

10. Bogoyavlenskaya Yu. V. Reprezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannykh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 163—166.

11. Bolotnova N. S. Otrazhenie mediynnykh kommunikativnykh universalii v mediatekstakh raznykh zhanrov // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2017. № 1. S. 149—160.

12. Boriskina O. O., Donina O. V. Korpusnye tekhnologii v politicheskoy metaforologii: «terror» i «terrorizm» po dannym elektronnykh resurov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 167—171.

13. Boriskina O. O., Shilikhina K. M. Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike // Politicheskaya nauka. 2017. № 2. S. 30—53.

14. Vorkachev S. G. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost' po dannym korpusnoy lingvistiki // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 3. S. 111—116.

15. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstv:

opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi. — M. : KRASAND, 2010.

16. Zhilina V. A. Rossiyskaya agressiya ili agressiya protiv Rossii: sushchnostnye aspekty bytiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoy Rossii. — Magnitogorsk, 2015. S. 66—70.

17. Zadobrivskaya O. F., Boriskina O. O. Korpus kak issledovatel'skiy instrumentariy dlya lingvista // Informatika: problemy, metodologiya, tekhnologii. — Voronezh, 2016. S. 202—205.

18. Karasik V. I. Kontseptualizatsiya sotsial'nogo deystviya: «meropriyatie» // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 32—38.

19. Karasik V. I. Yazykovo proyavlenie lichnosti. — M. : Gnozis, 2015.

20. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russko-yazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015.

21. Ruzhentseva N. B. Massmediynny politicheskij diskurs: davlenie konteksta i davlenie kontenta v svete ukrainskikh sobytii // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse. — Ekaterinburg : UrGPU ; Tsyurikhskiy un-t, 2013. S. 119—132.

22. Sukhodolov A. P. Ideologicheskaya funktsiya sredstv massovoy informatsii v usloviyakh informatsionnykh voyn // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. T. 4. № 2. S. 117—126.

23. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 2 (47). P. 39—48.

24. Brinton L. J. Historical pragmatics and corpus linguistics: problems and strategies // Language and Computer. 2012. № 76. P. 101—131.

25. Lopez-Couso M. J., Mendez-Naya B., Nunez-Pertejo P., Palacios-Martinez I. J. From the Fringe to the Mainstream: English Corpus Linguistics Moving Ahead. — Leiden : Koninklijke Brill Nv, 2016. P. 1—18.

26. Postolea S. State-of-the-art Text Linguistics: Corpus-Analysis Tools. A Practical Demonstration // Philologica Jassyensia. An X. 2014. Nr. 1 (19). Supliment. P. 51—59.

В. Р. Мужиковская, В. М. Амиров
Екатеринбург, Россия

**ТРАГЕДИЯ ХОЛОКОСТА И ЗАРУБЕЖНЫЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ СМИ:
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены публикации трех зарубежных русскоязычных независимых еврейских печатных изданий: «Еврейский мир» (США), «Еврейская панорама» (Германия) и «Вести» (Израиль). На основе анализа выявлены некоторые современные тенденции в осмыслении масштабов Холокоста и необходимости памяти о нем. Особый интерес представляют выводы исследуемых журналистских материалов об опасности стирания упоминаемых событий из сознания новых поколений и попытки переложить ответственность за преступления фашизма на других. Трагедия Катастрофы перестает восприниматься как исключительное событие и сегодня трактуется как не требующее особого внимания историческое событие, не выделяющееся в ряду других примеров геноцида. Стираются моральные и этические нормы среди молодежи, не соотносящей трагедию Холокоста с историей своего народа и не видящей ничего зазорного в том, чтобы написать в социальных сетях без осуждения об осквернении мемориалов жертвам Катастрофы. В результате последствия и сам факт Холокоста забываются не только на уровне простых людей, но и в политической элите стран, где всячески поддерживается на словах политика толерантности и уважения к другим народам. На самом высоком уровне, в руководстве ООН, отсутствует осознание необходимости проецировать трагедию Холокоста на рост антисемитских настроений в XXI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геноцид; СМИ; средства массовой информации; журналистика; Холокост, историческая память; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Мужиковская Вероника Романовна, студентка 3 курса, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: nikulka154@gmail.com.

Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Масштабность и многомерность трагедии Холокоста таковы, что их осмысление продолжается в российском и зарубежном медиапространстве и сегодня. Более того, время и накопленные исследователями материалы позволяют посмотреть на события тех лет с новых позиций как с исторической, так и с политической точек зрения.

Продолжая тему, начатую нами в статье «Трагедия Холокоста и ее новое прочтение в современных российских печатных СМИ» [Амиров, Мужиковская 2017], где были рассмотрены новые нюансы в осмыслении Катастрофы в российских средствах информации, считаем целесообразным обратиться и к зарубежным русскоязычным еврейским СМИ. Смысл такой исследовательской обращенности видится в том, что, во-первых, эти СМИ издаются преимущественно для эмигрантов из республик бывшего СССР, т. е. носителей в той или иной степени «советской» модели представлений о причинах Холокоста и историко-политическом значении преодоления его последствий. А во-вторых, читатели этих СМИ находятся в иной медийной среде и, наряду с русскоязычными СМИ, имеют возможность знакомиться с местными СМИ, отражающими и позицию своих правительств, и мнение местной общественности.

Именно поэтому нет ничего удивительного, что, соглашаясь с российскими СМИ, в целом дающими достаточно однозначные оценки трагических событий и призывающими к памяти об исторических событиях, свя-

занных с геноцидом евреев, зарубежные русскоязычные еврейские средства массовой информации демонстрируют особость взглядов и даже в какой-то степени противоречат своим коллегам из РФ.

Для подтверждения или опровержения этого тезиса нами были взяты для анализа публикации трех зарубежных русскоязычных независимых еврейских печатных изданий: «Еврейский мир» (США), «Еврейская панорама» (Германия) и «Вести» (Израиль). Анализируемые материалы, которые отбирались по ключевому слову «Холокост», были опубликованы в период с 8 мая 2015 г. по 29 июня 2017 г. Всего было отобрано 83 материала по изучаемой проблематике; девять, на наш взгляд, наиболее показательных, представлены в статье.

Выбор стран, в которых выходят данные зарубежные русскоязычные независимые СМИ, был основан на том, что на их территориях проживает значительная еврейская русскоязычная аудитория, соответственно в США — 700 тысяч, в Германии — 200 тысяч, в Израиле — 1,2 миллиона человек. Издаются весьма известные и авторитетные в еврейском мире международные журналы «Алеф», «Спектр», журнал «Вестник», «Международная еврейская газета» и другие средства массовой информации. Для СМИ этих стран характерно коммерческое, независимое от еврейских организаций и общин начало. Однако стоит отметить, что в других государствах, особенно тех, которые можно отнести к бывшим советским республикам,

издаются печатанные издания, финансируемые непосредственно еврейскими структурами. Такие СМИ распространяются и на территориях зарубежных стран. Данное разделение имеет для нас принципиальное значение, поскольку в «общинных» еврейских русскоязычных СМИ тема Холокоста в том или ином контексте либо не поднимается, либо рассматривается крайне редко. Так, например, в газете ассоциации еврейских организаций и общин Украины «Хадашот», часть тиража которой «распространяется на различных общественных мероприятиях, в том числе на международных конференциях и форумах в Израиле» [Газета ассоциации еврейских международных организаций и общин Украины «Хадашот»], нами не было найдено ни одного материала, посвященного теме Холокоста, в котором бы говорилось о каком-то новом взгляде на события Катастрофы. Кроме того, следует обратить внимание на то, что публикации в таких изданиях фильтруются представителями общин с учетом политики конкретной страны. В Украине же это суммируется с процессом усиления ультранационалистических настроений: «Почти за 25 лет независимости наше государство так и не смогло выработать четкую позицию относительно Холокоста — либо потому, что оно было просто не заинтересовано в этом, либо потому, что эта трагедия не вписывается в конкретные идеологические взгляды. Молодое поколение украинцев, в том числе благодаря протестам на Майдане и новому интересу к украинскому национализму, не имеет ни малейшего представления, что история украинского националистического движения является очень трудной и сложной» (слова Михаила Тяглия, историка из Украинского центра по изучению истории Холокоста) [Холокост в Украине: пренебрежительно забытая глава истории].

В анализируемых нами зарубежных русскоязычных еврейских независимых СМИ отводится больше места теме трагедии Холокоста, так как подавляющее большинство читателей данных средств массовой информации, которые относят себя к еврейскому народу и (или) интересуются еврейской историей и культурой, заинтересованы в освещении такого рода событий. Большое значение играет и тот факт, что в изданиях независимого типа нет цензуры и платформа анализируемых СМИ представляет собой интерактивное блогное пространство, где «обсуждаются животрепещущие проблемы, которые касаются политики, культуры и религии» [«Вести» — крупнейшая русская газета Израиля].

Редакторы «Еврейского мира», «Еврейской газеты» и «Вестей» позволяют читателям и самим авторам открыто «обмениваться своими мнениями, публиковать свои материалы и иллюстрации к ним», при этом соблюдая правила журналистской этики [Там же]. В зарубежных еврейских русскоязычных независимых средствах массовой информации сегодня можно выделить несколько тенденций развития темы, касающейся Катастрофы.

Отрицание исключительности Холокоста и попытка поставить его в общий ряд человеческих трагедий. Это довольно четко прослеживается в текстах газеты «Еврейский мир», где публикуется, например, материал о том, что известная голливудская актриса Натали Портман *«не считает Холокост большей трагедией, чем геноциды в отношении других народов, и призвала не уделять Катастрофе столько внимания в рамках израильской системы образования»* [Натали Портман: «Холокост не страшнее других геноцидов»].

Стоит заметить, что изменение оценок трагедии Холокоста показано в газете с помощью презентации мнений не только известных актеров, но и ученых. Политолог Арик Эльман поддерживает точку зрения звезды и на страницах израильских «Вестей» утверждает, что *«уроки Холокоста — это сугубо еврейские внутренние уроки»* и что евреи «не обязаны никому ничего доказывать, как и жертвы любого преступления», а факт того, что относящиеся к еврейскому населению «пережили Холокост, не означает, что Израиль обязан доказывать свое право на существование» [«То, что евреи пережили Холокост, не означает, что у них есть особые обязанности перед арабами»].

Вопрос ответственности за произошедшие более полувека назад события продолжает остро формулироваться во всем мире. Возникает **тема продолжающегося поиска виновных в событиях Холокоста и попытка разделения ответственности за совершенные преступления.**

Такой подход более характерен для русскоязычных еврейских СМИ Германии. Из публикаций газеты «Еврейская панорама» видно, что правительство страны до сих пор ищет тех, кто еще, помимо фашистской Германии, виноват в трагедии. Материалы типа «Без немцев не было бы Холокоста, но литовцы сотрудничали» [«Без немцев не было бы Холокоста, но литовцы сотрудничали»] или «Нужно перестать размахивать списком взаимных обвинений» лишь подтверждают тот факт, что поиск виновных в трагедии Холокоста занимает умы журналистов [«Нужно

перестать размахивать списком взаимных обвинений»].

В связи с очевидной поляризацией мнений и с тем, что в общественном сознании возникают сомнения в исключительности трагедии Холокоста, проявляется проблема **отсутствия проецирования событий Катастрофы на распространение в современном мире антисемитских настроений**. Из публикации издающейся в Соединенных Штатах Америки газеты «Еврейский мир» «Никогда больше? Памяти шести миллионов жертв Холокоста» видно, что даже члены ООН, целью которой является поддержание и укрепление международного мира и безопасности, утверждают, что **«насилие — естественная человеческая реакция** на оккупацию, на продолжающееся строительство в еврейских поселениях» (слова Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна) [Никогда больше? Памяти шести миллионов жертв Холокоста]. Другими словами, оратор признает, что убийство детей, женщин и стариков — «естественная человеческая реакция, а значит, и вполне **легитимное явление**». Речь идет об арабо-израильском конфликте, однако сегодня, по данным исследования Антидиффамационной лиги, число юдофобов на Ближнем Востоке продолжает расти, а значит существует риск того, что события Холокоста могут повториться вновь [Антидиффамационная лига опубликовала глобальный индекс антисемитизма...]. Из представленных выше цитат можно сделать вывод о том, что члены ООН, говоря о легализации такого рода преступлений, не соотносят современные проявления антисемитизма и геноцид евреев прошлого столетия между собой.

Из представленных высказываний и оценок становится заметно, что **трагедия Холокоста постепенно исчезает из исторической памяти людей**.

Разумеется, в СМИ продолжают публиковаться материалы, посвященные вечной памяти событий Катастрофы. Информационными поводами для таких публикаций являются такие мемориальные даты, как Международный день памяти жертв Холокоста или День освобождения Красной армией узников Освенцима. Однако в этот период появляются публикации не только о траурных собраниях, шествиях или иных мероприятиях скорби, но и материалы о том, что современное поколение перестает осознавать и понимать трагедию Холокоста как яркий пример преступления против гуманизма и человечности. В газете «Еврейская панорама», выходящей в Германии, можно заметить большое количество публикаций, в ко-

торых выпукло прослеживается данная направленность. В интервью «Ужас как предмет интереса» с создателем фильма «Аустерлиц» Сергеем Лозницей обозначаются темы безразличия со стороны многочисленных туристов тех связанных с Холокостом мест, которые они посещают, в частности музейного комплекса бывшего концлагеря Аушвиц-Биркенау. Журналист пишет о том, что зритель документального фильма улавливает эту проблему благодаря «черно-белой картинке, устраняющей пестроту одежды посетителей мемориалов и выделяющей главное — например, лица, с которых увиденное не стирает выражение **отпускной беззаботности и даже веселья**. В особый ряд выстраиваются надписи на майках — например, **„Просто все равно“** или **„Классная история, братишка“**. Это словно субтитры мыслей посетителей мемориалов» [Ужас как предмет интереса]. Заметка этого же издания о том, как представители европейской молодежи выложили в свои аккаунты в социальных сетях фотографии или видеосюжеты, катаются на скейтах или велосипедах, жонглируют и занимаются йогой» на Мемориале жертвам Холокоста, в очередной раз указывает на то, что трагедия Катастрофы сегодня не просто забывается, но и не соотносится в сознании людей с такими вечными понятиями, как память, сострадание и уважение. Об этом можно судить по комментариям под представленными фотографиями: «Какое замечательное место!», **«Прыжки по мертвым евреям»**, «Йога соединяет весь мир» [Селфи на костях].

Прохладное отношение к собственной истории влечет за собой **отсутствие представлений о необходимости хранить вечную память о трагедии Холокоста**. Данная проблема во многом поднимается именно в Израиле, где, по данным на 2015 г., проживает около 193 тысячи евреев, переживших Холокост [Воспоминания переживших Холокост, или Память против боли]. Несмотря на стремление помнить жертв Катастрофы, в материалах газеты «Вести» все чаще проводится мысль о том, что люди, которые выжили в период массового геноцида, забыты государством. Сегодня в Израиле остро стоит вопрос о том, нужно ли выделять людей, переживших Холокост, среди другого населения, и стоит ли им осуществлять выплаты в рамках социальных льгот. На этот счет мнения разделяются. Многие считают, что этого делать не нужно: **«Особые условия пенсий для переживших Холокост? А разве ветеран Красной армии меньше нуждается в достойной старости? В Израиле не должно быть голодных и одиноких стари-**

ков — точка». Другие требуют того, чтобы эти люди не были забыты государством и не стояли наравне с обычными гражданами Израиля, так как по закону «жертвам нацистских преследований» положены дотации [Одиночество и нищета переживших Холокост: люди нуждаются в помощи].

На основании всего отмеченного можно констатировать, что зарубежные русскоязычные еврейские СМИ доказывают отсутствие в настоящее время в мировом сообществе всеобщего признания необходимости помнить о трагедии Холокоста как о жестоким и значимом примере преступления против человечности.

Из публикаций, которые в большинстве своем представляют из себя тексты информационных заметок с включением мнений самих журналистов и экспертов, мы видим, что появляются совсем другие, пессимистичные варианты развития этой темы: «Европейская цивилизация, допустившая геноцид евреев в прошлом столетии, вполне может допустить его и в будущем», — пишут авторы «Еврейского мира» [Никогда больше? Памяти шести миллионов жертв Холокоста]. Трагедия Катастрофы перестает восприниматься как исключительное событие и сегодня трактуется как не требующая большого внимания человеческая трагедия. Стираются моральные и этические нормы среди молодежи, не соотносящей трагедию Холокоста с историей своего народа и не видящей ничего зазорного в том, чтобы написать в социальных сетях без осуждения пусть не о прямом, но подразумеваемом осквернении мемориалов жертвам Катастрофы. Это приводит к тому, что последствия и сам факт Холокоста забываются не только на уровне простых людей, но и в политической элите стран, где всячески поддерживается на словах политика толерантности и уважения к другим народам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров В. М., Мужиковская В. Р. Трагедия Холокоста и новые аспекты ее прочтения современными российскими СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). С. 96—100.
2. Антидиффамационная лига опубликовала глобальный индекс антисемитизма. Контроль на «вшивость» [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/6224/content/5820657> (дата обращения: 19.10.2017).
3. «Без немцев не было бы Холокоста, но литовцы сотрудничали» [Электронный ресурс] // Еврейская панорама. 2017. 29 июня. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/nemcev-by-holo>

V. R. Muzikovskaya, V. M. Amirov
Ekaterinburg, Russia

TRAGEDY OF THE HOLOCAUST AND FOREIGN RUSSIAN-LANGUAGE JEWISH MEDIA: FEATURES OF MODERN JUDGMENT

ABSTRACT. The article describes three foreign independent Jewish newspapers in Russian: “Yevreiski Mir” (USA), “Yevreiskaya Panorama” (Germany) and “Vesti” (Israel). Based on the analysis we identify some current trends in interpretation of the Holocaust and

kosta-no-litovcy-sotrunicali-35851991/ (дата обращения: 17.10.2017).

4. «Вести» — крупнейшая русская газета Израиля [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 2003. 12 июня. URL: <https://rg.ru/2014/11/09/holokost-anons.html> (дата обращения: 20.10.2017).

5. Воспоминания переживших Холокост, или Память против боли [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. 2016. 5 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20150505/227612184.html> (дата обращения: 13.12.2017).

6. Газета ассоциации еврейских международных организаций и общин Украины «Хадашот» [Электронный ресурс]. URL: <http://hadashot.kiev.ua/tags/holokost> (дата обращения: 13.12.2017).

7. Газета русскоязычной Америки «Еврейский мир» [Электронный ресурс]. URL: <https://evreimir.com/> (дата обращения: 23.09.2017).

8. Еврейские иммигранты в Германии: проблемы идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru> (дата обращения: 13.12.2017).

9. Израильская газета «Вести» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesty.co.il/home/0,7340,L-50,00.html> (дата обращения: 23.09.2017).

10. Натали Портман: «Холокост не страшнее других геноцидов» [Электронный ресурс] // Еврейский мир. 2015. 8 мая. URL: <https://evreimir.com/104778/natali-portman-holokost-nestrashnee-drugih-genotsidov/> (дата обращения: 17.10.2017).

11. Независимая ежемесячная газета «Еврейская панорама» [Электронный ресурс]. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/> (дата обращения: 23.09.2017).

12. Никогда больше? Памяти шести миллионов жертв Холокоста [Электронный ресурс] // Еврейский мир. 2016. 2 сент. URL: <https://evreimir.com/114876/nikогда-bolshe-pamyati-shesti-millionov-zhertv-holokosta/> (дата обращения: 17.10.2017).

13. Население Израиля — численность, история [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-israel.ru/naselenie-israelya.html> (дата обращения: 13.12.2017).

14. «Нужно перестать размахивать списком взаимных обвинений» [Электронный ресурс] // Еврейская панорама. 2017. 29 июня. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/nuzhno-perstatrazmahivat-spiskami-vzaimnyh-obvinenij-135851992/> (дата обращения: 17.10.2017).

15. Одиночество и нищета переживших Холокост: люди нуждаются в помощи [Электронный ресурс] // Вести. 2017. 17 апр. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4951231,00.html> (дата обращения: 17.10.2017).

16. Селфи на костях [Электронный ресурс] // Еврейская панорама. 2017. 24 февр. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/eslfi-na-kostjah-135851791/> (дата обращения: 17.10.2017).

17. Сколько в США русских евреев? [Электронный ресурс] // Newsland. 2011. 28 нояб. URL: <https://newsland.com/user/4296710030/content/skolko-v-ssha-russkikh-evreev/4263340> (дата обращения: 13.12.2017).

18. «То, что евреи пережили Холокост, не означает, что у них есть особые обязанности перед арабами» [Электронный ресурс] // Вести. 2017. 24 апр. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4952679,00.html> (дата обращения: 17.10.2017).

19. Ужас как предмет интереса [Электронный ресурс] // Еврейская панорама. 2017. 26 мая. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/uzhas-kak-predmet-interesa-135851957/> (дата обращения: 17.10.2017).

20. Холокост в Украине: пренебрежительно забытая глава истории [Электронный ресурс] // Обозреватель. 2015. 13 авг. URL: <https://www.obozrevatel.com/crime/85942-otkryto-nebrezhno-propuschennuyu-glavu-v-istorii-o-holokoste-v-ukraine-the-guardian.htm> (дата обращения: 20.10.2017).

argue the importance to remember the consequences of that historical fact. Of certain interest are the conclusions made in the analyzed newspaper articles about the dangers of disappearance of that event from the memory of the new generations and the attempts to shift responsibility for that terror from the Nazi onto somebody else. The tragedy of the holocaust is not treated as something extraordinary anymore, it is rather interpreted as a historical accident that doesn't need special attention as it is just an example of genocide. Moral and ethical norms vanish in young people who do not connect Holocaust with their nation and can easily write comments in social networks approving desecration of the memorials of the Holocaust. As a result the consequences and the mere fact of the Holocaust are forgotten not only by ordinary people, but by the political leaders of the countries supporting tolerance and respect for the other nations. Even at the very top, in the UN, they don't feel any need to learn from the Holocaust and take any measures against the growing anti-Semitic movements in the XXI century.

KEYWORDS: *genocide; mass media; media; journalism; the Holocaust; historical memory; media discourse; media texts.*

ABOUT THE AUTHORS: *Muzhikovskaya Veronika Romanovna, 3d Year Student, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Amirov Valery Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Periodicals, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Amirov V. M., Muzhikovskaya V. R. Tragediya Kholokosta i novye aspekty ee prochteniya sovremennymi rossiyskimi SMI // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2017. № 3 (25). S. 96—100.
2. Antidiffamatsionnaya liga opublikovala global'nyy indeks antisemitizma. Kontrol' na «vshivost'» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://maxpark.com/community/6224/content/5820657> (data obrashcheniya: 19.10.2017).
3. Bez nemtsev ne bylo by Kholokosta, no litovtsy sotrudnichali [Elektronnyy resurs] // *Evreyskaya panorama*. 2017. 29 iyun. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/nemcev-by-holokosta-no-litovcy-sotrudnichali-35851991/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
4. «Vesti» — krupneyshaya russkaya gazeta Izrailya [Elektronnyy resurs] // *Radio «Svoboda»*. 2003. 12 iyun. URL: <https://rg.ru/2014/11/09/holokost-anons.html> (data obrashcheniya: 20.10.2017).
5. Vospominaniya perezvivshikh Kholokost, ili Pamyat' protiv boli [Elektronnyy resurs] // *INOSMI.RU*. 2016. 5 maya. URL: <http://inosmi.ru/world/20150505/227612184.html> (data obrashcheniya: 13.12.2017).
6. Gazeta assotsiatsii evreyskikh mezhdunarodnykh organizatsiy i obshchin Ukrainy «Khadashot» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://hadashot.kiev.ua/tags/holokost> (data obrashcheniya: 13.12.2017).
7. Gazeta russkoyazychnoy Ameriki «Evreyskiy mir» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://evreimir.com/> (data obrashcheniya: 23.09.2017).
8. Evreyskie immigranty v Germanii: problemy identichnosti [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.dw.com/ru> (data obrashcheniya: 13.12.2017).
9. Izrail'skaya gazeta «Vesti» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.vesty.co.il/home/0,7340,L-50,00.html> (data obrashcheniya: 23.09.2017).
10. Natali Portman: «Kholokost ne strashnee drugikh genotsidov» [Elektronnyy resurs] // *Evreyskiy mir*. 2015. 8 maya. URL: <https://evreimir.com/104778/natali-portman-holokost-ne-strashnee-drugikh-genotsidov/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
11. Nezavisimaya ezhemesyachnaya gazeta «Evreyskaya panorama» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/> (data obrashcheniya: 23.09.2017).
12. Nikogda bol'she? Pamyati shesti millionov zhertv Kholokosta [Elektronnyy resurs] // *Evreyskiy mir*. 2016. 2 sent. URL: <https://evreimir.com/114876/nikogda-bolshe-pamyati-shesti-millionov-zhertv-holokosta/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
13. Naselenie Izrailya — chislennost', istoriya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.pro-israel.ru/naselenie-israeliya.html> (data obrashcheniya: 13.12.2017).
14. Nuzhno perestat' razmakhivat' spiskom vzaimnykh obviney [Elektronnyy resurs] // *Evreyskaya panorama*. 2017. 29 iyun. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/nuzhno-perstat-razmahinvat-spiskami-vzaimnykh-obvinenij-135851992/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
15. Odinochestvo i nishcheta perezvivshikh Kholokost: lyudi nuzhdayutsya v pomoshchi [Elektronnyy resurs] // *Vesti*. 2017. 17 apr. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4951231,00.html> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
16. Selfi na kostyakh [Elektronnyy resurs] // *Evreyskaya panorama*. 2017. 24 fevr. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/eslfi-nakostyah-135851791/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
17. Skol'ko v SShA russkikh evreev? [Elektronnyy resurs] // *Newsland*. 2011. 28 noyab. URL: <https://newsland.com/user/4296710030/content/skolko-v-ssha-russkikh-evreev/4263340> (data obrashcheniya: 13.12.2017).
18. «To, chto evrei perezhili Kholokost, ne oznachaet, chto u nikh est' osobyie obyazannosti pered arabami» [Elektronnyy resurs] // *Vesti*. 2017. 24 apr. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4952679,00.html> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
19. Uzhas kak predmet interesa [Elektronnyy resurs] // *Evreyskaya panorama*. 2017. 26 maya. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/uzhas-kak-predmet-interesa-135851957/> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
20. Kholokost v Ukraine: prenebrezhitel'no zabytaya glava istorii [Elektronnyy resurs] // *Obozrevatel'*. 2015. 13 avg. URL: <https://www.obozrevatel.com/crime/85942-otkryito-nebrezhno-propushchennuyu-glavu-v-istorii-o-holokoste-v-ukraine-the-guardian.htm> (data obrashcheniya: 20.10.2017).

Муслех Хусам А. Р.
Палестина

СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В РЕЧАХ ПАЛЕСТИНСКОГО ЛИДЕРА ЯСИРА АРАФАТА

АННОТАЦИЯ. В ситуации обострения международной обстановки и политической нестабильности знание этнокультурных особенностей политического дискурса, который представляет собой определенным образом направленное воздействие государства и его представителей на массового адресата, имеет особо важное значение, так как способствует пониманию намерений сторон политического диалога и принятию адекватных решений. Данная статья посвящена арабскому политическому дискурсу. Признавая тот факт, что арабский дискурс, равно как и арабский язык, неоднородны, мы ограничиваемся литературным арабским языком. Цель статьи — выявить специфику средств реализации стратегии убеждения в арабском политическом дискурсе. Материалом анализа послужили выступления палестинского лидера Ясира Арафата, который может быть отнесен к числу ярких арабских политиков современности. Обращение к выступлениям арабского политика обусловлено возрастом роли публичного, в том числе устного, общения и связано с необходимостью анализа формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в конкретной политической коммуникации и политической ситуации. Основное внимание уделяется стилистическим средствам воздействия. Анализ существующих исследований арабского политического дискурса, а также собственные наблюдения позволяют предположить, что выявленные особенности речи Ясира Арафата характерны для арабского политического дискурса в целом, хотя для более объективных выводов необходимы дальнейшие исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабский язык; политический дискурс; стратегии убеждения; стилистические средства; мульти-модальность; манипулятивное воздействие; политическая риторика; языковая личность; политические деятели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Муслех Хусам А. Р., аспирант, кафедра иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, Миклухо-Маклая, 10, к 2; e-mail: aroo7_lemeen@windowslive.com.

1. Введение

Политический дискурс (далее — ПД) в последнее время привлекает все большее внимание исследователей, что связано с характерным для периодов социально-политических перемен и потрясений ростом интереса общества к условиям и механизмам политической коммуникации. При этом объектами исследования российских и зарубежных ученых становятся как общие вопросы ПД — его организация, функционирование, жанровое своеобразие, стратегии и тактики, языковые средства и др. (см., напр.: [Волкова, Панченко 2016; Гаврилова 2002; Горностаева 2014, 2016; Стексова 2017; Чудинов 2003, 2006; Шейгал 2004; Chudinov 2015; El-Zawawy 2017; Solopova 2015; Ozyumenko, Larina 2017]), так и речевые портреты отдельных политиков [Алышева 2012; Иванова 2017; Ли Сыци 2017; Садуов 2012; Hall, Goldstein, Ingram 2016; Ryshina-Pankova, Quam 2016; Sowińska 2015 и др.].

Все чаще внимание исследователей привлекают этнокультурные особенности политического дискурса [Сафина, Чернова 2017; Базылев 2005; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Dubrovskaya, Sowińska 2018; Gornostaeva 2016; Lauerbach, Fetzer 2007; Murzaei 2017 и др.]. Этот интерес не случаен, поскольку в ситуации обострения международной обстановки и политической нестабильности выявление этнокультурных особенностей политического дискурса имеет особо важное значение, так как их знание способствует пониманию намерений сторон политического диалога и принятию адекватных политических решений. Арабский политический дискурс также становится популяр-

ной темой исследований [Lahlai 2011, 2012, 2014; Murzaei, Eslami, Safari 2017 и др.].

При изучении любого дискурса его языковая сторона рассматривается на фоне контекста. Поскольку в межкультурной коммуникации контекстом является культура, для выделения этнокультурных особенностей дискурса необходимо рассматривать основные характеристики культуры, среди которых — социокультурная организация общества и культурные ценности (см.: [Ларина 2009; Ларина, Озюменко 2016 и др.]).

В многоплановом процессе, которым представлены акты политической коммуникации, помимо информативной функции, реализуется воздействующая, так как основная задача политика — убедить адресата в правоте своей позиции и получить поддержку или желаемую реакцию. Таким образом, цель политического дискурса — не описание (не референция), а убеждение, т. е. пробуждение в адресате таких намерений, которые побудят его к правильному действию. Анализ речи политика позволяет выявить процесс трансляции идей и намерений, стратегии и тактики, используемые политиком для аргументирования идеи и убеждения аудитории.

Воздействие на аудиторию может оказываться как в открытой форме, через открытое убеждение, апеллирующее к логическому мышлению адресата (например, во время парламентских дебатов, дискуссий в СМИ), так и в скрытой, имплицитной, подтекстовой форме, оказывающей влияние на подсознание реципиента, т. е. в манипулятивной форме. Убеждение и манипуляция представляют собой близкие понятия, но полностью они не совпадают, так как при убежде-

нии за адресатом остается выбор: он может как принимать навязываемые ему идеи, так и отвергать их, совершать или не совершить действия, к которым его побуждают; когда осуществляется манипуляция, роль адресата в большей степени пассивна, часто он не может противостоять манипуляции и становится ее жертвой [Озюменко 2017: 205—206].

Как известно, в политическом дискурсе существует несколько стратегий убеждения и воздействия на аудиторию для достижения поставленной политиком цели.

Аргументативная стратегия — убеждение адресата при помощи аргументов. Для реализации данной стратегии, как отмечает О. Н. Паршина [Паршина 2007], существует несколько тактик: тактика контрастивного анализа (сопоставление фактов, событий, результатов); тактика указания на перспективу (прогнозирование политиками развития событий, выражение стратегических целей, позиций и намерений говорящего); тактика иллюстрирования (проявляется в использовании фактов и примеров); тактика обоснованных оценок (суждения, при помощи которых оратор стремится объективно оценить предмет и обосновать свою оценку). Аргументативные тактики опираются на разумные доводы, обращенные к ценностям адресата. Доводы могут быть как рационального, так и эмоционального характера [Паршина 2005: 180]. Как справедливо отмечает И. А. Стернин, в убеждении используется и логика, и — обязательно — эмоция, эмоциональное давление [Стернин 2001: 49].

Агитационная стратегия имеет своей задачей воздействие на поступки слушателей для побуждения совершить определенные действия [Паршина 2005: 180]. Она также включает определенные тактики, среди которых — тактика призыва, тактика обещания.

В данной статье методом дискурсивного анализа мы проанализируем стратегию убеждения в речах палестинского лидера Ясира Арафата, с которыми он выступал в разных странах с целью превратить негосударственную борьбу палестинцев в легитимную форму политической борьбы. Мы попытаемся выделить наиболее частотные стратегии и тактики убеждения, а также языковые средства, используемые для их реализации, и определить основные черты стиля коммуникации палестинского лидера. Особое внимание уделяется речи Ясира Арафата на Генассамблее ООН в 1974 г. Считаем, что во многом именно благодаря ораторскому мастерству ему удалось достичь поставленной цели — возглавить Ор-

ганизацию освобождения Палестины (далее — ООП), которая впоследствии была принята в ООН в качестве наблюдателя, после чего самого Арафата принимали во многих странах как главу иностранного государства.

2. Арабский политический дискурс

Важную роль в арабском ПД играет выбор говорящего между литературным арабским языком, который является продолжением классического «языка Корана», и диалектом. Сравнивая структуру и содержание речей президента Туниса Зин эль-Абидин Бен Али и президента Египта Хосни Мубарака и выявляя речевые стратегии обоих президентов, специалист в области арабского медиадискурса М. Лахлали отмечает, что Хосни Мубарак всегда использовал литературный арабский язык, в то время как Бен Али чаще использовал диалект [Lahlali 2011]. Как полагает ученый, данный выбор свидетельствует о разных намерениях ораторов. Использование литературного арабского языка Хосни Мубараком говорит, во-первых, о его желании подчеркнуть высокий уровень образованности, а также статус лидера государства, а во-вторых, о том, что он ориентировался на образованный класс населения, который совершил революцию. Использование диалекта президентом Туниса Бен Али указывает на то, что он, напротив, ориентировался на самые широкие слои населения, в том числе и менее образованные, которые испытывали трудности в понимании литературного языка, кроме того, это был способ сокращения социальной пропасти между властью и населением [Lahlali 2011]. Данный пример наглядно демонстрирует важность такой характеристики арабского ПД, как выбор между диалектом и литературным арабским языком. Этот выбор определяет весь стиль коммуникации и заслуживает специального анализа.

При дискурсивном исследовании, как отмечают специалисты, внимание должно быть уделено используемым в текстах цитатам, которые демонстрируют, чья позиция для автора более значима и достойна воспроизведения [Шевченко 2002: 191]. Использование цитат, крылатых выражений — характерная черта арабского ПД. Поскольку в арабских странах преобладает мусульманская культура, распространенным является цитирование аятов Корана, Сунны и хадисов. Цитирование применяется автором, чтобы аргументировать свою позицию по тому или иному вопросу, эмоционально воздействовать на слушателя и, отсылая к определенным событиям, провести параллели с современностью либо указать на кон-

траст.

В числе других особенностей арабского дискурса, указывающих на связь носителей языка с мусульманской культурой, их приверженность к религии, выделяется частое использование политическими деятелями выражений, в которых фигурирует понятие «Бог». Так, например, по наблюдениям М. Лахлали, лидер организации «Хезболла» Хасан Насралла во многом строил свою стратегию убеждения, ссылаясь на Коран, подчеркивая свою убежденность в том, что «божественная победа» неизбежна, и пытаюсь пробудить у слушателя надежду и патриотизм [Lahlali 2014]. В 2006 г., в период конфликта между Ливаном и Израилем, Хасан Насралла использовал следующее выражение:

(1) *Победа не может быть достигнута без помощи Бога, поддержки Бога и его содействия.*

... إلا بنصر من الله وعون من الله وتأييد من الله...

Следует отметить, что ПД демонстрирует особенности национального дискурса, частью которого является. В этой связи интересны наблюдения известного российского арабиста В. Э. Шагалья [Шагаль 2001], который отмечал, что для арабского стиля коммуникации характерны экспрессивность и эмоциональность, что часто ставит иностранцев в замешательство и вызывает дискомфорт. Для арабов важнее не то, ЧТО говорится, а КАК это говорится, т. е. в первую очередь важна форма, а не содержание. Они любят много рассуждать, разглагольствовать, часто повторяют ранее высказанные мысли, возбудившись, порой начинают даже кричать, активно используют жестикуляцию, сложные риторические приемы, насыщают свою речь заклинаниями, клятвами, очень любят прибегать к преувеличениям, к тому же, что сказано ровным, спокойным тоном, они относятся с удивлением и недоверием [Шагаль 2001: 253—254]. Отмеченные черты арабского стиля коммуникации — экспрессивность, эмоциональность, лексические повторы, мультимодальность — характерны и для арабского ПД. Это будет показано при анализе выступлений Ясира Арафата.

3. Анализ выступлений палестинского лидера Ясира Арафата

Проведенный анализ выступлений Ясира Арафата показал, что он часто прибегает к использованию цитат из Корана. Примером может служить отрывок из речи в г. Тулькарм, Палестина, произнесенной 31 декабря 1995 г. после подписания временного соглашения между Палестиной и Израилем по берегу Иордана и сектору Газа, которое по-

лучило неформальное название «Осло-2». Главной целью соглашения было расширение палестинского самоуправления на Западном берегу реки Иордан путем создания избранного органа власти автономии. Это должно было позволить палестинцам самостоятельно вести свои внутренние дела, свести к минимуму трения между израильянами и палестинцами и начать новый этап мирного сосуществования и сотрудничества, опирающегося на общие интересы и взаимное уважение. В своем выступлении Ясир Арафат сказал:

(2) *„Мы даровали тебе явную победу“* (Коран, сура 48:1, перевод И. Ю. Крачковского [Крачковский 2015: 351]) (выступление Ясира Арафата в г. Тулькарм, Палестина, 31.12.1995).

إِنَّا فَتَحْنَا لَكَ فَتْحًا مُّبِينًا (سورة الفتح: 01)

Данная фраза взята из 48 аята суры «Победа». В соответствии с исламской традицией, это откровение было ниспослано в то время, когда курайшиты не дали возможности посланнику Аллаха совершить умру, т. е. малое паломничество в Мекку, и он решил заключить с ними мирный договор, по которому обе стороны согласились не воевать друг против друга в течение десяти лет, а посланник Аллаха согласился перенести паломничество на будущий год. Подписание этого договора ознаменовало легализацию мусульман как равноправной с курайшитами стороны и дало возможность мусульманам тесно общаться с мекканцами. Мекканцы, в свою очередь, получили возможность безопасно торговать с Сирией. Используя данный отрывок аята, Арафат провел аналогию между условиями, в которых он находился, и условиями, в которых находился посланник Аллаха, а также поставил себя и свой народ на одну позицию с пророком и теми людьми, которые шли за ним.

11 марта 2004 г., выступая в Законодательном совете в Палестине, Ясир Арафат заканчивает свое выступление следующей цитатой из Корана:

(3) *Мы поможем Нашим посланникам и тем, которые уверовали, в здешней жизни и в тот день, когда предстанут свидетели* (Коран, сура 40:51, перевод И. Ю. Крачковского) (выступление Ясира Арафата в законодательном совете, Палестина, 11.03.2004).

إِنَّا لَنَنْصُرُ رُسُلَنَا وَالَّذِينَ آمَنُوا فِي الْحَيَاةِ الدُّنْيَا وَيَوْمَ يَقُومُ الْأَشْهَادُ (سورة غافر: 51)

Большое внимание нами было уделено речи Ясира Арафата на Генеральной Ассамблее ООН в 1974 г., где Арафат выступил по приглашению ООН как председатель ООП. Следует отметить, что текст выступления был написан великим палестинским

поэтом Махмудом Дарвишем, известным мастером слова, поэтому не случайно, что он является ярким образцом красноречия, содержащим различные стилистические приемы и средства. Речь Арафата длилась 90 минут и звучала на литературном арабском языке. В ней лидер ООП дает свое видение политического устройства мира, излагает свою позицию по актуальным проблемам современности.

Арафат начинает свою речь с обращения к председателю Генассамблеи, называя его «господин президент», тем самым показывает высокий уровень уважения. Однако важно отметить, что перевод данного словосочетания не передает полного значения оригинала, потому что арабский вариант الرئيس السيد (ي) содержит притяжательное местоимение мой в конце слова господин, таким образом, буквально обращение может быть переведено как мой господин. Несмотря на то что нормы литературного арабского языка позволяют говорить الرئيس السيد (-), т. е. господин президент, Арафат решил использовать конструкцию с притяжательным местоимением — мой господин, применяя тактику сближения, приобщенности, а также подчеркивая верховенство ООН и свое подчинение ее руководителю. Следует также отметить, что это обращение используется многократно, т. е. наблюдается лексический повтор (в данном случае — анафора), что, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, тем, что палестинский лидер хотел подчеркнуть уважение к ООН и тот факт, что он воспринимает ее как всемирную организацию, частью которой является его страна. Во-вторых, лексические повторы являются чертой арабского стиля коммуникации и особенностью арабского дискурса. Приведем примеры из выступления палестинского лидера на Генассамблее ООН 1974 г.:

(4) *Господин президент, Организация Объединенных Наций ...*

سيدي الرئيس، ما زال السباق على التسلح على أشده في العالم...

(5) *Господин президент, я благодарен Вам за приглашение...*

سيدي الرئيس، اشكر لكم دعوتكم ...

(6) *Господин президент, всемирная гонка вооружений не остановлена.*

سيدي الرئيس، إن منظمة الأمم المتحدة...

В проанализированных речах Арафата были использованы обе стратегии убеждения — аргументативная и агитационная — и большинство из вышеперечисленных тактик. Рассмотрим несколько фрагментов, иллюстрирующих некоторые из них.

Тактика контрастивного анализа — сопоставление событий и фактов, которое воспринимается как убедительный аргумент. Арафат в своей речи сопоставляет явления по темпоральному признаку, а именно события прошлого и настоящего. В понятие темпоральности входит ситуативно-речевое время, т. е. прошлым оказывается время событий, предшествующих сообщению. Палестинский лидер сравнивает, какой была Организация Объединенных Наций и какой она стала, подчеркивая, что теперь она отражает волю международного сообщества и в большей степени способна осуществлять принципы Декларации прав человека и поддерживать справедливость и мир:

(7) *Сегодня ООН уже не та, какой была вчера, потому, что сегодняшний мир отличается от вчерашнего. Сегодня Организация Объединенных Наций представляет 138 государств и довольно точно отражает волю международного сообщества. Она стала в большей степени способна осуществлять свои пакты и принципы Декларации прав человека. Она также стала в большей степени способна решать вопросы справедливости и мира.*

ذلك لأن عالم هيئة الأمم اليوم ليست هيئة الأمم أمس، فقد أصبحت هيئة الأمم اليوم. اليوم ليس هو عالم الأمم تمثل 138 دولة وأصبحت تعكس بصورة نسبية أوضح إرادة المجموعة الدولية، ومن ثم فقد أصبحت أكثر قدرة على تطبيق ميثاقها ومبادئ الإعلان العالمي لحقوق الإنسان، وأكثر قدرة على نصره قضايا العدل والسلام

Тактика указания на перспективу направлена на то, чтобы выражать стратегические цели, позиции и намерения говорящего. Указание на перспективу включает предлагаемое решение и предполагаемый результат, который, как правило, рассматривается после того, как в тексте фиксируется предлагаемое решение. В своем выступлении Арафат подчеркивает, что мир стремится к свободе, справедливости, равенству и развитию:

(8) *Мир нуждается в максимальных усилиях для достижения его стремлений к миру, свободе, справедливости, равенству и развитию и для противостояния колониализму, империализму, неоколониализму и расизму в какой бы то ни было форме, в том числе сионистскому. Потому что это является единственным путем реализации надежд всех народов, в том числе народов тех правительств, которые отрицают данное решение. Это способ закрепления принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека.*

إن العالم بحاجة إلى أقصى الجهود من أجل تحقيق مطامحه في السلم والحرية والعدل والمساواة والتنمية

وفي مكافحة الاستعمار والامبريالية والاستعمار الجديد والعنصرية بكافة أشكالها بما فيها الصهيونية لأن هذا هو الطريق الوحيد لتحقيق آمال الشعوب كافة بما في ذلك شعوب الدول التي تعارض هذا الطريق. أنه طريق لتكريس مبادئ ميثاق هيئة الأمم المتحدة والإعلان العالمي لحقوق الإنسان.

Как видим, помимо тактики указания на перспективу, здесь используется стилистический прием (антитеза): противопоставляются, с одной стороны, *свобода, справедливость, равенство и развитие*, с другой — *колониализм, империализм, неоколониализм и расизм*.

Указание на отрицательную перспективу также является важной тактикой аргументации, нацеленной на убеждение в принятии правильного решения:

(9) *Иначе дальнейшее сохранение текущего положения сделает не что иное, как превратит мир в выставку опаснейших вооруженных конфликтов, приведет к экономическим, гуманитарным и природным бедствиям* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

أما بقاء الوضع الحالي فلن يفعل أكثر من أن يبقي العالم معرضاً لأخطر الصراعات المسلحة، للكوارث والطبيعية الاقتصادية والإنسانية .

Таким образом, здесь тактика перспективы реализуется с помощью антитезы.

Тактика иллюстрирования — не менее важное риторическое средство убеждения. Она часто используется с целью воздействия на собеседника и проявляется в применении фактов и примеров, которые являются надежным аргументом, если они правильно подобраны и объективно отражают картину события. Ярким примером может служить следующий фрагмент, где Арафат призывает вспомнить Джорджа Вашингтона, который боролся за свободу и независимость Америки, Авраама Линкольна, который поддерживал угнетенных, и четырнадцать пунктов Вильсона (т. е. проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну), в которые верит и народ Палестины. Приводя данные факты из истории США, Арафат проводит аналогию между тем, что переживала Америка, и что сейчас переживает палестинский народ.

(10) *Пусть американский народ вспомнит о своем герое Джордже Вашингтоне, который боролся за свободу и независимость Америки. Пусть он вспомнит об Аврааме Линкольне, который поддерживал угнетенных и страждущих. Пусть он вспомнит о четырнадцати пунктах Вильсона, в которые и наш народ верит* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

أن يتذكر بطله جورج واشنطن الذي ناضل لاستقلال أمريكا وحررتها.

ويتذكر أبراهام لنكولن الذي وقف مع المحرومين والمعذبين.

ويتذكر وصايا ويلسون الأربع عشرة والتي يتبناها شعبنا إيماناً بهذه المبادئ الإنسانية العظيمة.

Как показал наш анализ, лексический повтор — часто используемое Арафатом средство воздействия. В данном примере повтор императивной фразы *пусть вспомнит* наряду с отсылкой к историческим фактам является сильным средством воздействия на аудиторию.

Агитационная стратегия убеждения также использовалась Арафатом, она представлена в его речи тактикой обещания и тактикой призыва.

Тактика обещания на речевом уровне чаще всего манифестируется формами будущего времени глаголов совершенного вида или глаголами совершенного вида в составе сложного глагольного сказуемого:

(11) *Мы обещаем душам наших невинных мучеников, массам наших палестинских арабских людей, нашей арабской нации и всем свободным и почетным людям в мире, что мы продолжим борьбу против оккупации* (из выступления Арафата 15.11.1988, Алжир).

نعاهد أرواح شهدائنا الأبرار، و جماهير شعبنا العربي الفلسطيني وأمتنا العربية وكل الأحرار والشرفاء في العالم على مواصلة النضال من أجل جلاء الاحتلال (الجزائر 1988/11/15)

Тактика призыва обычно следует после обещаний оратора и завершает его выступление:

(12) *Я хотел бы использовать предоставленную мне возможность и обратиться к американскому народу. Перед лицом данного форума я хотел бы призвать американский народ стоять на стороне нашего храброго народа и на стороне права и справедливости* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН).

أنني لانتهد هذه المناسبة لا توجه إلى الشعب الأمريكي وأخاطبه من مكاني هنا أن يقف مع شعبنا الشجاع المناضل . أن يقف مع الحق والعدالة...

(13) *Я обращаюсь к Вам с призывом дать нашему народу возможность завоевания своего независимого национального престижа и возможность пребывания на собственной земле* (из выступления Ясира Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

أتوجه إليكم بأن تمكنوا شعبنا من إقامة سلطته الوطنية المستقلة وتأسيس كيانه الوطني على أرضه...

(14) *Я призываю Совет Безопасности ООН и „четверку“ действовать быстро,*

чтобы направить международных наблюдателей на палестинские территории, чтобы остановить кровопролитие, совершенное израильской оккупационной армией и ее поселенцами против нашего народа... (выступление Ясира Арафата 13.12.2002 в Палестине, г. Рамаллах).

أدعوا مجلس الأمن الدولي واللجنة الرباعية إلى العمل على سرعة إرسال المراقبين الدوليين للأراضي الفلسطينية لوقف حمام الدم الذي يرتكبه جيش الاحتلال ومستوطنوه ضد شعبنا... (رام الله 2002/12/13)

Широко используется в выступлениях Арафата стратегия эмоционального воздействия. Известно, что в ПД порой больше ценится индивидуальность стиля и яркость выражения мысли, чем ясность и политическая корректность содержания текста. Специальные речевые методы воздействия на аудиторию делаются на фигуры и тропы. И то, и другое представляет собой намеренное отклонение от стандартной речи с целью привлечь внимание слушателей и, возможно, в какой-то степени заставляет их пересмотреть свои взгляды. Среди ведущих приемов выразительности, активно используемых в выступлениях Арафата, нами замечены метафора, анафора, противопоставление, антитеза, метонимия, гипербола, риторические вопросы, эпитеты и др.

Мы уже иллюстрировали употребление анафоры ситуацией обращения и фрагментом (7). Данный прием характерен как для речи Арафата, так и для арабского дискурса в целом. С помощью анафоры может быть создан ряд дополняющих друг друга логических аргументов. Анафора подчеркивает их равную значимость и создает условия для усиления авторского мнения, что способствует постепенному убеждению слушателей. В арабской культуре считается, что чем чаще оратор использует данный прием, тем больше он хочет привлечь внимание слушателей и подчеркнуть определенный смысл; в таком случае высказывание претендует на роль истины. Проиллюстрируем сказанное еще одним интересным фрагментом из речи палестинского лидера:

(15) *Господин президент, мы живем в мире, который стремится к миру, справедливости, равенству и свободе. Стремится к тому, чтобы угнетенные народы, страдающие под игом колониализма и расизма, смогли осуществить свое право на самоопределение. Стремится к тому, чтобы отношения между всеми государствами строились на основе равенства, мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела, безопасности, национального суверенитета, единства и*

независимости на основе справедливых, равноправных экономических отношений, которые учитывают взаимные интересы. Он стремится к тому, чтобы вся энергия концентрировалась на борьбе с нищетой, голодом, болезнями и природными катастрофами (из выступления Ясира Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

سيدي الرئيس اننا نعيش في عالم يطمح للسلام والعدل والمساواة وللحرية. يطمح الى ان يرى الامم المظلومة الازاحة تحت الاستعمار الاضطهاد العنصري وهي تمارس حررتها وحققها في تقرير المصير.

يطمح الى ان يرى العلاقات الدولية بين الدول كافة تقوم على اساس المساواة والتعايش السلمي وعدم التدخل في الشؤون الداخلية وتامين السيادة الوطنية والاستقلال على اساس العدل والتكافؤ والمنافع المتبادلة. يطمح لان تصب الجهود الانسانية على مكافحة الفقر والمجاعة والامراض والكوارث الطبيعية وعلى تطوير القدرات الانتاجية والعلمية والتقنية للبشرية لزيادة الثروات وتضييق الفروق بين الدول النامية والدول المتطورة ولكن ذلك كله يصطدم بواقع عالمي ما زال يسوده الاضطراب والظلم والاضطهاد العنصري والاستغلال وما زال مهددا بالكوارث الاقتصادية والحروب والازمات.

В данном фрагменте используется также антитеза — прием риторического противопоставления, частотный в ораторской речи для указания аудитории на резкое противопоставление понятий, образов или состояний, которые связаны либо общей конструкцией, либо внутренним смыслом. В данном фрагменте *мир, справедливость, равенство и свобода* противопоставляются *угнетению, колониализму, расизму, нищете, голоду, болезням и природным катастрофам*. Антитеза многократно используется Арафатом для усиления воздействия на аудиторию, в том числе эмоционального. Через резкое противопоставление понятий повышается экспрессивность речи:

(16) *Это чувство... также повышает надежду народов на участие ООН в решении вопросов мира, справедливости, свободы и независимости; и создание мира, свободного от колониализма, неоколониализма, империализма, в котором не существует расизма в какой бы то ни было форме, в том числе сионистского* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

فقد أصبحت أكثر قدرة على تطبيق ميثاقها ومبادئ الإعلان العالمي لحقوق الإنسان، وأكثر قدرة على نصرته وهذا ما بدأ يلمسه شعبنا وتلمسه. قضايا العدل والسلام شعوب آسيا وإفريقيا وأمريكا اللاتينية، الأمر الذي أخذ يعلي مكانة هذه المنظمة الدولية في عيون شعبنا وعيون

بقية الشعوب، ويزيد من الآمال التي تعلقها شعوب العالم على مساهمة هيئة الأمم المتحدة في نصرة قضايا السلم والعدل والحرية والاستقلال، وتشبيد عالم خالٍ من الاستعمار والإمبريالية والاستعمار الجديد والعنصرية بكافة أشكالها بما فيها الصهيونية.

Экспрессивность, как уже отмечалось, является одной из основных особенностей современного арабского дискурса, в том числе и политического. В качестве экспрессивных выступают не только лексико-фразеологические, но и грамматические средства. Наиболее употребительными грамматическими средствами ПД являются стилистические фигуры, основанные на особой эмоциональной интонации: риторический вопрос, риторическое восклицание. Риторический вопрос давно известен как средство выражения экспрессии в высказывании, которая достигается за счет асимметрии вопросительной формы и утвердительно-содержания, что позволяет с точки зрения грамматики рассматривать подобные конструкции как вопросительные предложения во вторичной функции или даже как «псевдовопросы» [Санников 2008]. В устном публичном выступлении риторический вопрос представляет собой в первую очередь эффективное средство диалогизации монолога. А. К. Михальская с позиций риторики выделила следующие функции этой фигуры речи:

- 1) эмоциональное выделение смысловых центров выступления;
- 2) формирование эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи;
- 3) представление адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства) [Михальская 1996: 239—242].

Арафат в своих речах многократно использует риторические вопросы, обращаясь к американскому народу и президенту, тем самым он как бы ведет диалог с ними:

(17) *Я обращаюсь к американскому народу и задаю вопрос: чем наш народ провинился перед американским? И зачем это враждебное лицо? Разве это на пользу Америки? Разве это на пользу американскому народу? Конечно, нет!* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

وأتوجه إلى الشعب الأمريكي وأتساءل ما هي...؟ الجريمة التي ارتكبتها شعبنا ضد الشعب الأمريكي؟ لماذا هذا الوجه المعادي؟

هل هو لصالح أمريكا؟ هل هو لصالح الجماهير الأمريكية؟ حتماً لا.

(18) *Я спрашиваю себя, господин президент, почему наш народ и наша родина*

должны взять на себя ответственность за проблему переселения евреев, которая существует лишь в головах отдельных лидеров? (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года)

وإنني أتساءل يا سيادة الرئيس، لماذا يتحمل شعبنا ووطننا مسؤولية مشكلة الهجرة اليهودية إذا كانت لا زالت مثل هذه المشكلة في مخيلة البعض؟

В речах палестинского лидера также заметна высокая частотность употребления **метафор**. И это не случайно. Как отмечают исследователи, метафора в ПД является мощным приемом убеждения и одним из основных и эффективных инструментов, с помощью которого речь становится более выразительной и ассоциативной, в связи с чем роль метафоры в политическом дискурсе значительна и неоспорима [Чудинов, Будаев 2006: 36—37], а в ситуации политических потрясений и нестабильности особенно возрастает и усиливается (см.: [Anikin, Budaev, Chudinov 2015]).

Метафора обладает способностью влиять на процесс принятия решений, а ее присутствие в тексте «позволяет ярко увидеть, образно представить себе определенное явление жизни, кидает свет на самую сущность данного явления, позволяет лучше понять, оценить, определить его» [Хохлачева http]. В ПД основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная [Кобозева 2001: 134—135]. Метафора способна надолго сохраняться в памяти, поскольку задействует ассоциативное мышление адресата.

Приведем некоторые примеры использования метафор Ясиром Арафатом:

(19) *Я вижу сейчас стены Иерусалима, мечети Иерусалима, церкви Иерусалима. Кровью и духом мы возвратим тебя, Палестина! Да, кровью и духом мы возвратим тебя, Палестина!* (Арафат, обращаясь к толпе в городе Тул-Карм, Палестина, 28 апреля 1997 года)

إنني أرى أسوار القدس، ومساجد القدس، وكنائس القدس. بالروح والدم نفديكي يا فلسطين، بالروح والدم نفديكي يا فلسطين.

(20) *Господин президент, сегодня я пришел сюда с оливковой ветвью в руке* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

سيدي الرئيس: لقد جئتكم اليوم بغصن الزيتون في يدي...

Пример (19) можно объяснить следующим образом: Ясир Арафат во время произнесения этой речи находился в городе Тул-Карм, который расположен далеко от Иерусалима. Наблюдая большое количество людей, собравшихся в поддержку Палестины,

политик хотел указать на то, что благодаря этим людям уверен в победе Палестины, будто бы в тот момент видел, как приближается Иерусалим — столица Палестины: видел его стены, церкви, мечети.

В двадцатом примере метафора связана с оливковой ветвью — библейским символом мира. Во время выступления на Генассамблее ООН Арафат сказал, что пришел туда с оливковой ветвью. Тем самым он хотел обратить внимание на то, что его намерения исключительно мирные.

Анализируя речи Ясира Арафата, стоит упомянуть о знаменитой фразе, сказанной им на Генассамблее ООН в конце выступления, где снова озвучивается та же метафора:

(21) *Я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и оружием борца за свободу в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

بيدي جنتكم يا سيادة الرئيس حاملا غصن الزيتون
وبندقية الثائر بيدي الأخرى, فلا تسقطوا الغصن
تسقطوا الغصن الأخضر من الأخضر من يدي ... لا
يدي ... لا تسقطوا الغصن الأخضر من يدي.

В данной фразе палестинский лидер использует агитационную стратегию убеждения, а именно тактику призыва. Он призывает всемирную организацию исполнить свои обязанности применительно к палестино-израильскому конфликту. Способом реализации данной тактики являются различные стилистические средства. Сначала выступающий использует две метафоры: *оливковая ветвь* (символ мира) и *оружие борца за*

свободу (символ силы и борьбы). Таким образом он показывает, с одной стороны, свои намерения мирно решить конфликт, с другой — готовность к вооруженной борьбе. Обе метафоры вместе образуют противопоставление «война и мир». Далее Арафат просит поддержать первое решение (мирно решить конфликт): *Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!* Императив с отрицанием выражает обычно запрет, однако он может использоваться и для передачи других прагматических смыслов. Здесь, на наш взгляд, выражается желание: палестинский лидер не приказывает, а просит поддержать его первое решение. Однако он произносит эту фразу трижды, что придает ей иное прагматическое значение — угрозы и предупреждения.

Во время произнесения данной фразы, как показывает фотография (см. фото), у Арафата поднят и немного наклонен вперед указательный палец. Данный жест в арабской культуре означает угрозу. Таким образом, для передачи своего коммуникативного намерения он использует как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, что производит ожидаемый эффект. Слова Арафата вызвали бурные аплодисменты делегатов, присутствовавших в зале Генассамблеи. Через полминуты он знаком просит прекратить аплодисменты, чтобы произнести запланированную заключительную фразу:

(22) *Господин президент! Из Палестины исходит пламя войны, и в Палестине же возьмет свое начало мир* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

....سيادة الرئيس

الحرب تندلع من فلسطين والسلام يبدأ من فلسطين

Фото. Ясир Арафат выступает на Генассамблее ООН, 1974

Прежде чем произнести заключительную фразу, председатель ООП обращается к председателю Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы обратить его внимание на то, что будет сказано далее. Это объясняет важность последней фразы. Говоря о том, что в Палестине началась война и там же она закончится, оратор подчеркивает историческую и географическую важность этого места, показывая, что если разрешится этот конфликт, то будут решены и другие проблемы в мире.

На стилистическом уровне мы можем заметить, что здесь опять используется противопоставление, повышающее эмоциональность высказывания. В связи с этим выбор глагола تتدلّع «вспыхнуть, вспылить, полыхать, вспыхивать» в последней фразе не случаен. Здесь можно было использовать глагол بدأ «начаться, начинаться», но Арафат выбирает глагол «вспыхивать», который в арабском языке имеет негативные ассоциации, такие как *опасность, война, пожар, огонь*. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что говорящий хочет предупредить о последствиях войны.

Благодаря своему красноречию политическому лидеру удалось убедить Генеральную Ассамблею ООН в том, что ООП представляет интересы Палестины.

4. Заключение

Наше исследование подтвердило мнение ученых о необходимости интегративного мультимодального подхода к анализу политического дискурса [Шейгал 2004; Ponton 2016 и др.] с учетом социокультурного контекста, который играет важную роль в его формировании.

На основе проведенного анализа выступлений палестинского лидера Ясира Арафата нами были выделены часто употребляемые им речевые приемы воздействия на аудиторию с целью ее убеждения в принятии правильного, с точки зрения оратора, решения. Проведенный анализ показал, что убеждающие аргументы могут быть обращены к разным сторонам человеческой личности: они могут воздействовать как на сознание, так и на эмоции адресата. В одном фрагменте часто наблюдается комбинация нескольких тактик, для реализации которых используются различные речевые приемы и средства (вербальные, невербальные и паравербальные), совокупность которых формирует черты дискурса.

Среди основных характеристик речей Арафата мы в первую очередь выделили обилие лексических повторов, экспрессивность, эмоциональность, метафоричность,

мультимодальность, обращение к исламским культурным ценностям.

Особенностью арабского ПД, которая проявилась и в выступлениях Арафата, является использование цитат из аятов Корана, Сунны и хадисов, что увеличивает эмоциональное воздействие на аудиторию. Наряду с разнообразными экспрессивными средствами это оказывает скрытое воздействие на сознание адресата, что позволяет нам сделать вывод о том, что убеждение в арабском ПД часто превращается в манипуляцию.

Хотя на основе анализа выступлений одной личности можно говорить лишь о чертах идиостиля, анализ существующих исследований арабского ПД, а также собственные наблюдения позволяют предположить, что выявленные особенности речи Ясира Арафата характерны для арабского ПД в целом, хотя для более объективных выводов необходимы дальнейшие исследования.

ИСТОЧНИКИ

1. Речь Ясира Арафата в ГА ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://info.wafa.ps/atemplate.aspx?id=4932>.
2. Выступление Ясира Арафата в ГА ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fAqIcfKEfE&t=1522s>.
3. Выступление Ясира Арафата в городе Туль-карм, Палестина [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_E-zpLEXx4&t=21s.
4. Выступление Ясира Арафата в Алжире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v76rzK7aiKI&t=4s>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алышева Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 171—174.
2. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5—32.
3. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.
4. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса. 2002. URL: <http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
5. Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. С. 57—77.
6. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64—74.
7. Иванова С. В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017 № 1. С. 141—160.
8. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2001. № 6. С. 134—135.
9. Крачковский И. Ю. (переводчик). Коран. — М.: Феникс, 2015. 544 с.
10. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
11. Ларина Т. В., Озюменко В. И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации. = Ethnic identity in language and communication // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. С. 57—68.
12. Липко Ю. Г., Антипова И. А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // Изв. Иркут. гос. эконом. акад. 2014. № 2. С. 186—190.

17. Ли Сыци. Сила речи Си Цзиньпина // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 105—110.
18. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. — М., 1996.
19. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационно-войны: от манипуляции — к агрессии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
20. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. д-ра филол. наук : 10.02.01. — Саратов, 2005. 325 с. РГБ ОД, 71:06-10/45.
21. Рябова Т. Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 4 (32). С. 307—320.
22. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2012.
23. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. — М., 2008.
24. Сафина Р. А., Чернова Я. Р. Стратегии речевого воздействия в предвыборных выступлениях австрийских политиков // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 147—151.
25. Стексова Т. И. Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 28—35.
26. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.
27. Хохлачева И. В. Политическая метафора как один из способов языковой манипуляции (на основе материалов политических партий в период предвыборной кампании) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10715-411-0365>.
28. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
29. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
30. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001.
31. Шевченко А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Теория коммуникации и прикладная коммуникация : вестн. Рос. коммуникативной ассоциации. — Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 185—192.
32. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
33. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // Вопросы когнитивной лингвистики = Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2015. № 3 (44). С. 26—32.
34. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 200. P. 412—417.
35. Dubrovskaya T., Sowińska A. Construction of 'strength' and 'weakness' in Russian and Polish foreign policy discourse // Russian Journ. of Linguistics. 2018. № 2 (22) (in press).
36. El-Zawawy Amr M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. № 21 (1). P. 183—202.
37. Gornostaeva A. American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 4 (20). P. 179—196.
38. Hall K., Goldstein D. M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // HAU : Journ. of Ethnographic Theory. 2016. № 6 (2). P. 71—100.
39. Lahlali M. The Arab Spring and the discourse of desperation: shifting from an authoritarian discourse to a "democratic one" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2011. Iss. 13.
40. Lahlali M. The Discourse of Egyptian Slogans: from "Long Live Sir" to "Down with the Dictator" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2014. Iss. 19.
41. Lahlali M. Repetition and Ideology in Nasrallah's Political Speeches // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2012. Iss. 15.
42. Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S. I-identity vs we-identity in language and discourse // Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics. 2017. Vol. 13. Iss. 1. P. 109—128.
43. Lauerbach G. E., Fetzer A. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives // Political Discourse in the Media / A. Fetzer, G. E. Lauerbach (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 3—28.
44. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
45. Ozyumenko V., Larina T. From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation // SGEM2017 Conference Proceedings. 2017. Book 3, Vol. 2. P. 737—744. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.095.
46. Ponton D. Movement and meaning: towards an integrated approach to political discourse analysis // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 122—139.
47. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
48. Sowińska A. A Critical Search for Values in George W. Bush's State of the Union Addresses. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015.

Husam A. R. Musleh
Palestine

STRATEGY OF PERSUASION IN THE SPEECHES OF PALESTINIAN LEADER YASSER ARAFAT

ABSTRACT. *The knowledge of ethno-cultural features of political discourse is of particular importance in consideration of aggravated international relations and political instability as it enables participants of negotiations to understand intentions of each other and enables them to make adequate political decisions. This paper focuses on the Arabic political discourse which represents directed activities including persuasion by the state, its representatives and the impact that this discourse has on the mass recipient. Due to the fact that the Arabic language has many dialects, we are confined to modern standard Arabic. The purpose of this study is to identify cultural specific means of persuasion strategy in the Arabic political discourse. The data for the analysis were obtained from the speeches of the Palestinian leader Yasser Arafat, who can be classified as one of the powerful politicians of the world. The choice of this topic is caused by the increasing role of the public, including oral communication, and the necessity of the analysis of the forms, tasks and content of the discourse used in specific political communication and political situation. The paper further examines stylistic means of persuasion used by the Palestinian leader. The analysis of existing studies of the Arabic political discourse as well as our own observations suggest that features of Arafat's speeches are typical for the Arabic political discourse in general, although for more objective conclusions further research is needed.*

KEYWORDS: *Arabic; political discourse; strategies of persuasion; stylistic devices; multimodality; manipulation; political rhetoric; linguistic persona; political leaders.*

ABOUT THE AUTHOR: *Husam A. R. Musleh, Faculty of Philology, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).*

REFERENCES

1. Rech' Yasira Arafata v GA OON [Elektronnyy resurs]. URL: <http://info.wafa.ps/atemplate.aspx?id=4932>.
2. Vystuplenie Yasira Arafata v GA OON [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fAqlcftKEfE&t=1522s>.
3. vystuplenie Yasira Arafata v gorode Tul'-karm, Palestina [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_E-zpLEXx4&t=21s.
4. Vystuplenie Yasira Arafata v Alzhire [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v76rzK7aiKI&t=4s>.
5. Alysheva Yu. S. Rechevoy portret V. V. Putina // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2012. № 2 (16). S. 171—174.
6. Bazylev V. N. Politicheskyy diskurs v Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2005. № 15. S. 5—32.
7. Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Destruktivnost' v politicheskom diskurse // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 161—178.
8. Gavrilova M. V. Lingvisticheskyy analiz politicheskogo diskursa. 2002. URL: <http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
9. Gornostaeva A. A. Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 179—196.
10. Gornostaeva A. A. Ironiya v politicheskom diskurse: agresiya ili razvlechenie? // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2014. № 3. C. 64—74.
11. Ivanova S. V. Aktovaya rech' kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017 № 1. S. 141—160.
12. Kobozeva I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory // Vestn. MGU. Ser. 9, Filologiya. 2001. № 6. S. 134—135.
13. Krachkovskiy I. Yu. (perevodchik). Koran. — M.: Feniks, 2015. 544 s.
14. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 512 s.
15. Larina T. V., Ozyumenko V. I. Etnicheskaya identichnost' i ee proyavlenie v yazyke i kommunikatsii. = Ethnic identity in language and communication // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. S. 57—68.
16. Lipko Yu. G., Antip'eva I. A. Yazykovaya lichnost' Baraka Obamy: vzlet politicheskoy kar'ery // Izv. Irkut. gos. ekonom. akad. 2014. № 2. C. 186—190.
17. Li Sytsi. Sila rechi Si Tszin'pina // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 105—110.
18. Mikhail'skaya A. K. Osnovy ritiki: mysl' i slovo. — M., 1996.
19. Ozyumenko V. I. Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii — k agressii // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220.
20. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Saratov, 2005. 325 s. RGB OD, 71:06-10/45.
21. Ryabova T. B. Politicheskyy diskurs kak resurs «sozdaniya gendera» v sovremennoy Rossii // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo. 2006. T. VIII. Vyp. 4 (32). S. 307—320.
22. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskyy i semioticheskyy analiz : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2012.
23. Sannikov V. Z. Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. — M., 2008.
24. Safina R. A., Chernova Ya. R. Strategii rechevogo vozdeystviya v predvybornykh vystupleniyakh avstriyskikh politkov // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 147—151.
25. Steksova T. I. Variativnost' zhanrovoy interpretatsii v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64). S. 28—35.
26. Sterin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh, 2001.
27. Khokhlacheva I. V. Politicheskaya metafora kak odin iz sposobov yazykovoy manipulyatsii (na osnove materialov politicheskikh partiy v period predvybornoy kampanii) [Elektronnyy resurs]. URL: [http://www.sworld.com.ua/index](http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10715-411-0365)
28. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003.
29. Chudinov A. P., Budaev E. V. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
30. Shagal' V. E. Arabskiy mir: puti poznaniya. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i arabskiy yazyk. — M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2001.
31. Shevchenko A. Yu. Diskursivnyy analiz materialov massovoy kommunikatsii // Teoriya kommunikatsii i prikladnaya kommunikatsiya : vestn. Ros. kommunikativnoy assotsiatsii. — Rostov n/D : IUBiP, 2002. Vyp. 1. C. 185—192.
32. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M.: Gnozis, 2004.
33. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2015. № 3 (44). S. 26—32.
34. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. T. 200. P. 412—417.
35. Dubrovskaya T., Sowińska A. Construction of 'strength' and 'weakness' in Russian and Polish foreign policy discourse // Russian Journ. of Linguistics. 2018. № 2 (22) (in press).
36. El-Zawawy Amr M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. № 21 (1). P. 183—202.
37. Gornostaeva A. American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 4 (20). P. 179—196.
38. Hall K., Goldstein D. M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // HAU : Journ. of Ethnographic Theory. 2016. № 6 (2). P. 71—100.
39. Lahlali M. The Arab Spring and the discourse of desperation: shifting from an authoritarian discourse to a "democratic one" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2011. Iss. 13.
40. Lahlali M. The Discourse of Egyptian Slogans: from "Long Live Sir" to "Down with the Dictator" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2014. Iss. 19.
41. Lahlali M. Repetition and Ideology in Nasrallah's Political Speeches // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2012. Iss. 15.
42. Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S. I-identity vs we-identity in language and discourse // Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics. 2017. Vol. 13. Iss. 1. P. 109—128.
43. Lauerbach G. E., Fetzer A. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives // Political Discourse in the Media / A. Fetzer, G. E. Lauerbach (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 3—28.
44. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
45. Ozyumenko V., Larina T. From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation // SGEM2017 Conference Proceedings. 2017. Book 3, Vol. 2. P. 737—744. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.095.
46. Ponton D. Movement and meaning: towards an integrated approach to political discourse analysis // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 122—139.
47. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
48. Sowińska A. A Critical Search for Values in George W. Bush's State of the Union Addresses. — Frankfurt am Mein : Peter Lang, 2015.

А. Г. Фомин, Е. А. Мона
Кемерово, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ СПИКЕРА-ТЕРРОРИСТА В ВИДЕООБРАЩЕНИЯХ ИГИЛ (ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАПРЕЩЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются лексические особенности организации речи оратора-террориста на материале пропагандистских видеообращений боевиков ИГИЛ*. Целью данной статьи является выявление лексических средств, используемых спикером для произведения эмоционально-выразительного, зачастую скрытого, эффекта на потенциального реципиента. Террористы применяют широкий спектр стилистических приемов, а именно: метафоры, гиперболы, синекдоху, перифраз, лексические повторы и антитезу. Проводимые в настоящее время исследования подтверждают значимость применения вышеупомянутых стилистических средств для манипулирования сознанием реципиента, особенно в дискурсах с ярко выраженной суггестивной наполненностью, например, в политическом, судебном или рекламном дискурсе. Это также подтверждается тем, что, согласно исследователям, стилистически окрашенные языковые средства используются спикером для реализации функции убеждения, поскольку они позволяют достичь не только большей экспрессивности и эмоциональности высказывания, но также более высокой степени убедительности, что соотносится с установкой террориста устроить аудиторию посредством угроз и пропагандировать свою идеологию. Частеречное членение лексикона выявило преобладание глаголов среди полнозначительных слов, т. е. значительная роль в речи террориста отводится номинации действия, что является целесообразным при учете прагматической установки спикера — интенции устроить реципиента посредством угроз. Наиболее употребимыми являются глаголы, обозначающие действия насильственного характера. Рассматривается также специфика употребления в текстах видеообращений местоимений, которые служат противопоставлению террористической организации и стран Запада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: террористический дискурс; языковая личность; речевое поведение; терроризм; коммуникативное воздействие; стилистические приемы; видеообращение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: andfomin67@mail.ru.

Мона Елизавета Александровна, аспирант, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: elizaveta-mona@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Сегодня использование экстремистскими группировками и террористическими организациями информационно-коммуникативных технологий является одной из наиболее социально значимых проблем мирового масштаба. Так, для продвижения своей идеологии боевики «Исламского государства»* задействуют новейшие высокотехнологичные инструменты коммуникации, а также передовые маркетинговые стратегии, что позволяет им вызывать общественный резонанс путем манипуляции СМИ. Террористы выпускают листовки с угрожающим содержанием, используют аудио- и видеотехнику для записи обращений, которые размещают на порталах общего доступа, в связи с чем в «группу риска» попадают рядовые пользователи интернет-среды. Этим обусловлена необходимость анализа видеообращений ИГИЛ*, а также социальная значимость предпринимаемого научного исследования [Фомин, Мона 2016: 144].

Обращение террориста, прагматическая установка которого характеризуется открытой пропагандистской направленностью, изобилует различными стилистическими приемами, позволяющими наиболее эффективно оказывать на реципиента необходимое воздействие.

* Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

В ходе исследования были выявлены следующие стилистические средства, используемые в тексте обращения.

1. Метафора («скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [Арнольд 2002: 64]). Можно привести следующие примеры:

- *the flames of war*;
- *playing the role of the obedient lapdog*;
- *thirsty for your blood*;
- *you had been at the forefront of the aggression towards the Islamic state*;
- *Your evil alliance with America which continues to strike the Muslims of Iraq and most recently bombed the Haditha Dam, will only accelerate your destruction*;
- *Muslims from all walks of life...*

2. Гипербола («заведомое преувеличение, повышающее экспрессивность высказывания и сообщающее ему эмфатичность» [Арнольд 2002: 65]). В текстах анализируемых видеообращений были обнаружены следующие гиперболы:

- *unwinnable war*;
- *we are the harshest*;
- *This is the end of every Musaidi Kaffar that we get a hold of...*;

- *Whether it's fifty nations or fifty thousand nations;*
- *...until we take the head of every tyrant...*

3. Синекдоха («разновидность метонимии, состоящая в замене одного названия другим по признаку партитивного количественного отношения между ними» [Арнольд 2002: 66]).

Были отмечены следующие примеры:

- *This knife will not only slaughter Kenji, but will also carry on and cause carnage wherever your people are found;*
- *His blood is on the hands of the British parliament,*
- *...until the black flag (черный флаг является символом ИГИЛ*) is flying high in every single land.*

Последний пример также представляет собой перифраз, стилистический прием, заключающийся в «непрямом, описательном обозначении объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей».

Отметим следующие примеры перифраза:

- *Crusader (Барак Обама) it is the support of Allah you did not gain anything, you returned to your base with loss and humiliation;*
- *...it burns the Crusader army (американская армия) in Dabiq;*
- *we will break this final and last Crusade (военные действия американских сил на территориях, подконтрольных ИГИЛ*);*
- *...the first American Crusader (Питер Эдвард Кассиг, казненный солдат американской армии) in Dabiq;*
- *The dog of Rome (Барак Обама).*

Как следует из приведенных выше примеров, чаще всего в качестве перифраза выступают лексемы «Crusade» (Крестовый поход) и «Crusader» (крестоносец), применяемые по отношению к американским войскам на территории Ирака. Используя подобную отсылку к фактам истории, террорист возводит осуществляемые военные операции в ранг священной борьбы всего исламского мира с западным.

4. Лексические повторы, также используемые для эмфазы, нередко встречаются в речи террориста:

- *...you claim to have withdrawn from Iraq four years ago. We said to you then that you were liars, that you had not withdrawn, and if you had withdrawn, that you would return, even if after some time. You would return. Here you are. You have not withdrawn. Rather, you hid some of your forces behind your proxies and withdrawn the rest.*

5. Антитеза (противопоставление) является широко представленным стилистическим приемом в речи террориста. Основными противопоставляемыми единицами в видео-

обращениях являются местоимение *you* и притяжательное прилагательное *your*, обозначающие военные силы антиигиловской коалиции, и местоимение *we* и притяжательное прилагательное *our*, обозначающие собственные силы террористов:

- *You have started your aerial bombardment in Sham which keeps on striking our people, so it is only right we keep on striking the necks of your people;*
- *So just as your missiles continue to strike our people, our knife will continue to strike the necks of your people.*

Таким образом, в соответствии с результатами, полученными в ходе анализа вербальной организации речи террориста, основными стилистическими приемами на лексическом уровне являются метафора, гиперболы, синекдоха, антитеза и лексический повтор. Данный факт обусловлен стремлением автора сообщения достичь максимальной эффективности эмоционального воздействия на реципиента (в целях устрашения). Гипербола также употребляется в обращении террориста для большей эмфатичности высказывания и создания образа беспощадной и непобедимой армии; метафоричность придает речи образность, а повтор лексических единиц позволяет заострить внимание реципиента на определенных фактах, лежащих в основе темы сообщения.

Примечательно, что упомянутые средства языковой выразительности применяются для оказания эмоционально-экспрессивного (часто скрытого) влияния на аудиторию не только в рамках террористического дискурса. Так, проводимые в настоящее время исследования подтверждают значимость употребления стилистических приемов для манипуляции сознанием реципиента: в рамках политического дискурса [Виноградова 2010], судебного дискурса [Коробова 2010], рекламного дискурса [Тумский 2015]. Тем не менее, несмотря на то что функции стилистических средств едины для различных дискурсов, выбор употребляемых лексических единиц обусловлен тематикой обращения и прагматической установкой спикера.

В отличие от художественного дискурса, где стилистические средства используются преимущественно для создания образности и детализации описания объектов действительности, в означенных дискурсах они служат также эффективной реализации персуазивной стратегии. Иными словами, «субъект речи использует стилистически окрашенные языковые средства в функции убеждения, добиваясь в результате не только большей выразительности и эмоциональности текста,

но и убедительности» [Зарипов 2016].

Более того, в террористическом дискурсе стилистические средства являются также инструментом суггестии (психологического воздействия на сознание реципиента, предполагающего внушение ему определенных концептуальных установок и стереотипов через эмоционально-психологическое состояние). Успешность выполнения спикером коммуникативной задачи напрямую зависит от подбора используемых языковых средств. Таким образом, тематика дискурса находит свое отражение в использовании конкретных лексических единиц.

В ходе анализа было установлено, что наиболее употребимым тропом в обращениях боевиков ИГИЛ* является метафора, которая, согласно мнению А. П. Чудинова, «превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2012: 122]. Будучи одним из основных средств придания сообщению стилистической окраски, метафора позволяет создавать яркие, запоминающиеся образы в сознании адресата. Процесс их актуализации часто является для реципиента неосознанным, протекает скрыто, а декодирование требует определенных интеллектуальных усилий, что делает метафору одним из важнейших средств идеологической ориентированности, используемых террористами для оказания необходимого влияния на психическое состояние аудитории, и позволяет террористу выполнить прагматическую установку.

Общий объем вербальной составляющей исследованных видеообращений составил 5788 лексических единиц. Применение методов корпусной лингвистики, а именно использование программного парсера, позволило нам произвести частеречное членение текстов анализируемых сообщений (на основе сопровождающих некоторые видеообращения, а также самостоятельно застенографированных скриптов) и сделать на основании полученных данных ряд выводов.

Известно, что в тексте частотность служебных частей речи, несмотря на ограниченность их количества, может в совокупности превышать частотность знаменательных. В связи с этим мы не считаем значимым для данного научного исследования их доминирование над другими частями речи в структуре частеречного членения лексикона террориста.

Особое внимание необходимо уделить тому факту, что количество употребленных в видеообращениях глаголов на 3,7 % превышает общее число существительных. На ос-

новании этого можно сделать следующее предположение: значительная роль в речи террориста отводится номинации действия, что является целесообразным при учете прагматической установки спикера — интенции устрашить реципиента посредством угроз. Данная гипотеза подтверждается тем, что наиболее употребимыми являются глаголы, обозначающие действия насильственного характера (473 смысловых глагола из 834). К обозначенной лексической группе относятся следующие глаголы:

- fight (96 словоупотреблений);
- murder (78 словоупотреблений);
- kill (62 словоупотребления);
- bomb (59 словоупотреблений);
- shoot (55 словоупотреблений);
- attack (52 словоупотребления);
- slaughter (37 словоупотреблений);
- cut (34 словоупотребления).

Оставшиеся смысловые глаголы (361) могут быть отнесены к разряду общей лексики, вследствие чего могут не рассматриваться в рамках текущего исследования.

Необходимо также указать на особенности, связанные с употреблением террористами личных и объектных местоимений. В текстах видеообращений неоднократно используются местоимения *we* и *us*:

- *We take this opportunity to warn those governments that enter this evil alliance of America against the Islamic State to back off and leave our people alone;*
- *It means nothing to us;*
- *We're here in the 17th Division military base just outside the city of Raqqa. And we're here with the soldiers of Bashar;*
- *Until the black flag is flying high in every single land; these weapons that we have, these soldiers, we will not stop fighting, we will not put down our weapons until we reach your lands, until we take the head of every tyrant and until the black flag is flying high in every single land. Until we put the black flag on top of Buckingham Palace, until we put the black flag on top of the White House, we will not stop, and we will keep on fighting. And we will fight you, and we will defeat you.*

Как иллюстрируют приведенные примеры, местоимение *we* используется террористами довольно часто (193 раза). Примечательно, что в данное понятие закладывается глубинный смысл — под *we* спикеры подразумевают не только бойцов ИГИЛ*, но и мусульман, поддерживающих их политику:

- *We are an Islamic army, and a state that has been accepted by a large number of Muslims worldwide. So effectively any aggression towards the Islamic State is an*

aggression towards Muslims from all walks of life who have accepted the Islamic caliphate as their leadership.

Более того, таким образом спикер отождествляет себя со всей террористической организацией, подчеркивается, что его слова отражают не личное видение происходящих событий, а позицию всей социальной группы. Этим также обусловлено нечастое использование личного местоимения *I* в текстах видеообращений. Подобные примеры были отмечены нами лишь в 4 видеозаписях из 17:

- *I'm back Obama, and I'm back because of your arrogant foreign policy towards the Islamic state;*
- *This message I deliver to you...;*
- *I say this about your coalition: you threaten us with your countries;*
- *I was one of you: I was a typical Canadian. I grew up on the hockey rink and spent my teenage years on stage playing guitar. I had no criminal record. I was a bright student and maintained a strong GPA in university...*

Наиболее значимым является последний из представленных примеров, поскольку в данном случае террорист умышленно акцентирует внимание на своей личности. Подобный прием используется в целях пропаганды: намеренная типизация личности («I was a typical Canadian») является способом рекрутирования новых членов террористической организации.

Несмотря на частое применение местоимения *we*, количество употреблений местоимения *you* в исследуемых видеообращениях значительно превышает указанный ранее показатель: общее число употреблений составляет 285 случаев. При детальном анализе материала становится очевидным фигурирующее во всех обращениях противопоставление идеологий «Исламского государства»* и стран Запада.

Оппозиция *we — you* является лейтмотивом выступлений террористов:

- *Because we have Allah, which is something you do not have...;*
- *You, like your foolish allies in the satanic coalition, have yet to understand that we by Allah's grace are Islamic caliphate with authority and power.*

Примечательно, что в большинстве случаев в роли лиц, к которым обращены местоимение *you* и притяжательное прилагательное *your*, выступают бывший президент США Барак Обама (в 5 видеообращениях из 17) и бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон (2 видеообращения из 17):

- *Here you are now, Obama...;*
- *Obama, you have learned a new lesson...;*

- *Obama, you wage war against Allah...;*
- *...but we say to you Obama...;*
- *...just as your predecessor Tony Blair did...*

В ряде примеров местоимение *you* выступает в роли обобщения для всех граждан страны, к которой обращается спикер:

- *This message I deliver to you, the people of America, I deliver this message to you, the people of Britain, and I deliver this message especially to you, the people of Australia.*

В некоторых случаях местоимение *you* является обращением спикера непосредственно к зрителю:

- *You can see them now digging their own graves.*

(В этот момент фокус камеры перемещается на пленных солдат, копающих могилы на заднем плане.)

Анализ лексики, употребляемой террористами в ходе видеообращений, позволил также выделить ряд тематических групп, определение которых значимо для данного научного исследования.

1. «Военная терминология».

Данная тематическая группа является наиболее широкой и представлена такими лексемами, как *division, military, soldiers, officers, artillery, shells, guns, war, arms, army, bases of operation, military aggression, Royal Air Forces, military efforts, casualties, insurgency, bombardment, troops, bombings:*

- *Today your military air force is attacking us daily in Iraq;*
- *Obama, you wage war against Allah;*
- *...because of your insistence on continuing your bombings...*

Превалирование данной терминологической системы над остальными слоями лексики в рамках видеообращений террористов, очевидно, обусловлено экстралингвистическими факторами, а именно протекающими в данный момент военными столкновениями боевиков ИГИЛ* с вооруженными силами различных мировых держав. Примечательно, что для номинации членов своей организации выступающие используют преимущественно термин *soldiers* («...and this is how with these small numbers of soldiers that we have, we take these massive victories...»). Вероятно, данный факт обусловлен необходимостью создания у реципиента образа ИГИЛ* как отлаженного военного механизма, настоящей армии, а не вооруженного террористического бандформирования.

2. «Религиозная лексика».

В данную тематическую группу входят следующие лексические единицы: *Allah, Muslims, Islamic, Kuffar, Qu'Ran, Muhammad, Caliphate, Satanic:*

- *Six of the soldiers of the caliphate faced*

400 of your children;

- *And with Allah's permission, we will break this final and last Crusade, and the Islamic State will soon...begin to slaughter your people on your streets.*

Наличие лексики данного тематического блока в текстах видеообращений обусловлено религиозной философией членов террористической организации ИГИЛ*. Упомянутая в речи вышеперечисленные лексические единицы, террористы отождествляют себя со всем исламским миром, призывая его к содействию в войне против западной цивилизации. Более того, таким образом они оправдывают свои действия, совершаемые (по их мнению) в рамках дозволенного религией («We are the warriors of Allah!»).

Эта мысль находит отражение и в названии самой террористической организации («Исламское государство»*). Следует также отметить, что в текстах видеообращений слово *Crusade* трижды употребляется наряду с *war* для обозначения проводимых боевых операций. Таким образом, диктор сознательно предпринимает попытку представить действия террористической организации не как военный конфликт, а как священную войну.

3. «Политическая терминология».

Данная тематическая группа представлена такими лексическими единицами, как *political, parliament, government, foreign policy, citizen, president*:

- *We take this opportunity to warn those governments...;*
- *This is Peter Edward Kassig, a U.S. citizen of your country.*

Факт использования данных лексических единиц в рамках речевых сообщений обусловлен тем, что последние адресованы (в большинстве случаев) не случайному реципиенту, а американскому (нередко используется прямое обращение «Обама»), британскому или японскому правительству.

4. «Насилие».

В данную группу входят такие лексемы, как *blood, bloodshed, slaughter, carnage, murder, kill, death*. Слово *blood* является наиболее частотным элементом данной тематической группы (встречается в текстах видеообращений 12 раз):

- *Alan Henning will also be slaughtered but his blood is on the hands of the British parliament;*
- *An entire army thirsty for your blood.*

Использование данных слов обусловлено нескрываемой интенцией говорящего создать эффект устрашения реципиента, подчеркнуть серьезность намерений террористической организации. Примечательно, что

данные лексемы используются выступающим и для описания действий, совершаемых вооруженными силами мирового сообщества по отношению к членам ИГИЛ*, что создает образ ожесточенной кровопролитной войны. Необходимо обратить внимание на тот факт, что слово *slaughter* применяется террористами исключительно для описания действий, совершаемых против заложников и противников организации «ИГИЛ»*, в то время как для описаний ситуации гибели членов этой террористической группы употребляется слово *murder*. Правомерно заключить, что для описания убийства своих врагов террористы намеренно используют более образную лексику с отрицательной коннотацией для унижения противников и осуществления психологического давления, в то время как гибель своих соратников выступающие от лица ИГИЛ* преподносят как преступление, «убийство».

При анализе лексем, используемых террористами по отношению к своим противникам (*evil alliance, foolish allies, dogs, obedient lapdog, satanic coalition*), было установлено, что слово *foolish* употребляется в 5 видеообращениях из 17 в контексте оценки действий, предпринимаемых руководителями стран, активно участвующих в боях против ИГИЛ*. Характеризуя деятельность противника таким образом, террористы пытаются убедить реципиента в бессмысленности, иррациональности действий, совершаемых мировыми лидерами. Данный эффект усиливается благодаря частотному употреблению словосочетания *unwinnable war*, появляющегося в текстах двух видеообращений.

Кроме того, словосочетание *satanic coalition*, применяемое в отношении объединенных сил государств, воюющих с ИГИЛ*, свидетельствует о непрекращающейся попытке адресанта сообщения убедить реципиента в правоте своих действий, что в конечном счете позволяет сделать вывод о ярко выраженной пропагандистской направленности данных видеообращений.

Можно сделать вывод, что лексическая оформленность речевого поведения террориста характеризуется использованием лексики, принадлежащей тематическим группам, наличие которых обусловлено экстралингвистическими параметрами, а именно: религиозной приверженностью и политическими взглядами адресанта сообщения, фактом его участия в боевых действиях, а также прагматической установкой выступающего, заключающейся в необходимости создания устрашающего эффекта. В связи с тем, что речь в обращениях является подготовленной и несущей пропагандистский

характер, отсутствуют слова-паразиты. Речь террориста является экспрессивно окрашенной, в большинстве случаев лексика имеет отрицательную коннотацию, поскольку обращения имеют открытый враждебный характер по отношению к адресату, который прямо обозначен в 8 случаях из 17: *American government, Obama, British Government, The government of Japan*.

Кроме того, с точки зрения лексической организации выступление террориста строится таким образом, чтобы представить совершаемые ИГИЛ* действия как оправданные, справедливые, не идущие против норм, предусмотренных религиозной конфессией, в то время как по отношению к противнику террорист намеренно использует слова с ярко выраженной негативной коннотацией и представляет его действия как аморальные, невежественные и не имеющие смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. Изд. 4-е. — М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
2. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95—101.
3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 242—245.
4. Дружков К. А., Фокина М. А. Анализ толерантности блогов политиков с использованием компьютерного инструментария и количественных методов // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. — Киров : Радуга-

A. G. Fomin, E. A. Mona
Kemerovo, Russia

LEXICAL PECULIARITIES OF TERRORIST'S SPEECH IN ISIS VIDEO MESSAGES

ABSTRACT. *The article describes lexical features of the speech pronounced by a terrorist on the basis of propaganda videos of ISIS members. The goal of the article is to identify lexical means used by the speaker to produce emotional effect, often implicit, on the listener. Terrorists use a wide range of stylistic means to manipulate: metaphors, hyperboles, synecdoche, periphrasis, lexical repetition and antithesis. Contemporary studies prove the importance of these stylistic devices to manipulate the listener's view, especially in discourses of suggestive nature, for instance in political, legal or advertising discourses. This statement is supported by the researchers who argue that stylistically colored vocabulary is used by the speaker to persuade as it allows to add expressiveness and emotional coloring to the utterance and helps terrorists intimidate their listeners and propagate their ideology. Parts of speech analysis revealed the verb dominance among other notional words, in other words much attention in terrorist's speech is given to actions, which is quite natural due to the pragmatic goal of the speaker – to intimidate the listener with the help of threats. Most frequent are the verbs denoting violent acts. The features of pronouns used in terrorist's videos are also analyzed; pronouns help to contrast the terrorist organization and the Western countries.*

KEYWORDS: *terrorist discourse; linguistic persona; verbal behavior; terrorism; speech manipulation; stylistic devices; video address.*

ABOUT THE AUTHORS: *Fomin Andrei Gennadievich, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

Mona Elizaveta Aleksandrovna, Post-graduate Student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk : ucheb. dlya vuzov. Izd. 4-e. — М. : Flinta : Nauka, 2002. 384 s.
2. Vinogradova S. A. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 2. S. 95—101.
3. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 242—245.
4. Druzhkov K. A., Fokina M. A. Analiz tolerantnosti blogov politikov s ispol'zovaniem komp'yuternogo instrumentariya i

PRESS, 2015. С. 59—62.

5. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. — М. : Р. Валент, 2016. 220 с.

6. Злоказов К. В., Сафронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 247—253.

7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

8. Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р. Игры с разумом, или Приемы и средства информационно-психологического воздействия в практике религиозно-политического экстремизма // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. Пятигорск, 2015. № 1. С. 270—272.

9. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.

10. Коробова Е. А. Методы речевого воздействия в судебной речи // Московский городской психолого-педагогический университет. 2010. С. 67—74.

11. Тумский С. В. Концептуальное картирование эксплицитных и имплицитных средств воздействия в рекламном тексте (на материале англоязычной мультимодальной печатной рекламы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2015. 181 с.

12. Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Алексеев К. И., Латынов В. В., Цепцов В. А. Слово в действии. Интенг-анализ политического дискурса. — СПб. : Алетейя, 2000.

13. Фомин А. Г., Мона Е. А. Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста // Речевое воздействие в политическом дискурсе : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1—3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 144—146.

14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Флинта : Наука, 2012. 265 с.

15. Jones L. The Power of oratory in the medieval Muslim world. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. 298 p.

kvantitativnykh metodov // Novoe slovo: aktual'nye problemy yazykoznaneya, literaturovedeniya i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. — Kirov : Raduga-PRESS, 2015. S. 59—62.

5. Zarirov R. I. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monogr. — М. : R. Valent, 2016. 220 s.

6. Zlokazov K. V., Safronova A. Yu. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoe gosudarstvo» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 247—253.

7. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : EKSIMO-Press, 2001.

8. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Iгры s razumom, ili Priemy i sredstva informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya v praktike religiozno-politicheskogo ekstremizma // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. Pyatigorsk, 2015. № 1. S. 270—272.

9. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovyye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—199.

10. Korobova E. A. Metody rechevogo vozdeystviya v sudebnoy rechi // Moskovskiy gorodskoy psikhologo-pedagogicheskii universitet. 2010. С. 67—74.

11. Tumskiy S. V. Kontseptual'noe kartirovanie eksplitsitnykh i implitsitnykh sredstv vozdeystviya v reklamnom tekste

(na materiale angloyazychnoy multimodal'noy pechatnoy reklamy) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — M., 2015. 181 s.

12. Ushakova T. N., Pavlova N. D., Alekseev K. I., Latynov V. V., Tseptsov V. A. Slovo v deystvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa. — SPb. : Aleteyya, 2000.

13. Fomin A. G., Mona E. A. Sintaksicheskie osobennosti organizatsii zvuchashchey rechi terrorista // Rechevoe vozdeystvie v politicheskom diskurse : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 1—3 dek. 2016 g.) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 144—146.

14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. Izd. 4-e. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 265 s.

15. Jones L. The Power of oratory in the medieval Muslim world. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. 298 p.

Фу Хэчжэнь
Волгоград, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКА: ФРЕЙМОВАЯ МЕТОДИКА АНАЛИЗА НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются предмет и задачи политической медиалингвистики как новой лингвистической отрасли, интегрирующей политическую лингвистику и медиалингвистику. Формулируются цель и объект исследования нового лингвистического направления. Предметом исследования политической медиалингвистики определяется национальная политическая картина мира, ее конструирование и деконструирование с помощью СМИ, полнота освещения массмедиа политических акций (митинг, демонстрация, выборы) и т. п. Предлагается типология новостных сообщений современных российских СМИ: событие, происшествие, открытие (сенсация), прогноз. Устанавливаются их дифференциальные признаки, описываются информационная схема каждого типа новостей, вербальные маркеры разных новостных передач. Политическая процедура выборов исследуется с помощью фреймовой методики как рамки стандартной, законодательно оформленной и формализованной (Закон о выборах, Конституция, инструкции, памятки) общественной процедуры. Фрейм выборов как политического события устанавливается на основе документов национального законодательства. Представлены фреймы выборного процесса для президента Российской Федерации (событие 1), президентов Ирана (событие 2) и Германии (событие 3). Фреймовая методика анализа новостных сообщений мировых СМИ позволяет выявить как референциальную полноту описания политического события, так и разные трактовки его компонентов проправительственными и оппозиционными СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиалингвистика; новости; фреймы; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; медиадискурс; медиатексты; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фу Хэчжэнь, аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, факультет филологического образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400131, Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27; e-mail: fu.hechjen@yandex.ru.

Политическая лингвистика, являясь новой, активно развивающейся гуманитарной наукой, тесно связана с другими лингвистическими направлениями — с социалингвистикой, с когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой, журналистикой и т. д. [Чудинов 2008: 3—5]. Термин «медиалингвистика» появился в российском научном обиходе сравнительно недавно, в 2000 г. Впервые этот термин был использован в докторской диссертации Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2014: 44]. Так же, как и названия других гуманитарных дисциплин, связанных с лингвистикой (например, социалингвистика, этнолингвистика и др.), «медиалингвистика» указывает на междисциплинарный, комбинированный характер данной отрасли знания: объединяются медиалогия и лингвистика. Задачей медиалингвистики является изучение средств массовой информации (прессы, радио, телевидения, Интернета, информационных агентств и т. д.) [Добросклонская 2014: 45].

Политическая медиалингвистика — соединение политической лингвистики и медиалингвистики. Будучи комплексной областью научного знания, раскрывающей взаимосвязь и взаимовлияние лингвистики, политологии и медиалогии, она переживает в настоящее время период расцвета. Это объясняется рядом причин. Во-первых, сказывается стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические знания в решении разнообразных вопросов, связанных с политической картиной мира. Во-вторых, действует объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук,

необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (политология, медиалогия, психология, социология, этнография, культурология). В-третьих, важна прикладная сторона лингвистической и политической науки и исследований: именно СМИ предоставляют богатейший иллюстративный материал для осмысления.

Цель политической медиалингвистики — изучение языковых средств представления происходящих в мире событий. Объект анализа политической лингвистики — семантика, лексико-фразеологические единицы, грамматические формы, стилистика, композиция политического текста (политический манифест, выступление президента) и политической коммуникации в целом (дебаты). Предмет исследования политической медиалингвистики — национальная политическая картина мира, ее конструирование и деконструирование, полнота освещения политических акций (митинг, демонстрация, выборы) и т. п.

Ситуации общественно-политической жизни отражают массмедиа (mass media) — средства массовой информации (СМИ). СМИ являются одним из наиболее мощных инструментов передачи информации: именно через СМИ распространяются новости и политические взгляды политиков.

А. В. Колесниченко в своей книге «Практическая журналистика» разделяет новости на три категории. В зависимости от информационного повода различают *новость-факт*, *новость-событие* и *новость-цитату*. Автор считает, что *новость-факт* — сообщение о ситуации, например о принятии

нового закона, о решении суда, о результатах переговоров. Заметка начинается с самого важного аспекта этой ситуации. *Новость-событие* — сообщение о действии, например о покорении горной вершины или об ограблении банка. При этом соблюдать хронологию событий не нужно. Заметка начинается с результата действия или с его кульминационной точки. *Новость-цитата* — это сообщение о выступлении какого-то важного человека. Обычно новости-цитаты располагаются в разделах политической и экономической тематики и посвящены тому, что политические лидеры и бизнесмены что-то обещают, к чему-то призывают или чего-то не исключают. Начинается такая заметка с центрального высказывания, а ни в коем случае не с упоминания о том, что кто-то где-то держал речь [Колесниченко 2008: 19].

Политическая новость — средство понимания и прогнозирования жизни социума. Исследователи политической медиалингвистики выделяют следующие три типа новостей: *событие, происшествие, открытие (сенсация)* [Шестак 2017b: 231]. Мы же предлагаем дополнить этот список таким видом новости, как *прогноз*. Под *событием* в современном русском языке понимается 'то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни': *Историческое с. События на Ближнем Востоке. Сегодня произошло очень странное с.* [СТСРЯ 2007: 767]. События общественной жизни формализованы и законодательно оформлены, преследуют определенную цель и имеют алгоритм ее достижения, т. е. оформлены как фрейм — структура стереотипной ситуации [Там же].

Происшествие — это событие, включение, случай, что-либо, нарушившее нормальное течение жизни: *Странное п. Дорожно-транспортное п. Оказаться на месте происшествия. Добрался без происшествий* [СТСРЯ 2007: 633]. Так, в 2016 и 2017 гг. в мире произошло несколько крупных происшествий (катастроф), о чем сообщали СМИ. Например:

Авиакатастрофа в Ростове 19 марта 2016 года: причины и расследование || (мы используем знак || как разделитель заголовка и текста. — Ф. Х.). *Трагедия случилась в Ростове-на-Дону. Авиалайнер „Боинг-737“, принадлежащий компании Fly Dubai, разбился при заходе на посадку* [Tgorloreev 2016].

Бойня в Орландо || (12 июня 2016 г.) *Число погибших при стрельбе в гей-клубе в американском Орландо достигло 50 человек, еще 53 получили ранения. Подозреваемый предварительно опознан как 29-лет-*

ний гражданин США Омар Матин из семьи выходцев из Афганистана. ФБР квалифицировало произошедшее как акт терроризма [Сергиевская 2016].

Теракт в Ницце. Десятки погибших || *В Ницце во время салюта в честь праздника Дня взятия Бастилии (14 июля 2016 г. — Ф. Х.) грузовой автомобиль на высокой скорости въехал в толпу. Сразу после этого, по сообщению очевидцев, раздалась стрельба. Сообщается о десятках погибших. Власти Франции заявили об атаке террористов. „Газета.Ru“ ведет онлайн-трансляцию вокруг событий в Ницце* [Теракт в Ницце. Десятки погибших 2016].

Переворот в Турции 15 июля 2016: турецкая армия объявила о захвате власти в стране [Переворот в Турции 15 июля 2016... 2016].

В КНДР (9 сентября 2016 г. — Ф. Х.) испытана очередная и самая мощная ядерная бомба (в пятый раз. — Ф. Х.) за всю историю республики [В КНДР испытана очередная и самая мощная ядерная бомба... 2016].

Атаку (19 декабря 2016 г. — Ф. Х.) на рождественский базар в Берлине признали терактом [Чурсин 2016].

Летевший в Сирию российский Ту-154 разбился в Черном море (25 декабря 2016 г. — Ф. Х.) [Резчиков 2016].

Теракт в метро Санкт-Петербурга (3 апреля 2017 г. — Ф. Х.) [Пермяков 2017].

Ракетный удар США по Сирии (7 апреля 2017 г. — Ф. Х.) [Ракетный удар США по Сирии 2017] и т. д.

Таким образом, *происшествие, катастрофа, трагедия, бойня, теракт, крушение, удар, авария, неожиданное нападение, атака, переворот, бедствие* имеют структуру: инцидент — поиск причины — расследование — подсчеты урона — выводы — меры по предупреждению повторения ситуации. Если урон велик, потерпевшая сторона или страна в целом, как правило, устраивает пресс-конференцию.

Термины *открытия* и *сенсации* относятся к новому для человечества знанию [Шестак 2017b: 232]. *Открытие* — 1. то, что установлено, открыто исследованием, изысканиями, во время экспедиций, путешествий и т. п. *Научное открытие. Сделать открытие. Открытия в области естествознания. Северная Земля была замечательным географическим открытием* [БТСРЯ 2001: 749]; *сенсация* — 1. сильное, ошеломляющее впечатление от какого-л. события, известия. *Доклад произвел сенсацию даже среди ученых. Открытие вызвало сенсацию в широких кругах общественно-*

сти. Действовать, рассчитывая на сенсацию. 2. Событие, сообщение, производящее такое впечатление. Газетная сенсация. Всемирная сенсация [БТСРЯ 2001: 1176]. Например:

Как беспилотные автомобили изменят экономику || МОСКВА, 5 декабря 2016 г. — РИА Новости. Беспилотные автомобили — один из ключевых глобальных трендов ближайших десятилетий. В их разработку вкладывают сотни миллионов долларов и звезда Кремниевой долины такси-сервис Uber, и традиционные автоконцерны, такие как Mercedes и GM. Громкая новость — американская Apple, которую еще больше двух лет назад заподозрили в работе над секретным проектом Titan по созданию беспилотных авто, официально подтвердила эту информацию [Дембинская 2016].

Исследователи впервые редактировали ДНК здорового эмбриона человека [Письменна 2016].

В современных российских СМИ открытие и сенсация обычно имеют такие схемы: гипотеза — экспериментальная проверка — формулировка научного открытия — промышленные испытания — официальное объявление о новом открытии. Ключевыми словами при сообщении об открытии являются впервые и в первый раз.

Прогнозы — это 1) научное предсказание хода и результатов каких-л. событий, мероприятий, процессов и т. п. Прогнозы экономистов, экологов. Социальные прогнозы. Спортивные, медицинские прогнозы. Давать прогнозы. Верить прогнозам. По прогнозам специалистов, ожидается углубление кризиса. Долгосрочные прогнозы. Благоприятный, неутешительный прогноз [БТСРЯ 2001: 1003]. По-видимому, прогнозирование возможно в двух сферах жизни: природы (например, прогнозы об изменении климата, сдвиге тектонических плит и проч.) и социума (например, экономические прогнозы, медицинские прогнозы, политические события, транспортное сообщение, искусственный интеллект и т. д.). Оценки прогнозов делятся на оптимистические и пессимистические. Выводы из сделанных прогнозов также бывают двух видов: исполнился прогноз или нет. Приведем примеры.

11 невероятных прогнозов на будущее от Илона Маска || Это всего лишь некоторые из вещей, о которых говорит генеральный директор Tesla и SpaceX Илон Маск. Ознакомьтесь с некоторыми из его самых смелых предсказаний на будущее. 1) Все виды транспорта в конечном итоге станут электрическими. 2) Через десять лет половина новых автомобилей в США

будет электрической. 3) Автономия станет стандартной формой вождения автомобилей через 20 лет. 4) Автомобили с автономным вождением вызовут сокращение рабочих мест. 5) Источником основного дохода, скорее всего, станет автоматизация. 6) Мы отправимся на Марс к 2025 году. 7) Искусственный интеллект представляет большую опасность, чем ядерное оружие. 8) Искусственный интеллект станет основной причиной начала войны. 9) Роботы-убийцы также могут стать большой проблемой. 10) Туннели будут играть большую роль в будущем для транспортировки. 11) Люди должны использовать роботов, чтобы выжить [Музашвили 2017].

На спутнике Сатурна через 100 лет будут добывать метан || Вторник, 26 декабря 2017 16:30 Пожалуй, Титан можно назвать наиболее загадочным объектом Солнечной системы.

Он является самым большим спутником Сатурна и именно он больше всего похож на древнюю Землю. Титан имеет атмосферу, в состав которой входит азот. Помимо этого на нем есть этан и метан, сообщает эксперт издания ToDay News Ufa. Именно эти вещества привели к тому, что на Земле зародилась жизнь.

Отметим, что Титан входит в тройку лидеров объектов Солнечной системы для колонизации. Велика вероятность, что лет через 100 жители Земли смогут добывать метан на Титане [На спутнике Сатурна через 100 лет будут добывать метан 2017].

Грандиозный космический взрыв ожидается в январе 2018 || Пятница, 29 декабря 2017 09:14 Астрономы пристально следят <за> созвездием Лебедь, где, как предполагается на основе комплексных расчетов, в начале 2018-го года должен произойти космический „фейерверк“ просто невероятного масштаба. По данным информационного ресурса ToDay News Ufa, взгляды ученых всего мира прикованы к бинарной системе, расположенной в ассоциации Лебедь OB2. Здесь притаилась довольно маленькая нейтронная звезда — ее диаметр составляет всего два десятка километров, однако масса, как особенно подчеркивают астрономы, вполне может достигать двух солнечных... [Колесников 2017].

Ключевыми словами прогнозов являются лексемы на будущее, в будущем, через сколько лет, к какому году и т. д. В грамматическом отношении используется будущее время (станет, станут, будет, будут, смогут). Так как прогнозы обычно имеют высокую степень неопределенности, в них

присутствуют слова *ождается, предполагается, должен, может* и т. п. Прогнозы имеют следующую структуру: предположение на основе имеющихся фактов — анализ результатов реализации наблюдаемого процесса — резюме о совпадении/несовпадении прогноза и реальности.

Политическая жизнь в основных своих константах регламентирована: законодательно очерчены цель процедуры, место и время проведения, документальное оформление и проч. В когнитивной лингвистике стандартная схема ситуации называется, как известно, фреймом. Инструментом оперирования в когнитивной лингвистике являются оперативные единицы памяти — **фреймы** (стереотипные ситуации, сценарии), **концепты** (совокупность всех смыслов, схваченных словом), **гештальты** (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т. д. Существуют различные типы структур представления знаний: **представление, схема, картина, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт**. Теоретически сходные выражения могут репрезентировать в речи разные признаки концепта: *мне радостно* (фрейм), *я радуюсь* (сценарий), *радовать* (схема), *запрыгать от радости* (картина) [Маслова 2005: 10—18].

По систематизации С. А. Сухих и В. В. Зеленской, **фрейм** — это знание о мире предметов и событий, **скрипт, сценарий** — знание о социальном взаимодействии, а **план** — знание о способах организации деятельности [Сухих и др. 1998: 112]. М. Л. Макаров определяет **фрейм** как «когнитивную структуру в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных и гипотетических объектов» [Макаров 1998: 119].

Заметим, что термин **фрейм** применяется также в социальной психологии, психологии восприятия, теории распознавания образов, при создании искусственного интеллекта, в программировании. Представим некоторые дефиниции фрейма, принятые в различных современных отраслях знания [Муратова 2012: 21].

Так, в Большом толковом словаре русского языка указано, что **фрейм** [англ. *frame*] — это «информ. Универсальный носитель информации в ЭВМ, при заполнении структуры способный описывать факт, событие, процесс» [БТСРЯ 2001: 1434]. В толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысин пишет, что **фрейм** «из англ. *frame* 'структура; рамка; кадр' — инф. Структура данных, описывающих фрагмент знаний человека о мире или

представляющих какую-н. стандартную ситуацию» [ТСИС 2001: 762]. Значение слова **фрейм** толкуется в Кратком словаре когнитивных терминов как «„схема стандартной традиционной ситуации“ (свадьба, похороны, вступление в должность главы государства, защита диссертации)» [КСКТ 1996: 188]. Англо-русский словарь по вычислительной технике и информационным технологиям предлагает следующее определение **фрейма**: «*frame* — 1. кадр; видеок кадр; 2. блок; группа; 3. кадр; блок данных фиксированного формата; 4. рамка; бордюр; 5. система отчета; система координат; 6. границы; пределы; 7. фрейм; 8. стойка; каркас корпуса (ПК); 9. заключать в рамку» [Орлов 2005: 228]. «Новейший психологический словарь» определяет фрейм следующим образом: «**Фрейм** — 1. Минимальное описание какого-либо явления, факта или объекта, обладающее свойством целостности; удаление из этого описания любой составляющей приводит к тому, что данное явление перестает правильно опознаваться (классифицироваться). 2. Эталон, с которым сравниваются изображения, подлежащие классификации» [Новейший психологический словарь 2005: 719]. В другом психологическом словаре **фрейм** соотносится с семантическими сетями: «**Фрейм** — см. Семантические сети» [БПС 2006: 579].

Наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам обеспечивает язык. Именно язык обрабатывает получаемую индивидом извне информацию, т. е. строит специфические языковые **фреймы** [Маслова 2005: 9—11]: *свадьба, инаугурация президента, защита диссертации*. Ученые, занимающиеся лингвистической семантикой, в принципе согласны с возможностью выделения в семантике языкового выражения двух типов информации — лингвистического («ближайшего») и экстралингвистического («дальнейшего») значения [Кобозева 2000: 64]. Чтобы конкретизировать экстралингвистическое значение, нам необходимо ввести понятия, используемые в лингвистической семантике для представления знаний о мире. Информация же о мире, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека не в хаотическом беспорядке, а в виде разного рода связанных конструкций, именуемых в исследованиях по когнитивной психологии и разработках по искусственному интеллекту «схемами», «сценариями», «фреймами» [Кобозева 2000: 65]. Таким образом, **фрейм** — это структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте, стереотипной ситуации). Фрейм структури-

рован: он состоит из **слов**, количество которых соответствует количеству элементов, выделяемых в данном фрейме фрагментов опыта. Так, фрейм физического объекта состоит из слотов, соответствующих разнообразным аспектам или параметрам, выделенным на основе опыта общения человека с объектами данного типа [Кобозева 2000: 65].

Вследствие формализованности политической жизни освещение средствами массовой информации мировых событий удобно описывать введенным в политическую медиалингвистику профессором Л. А. Шестак термином **фрейм события** [Шестак 2017а: 184]. Фрейм события — это стандартное, повторяющееся, законодательно или инструктивно оформленное действие общественно-политической жизни: «Поскольку общественно-политическое событие — стандартное, повторяемое, законодательно или инструктивно описанное, структурированное действие, его удобно описывать лекалом фрейма, в данном случае — **фреймом события**. Предлагаемый нами термин **фрейм события** определим как 'темпоральную процедурную последовательность реализации общественно-политической цели': выборы парламента или президента, принятие законодателем и введение правоприменителем нового закона, акции гражданского общества или оппозиции, международные соревнования или научные форумы, т. е. традиционно повторяющиеся факты общественно-политической жизни, имеющие законодательно фиксированную процедуру проведения.

Структура фрейма политического события устанавливается на основе соответствующих документов (Закон о выборах, Конституция США, Конституция Франции, инструкции, памятки и пр.)» [Шестак 2017б: 233]. Яркими примерами фрейма события являются выборы, заседание ООН и других международных организаций, проведение политических дебатов, выдвижение депутатов от политических партий.

Рассмотрим референциальное наполнение фрейма события на примере начавшейся кампании президентских выборов в России в марте 2018 г. (событие 1), прошедших президентских выборов в Иране в мае 2017 г. (событие 2) и состоявшихся парламентских и канцлерских выборов в Германии в сентябре 2017 г. (событие 3).

Событие 1. Президентские выборы в России (2018)

Фрейм события

1. Цель выборов — избрание нового президента РФ.

2. Избирательная система. Президент РФ избирается на 6 лет (в истории современной России первоначально срок президентских полномочий составлял 4 года. Однако 30 декабря 2008 г. президент РФ Дмитрий Медведев подписал законы о внесении изменений в Конституцию. Они увеличили срок полномочий президента России с 4 до 6 лет, Госдумы — с 4 до 5 лет [Владимир Путин вступил в должность президента РФ; впервые срок полномочий... 2012]). Центральная избирательная комиссия (ЦИК) — государственный коллегиальный орган, главная задача которого состоит в организации выборов и референдумов в России. Порядок формирования и статус комиссии установлен федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. и другими законодательными актами [Центральная избирательная комиссия РФ. Досье 2016]. 15 декабря 2017 г. (за 90—100 дней до даты выборов) происходит назначение выборов Советом Федерации. Не позднее 1 февраля 2018 г. завершается формирование участковых избирательных комиссий; с 19 февраля по 17 марта 2018 г. проводится предвыборная агитация на телевидении, радио и в печатных СМИ [Президентские выборы в России (2018) [http](http://...)].

3. Выдвижение кандидатов. Действующий президент России Владимир Путин заявил о намерении участвовать в выборах главы страны в 2018 г. Владимир Путин занимал пост президента России два срока с 2000 по 2008 г., затем находился на посту главы кабинета в 2008—2012 гг. После этого он снова был избран президентом в 2012 г. Если Путин победит на выборах, это будет уже четвертый его президентский срок, он будет управлять страной до 2024 г. Ранее о намерении баллотироваться в президенты заявили в том числе бизнес-омбудсмен Борис Титов, предложенный политсоветом Партии роста, председатель федерального политкомитета «Яблока» Григорий Явлинский, телеведущая Ксения Собчак (позиционирует себя «кандидатом против всех»), лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Кроме того, выразили желание избираться в президенты телеведущая Екатерина Гордон и менеджер Эльвира Агурбаш (от партии «Альянс зеленых»). О президентских амбициях заявил оппозиционер Алексей Навальный, однако российское законодательство не позволяет ему зарегистрироваться кандидатом из-за судимости [Путин заявил о намерении баллотироваться в президенты России 2017].

4. День тишины — 17 марта 2018 года.

5. День голосования — 18 марта 2018 года.

6. Итоги: до 30 марта 2018 г. состоится определение результатов выборов; до 1 апреля 2018 года — опубликование результатов выборов [Президентские выборы в России (2018) [http](http://)].

Событие 2. Президентские выборы в Иране (2017)

Фрейм события

1. Цель выборов — выборы 12-го президента Ирана.

2. Избирательная система. Президент Ирана является высшим выборным должностным лицом в стране, главой исполнительной власти, а также вторым по важности лицом после верховного лидера. Президент Ирана избирается на 4 года и не может занимать должность более чем 2 срока подряд. Действующий верховный лидер Али Хаменеи принимает окончательные решения о признании результатов выборов в Иране, назначении и увольнении членов кабинета [Президентские выборы в Исламской Республике Иран 2017].

3. Выдвижение кандидатов. Наблюдательный Совет утвердил шесть кандидатур на выборы Президента Ирана. Это Мостафа Ага Мирсалим, Эсхак Джахангири, Эбрахим Раиси, Мохаммад-Багер Галибаф, Мостафа Хашеми Таба и Хасан Роухани [Дивеева 2017].

4. День тишины — 18 мая 2017 года.

5. День голосования — 19 мая 2017 года.

6. Итоги: 68-летний *Хасан Роухани* победил на президентских выборах в Иране.

Первый этап инаугурации президента состоялся 3 августа, когда верховный лидер Ирана аятолла **Али Хаменеи** утвердил его в должности президента на второй срок [Инаугурация Рухани прошла в Тегеране 2017].

Событие 3. Парламентские выборы в Германии в 2017 году

Фрейм события

1. Цель выборов — создание нового правительства и выборы канцлера в Германии.

2. Избирательная система. И парламент, и канцлер в Германии избираются каждые 4 года. Фактический руководитель Германии — Председатель Федерального правительства — федеральный канцлер. Его избирает местный парламент — бундестаг, в 2017 г. состоявший из 631 депутата. Сначала проходят парламентские выборы, во время которых граждане страны избирают депутатов. Затем народные избранники, обычно представляющие какие-либо партии, выдвигают кандидатуры на пост канцлера. Если какая-либо партия имеет более 50 %

в парламенте, она получает право безапелляционно назначить своего канцлера [Выборы канцлера в Германии в 2017 году: последние новости [http](http://)].

3. Выдвижение кандидатов и основных партий. Блок правоцентристских и консервативных политических партий Германии (Христианско-демократический союз Германии — ХДС и Христианско-социальный союз — ХСС) поддержали 33 % избирателей. Лидер ХДС/ХСС — Ангела Меркель. За Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) во главе с Мартином Шульцем проголосовали 20,5 % избирателей. Центральными темами в программе СДПГ традиционно являются социальная справедливость и образование [Мацула 2017]. На третьем месте — «Альтернатива для Германии» (АдГ), у них 12,6 % голосов. Далее следуют либеральная Свободная демократическая партия Германии (СвДП) — 10,7 %, Левая партия — 9,2 % и «Союз-90»/«Зеленые» — 8,9 %. Остальные партии набрали менее пяти процентов и не прошли в парламент [Итоги выборов в Германии: Ангела Меркель будет канцлером в четвертый раз 2017].

4. День голосования — 24 сентября 2017 года.

5. Итоги: на парламентских выборах в Германии победил блок ХДС/ХСС. Ангела Меркель в четвертый раз стала канцлером Германии.

Таким образом, в структуру фрейма политического события входят следующие элементы: имя фрейма события, его участники, цели, время, место, итоги. Естественно, в практике встречаются и иные компоненты, например, провокации и диффамации политического противника, не входящие, однако, в инвариантную часть фрейма «Выборы». Традиционная структура фрейма выборов — «цель выборов — избирательная система — выдвижение кандидатов и основных партий — день голосования — подсчеты результатов — итоги».

Фреймовая методика анализа новостных сообщений мировых СМИ позволяет выявить как референциальную полноту описания политического события, так и разные трактовки его компонентов проправительственными и оппозиционными СМИ.

ИСТОЧНИКИ

1. В КНДР испытана очередная и самая мощная ядерная бомба за всю историю республики [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2016. 9 сент. URL: <https://topwar.ru/100448-v-kndr-ispytana-ocherednaya-i-samaya-moschnaya-yadernaya-bomba-za-vsyo-istoriyu-respubliki.html>.

2. Владимир Путин вступил в должность президента РФ; впервые срок полномочий главы государства исчисляется 6 годами [Электронный ресурс] // ТАСС. 2012. 7 мая. URL: <http://tass.ru/arhiv/585824>.

3. Выборы канцлера в Германии в 2017 году: последние новости [Электронный ресурс] // Доступно о сложном. URL: <http://yconsult.ru/other/vybory-kanclera-germanii-2017/>.
4. Дембинская Н. Как беспилотные автомобили изменяют экономику [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2016. 5 дек. URL: <https://ria.ru/economy/20161205/1482890294.html>.
5. Дивеева Ю. Ахмадинежаду не разрешили бороться за кресло президента Ирана [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2017. 21 апреля. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2722331/>.
6. Инаугурация Рухани прошла в Тегеране [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 2017. 5 авг. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Inauguratsiya-Rukhani-proshla-v-Tegerane.html>.
7. Итоги выборов в Германии: Ангела Меркель будет канцлером в четвертый раз [Электронный ресурс] // Штукидрюки. 2017. 25 сент. URL: <http://stuki-druki.com/news/Itogi-vyborov-v-Germanii-Angela-Merkel-budet-kanclerom-v-chetverty-rz.php>.
8. Колесников А. Ученые: Грандиозный космический взрыв ожидается в январе 2018 [Электронный ресурс] // Planet Today. 2017. 29 дек. URL: <http://planet-today.ru/novosti/nauka/item/80969-uchenye-grandioznyj-kosmicheskij-vzryv-ozhidaetsya-v-yanvare-2018>.
9. Мацула Ю. Выборы в Германии-2017: кто победит и чего ждать украинцам [Электронный ресурс] // 24 канал. 2017. 22 сент. URL: https://24tv.ua/ru/vybory_v_germanii_2017_osobennosti_i_favority_parlamentskih_vyborov_n867152.
10. Музашвили М. 11 невероятных прогнозов на будущее от Илона Маска [Электронный ресурс] // FB.ru. 2017. 12 дек. URL: <http://fb.ru/post/science/2017/12/12/20010>.
11. На спутнике Сатурна через 100 лет будут добывать метан [Электронный ресурс] // Planet Today. 2017. 26 дек. URL: <http://planet-today.ru/novosti/nauka/item/80830-na-sputnike-saturna-cherez-100-let-budut-dobyvat-metan>.
12. Переворот в Турции 15 июля 2016: турецкая армия объявила о захвате власти в стране [Электронный ресурс] // Top news. 2016. 15 июля. URL: http://www.topnews.ru/news_id_91414.html.
13. Пермяков А. Теракт в метро Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Деловой квартал. 2017. 3 апр. URL: <http://www.dk.ru/news/v-metro-sankt-peterburga-proizoshel-vzryv-237075099>.
14. Письменна А. Исследователи впервые редактировали ДНК здорового эмбриона человека [Электронный ресурс] // FB.ru. 2016. 27 сент. URL: <http://fb.ru/post/medicine/2016/9/27/7686>.
15. Президентские выборы в Исламской Республике Иран [Электронный ресурс] // Новостик. Обзор последних новостей. 2017. 20 мая. URL: <http://novostik.com/prezidentskie-vybory-v-islamskoj-respublike-iran/>.
16. Президентские выборы в России (2018) [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_\(2018\)#Возможные_кандидаты](https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_(2018)#Возможные_кандидаты).
17. Путин заявил о намерении баллотироваться в президенты России [Электронный ресурс] // Pervo.ru. Первоуральск онлайн. 2017. 7 дек. URL: <http://pervo.ru/news/politik/40601-putin-zayavil-o-namerenii-ballotirovatsya-v-prezidenty-rossii.html>.
18. Ракетный удар США по Сирии. Обобщение [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2017. 7 апр. URL: <http://www.interfax.ru/world/557315>.
19. Резчиков А. Летевший в Сирию российский Ту-154 разбился в Черном море [Электронный ресурс] // Взгляд : деловая газ. 2016. 25 дек. URL: <https://vz.ru/incidents/2016/12/25/832445.html>.
20. Сергиевская Н. Бойня в Орландо [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2016. 12 июня. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/06/12/8303027.shtml#>.
21. Теракт в Ницце. Десятки погибших [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2016. 15 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/07/15/9691409.shtml#>.
22. Центральная избирательная комиссия РФ. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. 2016. 27 марта. URL: <http://tass.ru/info/2714356>.
23. Чурсин А. Атаку на рождественский базар в Берлине признали терактом [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. 21 дек. № 143. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/20/70954>.
24. Tgorloreev. Авиакатастрофа в Ростове 19 марта 2016 года: причины и расследование [Электронный ресурс] // FB.ru. 2016. 16 авг. URL: <http://fb.ru/article/261884/aviakatasrofa-v-rostove-marta-goda-prichiny-i-rassledovanie>.

ЛИТЕРАТУРА

25. БПС = Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. — СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 672 с.
26. БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2001. 1536 с.
27. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие. 2-е изд., стер. — М. : Флинта. 2014. 264 с.
28. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
29. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 179 с.
30. КСКТ = Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
31. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. 199 с.
32. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд. — Минск : ТетраСистемс, 2005. 256 с.
33. Муратова Е. Н. Структура и содержание фрейма «школа» (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка. — Волгоград, 2012. 231 с.
34. НПС = Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь ; под общ. ред. В. Б. Шапаря. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. 808 с.
35. Орлов С. Б. (сост.). Англо-русский словарь по вычислительной технике и информационным технологиям: 60 тыс. терминов. 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИП «Радио-Софт», 2005. 640 с.
36. СТСРЯ = Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2007. 960 с.
37. Сухих С. А., Зеленская В. В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1998. 159 с.
38. ТСИС = Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 2001. 856 с.
39. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2008. 256 с.
40. Шестак Л. А. Когнитивные исследования в сфере медиа: фрейм события // Когнитивное моделирование : труды 5-го Междунар. форума по когнитивному моделированию (10—17 сент. 2017 г., Португалия, Кашкайш) : в 2 ч. / отв. науч. ред. С. И. Масалова, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьев. — Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2017а. Ч. 1 : Когнитивное моделирование в лингвистике : труды XVIII Междунар. конф. «Когнитивное моделирование в лингвистике. CML-2017». С. 183—193.
41. Шестак Л. А. Политическая медиалингвистика: фрейм события // Русское слово : сб. науч. тр. к юбилею д-ра филол. наук, проф. каф. русского языка и методики его преподавания Волгогр. гос. соц.-пед. ун-та В. П. Москвина / под ред. Е. И. Алещенко. — Волгоград : Фортекс, 2017б. Вып. 5. С. 229—244.

Fu Hezhen
Volgograd, Russia

POLITICAL MEDIA LINGUISTICS: FRAME TECHNIQUE FOR ANALYZING THE NEWS REPORTS

ABSTRACT. *The article discusses the subject and tasks of political media linguistics as a new linguistic branch integrating political linguistics and media linguistics. The goal and object of research of a new linguistic field are formulated. The subject of the study of political media-linguistics is determined by the national political worldview, its design and deconstruct with the help of the media, the completeness of coverage of mass media for political action (meeting, demonstration, elections), etc. The typology of news reports of modern Russian media is offered: event, incident, discovery (sensation), forecast. Their differential signs are established and the information scheme of each type of news and verbal markers of different news programs are described. The political election procedure is investigated using frame-based techniques as the standard, legislated and formalized (Law on elections, the Constitution, user, memo) public procedure. The election frame as a political event is established on the basis of documents of national legislation. Frames of the electoral process of the President of the Russian Federation (event 1), the presidents of Iran (event 2) and Germany (event 3) are presented. The frame technique for analyzing the news reports of the world's media allows us to reveal both the referential completeness of the description of a political event and the various interpretations of its components by pro-government and opposition media.*

KEYWORDS: media linguistics; news; frames; mass media; media; mass media language; media discourse; media texts; political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Fu Hezhen, Post Graduate Student, Department of the Russian Language and Its Teaching Methods, Faculty of Philological Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. V KNDR ispytana ocherednaya i samaya moshchnaya yadernaya bomba za vsyu istoriyu respubliki [Elektronnyy resurs] // Voennoe obozrenie. 2016. 9 sent. URL: <https://topwar.ru/100448-v-kndr-ispytana-ocherednaya-i-samaya-moschnaya-yadernaya-bomba-za-vsuyu-istoriyu-respubliki.html>.
2. Vladimir Putin vstupil v dolzhnost' prezidenta RF; vpervye srok polnomochiy glavy gosudarstva ischislyatsya 6 godami [Elektronnyy resurs] // TASS. 2012. 7 maya. URL: <http://tass.ru/arhiv/585824>.
3. Vyборы kantslera v Germanii v 2017 godu: poslednie novosti [Elektronnyy resurs] // Dostupno o slozhnom. URL: <http://yconsult.ru/other/vybory-kantslera-germanii-2017/>.
4. Dembinskaya N. Kak bespilotnye avtomobili izmenyat ekonomiku [Elektronnyy resurs] // RIA «Novosti». 2016. 5 dek. URL: <https://ria.ru/economy/20161205/1482890294.html>.
5. Diveeva Yu. Akhmadinezhadu ne razreshili borot'sya za kreslo prezidenta Irana [Elektronnyy resurs] // Komsomol'skaya pravda. 2017. 21 aprelya. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2722331/>.
6. Inauguratsiya Rukhani proshla v Tegerane [Elektronnyy resurs] // Vestnik Kavkaza. 2017. 5 avg. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Inauguratsiya-Rukhani-proshla-v-Tegerane.html>.
7. Itogi vyborov v Germanii: Angela Merkel' budet kantslerom v chetvertiy raz [Elektronnyy resurs] // Shtuki-dryuki. 2017. 25 sent. URL: <http://stuki-druki.com/news/Itogi-viborov-v-Germanii-Angela-Merkel'-budet-kancelerom-v-chetvertiy-raz.php>.
8. Kolesnikov A. Uchenye: Grandioznyy kosmicheskij vzryv ozhidaetsya v yanvare 2018 [Elektronnyy resurs] // Planet Today. 2017. 29 dek. URL: <http://planet-today.ru/novosti/nauka/item/80969-uchenye-grandioznyj-kosmicheskij-vzryv-ozhidaet-sya-v-yanvare-2018>.
9. Matsula Yu. Vyборы v Germanii-2017: kto pobedit i chego zhdat' ukrainsam [Elektronnyy resurs] // 24 kanal. 2017. 22 sent. URL: https://24tv.ua/ru/vybory_v_germanii_2017_osobnenno_sti_i_favority_parlamentskih_vyborov_n867152.
10. Muzashvili M. 11 neveroyatnykh prognozov na budushchee ot Ilona Maska [Elektronnyy resurs] // FB.ru. 2017. 12 dek. URL: <http://fb.ru/post/science/2017/12/12/20010>.
11. Na sputnike Saturna cherez 100 let budut dobyvat' metan [Elektronnyy resurs] // Planet Today. 2017. 26 dek. URL: <http://planet-today.ru/novosti/nauka/item/80830-na-sputnike-saturna-cherez-100-let-budut-dobyvat-metan>.
12. Perevorot v Turtsii 15 iyulya 2016: turetskaya armiya ob'yavila o zakhvate vlasti v strane [Elektronnyy resurs] // Top news. 2016. 15 iyulya. URL: http://www.topnews.ru/news_id_91414.html.
13. Permyakov A. Terakt v metro Sankt-Peterburga [Elektronnyy resurs] // Delovoy kvartal. 2017. 3 apr. URL: <http://www.dk.ru/news/v-metro-sankt-peterburga-proizoshel-vzryv-237075099>.
14. Pis'menna A. Issledovateli vpervye redaktirovali DNK zdorovogo embriona cheloveka [Elektronnyy resurs] // FB.ru. 2016. 27 sent. URL: <http://fb.ru/post/medicine/2016/9/27/7686>.
15. Prezidentskie vyборы v Islamskoy Respublike Iran [Elektronnyy resurs] // Novostik. Obzor poslednykh novostey. 2017. 20 maya. URL: <http://novostik.com/prezidentskie-vybory-v-islamskoj-respublike-iran/>.
16. Prezidentskie vyборы v Rossii (2018) [Elektronnyy resurs] // Vikipediya : svobodnaya entsikl. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Prezidentskie_vybory_v_Rossii_\(2018\)#Vozmozhnye_kandi_daty](https://ru.wikipedia.org/wiki/Prezidentskie_vybory_v_Rossii_(2018)#Vozmozhnye_kandi_daty).
17. Putin zayavil o namerenii ballotirovat'sya v prezidenty Rossii [Elektronnyy resurs] // Pervo.ru. Pervoural'sk onlayn. 2017. 7 dek. URL: <http://pervo.ru/news/politik/40601-putin-zaya-vil-o-namerenii-ballotirovatsya-v-prezidenty-rossii.html>.
18. Raketnyy udar SSHA po Sirii. Obobshchenie [Elektronnyy resurs] // Interfaks. 2017. 7 apr. URL: <http://www.interfax.ru/world/557315>.
19. Rezhnikov A. Letevshiy v Siriyu rossiyskiy Tu-154 razbil'sya v Chernom more [Elektronnyy resurs] // Vzglyad : delovaya gaz. 2016. 25 dek. URL: <https://vz.ru/incidents/2016/12/25/832445.html>.
20. Sergievskaya N. Boynya v Orlando [Elektronnyy resurs] // Gazeta.ru. 2016. 12 iyunya. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/06/12/8303027.shtml#>.
21. Terakt v Nitse. Desyatki pogibshikh [Elektronnyy resurs] // Gazeta.ru. 2016. 15 iyulya. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/07/15/9691409.shtml#>.
22. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya RF. Dos'e [Elektronnyy resurs] // TASS. 2016. 27 marta. URL: <http://tass.ru/info/2714356>.
23. Chursin A. Ataku na rozhdestvenskiy bazar v Berline priznali teraktom [Elektronnyy resurs] // Novaya gazeta. 2016. 21 dek. № 143. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/20/70954>.
24. Tgorlopeev. Aviakatastrofa v Rostove 19 marta 2016 goda: prichiny i rassledovanie [Elektronnyy resurs] // FB.ru. 2016. 16 avg. URL: <http://fb.ru/article/261884/aviakatastrofa-v-rostove-marta-goda-prichiny-i-rassledovanie>.
25. BPS = Bol'shoy psichologicheskij slovar' / pod red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. 3-e izd., dop. i pererab. — SPb. : PRAYM-EVROZNAK, 2006. 672 s.
26. BTRYa = Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2001. 1536 s.
27. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech' : ucheb. posobie. 2-e izd., ster. — M. : Flinta. 2014. 264 s.
28. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika : ucheb. — M. : Editorial URSS, 2000. 352 s.
29. Kolesnichenko A. V. Prakticheskaya zhurnalistika : ucheb. posobie. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. 179 s.
30. KSKT = Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina ; pod obshch. red. E. S. Kubryakovy. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. 245 s.
31. Makarov M. L. Interpretativnyy analiz diskursa v maloy gruppe. — Tver' : Tver. gos. un-t, 1998. 199 s.

32. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. 2-e izd. — Minsk : TetraSistems, 2005. 256 s.
33. Muratova E. N. Struktura i sodержanie freyma «shkola» (na materiale nemetskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 — Teoriya yazyka. — Volgograd, 2012. 231 s.
34. NPS = Noveyshiyy psikhologicheskiy slovar' / V. B. Shapar', V. E. Rossokha, O. V. Shapar' ; pod obshch. red. V. B. Shaparyaya. — Rostov n/D : Feniks, 2005. 808 s.
35. Orlov S. B. (sost.). Anglo-russkiy slovar' po vychislitel'noy tekhnike i informatsionnym tekhnologiyam: 60 tys. terminov. 4-e izd., pererab. i dop. — M. : IP «Radio-Soft», 2005. 640 s.
36. STSRYa = Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2007. 960 s.
37. Sukhikh S. A., Zelenskaya V. V. Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo protsessa. — Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1998. 159 s.
38. TSIS = Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. — 3-e izd., ster. — M. : Rus. yaz., 2001. 856 s.
39. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.
40. Shestak L. A. Kognitivnye issledovaniya v sfere media: freym sobytiya // Kognitivnoe modelirovanie : trudy 5-go Mezhdunar. foruma po kognitivnomu modelirovaniyu (10—17 sent. 2017 g., Portugaliya, Kashkaysh) : v 2 ch. / otv. nauch. red. S. I. Masalóva, V. N. Polyakov, V. D. Solov'ev. — Rostov n/D : Fond nauki i obrazovaniya, 2017a. Ch. 1 : Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike : trudy XVIII Mezhdunar. konf. «Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike. CML-2017». С. 183—193.
41. Shestak L. A. Politicheskaya medialingvistika: freym sobytiya // Russkoe slovo : sb. nauch. tr. k yubileyu d-ra filol. nauk, prof. kaf. russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya Volgogr. gos. sots.-ped. un-ta V. P. Moskvina / pod red. E. I. Ale-shchenko. — Volgograd : Fortess, 2017b. Vyp. 5. S. 229—244.

Чэн Юйсяо

Екатеринбург, Россия; Сычуань, Китай

КИТАЙ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ

АННОТАЦИЯ. Статья выполнена в русле когнитивных исследований концептуальной метафорик. В российском обществе массмедийный дискурс тесно переплетен со сферой политики, поэтому актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения политических метафор в публицистическом дискурсе. Анализируются метафорические модели, используемые современными российскими СМИ для создания образа Китая. Цель исследования — проследить, как с помощью механизма метафоризации описывается и характеризуется экономическая и политическая жизнь Китая, место государства в международном сообществе. Материалом для исследования послужили тексты из российских массмедиа за 2008—2017 гг. Основное внимание сосредоточено на спортивной метафоре как доминантной модели. В работе использованы методы контекстуального анализа, моделирования, а также фреймовый подход. Выделены и описаны такие фреймы, как «виды спорта», «прогнозы соревнований», «участники соревнований», «квалификация спортсменов». Доказано, что в российских СМИ для описания политической и экономической конкуренции между Китаем и другими странами активно используются характеристики спортивных состязаний. Метафорические образы из сферы-источника «Спорт» создают преимущественно положительный образ Китая, достигшего на международной арене значительных успехов в экономике и политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальные метафоры; фреймы; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; образ Китая; российские СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чэн Юйсяо, аспирант, кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620078, Россия, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 144; e-mail: 1535450093@qq.com.

Китай — один из главных политических и экономических партнеров России. Многовекторное сотрудничество Китая и России последних лет широко освещается в российских средствах массовой информации, и естественно, что представление о Китае в сознании россиян становится более многогранным, за счет чего углубляется взаимопонимание двух народов.

Китай занимает важное место на международной арене по различным экономическим показателям и потому является серьезным конкурентом ведущим мировым державам. Об этом постоянно сообщается в российских СМИ: *Тем не менее Китай является сильным конкурентом России в Африке, в том числе и в области продажи оружия* (Известия. 2013.04.10); *А в первом квартале Поднебесная с результатом 306 т значительно превзошла по этому показателю своего конкурента Индию* (Известия. 2013.04.10) и т. п. Журналисты нередко называют Китай Поднебесной, так как, согласно древнейшей исторической книге «Чжу шу ти ниань» (竹书纪年), император считался сыном Неба, поэтому страну императора назвали Поднебесной. Эта мифологема сохраняется в сознании китайского народа и транслируется российскими СМИ.

Публицистический дискурс активно насыщается метафорами [Арутюнова 1990; Баранов 1991, 2003; Гак 1988 и др.], так как способность к метафорической репрезентации является отличительным свойством человеческого мышления. Метафорические номинации в СМИ являются необходимым и эффективным приемом, поскольку метафора «пронизывает нашу повседневную жизнь,

и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [Лакофф, Джонсон 1990: 387].

При описании любого политического объекта в медиадискурсе используются различные метафорические модели, позволяющие «представить какую-то сложную проблему как достаточно простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» [Чудинов 2001б: 26].

Как показал Ст. Ульманн, источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые особенно актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес [Ульманн 1970: 12]. Многочисленные исследования лингвистов показывают, что к числу наиболее активных источников метафорической экспансии относятся понятийные сферы «Война», «Криминал», «Болезнь», «Театр (цирк, эстрада и т. п.)», «Человеческое тело», «Животные», «Техника», «Дом», «Дорога». Продуктивным источником метафоризации является и понятийная сфера «Спорт» [Чудинов 2001б].

По нашим наблюдениям, одной из доминирующих моделей [Чудинов 2004] при создании образа Китая в российских СМИ является именно спортивная метафора, которая и стала объектом нашего исследования. С помощью спортивных метафор описывается и характеризуется экономическая и по-

литическая жизнь Китая, место государства в международном сообществе. Спорт за счет состязательности между участниками позволяет акцентировать конкуренцию в отношениях между странами.

Источником материала послужили российские СМИ за 2008—2017 гг., представленные в нескольких базах данных [Национальный корпус русского языка; Дыхание Китая; Vlasti.net]. При анализе материала были использованы методы контекстуального анализа, моделирования, а также фреймовый подход как один из способов изучения когнитивной картины мира; были выделены относящиеся к данной модели фреймы, которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу).

По результатам анализа спортивной метафоры в политическом дискурсе А. П. Чудинов выделил в ней три фрейма: «Виды спорта», «Квалификация спортсменов и итоги соревнований» и «Правила игры и наказания» — и внутри каждого фрейма составляющие его типовые слоты, т. е. элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации [Чудинов 2001б: 27]. Наши материалы позволили выделить фреймы и слоты, дополняющие эту типологию.

Понятие «спорт», по определению «Большой олимпийской энциклопедии», характеризуется как «соревнования по различным физическим упражнениям и их комплексам, система их организации и проведения, а также подготовка к соревнованиям; специфические социальные отношения в этой области человеческой деятельности и общественно значимые результаты» [БОЭ 2008: 298]. На основании этой дефиниции и полученных материалов нами были выделены следующие фреймы и составляющие их слоты.

1. Фрейм «Виды спорта»

Слот 1.1. Спортивная игра

Слово «спорт» заимствовано из английского (*sport*), где являлось сокращением от первоначального старофранцузского *desport* — «игра», «развлечение» [Этимологический словарь русского языка 2005: 374], поэтому не удивительно, что современный спорт включает различные спортивные игры. Фрагменты фреймов «спортивный матч» или «спортивная игра», используемые в качестве источников метафор, указывают на соперничество между государствами: *Китай не намерен и не в состоянии развернуть так называемую стратегическую игру против кого-либо* (Дыхание Китая. 2017, февр.); *В будущем интернет-ритейлер JD.com намерен*

вкладывать больше инвестиций в развитие мобильных платежей. Эксперты отмечают, что для потребителей неважно, кто выйдет победителем в этой конкурентной гонке (Дыхание Китая. 2017, февр.) и др.

В толковом словаре *гонка* определяется так: «...состязание в скорости передвижения (в езде, гребле, беге на лыжах и др.)» [Толковый словарь 2011: 293]. Лексемы *игра* и *гонка*, обозначающие спортивные состязания, метафорически употреблены при описании политики и экономики. В политической сфере Китай соревнуется с другими странами, а в экономической китайские предприятия конкурируют друг с другом.

Метафорические выражения использовались для создания противопоставления, когда одной стороне приписываются положительные свойства, а другой — отрицательные [Feiler 1996]. К данной подгруппе были отнесены высказывания со словами *выигрывать*, *переиграть*, которые акцентируют благополучное состояние Китая в мировом масштабе (*Переиграть* — «сыграть лучше, чем другие, победить в игре» [Толковый словарь 2011: 635]). Например: *Размышления о том, как удачно позиционирует себя Китай в отношениях с Россией, что выигрывает, как сможет распоряжаться новыми технологиями, энергоресурсами и еще более тесными стратегическими связями с Россией* (Известия. 2014.05.23); *Если посмотреть на положение дел в нефтяной сфере в Центральной Азии, то Китай полностью переиграл Россию по части доступа к добыче нефти и газа в центральноазиатских странах* (Известия. 2013.03.06) и др.

Глагол-конверсив *проигрывать* («потерпеть неудачу в игре, борьбе» [Толковый словарь 2011: 761]) в следующем контексте также подчеркивает ведущую роль Китая, поскольку обозначает положение России: *В Китае в бассейне Амура живут более 70 млн. человек, а в России — около 5 млн. Безлюдье нас и спасло. Сравнение с Китаем мы проигрываем по всем статьям* (Комсомольская правда. 2013.11.05).

Слот. 1.2. Виды спортивных состязаний на скорость передвижения

По мнению А. П. Чудинова, данную «особую подгруппу составляют метафоры, основанные на том, кто первым преодолеет определенную дистанцию (это может быть марафон, спринт и др.)» [Чудинов 2001а: 27].

Пробегаая установленную дистанцию, спортсмены стремятся быть впереди других, но их порядок в ходе состязания постоянно меняется. Российские СМИ показывают Китай как

спортсмена на долгой дистанции, который иногда отстает от других стран. Ср.: *Однако по темпам роста Китай значительно отстает от соседней страны: за указанный период рост ПИИ составил в Поднебесной 6 % против 73 % у Вьетнама* (Известия. 2014.03.25); *Все партнеры по БРИКС, кроме ЮАР (41-я строка), отстают от России: Китай — на 96-м месте, Бразилия — на 116-м, Индия — на 134-м* (РБК Дейли. 2013.10.29) и др. *Отстать* — «задержавшись, двигаясь медленнее других, остаться позади» [Толковый словарь 2011: 606].

По ряду параметров Китай догоняет другие страны, например: *Китай через несколько лет догонит Америку. Правда, они многое копируют, но так ведь начинали когда-то и японцы, и южнокорейцы* (Комсомольская правда. 2013.08.29); *И в конце концов Китай всех догонит, потому что у них денег можно много сконцентрировать* (Комсомольская правда. 2013.02.12) и т. п. *Догнать* — «настигнуть, поравняться с движущимся впереди» [Толковый словарь 2011: 212].

А в современной ситуации Китай нередко выходит вперед, что в российских СМИ передается лексемами *обогнать, опережать, перегнать, обойти* и т. д. Значение всех этих глаголов одинаково раскрывается в толковом словаре: «оказаться впереди в движении» [Толковый словарь 2011: 42, 567, 550, 625]. Ср.: *по прогнозу МВФ, с 2011 по 2014 год китайская экономика вырастет на 24 %, а американская — лишь на 7,6 %, поэтому Китай, вероятно, обгонит США уже в текущем году, делает вывод FT* (РБК Дейли. 2014.05.05); *В 2011 и 2012 году Китай уже опережал по количеству ракетных пусков не только Европу, но и США* (РБК Дейли. 2014.06.30); *Китай стремится перегнать мир не только своими высокими технологиями, но и высоким интеллектом* (Комсомольская правда. 2013.06.06); *Если тенденция сохранится, а предпосылки к обратному пока нет, Китай обойдет Германию по числу въезжающих в Россию туристов к 2015 году* (РБК Дейли. 2013.10.08) и др.

Как видно из примеров, Китай, как спортсмен на соревнованиях, по разным показателям может отстать от других стран, догнать и обогнать их. Однако с помощью указанной спортивной метафоры утверждается ведущая позиция Китая в мире и по экономическим показателям, и по новейшим технологиям, и в сфере туризма, и даже интеллектуального труда.

Слот 1.3. Спортивное единоборство — борьба

Помимо соревнований в скорости передвижения, однократно отмечен другой вид спорта — борьба: *Китайская экономика положит американскую на обе лопатки* (Новый день. 2008.07.10).

В спортивной борьбе победа присуждается тому борцу, который положит на лопатки противника. Русский фразеологизм *положить на обе лопатки* имеет значение «успешно, решительно побеждать в споре, в соревновании, в каком-либо деле» [Фёдоров 2008: 202]. И в этом случае спортивная метафора используется, чтобы показать, что экономика Китая станет более значительной, чем экономика Америки.

2. Фрейм «Прогнозы соревнований»

Перед любыми спортивными соревнованиями специалисты оценивают участников и составляют прогнозы, кто из них станет чемпионом. Представления об этом повседневном опыте лежат в основе метафор данной группы. Спортивная метафора всегда имплицитно указывает на то, что любое противостояние государств в мире должно заканчиваться победой той или иной стороны.

В российских СМИ даются как позитивные, так и негативные прогнозы будущего Китая в экономической и политической сферах.

Слот 2.1. Позитивный прогноз

К этой подгруппе были также отнесены контексты со словом *выиграть* («одержать верх, победить в чем-н. (в игре, споре, состязании)» [Толковый словарь 2011: 137]), но только в форме будущего времени: *От роста зарплат в Китае выиграют в первую очередь соседние с ним страны (сейчас на Китай приходится 8,1 % мировых ПИИ, тогда как на остальные страны ЮВА — 7,6 %) (РБК Дейли. 2013.01.18); Есть некоторый повод для оптимизма — от газового контракта с Китаем выиграют, в частности, металлурги и строители* (РБК Дейли. 2014.05.29) и т. д.

Слот 2.2. Негативный прогноз

В российских СМИ отражается и сомнение в перспективах развития Китая: *Вместе с тем, лидерство в сфере глобальной интеграции далеко не гарантирует большого выигрыша для КНР* (Дыхание Китая. 2016, сент.); *В игре интеграционных процессов Китай рискует остаться „королем без королевства“* (Дыхание Китая. 2016, сент.) и др.

В первом примере слово *гарантировать* обозначает «защитить (-ищать), обеспечить (-ивать) от всяких неожиданностей» [Толковый словарь 2011: 152], следователь-

но, словосочетание *далеко не гарантирует* означает «совсем не обеспечивает». Во втором примере использовано прецедентное высказывание *король без королевства*, восходящее к прецедентному имени «Иоанн Безземельный» [ЭСБЕ 1890: 522], указывающее на «слабое предвидение последствий собственных необдуманных действий», которые совершают спортсмены в игре. Таким образом, журналист, используя спортивную метафору, высказывает сомнение в полезности и целесообразности для Китая участия в глобальной интеграции.

3. Фрейм «Участники соревнований»

Слот 3.1. Игроки

Игрок — «участник игры (во 2 знач.). И. в футбол. И. в шахматы» [Толковый словарь 2011: 42]. При метафорическом переосмыслении российские СМИ описывают Китай как одного из игроков в спортивных соревнованиях, который принимает участие в мировых процессах, взаимодействуя с другими державами-партнерами. Ср.: *КНР, добившись заметного продвижения в области торговли, решила стать „игроком“ и на поле политического модернизирования* (Известия. 2014.04.10); *Чтобы развеять их, глава китайского государства вновь заверил о стремлении Китая сотрудничать с зарубежными партнерами на взаимовыгодной основе, учитывая интересы всех игроков* (Дыхание Китая. 2017, февр.) и т. д.

4. Фрейм «Квалификация спортсменов»

Слот 4.1. Лидеры в соревнованиях

А. П. Чудинов выделяет фрейм «Квалификация спортсменов», в рамках которого фигурируют лидеры: «В спорте различаются лидеры (участники соревнований, которые идут первыми на каком-то этапе соревнований)...» [Чудинов 2001б: 29]. В современных СМИ с помощью этой лексемы постоянно отмечается тот факт, что Китай занимает лидирующее положение в торговле и экономике:

Китай впервые стал лидером мировой торговли, опередив США (РБК Дейли. 2014.01.13); *И хотя Китай находится в числе лидеров по экономическому росту, такая нагрузка на госбюджет для него пока слишком тяжела* (Известия. 2013.07.16); *Безусловным лидером по мелким пакетам является Китай, а по посылкам — США* (РБК Дейли. 2013.12.24) и др.

В данном случае метафорическое выражение используется для сравнения экономических показателей двух стран. Здесь мы можем говорить о пересечении двух типов дискурса — экономического и политического.

Экономическая мощь государства является фактором, сказывающимся на способности государства участвовать в происходящих в мире политических процессах, следовательно, и на восприятии его другими мировыми державами.

Слот 4.2. Победитель и рекордсмен

По итогам спортивных состязаний выделяются победители, что является основой метафоры в данной подгруппе. Ср.: *При всей спекуляции о выигравших и проигравших в результате украинского переворота нельзя не признать, что самым безоговорочным победителем оказался именно Китай* (Известия. 2014.05.22); *Успех в борьбе за листинг Alibaba не только упрочит репутацию победителя в технологическом секторе, но может также привлечь новых клиентов из Китая* (Комсомольская правда. 2013.11.05) и др.

В нашем материале встретился интересный пример со стилистически сниженным словом: *„Переплюнули“ мы Китай и по количеству лесных пожаров: у них выгорает до 2 млн. га в год, а у нас — смело умножьте на три* (Комсомольская правда. 2013.11.05). Несмотря на то что глагол *переплюнуть* обладает более широкой семантикой («превзойти кого-н. в каком-н. отношении» [Толковый словарь 2011: 632]), мы, опираясь на экстралингвистические данные, рассматриваем его как относящийся к сфере «Спорт». Возможно, развитие переносного значения у данного глагола связано с тем, что в разных уголках мира, наряду с настоящими спортивными состязаниями, проводятся напоминающие их необычные соревнования, в частности чемпионат по плеванью косточками (выявляется, кто дальше плюнет). Например, в Книгу рекордов Гиннеса 2016 г. было включено имя Андре Ортолфа (Andre Ortoolf) из Германии, который переплюнул всех, запустив горошину на 7,51 метра. Использование журналистом разговорной лексемы можно объяснить, вероятно, сомнительностью одержанной Россией над Китаем победы: гордиться ущербом от лесных пожаров не приходится.

Принимая участие в престижном чемпионате или Олимпийских играх, спортсмены могут побить мировые рекорды. В российских массмедиа Китай нередко представляется подобным рекордсменом в мировой конкуренции: *Рекордсменом здесь остается Китай, который к 2015 году будет тратить больше, чем Великобритания, Франция и Германия вместе взятые* (РБК Дейли. 2014.02.04).

С помощью указанного фрейма, который представляет существующую в спортивном

мире иерархию, в российских СМИ Китай метафорически уподобляется лидеру, победителю и рекордсмену в сферах политики и экономики.

Таким образом, в российском массмедийном дискурсе активно используется спортивная метафора для создания образа Китая, который в настоящее время приобрел политический вес на международной арене. В современных российских СМИ создается преимущественно положительный образ Китая, добившегося значительных успехов в экономике. Разнообразие метафорических моделей, описывающих это государство, создает его сложный, многогранный образ, исследование которого является нашей перспективной задачей.

ИСТОЧНИКИ

1. Дыхание Китая [Электронный ресурс] : журн. URL: <http://russian.china.com/enterprise/magazine>.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Vlasti.net [Электронный ресурс]. URL: www.vlasti.net.

ЛИТЕРАТУРА

4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 5—32.
5. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. — М. : Ин-т русского языка РАН, 2003. С. 134—140.
6. Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М. : Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.

Cheng Yuxiao

Ekaterinburg, Russia

CHINA IN THE METAPHORICAL MIRROR OF RUSSIAN MEDIA

ABSTRACT. *The research is carried out in line with the conceptual metaphor. In the Russian society mass media discourse is closely intertwined with the field of politics, so the relevance of this research is due to the need for studying political metaphors in publicistic discourse. The metaphorical models used by modern Russian media for constructing the image of China are studied in the article. The objective of research is to understand, how the economics, politics and the status of China in the international community are described and characterized with the help of mechanism of metaphorization. Material for the research is based on texts from the Russian mass media of 2008-2017. The main focus is on the sports metaphor as the dominant model. The study used the methods of contextual analysis, modeling and frame analysis. The main frames identified and described are: kinds of sport, forecast of competition result, participants in competitions, qualification of athletes, etc. The research has proved that the characteristics of competitions are actively used in the Russian media to describe the political and economic competition between China and other countries. The metaphorical images from the metaphorical model "sport" construct a predominantly positive image of China as it has achieved significant successes on the international arena in economics and politics.*

KEYWORDS: *conceptual metaphors; frame; political discourse; media discourse; media text; image of China; Russian mass media; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Cheng Yuxiao, Postgraduate Student, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Dykhanie Kitaya [Elektronnyy resurs] : zhurn. URL: <http://russian.china.com/enterprise/magazine>.
2. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Vlasti.net [Elektronnyy resurs]. URL: www.vlasti.net.
4. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. — M. : Progress, 1990. S. 5—32.
5. Baranov A. N. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // Yazyk massovoy informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinamogo issledovaniya. — M. : In-t russkogo yazyka RAN, 2003. S. 134—140.
6. Baranov A. N. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu). — M. : In-t russkogo yazyka RAN, 1991. 193 s.

7. Большая олимпийская энциклопедия = БОЭ / Бакал Д. [и др.]. — М. : Эксмо, 2008. 586 с.
8. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. С. 11—26.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. — С. 387—415.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
12. Ульманн Ст. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1970. Т. 5. С. 250—299.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / под ред. А. И. Фёдорова. 3-е изд. — М. : Астрель : АСТ, 2008. 828 с.
14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: общие вопросы, метафора. — Екатеринбург : Урал. гуманит. ин-т, 2004. 193 с.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001a. 238 с.
16. Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001b. № 2. С. 26—31.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона = ЭСБЕ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона.
18. Этимологический словарь русского языка / сост. П. А. Крылов. — СПб. : Полиграфсервис, 2005. 432 с.
19. Feiler D. Anti-Abortion Rhetoric and Cold-War Rhetoric: Metaphor and Strategy. URL: <http://www.psa.ac.uk/cps/1996/feil.pdf>.

13. Frazеologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka : ok. 13 000 frazeologicheskikh edinit / pod red. A. I. Fedorova. 3-e izd. — M. : Astrel' : AST, 2008. 828 s.
14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: obshchie voprosy, metafora. — Ekaterinburg : Ural. gumanit. in-t, 2004. 193 s.
15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2001a. 238 s.
16. Chudinov A. P. Sportivnaya metafora v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse // Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2001b. № 2. S. 26—31.
17. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona = ESBE [Elektronnyy resurs]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Entsiklopedicheskiy_slovar'_Brokgauza_i_Efrona.
18. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. P. A. Krylov. — SPb. : Poligrafuslugi, 2005. 432 s.
19. Feiler D. Anti-Abortion Rhetoric and Cold-War Rhetoric: Metaphor and Strategy. URL: <http://www.psa.ac.uk/cps/1996/feil.pdf>.

М. А. Ширинкина
Пермь, Россия

**РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АСПЕКТЕ ТОНАЛЬНОСТИ
(сопоставительно с директивными)**

АННОТАЦИЯ. В статье сопоставляются регламентирующие и директивные документы исполнительной власти в аспекте текстовой категории тональности, которая отражает эмоционально-волевую установку типового автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включает субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления. Установлено, что эмотивное субполе в директивных и регламентирующих документах проявляется одинаково — как официальный тон, создаваемый официозными, стереотипными канцелярскими оборотами и книжными языковыми средствами. Субполе волеизъявления оказывается доминирующим в обоих классах документов, однако в регламентирующем подтипе имеет более сложную структуру и выражается четырьмя микросубполями (дозволения, запрета, обязывания и констатации/установления), в отличие от директивного подтипа, в котором представлены только два последних микросубполя. Основные отличия регламентирующего и директивного жанровых подтипов проявляются в степени категоричности предписания. В директивном подтипе категоричное предписание (совершить однократное конкретное действие, направленное на результат, в заданный срок) достигается ярко выраженным преобладанием глаголов совершенного вида и инфинитивных форм. Большое количество глаголов несовершенного вида и личных глагольных форм в регламентирующем подтипе создает эффект сдержанного предписания, распространяемого на длительный временной промежуток, и сопровождается элементами инструктирования, с акцентированием внимания на обязательной последовательности выполнения действия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: официально-деловой стиль; дискурс исполнительной власти; регламентирующие документы; тональность; волеизъявление; функционально-семантическое поле.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: m555a@yandex.ru.

Введение. Текстовые категории — существенные признаки текста — многие годы привлекают интерес лингвистов (Гальперин, 1981; Москальская, 1981; Тураева, 1986 и др.). При этом в фокусе внимания исследователей оказываются разные категориальные признаки текстов: информативность [Рыбакова 1998], модальность [Беляева 1985], диалогичность [Кожина 1986; Дускаева 2004], связность [Котюрова 1988], акцентность [Иванова 1988], авторизация [Лапп 1993], оценочность [Баженова 2001] и мн. др.

Особое место в этом списке занимает категория тональности, вопрос о семантическом содержании которой до сих пор трактуется неоднозначно. Выделим трактовку данного понятия как одного из видов модальности, отражающего отношение говорящего к сообщаемому, или субъективной модальности [Матвеева 1990; Багдасарян 2000; Тагильцева 2006].

В лингвистических исследованиях термин *тональность* встречается сравнительно редко [Halliday 1978; Lukin et al. 2008; Матвеева 1990; Багдасарян 2000; Карасик 1991 и др.]. В частности, М. Халлидей (M. Halliday) считает тональность одним из трех основных параметров *регистра* общения (функциональной разновидности языка), наряду с особой областью (сферой) речевой деятельности и модусом (характеристикой канала общения). При этом тональность в том или ином регистре общения, по мнению М. Халлидея, обуславливается отношениями между участниками коммуникации, отражает уровень официальности этих отноше-

ний, место участников в социальной иерархии и дистанцию между ними [Halliday 1978: 31—35].

Подчеркнем, что тональность официально-делового текста является результатом речевого поведения типового автора, которое главным образом определяется коммуникативной ролью и статусом этого участника общения: автор делового текста как персонификация той или иной официальной организации выше адресата в иерархии социальных отношений. Его цель — предписать типовому адресату нормы поведения и установить порядок осуществления деятельности в конкретной деловой сфере. Отдельный жанр делового стиля (как и любого другого) формируется стремлением автора осуществить данную коммуникативную цель, поэтому вполне обоснованным представляется заключение Т. О. Багдасарян о том, что модель каждого жанра характеризуется особой модельной — «наиболее приемлемой с точки зрения жанра» — тональностью, «которая не несет дополнительной семантической нагрузки и воспринимается слушающим как естественная» [Багдасарян 2000: 5].

Характеризуя сущность жанрового подхода к описанию текстовых категорий, Т. В. Матвеева пишет: «В целом функциональный стиль предстает как сложная организованная структура текстовых категорий, в которой одна-две категории играют роль текстовой доминанты, что качественно видоизменяет речевое представление всех категорий. Функциональные стили различаются схемами категориальных структур,

жанры в пределах функционального стиля — *качественной реализацией* категорий в рамках единой категориальной схемы (выделено нами. — М. Ш.)» [Матвеева 1996: 218]. С учетом наблюдаемого в последние десятилетия в функциональной стилистике снижения уровня стилистической абстракции от макростилей к подстилям и отдельным жанрам представляется чрезвычайно интересным описать такие модельные тональности жанров одной из дискурсивных разновидностей официально-делового стиля — письменного дискурса исполнительной власти (обоснование понятия см. в работе: [Ширинкина 2017а]). Реализация функции государственного управления в органах исполнительной власти осуществляется с помощью предписательных текстов, которые делятся на два подкласса: директивные и регламентирующие документы. Категориально-текстовый анализ близких по коммуникативной направленности жанров позволит установить различия в их тональности, описать спектр преобладающих тональных оттенков.

Цель статьи — выявить особенности выражения текстовой категории тональности в регламентирующих жанрах письменного дискурса исполнительной власти в сопоставлении с директивными (тональность директивного подтипа предписательных текстов рассмотрена нами в статье [Ширинкина 2017б]).

Применяемая нами **методика анализа** тональности опирается на трактовку Т. В. Матвеевой, которая определяет тональность как функционально-семантическую текстовую категорию, отражающую эмоционально-волевою установку автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включающую семантические субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления [Матвеева 2003: 549—552]. В структурно-семантическом отношении тональность оказывается полевым образованием, среди средств выражения которого довольно четко выделяются ядерные и периферийные. Исходя из этого, отправным моментом анализа директивных и регламентирующих жанров письменного дискурса ис-

полнительной власти является определение набора и ассортимента разноуровневых языковых средств выражения каждого из субполей с указанием их места в функционально-семантическом поле категории тональности (в качестве ядерных или периферийных). Следующим шагом исследования, который реализует собственно текстовый подход, требующий учета композиционного фактора (ср. понимание текста как композиционного типа речи, например в работе: [Одинцов 1980]), оказывается анализ расположения языкового инвентаря категории на пространстве композиционных частей текста.

Анализ материала. Обратимся к материалу исследования. Регламентирующий жанровый подтип предписательных деловых текстов составляют *положение, правила, порядок, регламент и инструкция*.

Наиболее сильным перспективным средством формирования тональности в любом деловом тексте является жанровый заголовок (в предтексте), жанровая номинация задает соответствующую модальную установку всему следующему за ней тексту.

Лексикографическое обследование названных выше жанровых номинаций позволяет сделать вывод о том, что их семантика включает следующие семы: 1) *целостность* (положение, порядок, регламент — это свод правил, норм); 2) *порядок* (расположения компонентов); 3) *обязательность* (для исполнения); 4) *правила* (выполнения действий, устройства чего-л.); 5) ориентированность на *адресата*. Эти компоненты семантики названий жанров определяют содержание, стиль и — в особенности — тональность соответствующих деловых текстов.

Как уже было сказано, текстовая категория тональности включает три семантических составляющих (субполя эмоциональности, волеизъявления и интенсивности). Представим структуру функционально-семантического поля тональности в виде схемы (рис. 1).

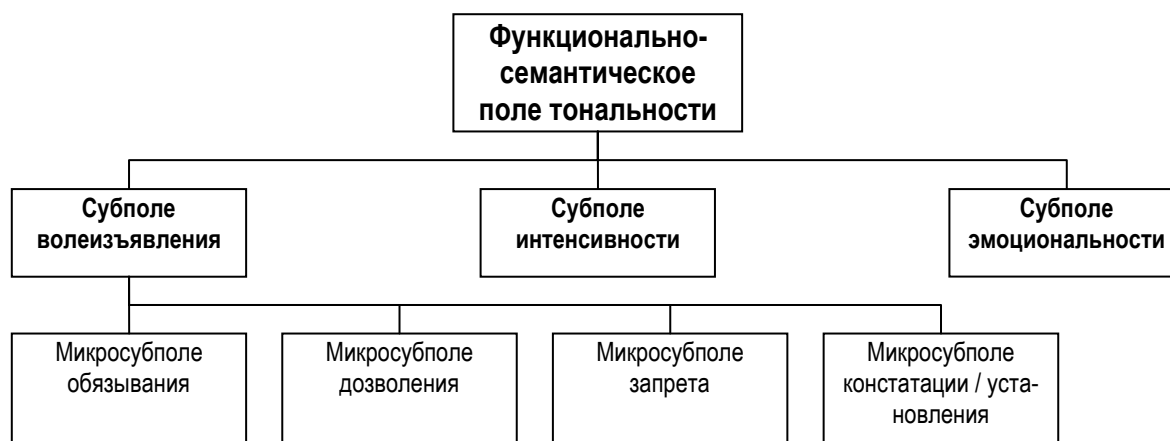

Рис. 1. Структура функционально-семантического поля текстовой категории тональности

Выделение микросубполей, составляющих субполе *волеизъявления*, обусловлено экстралингвистически, а именно применяемыми в правовой практике основными и дополнительными способами юридического воздействия (позитивное обязывание, дозволение, запрет, установление, поощрение, рекомендация и т. д.).

Субполе *эмоциональности* проявляет себя в большинстве деловых бумаг сходным образом, не отличаются в этом отношении и оба класса предписательных текстов (директивные и регламентирующие). Все группы разноуровневых языковых единиц в них способствуют созданию официальной тональности. Этот бесстрастный, выдержанный тон формируют, помимо лексических групп (канцеляризм, официонимов, терминов права и делопроизводства), разнообразие грамматические и лексико-грамматические средства книжности: причастные и деепричастные обороты, отыменные предлоги, абстрактные (в том числе отглагольные) существительные, — пронизывающие все структурно-смысловые компоненты документного текста.

В отличие от предыдущего, субполе *волеизъявления* своеобразно проявляется в документах разных жанровых текстотипов, поэтому следует описать его более подробно. Данное поле в деловых текстах может быть представлено четырьмя микросубполями: *обязывания* (предписания о необходимом поведении), *запрещения* (предписания о недопустимом поведении), *дозволения* (предоставления права), *констатации/установления* (фиксации факта вплоть до его утверждения в статусе закона).

Микросубполе *обязывания* в регламентирующих текстах характеризуется обширным репертуаром языковых средств, несколько отличающим эти жанры от директивных. Ядерными средствами выражения долженствующе-предписующей окраски яв-

ляются лексемы с семой волеизъявления (*обязанность, полномочия, должен* и др.); жанровые названия документов, также реализующие семантику волеизъявления (*регламент, порядок, правила* и др.); формы настоящего времени глаголов в значении «настоящего предписания»; модально-инфинитивные конструкции (*должен, обязан, следует + инфинитив*); речевые клише деловой речи (*в установленном порядке, соблюдение требований* и др.).

Более детально опишем различия при функционировании микросубполя *обязывания* в директивных и регламентирующих документах. Для тех и других одинаково значимы перечислительные ряды, каждый пункт которых формируется вокруг глагола в форме инфинитива, однако в текстах разных классов они создают отличающиеся друг от друга императивные оттенки. Сравним два примера:

(1) *В целях реализации единой государственной политики... постановляю:*

1. *Учредить* флаг Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

2. *Утвердить* прилагаемые:

а) *Положение о флаге...*;

б) *описание и рисунок флага...*

3. *Установить*, что финансовое обеспечение расходных обязательств, связанных с реализацией настоящего Указа, осуществляется в пределах бюджетных ассигнований (Указ № 686) —

и

(2) *Совет обязан:*

а) *ежегодно, до 1 марта года, следующего за отчетным периодом, направлять в Национальный совет и Национальное агентство отчет...*;

б) *представлять информацию о своей деятельности...*;

в) *в случае прекращения юридическим лицом осуществления полномочий Центра*

обеспечивать выполнение неисполненных обязательств...;

г) *заблаговременно* (не менее чем за 3 месяца) *информировать* Национальный совет об изменении наименования организации (Примерное положение № 758н).

В директивном документе (1) наблюдаем сочетание нескольких инфинитивов глаголов совершенного вида, который, по утверждению А. В. Бондарко, реализует в тексте значение последовательности результативных целостных действий [Бондарко 1971: 16]: действия, перечисленные в пунктах указа Президента РФ, следует выполнить в таком порядке, как обозначено в документе. В регламентирующем документе (2) обнаруживаем сочетание инфинитивных форм несовершенного вида, который, в свою очередь, эксплицирует семантику одновременности действий [Бондарко 1971: 16] и придает тексту характер долговременности и многократности применения предписаний (пока является действующим документ): *действовать* (в данном случае Совет) в одно и то же время обязан осуществлять все названные действия. Инфинитивные формы глаголов несовершенного вида называют в регламентирующих документах постоянные и регулярные конкретные действия, обязательные для выполнения адресатом.

В регламентирующем жанровом подтипе, в отличие от директивного, обнаруживаем дополнительное микросубполе *дозволения*, реализующее семантику допущения — необязательного следования конкретному пункту документа. Дозволение эксплицируется лексемами с семантикой разрешения (*вправе, допускаться, разрешаться* и др.) или сочетаниями указанных лексем с инфинитивами глаголов или отглагольными существительными, называющими допустимые действия субъекта права (*вправе + иметь, допускается + применение*); вводным сочетанием *как правило*: *Министерство образования и науки Российской Федерации вправе иметь геральдический знак — эмблему, флаг и вымпел* (Положение № 466); *Межведомственные комиссии (рабочие группы) возглавляются, как правило, членами Aviационной коллегии* (Положение № 1408). Отметим, что сочетание *как правило* означает 'в большинстве случаев, обычно' и не употребляется в директивных документах исполнительной власти с присущей им высокой степенью категоричности предписания.

Примечательным представляется употребление лексемы *допускать*, посредством которой передается разрешение нарушить некоторые категоричные предписания,

например: *Допускается* отклонение не более чем на 10 % только по двум параметрам (кроме размера шрифта) (СанПиН 2.4.7. 1166-02); *Допускается* движение по обочине, если это не создает помех пешеходам (Правила дорожного движения). Такое частичное нарушение категоричного предписания в тексте регламентирующего документа следует сразу за предложением, содержащим это предписание, и сопровождается детальным описанием особых условий его применения и ограничений.

Еще один компонент волеизъявления в регламентирующем жанровом подтипе, не представленный в директивных документах, — это микросубполе *запрета*. Ядерными средствами указанного микросубполя становятся лексические единицы тематической группы «запрет»: *запрещать, запрещение* и др. Эти лексемы передают идею о 'недопустимости совершать какие-либо действия', например: *Пассажирам запрещается: отвлекать водителя от управления транспортным средством во время его движения* (Правила дорожного движения).

По смысловому наполнению запрет противопоставляется и обязыванию, и дозволению, поэтому тональность запрета реализуется, наряду с указанными, языковыми средствами выражения обязывания и дозволения в сочетании с отрицательными частицами (*не + вправе, не + мочь, не + допускаться, не + разрешаться*): *Увеличение стоимости платных образовательных услуг после заключения договора не допускается, за исключением увеличения стоимости указанных услуг с учетом уровня инфляции* (Правила оказания); *Не разрешается использовать чердачные помещения в производственных целях или для хранения материальных ценностей* (Правила пожарной безопасности).

Подчеркнем, что на синтаксическом уровне описанные микросубполя волеизъявления (обязывания, запрета, дозволения) выражаются пассивными грамматическими конструкциями, выдвигающими на первое место действие, а не действителя (*награждение производится*).

Средства экспликации еще одного микросубполя, входящего в субполе *волеизъявления*, — микросубполя *констатации/установления*, — отличаются от операторов предписания, запрета и дозволения. Как и в директивных, в регламентирующих документах ядерными сигналами констатации и установления оказываются лексемы с семантикой установления (*установленный, положение, правила, порядок*), среди которых производные предлоги (*в соответ-*

ствии, во исполнение, на основании), выражающие цели, мотивы и юридические основания установлений; глаголы в форме настоящего времени в значениях «настоящего констатации» и «настоящего установления» (*являться, определять, устанавливать* и др.), а кроме того, краткие причастия *предназначен, создан, обязателен: Министерство образования и науки Российской Федерации является юридическим лицом, имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием* (Положение № 466).

В регламентирующих документах краткими страдательными причастиями совершенного вида *образован, создан* и глаголом несовершенного вида *создаваться* в форме настоящего времени в значении «настоящего констатации» констатируется изменение ситуации (к примеру, образование органа исполнительной власти, совета, комитета, комиссии): *Специальный экспертный совет Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации... создается для осуществления экспертизы соответствия диссертаций...* (Положение № 1446).

К периферийным средствам выражения констатации/установления отнесем предложно-падежные конструкции, употребленные в тематическом заголовке документов (*положение о космонавтах; инструкция об организации и проведении отбора*); простые предложения с составным именным сказуемым с нулевой связкой, обычно констатирующие место нахождения органа исполнительной власти (*Место нахождения Министерства образования и науки Российской Федерации — г. Москва* (Положение № 466)).

В отличие от директивных документов, в которых микросубполе констатации/установления реализовано также деепричастиями с семантикой основания, соответствия и назывными предложениями, оформляющими основные реквизиты текста («дату и место составления документа», «подпись» и «регистрационный номер документа»), в регламентирующих жанрах используется только реквизит «гриф утверждения документа», который грамматически представляет собой вынесенные в правый верхний угол перед заголовком документа назывное предложение с уточнением или оборот на базе краткого страдательного причастия, например: *Приложение № 1 к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 5 мая 2016 г. № 282н* (Порядок № 282н); *Утвержден приказом Госкорпорации „Рос-*

космос“ от 16 мая 2016 г. № 62 (Порядок № 62). Очевидно, что этот реквизит включает информацию о дате, номере, типе директивного документа, вводящего в действие регламентирующий, а также об издавшем их органе власти.

Все перечисленные лексические, морфологические и синтаксические маркеры микросубполя констатации/установления формируют в регламентирующих документах особый настрой: субъект речи уверенным, убедительным тоном утверждает, фиксирует, удостоверяет определенные правовые факты, придавая им с момента принятия нормативного документа статус законных (легитимных).

Жанровая специфика выражения микросубполей волеизъявления проявляется не только в их наборе и ассортименте употребленных разноуровневых языковых средств, но и в особенностях расположения маркеров субполя волеизъявления в жанровом текстотипе (собственной композиции сигналов тональности).

В регламентирующем тексте фиксируем такую последовательность расположения маркеров волеизъявления в композиционных частях текста: 1) в реквизите «гриф утверждения документа» проявляют себя и предписание (в жанровом наименовании директивного документа, а также наименовании органа власти), и констатация/установление (при указании даты и номера директивного документа); 2) в жанровом заголовке регламентирующего документа преобладает тональность констатации/установления; 3) в преамбуле наблюдаем также тональность констатации/установления; 4) в основном тексте документа перемежаются компоненты предписания (обязывание, запрет и дозволение), весьма редко проявляют себя констатация и установление фактов. В отличие от директивного, в регламентирующем жанровом подтипе отсутствуют завершающие текст констатирующие пункты и заключительные официальные реквизиты. Подчеркнем, что значительный (по сравнению с директивными жанрами) объем текста регламентирующего документа и акцент на соблюдении последовательности предписываемых действий в целом создает другую тональность документа. Это не безусловный императив, не допускающий возражений, что характерно, например, для указа и приказа, а фиксация постоянного, непрерывного нового состояния какого-либо правового объекта или развивающегося во времени процесса, реализуемого определенной последовательностью конкретных действий.

Субполе *интенсивности* (второй по

значимости компонент тональности после субполя *волеизъявления*) строится как мера волеизъявления в тексте. В документе может происходить как усиление категоричности предписания, так и ее уменьшение. Опишем средства достижения того и другого эффекта, сопоставляя при этом регламентирующие документы с директивными.

Прежде всего обратим внимание на лексические показатели интенсивности — разные по тематике лексемы, несущие в своем значении семантику волеизъявления в сочетании с семемами усиления или ослабления данного действия. Интенсивность императива манифестируется, безусловно, жанровым наименованием документа. Жанрообозначения *положение, порядок, правила, инструкция, регламент*, называющие, как уже было сказано, обязательный для выполнения свод правил, в своем первоначальном значении соотносятся с лексемами *состояние, обстановка, распорядок* и, несомненно, эксплицируют меньшую степень категоричности предписания по сравнению с названиями директивных жанров (*указ, приказ, постановление, решение, распоряжение*).

Степень категоричности предписания может быть усилена в отдельных жанрах (например, в правилах) прилагательными и наречиями, отражающими исключительность предмета, признака и т. д., в том числе входящими в состав стереотипных словосочетаний: *уникальный (план), кратчайшие (сроки), особо значимые (результаты)* и др. Например, в следующем фрагменте интенсивность предписания, выраженного инфинитивами, подчиненными модальному предикативу, поддерживается наречиями, называющими особые качества предписываемых действий: *Каждый работник предприятия (независимо от занимаемой должности) обязан четко знать и строго выполнять требования инструкций и правил пожарной безопасности* (Правила пожарной безопасности).

Прилагательное *обязательный*, употребленное при отглагольных существительных, называющих действия, своей семантикой также усиливает категоричность предписания: *Лица, работающие с ПЭВМ более 50 % рабочего времени (профессионально связанные с эксплуатацией ПЭВМ), должны проходить обязательные предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры в установленном порядке* (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03).

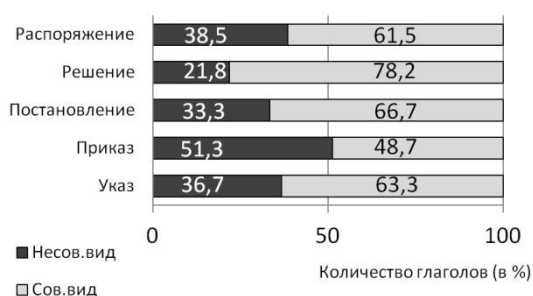
Степень категоричности предписания, напротив, снижается при использовании лексемы *рекомендоваться*, имеющей в со-

ставе лексического значения сему *необязательности, свободы выбора*: *Для наглядного изображения (график, схема, таблица, диаграмма и другое) рекомендуется применение не более трех красок, в том числе черной* (СанПиН 2.4.7.1166-02). При этом некоторая степень свободы тут же ограничивается сочетанием *не более...* и указанием параметров, которые нельзя нарушать.

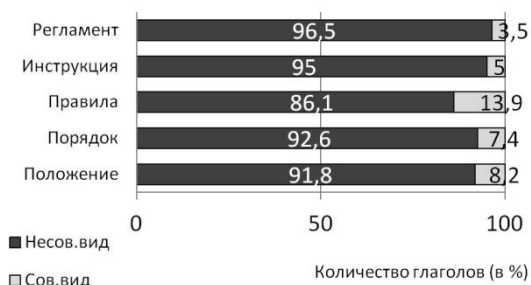
Говоря о семантике интенсивности, считаем необходимым упомянуть о выделяемой в модальной логике темпоральной модальности [Лагута 2000; Ивин 2005]. О. Н. Лагута определяет ее как «выраженную в суждении информацию о последовательности наступления событий и об их постоянном или дискретном характере протяженности», которая эксплицируется «терминами „всегда“, „никогда“, „только“, „иногда“, „раньше“, „позже“, „одновременно“» [Лагута 2000]. Представляется, что темпоральный смысл текста реализуется посредством текстовой категории времени [см. Матвеева 1990], которую мы планируем рассмотреть отдельно. Однако указанные О. Н. Лагута средства выражения так называемой временной модальности, по нашему мнению, способствуют более детальному выражению доминирующей тональности регламентирующих документов — тональности предписания. С помощью перечисленных выше и других операторов (*позже, не позднее срока, одновременно, в срок до*) повышается категоричность предписания и подчеркивается обязательность, неременность и темпоральная отнесенность (ограниченность или довольно большая протяженность) выполнения предписанных документом действий. Проиллюстрируем данное утверждение: *Для предупреждения развития переутомления при работе на... ПЭВМ необходимо... проводить упражнения для глаз через каждые 20—25 мин. работы... а при появлении зрительного дискомфорта... упражнения для глаз проводятся самостоятельно и раньше указанного времени* (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03). Как видим, разные по семантике языковые операторы времени уточняют темпоральную локализованность предписания в документе. Иными словами, по нашему мнению, временные показатели можно считать периферийными средствами субполя интенсивности.

Мы рассмотрели лексические сигналы субполя *интенсивности*, однако грамматические маркеры не менее значимы. Морфологическими показателями этого субполя выступают глаголы с присущими им грамматическими характеристиками. Макростилевые и отдельные жанровые закономерности употребления глагольных форм были опи-

саны М. Н. Кожиной еще в 70-е гг. XX в. [см., напр.: Кожина 1972: 129—130; 140—149]. Уточним выявленные М. Н. Кожиной частные значения и особенности употребления глагольных форм применительно к нашему материалу — регламентирующим жанрам дискурса исполнительной власти. Представляется, что глагольные формы (и соответственно значения), а точнее их концентрация в тексте, придают определенный оттенок тональности волеизъявления, поскольку глагол является ядерной единицей реализации тональности. Нами проведены подсчеты глагольных форм в сопоставляемых жанровых текстотипах (директивном и регламентирующем) с учетом вида глагола и его грамматической формы в тексте (инфинитива / изъявительного наклонения). Для статистического анализа мы взяли по 10 целых текстов каждого жанра внутри указанных текстотипов: а) регламентирующие (положение, порядок, правила, регламент, инструкция), б) директивные (указ, приказ, постановление, решение, распоряжение, распоряжение); всего по 50 целых текстов каждого текстотипа. Результаты подсчетов представим для большей наглядности в виде диаграмм (см. рис. 2, 3, 4, 5).

Рис. 2. Видовое соотношение глаголов в директивных жанрах дискурса исполнительной власти

Рис. 3. Видовое соотношение глаголов в регламентирующих жанрах дискурса исполнительной власти

Очевидно, что соотношение глаголов совершенного и несовершенного видов в регламентирующем подтипе очень отличается от их представленности в директивном под-

типе. В директивных жанрах количество глаголов совершенного вида распределяется таким образом: оно примерно равно количеству глаголов несовершенного вида в жанре приказа и значительно превышает количество глаголов несовершенного вида в других жанрах. Как известно, в целом значение совершенного вида более конкретно по сравнению со значением несовершенного вида, и следовательно, высокая насыщенность грамматическими формами, несущими семантику конкретности и результативности, а также открытый характер волевого авторского настроя придает директивным текстам строго категоричный тон, которым автор уверенно и безапелляционно предписывает адресату совершение конкретного действия, довольно четко ограниченного временными рамками, для достижения определенного результата.

В регламентирующих жанрах подавляющее большинство составляют глаголы несовершенного вида в обобщенно-фактическом и постоянно-непрерывном значениях (о типах значений см.: [Бондарко 1971]). Глаголы в обобщенно-фактическом значении указывают на сам факт наличия действия и — что особенно важно в нашем случае — на необходимость его осуществления (ср. описание этого значения с данным в работе: [Бондарко 1971: 28]). Глаголы в постоянно-непрерывном значении указывают действия, состояния, отношения, которые осуществляются (или проявляются) постоянно, не повторяются, но и не прерываются, заполняя собой период времени, который охватывают [Бондарко 1971: 30].

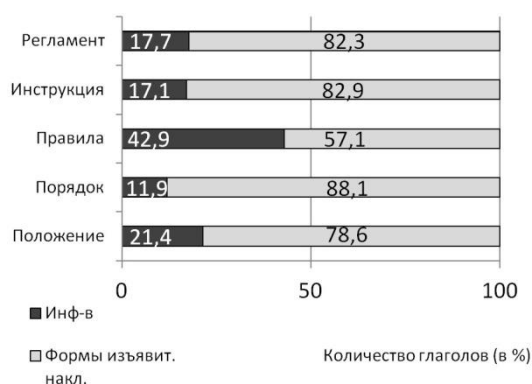
Таким образом, директивные жанры с их концентрированным содержанием глаголов совершенного вида, обозначающих законченные, результативные действия, ориентированы на единовременный конкретный результат, выражение категоричного отдельного управленческого решения исполнительной власти, влекущее за собой зачастую кардинальное изменение ситуации. Регламентирующие документы, насыщенные глаголами несовершенного вида, обозначающими сам факт наличия действия или необходимость его осуществления, а также постоянно-непрерывные действия, состояния, отношения, направлены на сдержанное предписание, выражают некую программу (траекторию, стратегию, даже «сценарий») комплексного управленческого решения исполнительной власти, распространяющегося на довольно длительный временной период.

Интерпретируем теперь количественные показатели употребления инфинитивных и личных форм глаголов в директивном и ре-

гламентирующем жанровых типах, отраженные в следующих двух диаграммах.

Рис. 4. Соотношение инфинитива и личных форм глаголов в директивных жанрах дискурса исполнительной власти

Рис. 5. Соотношение инфинитива и личных форм глаголов в регламентирующих жанрах дискурса исполнительной власти

Данные диаграммы (рис. 4, 5) показывают, что в директивных жанрах употребляется значительно больше глаголов в инфинитиве, чем в формах изъявительного наклонения (кроме жанра приказа, в котором количество инфинитивов и форм изъявительного наклонения глаголов практически совпадает). Инфинитивные формы придают директивным текстам характер строго категоричного императива. В регламентирующем типе инфинитивы малоупотребительны (кроме жанра правил), что существенно влияет на сглаженность, сдержанность предписания.

Таким образом, установлено, что количество инфинитивных форм глаголов совершенного вида, репрезентирующих для адресата категоричное предписание совершить однократное законченное действие, в директивных жанрах значительно превышает количество глаголов несовершенного вида в формах изъявительного наклонения. В регламентирующем жанровом подтипе наблюдается преобладание последних, направленное на спокойное, сглаженное предписание адресату многократно совер-

шать (или не совершать) определенные действия с данного момента и на протяжении длительного временного промежутка (пока документ имеет юридическую силу).

В грамматической сфере важны не только морфологические, но и синтаксические сигналы интенсивности. На синтаксическом уровне показателем, способствующим увеличению/уменьшению категоричности предписания в рамках субполя *интенсивности*, является, на наш взгляд, длина предложений. Так, средняя длина предложения в директивных жанрах составляет 25 слов (от 11 до 32 слов), в регламентирующих — 44 слова (от 19 до 83 слов). В регламентирующем жанровом подтипе длина предложения увеличивается за счет деепричастных и причастных оборотов, придаточных условных и определительных предложений, в которых детально прописываются условия осуществления правовых действий, а также за счет рядов распространенных однородных сказуемых, называющих эти предписываемые действия, права или обязанности органов власти и отдельных должностных лиц. И. С. Гальперин метко называет эту форму представления информации в деловом тексте *предложением-текстом* и дает ей такую характеристику: «Сама форма таких документов информативна. Она подчеркивает равнозначность темы и ремы длинного предложения-текста. Эта форма дает возможность сосредоточить внимание на второстепенных с точки зрения синтаксических отношений частях» [Гальперин 2006: 33]. Действительно, придаточные предложения или однородные члены, оформленные в тексте как самостоятельные пункты, визуально делят текст на автономные отрезки, каждый из которых по отдельности удобнее воспринимать адресату. Эта форма тем более оправдывает себя, что каждый из пунктов несет в себе весьма значимую относительно самостоятельную информацию.

Операторы субполя *интенсивности* располагаются и в директивном, и в регламентирующем подтипах на протяжении всего основного текста. Иными словами, степень категоричности предписания, выраженная языковыми средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней, обнаруживает себя в реквизите «гриф утверждения документа», жанровом заголовке, преамбуле, а также разделах и пунктах основной части текста.

В заключение сформулируем некоторые **выводы**. Тональность регламентирующих документов исполнительной власти представлена совокупностью трех субполей (эмоциональности, волеизъявления и интенсивности).

Субполе *эмоциональности* и подавляющее большинство средств его выражения как в регламентирующих, так и в директивных документах имеет стереотипный характер. Официонимы, книжные лексические и синтаксические единицы, стереотипные канцелярские обороты, располагающиеся во всех композиционных частях текста, способствуют формированию особой официальной тональности.

Доминирующую позицию занимает субполе *волеизъявления*, которое имеет в этом жанровом подтипе более сложную структуру, чем в директивных документах. Данное субполе представлено четырьмя микросубполями (обязывания, дозволения, запрета и констатации/установления) — в отличие от двух микросубполей в директивных документах. Широкий набор разноуровневых языковых сигналов волеизъявления характеризуется высокой частотой употребления и особой последовательностью их расположения на пространстве текста: сочетание предписания и установления в грифе утверждения документа, концентрированное выражение констатации/установления в преамбуле, чередование микросубполей предписания с отдельными «вкраплениями» констатации/установления в основной части текста.

Субполе *интенсивности* имеет градуированный характер и реализуется в области категоричности волеизъявления. Именно в степени категоричности волеизъявления и выражаются основные отличия регламентирующих документов от директивных. Проанализированный материал позволяет отметить следующие отличия: 1) в директивном жанровом подтипе гораздо чаще используются глаголы совершенного вида и инфинитивные глагольные формы, которые формируют строго категоричную прескриптивную тональность и выражают идею безапелляционного предписания однократного законченного действия, имеющего четкую временную локализацию и направленного к определенному результату; 2) в регламентирующем жанровом подтипе преобладают глаголы несовершенного вида и глагольные формы изъявительного наклонения, способствующие снижению категоричности предписания, обозначающие факт проявления состояния или необходимость многократного осуществления действия, представленного, как правило, в динамике — строго определенной последовательностью его этапов. Учитывая это, в отдельных жанрах регламентирующих документов на волеизъявление наслаивается тональность инструктирования — разворачивания поэтапного сценария выполнения действия.

Таким образом, исследование документных текстов в аспекте категории тональности дает основания утверждать, что регламентирующий подтип отличается от директивного, с одной стороны, расширенным спектром оттенков волеизъявления, с другой — меньшей степенью категоричности предписания.

ИСТОЧНИКИ

1. Положение о Министерстве образования и науки РФ (утв. Постановлением правительства РФ от 3.06.2013 № 466).
2. Положение о специальном экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 10.12.2015 № 1446).
3. Положение об авиационной коллегии при Правительстве РФ (утв. Постановлением Правительства РФ от 21.12.2016 № 1408).
4. Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности и формы медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ (утв. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 05.05.2016 № 282н).
5. Порядок уведомления работниками Госкорпорации «Роскосмос» о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов (утв. Приказом Госкорпорации «Роскосмос» от 16.05.2016 № 62).
6. Правила дорожного движения РФ (утв. Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090).
7. Правила оказания платных образовательных услуг (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.08.2013 № 706).
8. Правила пожарной безопасности для предприятий и организаций Роскомпечати (утв. Приказом Роскомпечати от 31.08.1995 № 110).
9. Примерное положение о совете по профессиональным квалификациям (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 19.12.2016 № 758н).
10. СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 03.06.2003 № 118).
11. СанПиН 2.4.7.1166-02. (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 20.11.2002 № 38).
12. Указ Президента РФ от 20.12.2016 № 686 «Об учреждении флага Федеральной службы войск национальной гвардии РФ».

ЛИТЕРАТУРА

13. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000. 22 с.
14. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001. 272 с.
15. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. — Воронеж, 1985. 180 с.
16. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971. 239 с.
17. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : УРСС Эдиториал, 2006. 144 с.
18. Дускаева Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
19. Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности : автореф. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1988. 14 с.
20. Ивин А. А. Современная философия науки. — М., 2005. 592 с.
21. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 1991. 495 с.
22. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972. 396 с.
23. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1986. 92 с.
24. Котлярова М. П. Об экстралингвистических основаниях

смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988. 171 с.

25. Лагуа О. Н. Логика и лингвистика [Электронный ресурс] : учебное пособие для студентов филол. факультетов. — Новосибирск, 2000. 116 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (дата обращения: 30.07.2017).

26. Лапп Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993. 218 с.

27. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

28. Матвеева Т. В. Тональность разговорного текста: три способа описания // *Stylistika* V. 1996. С. 210—221.

29. Матвеева Т. В. Тональность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 549—552.

30. Москальская О. И. Грамматика текста. — М., 1981. 183 с.

31. Одинцов В. В. Стилистика текста. — М., 1980. 263 с.

32. Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов) : автореф. дис. ... канд.

филол. наук. — Воронеж, 1998. 23 с.

33. Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006. 22 с.

34. Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // *Основы теории речевой деятельности*. — М. : Наука, 1974. С. 255—273.

35. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М. : Просвещение, 1986. 127 с.

36. Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // *Изв. УрФУ. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2017а. Т. 19. № 2 (163). С. 134—146.

37. Ширинкина М. А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2017б. Т. 9, вып. 3. С. 60—68. DOI 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68.

38. Halliday M. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. — London : Arnold, 1978. 256 p.

39. Lukin A., Moore A., Herke M., Wegener R., Wu C. Halliday's model of register revisited and explored // *Linguistics and the Human Sciences*. 2008. Vol. 4, No. 2. P. 187—213.

M. A. Shirinkina

Perm, Russia

REGULATORY DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE POWER IN THE ASPECT OF TONALITY (COMPARED TO DIRECTORY ONES)

ABSTRACT. *The article compares and contrasts regulatory and directory documents of the executive branch in the aspect of the text category of tonality, which reflects the author's emotional setting and standpoint towards the subject matter, the addressee and the situation of communication, and includes subfields of emotionality, intensity and will expression. It is found out that the emotive subfield in directory and regulatory documents manifests itself similarly and is presented as the official tone generated by official onyms, stereotypical bureaucratic expressions and other means of the bookish language. The subfield of will expression is dominant in both the classes of documents, however, it has a more complex structure in the regulatory subtype and is expressed by four micro-subfields (permission, prohibition, obliging, and statement / setting), in contrast to the directory subtype, which represents only the last two micro-subfields. The main differences between the regulatory and directory genre subtypes manifest themselves in the degree of downtoning of dictation. A strictly categorical dictation (to perform a single specific action), containing clear definiteness of an action and timing of implementation aimed at a certain result, is achieved in the directory subtype through strongly marked predominance of verbs in the perfective and infinitive forms. A large number of verbs in the imperfective form and finite verb forms in the regulatory subtype, on the contrary, create a reserved order for a long period time and is accompanied by instructing tinges with an emphasis on a mandatory sequence of actions.*

KEYWORDS: *official documentary style; the executive branch discourse; regulating documents; tonality; volition; functional-semantic field.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shirinkina Mariya Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department, Perm State University, Perm, Russia.*

REFERENCES

1. Polozhenie o Ministerstve obrazovaniya i nauki RF (utv. Postanovleniem pravitel'stva RF ot 3.06.2013 № 466).

2. Polozhenie o spetsial'nom ekspertnom sovete Vysshey attestsionnoy komissii pri Ministerstve obrazovaniya i nauki RF (utv. Prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 10.12.2015 № 1446).

3. Polozhenie ob aviatsionnoy kollegii pri Pravitel'stve RF (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 21.12.2016 № 1408).

4. Poryadok provedeniya ekspertizy professional'noy prigodnosti i formy meditsinskogo zaklyucheniya o prigodnosti ili neprigodnosti k vypolneniyu otdel'nykh vidov rabot (utv. Prikazom Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 05.05.2016 № 282n).

5. Poryadok uvedomleniya rabotnikami Goskorporatsii «Roskosmos» o vzniknovenii lichnoy zainteresovannosti, kotoraya privodit ili mozhet privesti k konfliktu interesov (utv. Prikazom Goskorporatsii «Roskosmos» ot 16.05.2016 № 62).

6. Pravila dorozhnogo dvizheniya RF (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 № 1090).

7. Pravila okazaniya platnykh obrazovatel'nykh uslug (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15.08.2013 № 706).

8. Pravila pozharnoy bezopasnosti dlya predpriyatiy i organizatsiy Roskompechati (utv. Prikazom Roskompechati ot 31.08.1995 № 110).

9. Primernoe polozhenie o sovete po professional'nym kvalifikatsiyam (utv. Prikazom Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 19.12.2016 № 758n).

10. SanPiN 2.2.2/2.4.1340-03 (utv. Postanovleniem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 03.06.2003 № 118).

11. SanPiN 2.4.7.1166-02. (utv. Postanovleniem Glavnogo

gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 20.11.2002 № 38).

12. Ukaz Prezidenta RF ot 20.12.2016 № 686 «Ob uchrezhdenii flaga Federal'noy sluzhby voysk natsional'noy gvardii RF».

13. Bagdasaryan T. O. Tonal'nyy komponent modal'nosti v kommunikatsii: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2000. 22 s.

14. Bazhenova E. A. Nauchnyy tekst v aspekte politekstual'nosti. — Perm', 2001. 272 s.

15. Belyaeva E. I. Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh. — Voronezh, 1985. 180 s.

16. Bondarko A. V. Vid i vremya russkogo glagola. — M., 1971. 239 s.

17. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : URSS Editorial, 2006. 144 s.

18. Duskaeva L. R. Dialogichnost' sovremennykh gazetnykh tekstov v aspekte rechevykh zhanrov. — Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2004. 112 s.

19. Ivanova T. B. Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya aktsentnosti : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Khar'kov, 1988. 14 s.

20. Ivin A. A. Sovremennaya filosofiya nauki. — M., 2005. 592 s.

21. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. — M., 1991. 495 s.

22. Kozhina M. N. O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi. — Perm', 1972. 396 s.

23. Kozhina M. N. O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi. — Perm', 1986. 92 s.

24. Kotyurova M. P. Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovy struktury nauchnogo teksta. — Krasnoyarsk, 1988. 171 s.

25. Laguta O. N. Logika i lingvistika [Elektronnyy resurs] : uchebnoe posobie dlya studentov filol. fakul'tetov. — Novosibirsk, 2000. 116 s. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (data obrashcheniya: 30.07.2017).
26. Lapp L. M. Interpretatsiya nauchnogo teksta v aspekte faktora «sub"ekt rechi». — Irkutsk, 1993. 218 s.
27. Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 172 s.
28. Matveeva T. V. Tonal'nost' razgovornogo teksta: tri sposoba opisaniya // Stylistyka V. 1996. S. 210—221.
29. Matveeva T. V. Tonal'nost' // Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 549—552.
30. Moskal'skaya O. I. Grammatika teksta. — M., 1981. 183 s.
31. Odintsov V. V. Stilistika teksta. — M., 1980. 263 s.
32. Rybakova L. V. Kategoriya informativnosti v pragmalingvisticheskom aspekte (na materiale angloyazychnykh informatsionno-reklamnykh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 1998. 23 s.
33. Tagil'tseva Yu. R. Sub"ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2006. 22 s.
34. Tarasov E. F. Sotsiolingvisticheskie problemy teorii rechevoy kommunikatsii // Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti. — M. : Nauka, 1974. S. 255—273.
35. Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta. — M. : Prosveshchenie, 1986. 127 s.
36. Shirinkina M. A. Dokumenty ispolnitel'noy vlasti v funktsional'no-stilisticheskoy sisteme russkogo yazyka // Izv. UrFU. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2017a. T. 19. № 2 (163). S. 134—146.
37. Shirinkina M. A. Kategoriya tonal'nosti v direktivnykh dokumentakh ispolnitel'noy vlasti // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2017b. T. 9, vyp. 3. S. 60—68. DOI 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68.
38. Halliday M. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. — London : Arnold, 1978. 256 p.
39. Lukin A., Moore A., Herke M., Wegener R., Wu C. Halliday's model of register revisited and explored // Linguistics and the Human Sciences. 2008. Vol. 4, No. 2. P. 187—213.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГСНТИ 03.23.07; 16.21.27

Код ВАК 07.00.09; 10.02.19

И. В. Грибан
Екатеринбург, Россия

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., секретный дополнительный протокол к нему и последующие соглашения между СССР и Германией на протяжении многих лет находятся в центре внимания российской и зарубежной общественности. Интерес к этим документам приобретает особое политическое значение в преддверии юбилейных дат, а последствия советско-германских договоренностей 1939 г. продолжают оказывать воздействие на отношения современной России с Польшей, Украиной, странами Балтии. В этих странах историческая память о пакте Молотова — Риббентропа как поворотном и трагическом моменте их истории в XX веке выступает основой для обоснования современного политического устройства и построения новой национальной идентичности. На основе анализа новостных сюжетов русскоязычного сегмента сети Интернет в статье сделан вывод об особенностях использования термина «пакт Молотова — Риббентропа» в современном медиаполитическом дискурсе. Автор отмечает, что термин «пакт Молотова — Риббентропа» зачастую ошибочно идентифицируется со всеми последующими советско-германскими договоренностями, а также используется как имя нарицательное, и контекст его упоминания далеко не всегда связан с событиями 1939—1941 гг. Постоянное обращение политиков и журналистов к истории подписания советско-германского договора о ненападении и межгосударственных отношений 1939—1941 гг. свидетельствует о том, что пакт Молотова — Риббентропа является своеобразным «местом памяти», где пересекаются воспоминания о прошлом представителей разных стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая память; Вторая мировая война; национальные историографические традиции; советско-германские отношения; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; журналистика; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Грибан Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, директор музея истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: gribanirina@gmail.com.

История всех событий современности начинается в более или менее отдаленном прошлом

Д. Лоуэнцаль

23 августа 1939 г. в Москве главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза Й. Риббентропом и В. М. Молотовым был подписан советско-германский договор о ненападении. Этот документ в отечественной литературе и медиаполитическом дискурсе чаще упоминается как пакт Молотова — Риббентропа. В странах Запада он больше известен как пакт Гитлера — Сталина (Hitler-Stalin Pakt) [Грибан 2017: 14]. Стороны обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны, а также отказывались от участия в группировке держав, «прямо или косвенно направленной против другой стороны». Предусматривался взаимный обмен информацией о вопросах, затрагивающих интересы сторон [Nichtangriffsvertrag].

После прихода А. Гитлера к власти отношения между фашистской Германией и Советским Союзом носили явно конфронтационный характер, поэтому советско-германский договор был полной неожиданностью для мировой общественности. Вместе с тем он не противоречил нормам международного права и был опубликован в цен-

тральном органе советской печати — газете «Правда» 24 августа 1939 г. Однако к договору прилагался Секретный дополнительный протокол о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Протокол предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии, Восточной Польши и Бессарабии в сферу интересов СССР, Литвы и Западной Польши — в сферу интересов Германии [Год кризиса 1990: 259].

Вряд ли найдется еще какой-нибудь документ в истории России, которому было бы посвящено такое количество исследований и который бы на протяжении семи десятилетий вызывал интерес не только у специалистов-историков, но и у широких кругов общественности. Последствия советско-германских договоренностей и в настоящее время находят свое отражение в отношениях России с Польшей, Украиной, странами Балтии [Müller 2011: 12; Olschowsky 2017].

Контент-анализ публикаций на новостных сайтах позволяет выявить удивительную статистику. Согласно запросу «пакт Молотова-Риббентропа» в сервисе «Яндекс.Новости», это словосочетание упоминается

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-01-00339 «Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память».

© Грибан И. В., 2018

в 4041 статье, 12 244 сообщениях, 696 интервью, проиндексированных в системе «Яндекс» (*news.yandex.ru*). Изучение материалов, посвященных в той или иной степени советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., дает возможность сделать ряд выводов.

Во-первых, в большинстве случаев в публикациях имеет место терминологическая путаница. Зачастую используется собирательный термин «пакт Молотова — Риббентропа», хотя вообще официально документа с таким названием никогда не существовало. Очень часто в статьях (особенно украинских авторов) сам договор и секретный протокол к нему идентифицируются. При таком подходе негативная оценка протокола распространяется на весь пакет советско-германских договоренностей [Капто 2011: 11]. Нередко используется формулировка «секретные протоколы», однако что именно имеется в виду под этим словосочетанием, авторы предпочитают не писать.^[1]

Во-вторых, многие российские авторы продолжают отрицать сам факт существования секретного протокола, рассматривая его как фальсификацию и инструмент информационной войны [Валентинов 2017]. В связи с этим обратимся к истории документов. В советской историографии факт наличия секретных советско-германских договоренностей категорически отрицался. Впервые официально о существовании секретного дополнительного протокола было заявлено на Втором съезде народных депутатов в 1989 г. Комиссия по правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. и связанных с ним документов констатировала, что, принятый по настоянию Сталина, секретный протокол (как и другие тайные советско-германские договоренности 1939—1941 гг.) использовался советским руководством «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» [Яковлев 1991: 38].

Было признано, что протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939—1940 гг., как по методу их составления, так и по содержанию являлись отказом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран. Фактическое признание существования секретного протокола о разделе сфер влияния сыграло свою негативную роль в судьбе СССР, став инструментом крупно-

масштабного информационного противостояния между общественными группами.

Один из наиболее последовательных и авторитетных исследователей внешней политики СССР в 1930-е гг. Л. А. Безыменский в труде «Сталин и Гитлер перед схваткой» отмечал: «Лишь 27 октября 1992 г. свершилось последнее действие в драме „протоколов“: публикация данных из так называемого президентского архива. В президентском архиве хранились секретные документы партии... В пакете за № 34 были обнаружены оригиналы секретных протоколов вместе с подробным описанием их „архивной судьбы“» [Безыменский 2000: 12—26].

Научная публикация этих документов состоялась в журнале «Новая и новейшая история» [Советско-германские документы 1993]. Абсолютное большинство современных историков не подвергает сомнению факт существования секретных советско-германских договоренностей.

В-третьих, внимание общественности к советско-германским отношениям 1939—1941 гг. активизируется, как правило, накануне юбилейных дат. 2009 г. — 70-летие подписания пакта Молотова — Риббентропа и начала Второй мировой войны, 2015 г. — год 70-летия Победы, 2016 г. — 75-летие начала Великой Отечественной войны и т. д. Юбилейные даты не только стимулируют исследовательскую активность, но и становятся своеобразным вызовом как для историков, так и для политиков из-за обострения на межгосударственном уровне конфликта «национальных историографий». Уже не сами исторические события, а их интерпретация становится предметом острых не столько исторических, сколько общественно-политических дискуссий. В центре дискуссий оказываются следующие вопросы: когда начался поворот советской внешней политики в сторону сотрудничества с Германией, кому принадлежала инициатива подписания секретных протоколов к пакту, насколько вынужденным был пакт Молотова — Риббентропа, каковы последствия заключения этого договора?

Помимо активизации исследователей, юбилейные даты — повод для ряда политических акций. Так, в 2009 г. в странах Балтии годовщину подписания пакта о ненападении отметили массовым забегом, продемонстрировав этим общее стремление убежать от трагического прошлого [Неволина 2009: 110]. Вопреки протестам российской делегации, 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ по инициативе Литвы и Словении приняла резолюцию, в которой подчеркивалось, что «в XX в. страны Европы пережили

два мощнейших тоталитарных режима — нацистский и сталинский, во время которых имел место геноцид, нарушались права и свободы человека, совершались военные преступления и преступления против человечности» [Резолюция 2009]. В документе также выражалась глубокая обеспокоенность в связи с прославлением тоталитарных режимов и предлагалось объявить 23 августа Днем памяти жертв национал-социализма и сталинизма. Резолюция вызвала резко негативную оценку МИД и историков России [Парламентская ассамблея 2009].

В 2009 г. юбилейные события выявили необходимость внести определенность в вопрос об официальном восприятии руководством России советско-германских договоренностей 1939—1941 гг. В Гданьске на открытии официальной церемонии, посвященной 70-й годовщине начала Второй мировой войны, премьер-министр РФ В. Путин отметил, что «все предпринимавшиеся с 1934 года по 1939 год попытки умиротворить нацистов, заключая с ними различного рода соглашения и пакты, были с моральной точки зрения — неприемлемы, а с практической, политической точки зрения — бессмысленными, вредными и опасными. Именно совокупность этих действий привела к этой трагедии, к началу Второй мировой войны... Конечно, нужно признать эти ошибки. Наша страна сделала это. Госдума Российской Федерации, парламент страны осудил пакт Молотова — Риббентропа. Мы вправе ожидать того, чтобы и в других странах, которые пошли на сделку с нацистами, это тоже было сделано. И не на уровне заявлений политических лидеров, а на уровне политических решений» [Выступление 2009]. Выступление в Гданьске в немецкой прессе назвали «трюком на канате», поскольку «каждое его слово имело значение не только в Москве» [Eine schmerzhaftes Wunde 2009].

Дискуссии по проблемам советско-германских отношений 1939—1941 гг. шли в разных странах на самом высоком уровне, фактически выходя за рамки научных споров, превращаясь в политические дебаты в контексте сегодняшнего развития международных отношений. Ответом России на выпады стран Балтии на государственном уровне стало создание в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России [Указ]. Западная общественность восприняла новость о создании комиссии резко негативно, оценив этот шаг как возврат к цензуре в советских

традициях, как попытку российского правительства вытеснить из памяти события августа — сентября 1939 г., поскольку для России это «сильно беспокоящий шрам» [Geschichtsstreit 2009].

Созданная как орган для формирования и ретрансляции исторической памяти, комиссия, однако, не выполнила своих функций. Заседания прошли всего несколько раз, никаких конструктивных предложений и мер принято не было. Уже 14 февраля 2012 г. Указ о создании комиссии был отменен Президентом Д. А. Медведевым, и комиссия прекратила свое существование.

Политическая острота вопросов, связанных с историей подписания пакта Молотова — Риббентропа и его последствиями, стала особенно очевидна в условиях украинского кризиса. 20 октября 2016 г. Верховная рада Украины и сейм Республики Польша приняли совместную Декларацию памяти и солидарности, в которой особое внимание уделили советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г.: «Пакт Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 года, заключенный между двумя тоталитарными режимами — коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией, привел к началу 1 сентября Второй мировой войны, вызванной агрессией Германии, к которой 17 сентября присоединился Советский Союз. Следствием этих событий стала оккупация Польши Германией и Советским Союзом и массовые репрессии против наших народов. Те события привели также к принятию в Ялте в 1945 году решений, начавших новый этап порабощения всей Восточной и Центральной Европы, длившийся полвека» [Postowie 2016]. Таким образом закрепляется образ Польши и Украины как жертв агрессивной политики двух тоталитарных государств, а также формируется негативный образ СССР и России. Президент Украины П. Порошенко в своих выступлениях регулярно апеллирует к событиям лета — осени 1939 г., фактически возлагая на СССР и нацистскую Германию равную ответственность за развязывание Второй мировой войны [Порошенко 2018].

В-четвертых, пакт Молотова — Риббентропа очень часто используется как имя нарицательное, контекст употребления которого не всегда имеет непосредственное отношение к событиям 1939—1941 гг. Так, в 2005 г. политики и журналисты проводили исторические аналогии между пактом Молотова — Риббентропа и договоренностями России и Германии в рамках «энергетических дебатов» о проекте «Северный поток»: «Польша особенно чувствительна к любым

„коридорам“ и соглашениям, которые реализуются „через голову“... Это традиция пакта Молотова — Риббентропа... Мы не хотим, чтобы это повторялось» [Miodek 2009: 297]. В свете современных дискуссий о строительстве «Северного потока — 2» в прессе вновь появились сравнения с событиями 1939 г.: в украинских СМИ появилась статья с заголовком «„Північний потік“ не даремно назвали новим пактом Молотова — Ріббентропа» [Гончар 2017].

Пакт о ненападении упоминается в статье «С дьяволом не танцуют» о поставках США оружия курдам [Варлы 2017], в материале о независимости Приднестровья [Независимость 2017], в статье о премьер-художественного фильма «Дюнкерк» [В ответ 2017]. В публикации, посвященной событиям в Сирии и политике России, автор отмечает, что «партнерские отношения с Турцией очень уж напоминают печально известный пакт Молотова — Риббентропа» [Россия 2018].

Политизированность вопросов, связанных с предысторией Второй мировой войны, оказывает свое воздействие и на развитие официальной историографии. Масштабные мероприятия, посвященные 75-летию начала Второй мировой войны, а затем 70-летию Победы в Великой Отечественной, вновь актуализировали обращение историков, политологов, журналистов к событиям 1930—1940-х гг. Своеобразным итогом развития историографии последних десятилетий стала публикация в 2015 г. 12-томного издания «Великая Отечественная война», подготовленного редакционной комиссией под председательством министра обороны Российской Федерации С. Шойгу [Великая 2015].

Во втором томе издания подчеркивается, что уже весной 1939 г. мир стоял на пороге мировой войны. Ключевым («фатальным») событием, которое в итоге привело ко Второй мировой войне, авторы называют Мюнхенскую конференцию: «Мюнхенская конференция готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе» [Великая 2015: 34]. Авторы отмечают, что англо-франко-советские переговоры были последней возможностью предотвратить войну. При этом упоминается, что «одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территорию в случае нападения Германии» [Великая 2015: 137]. Инициатива советско-германского сближения исходила от Герма-

нии, заключение пакта — «вынужденное политическое решение, которое на какое-то время обезопасило страну от войны с Германией» [Великая 2015: 137].

Что касается секретных советско-германских договоренностей, то они оцениваются с точки зрения геополитических интересов СССР: «Хотя секретные протоколы были принятой практикой того времени, морально-этическая сторона данного соглашения является весьма уязвимой... В тот момент, когда на карту было поставлено само существование страны, верх взяли неумолимые геополитические и военно-стратегические императивы» [Великая 2015: 124]. Тексты советско-германских договоров от 23 августа и от 28 сентября 1939 г., а также секретных протоколов к ним приведены в приложениях к изданию.

Отношение современной политической элиты и большинства российских историков к факту подписания пакта Молотова — Риббентропа, пожалуй, наиболее точно сформулировал И. А. Гобозов: «В политике нет никакой морали. Мораль обращена к личности, то есть к части, а политика — к народу, государству, то есть к целому. И если государству, народу угрожает опасность, то приходится жертвовать личностью. И это не зависит от политиков, это закон политики... Конечно, никакой аморальности нет в пакте Молотова — Риббентропа: советские руководители защищали прежде всего интересы своего государства, а не интересы какой-нибудь другой страны» [Гобозов 2010: 19].

Знаковым и скорее политическим, чем историографическим, событием стал выход совместного российско-германского учебника по истории: 10 марта 2015 г. в Берлине, а два месяца спустя, 20 мая 2015 г., в Москве состоялась презентация пособия с символическим названием «Россия — Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век»^[2]. Идея создания такого учебника возникла еще в 2010 г. на форуме «Петербургский диалог», проходившем в Екатеринбурге и посвященном теме «Российское и германское общество в следующем десятилетии». Планировалось подготовить учебник к 2012 г., однако процесс работы затянулся [Грибан 2011: 260]. Подготовка российско-германского учебника велась в рамках работы Российско-германской совместной комиссии историков, созданной еще в 1997 г. по инициативе канцлера ФРГ Г. Коля и президента РФ Б. Н. Ельцина. В результате многолетней работы комиссии к 2015 г. был подготовлен первый из трех запланированных томов пособия (опубликованный на русском и немецком языках), по-

священный отношениям России и Германии в насыщенном событиями и противоречивом XX столетии, «связанном как с конфликтными ситуациями, так и с примирением» [Die Sprache 2015]. Ученые посчитали, что именно опыт осмысления советско-германских отношений в XX в. особенно актуален в современных условиях: презентация пособия состоялась, несмотря на продолжающийся украинский кризис, на фоне отказа лидеров многих стран принять участие в традиционном параде Победы на Красной площади в Москве, вопреки международной ситуации и ухудшению отношений России с Европой в целом и ФРГ в частности.

По признанию авторов, одним из самых дискуссионных в процессе подготовки пособия был период 1939—1941 гг. — кануна и начального этапа Второй мировой войны. К спорным вехам совместной истории, ставшим своеобразным «местом памяти» в истории России и Германии, в первую очередь относится советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., которому посвящена отдельная глава пособия. В оценках пакта Молотова — Риббентропа, как его зачастую называют в отечественной литературе, или пакта Гитлера — Сталина (такое название закрепилось в зарубежной историографии), российским и германским историкам не удалось прийти к единому мнению, поэтому в книге представлены две статьи, посвященные причинам подписания этого документа, его оценкам и историческим последствиям^[3]. Версия германских историков изложена профессором истории Констанцского университета Б. Пиетров-Эннкер [Pietrow-Ennker 2014: 121—131], российская интерпретация событий 1939—1941 гг. представлена статьей А. О. Чубарьяна [Tschubarjan 2014: 131—141].

В ряде моментов авторы солидарны. Так, и немецкий, и российский историки считают, что советско-германский договор о ненападении стал одним из самых значимых документов в предыстории Второй мировой войны. Оба автора подчеркивают, что со стороны А. Гитлера сближение было временным шагом, что он никогда не отказывался от своей внешнеполитической программы, целью которой было завоевание жизненного пространства на Востоке, и что уже летом 1940 г. Гитлер изменил свое отношение к союзнику, начав активную подготовку к войне с СССР. Главное, в чем расходятся мнения германского и российского историков, — в оценке роли пакта о ненападении в последующих событиях. Если Б. Пиетров-Эннкер подчеркивает, что «договор дал нацистской Германии необходимую полити-

ческую и военную свободу действий, для того, чтобы 1 сентября 1939 г. напасть на Польшу и развязать мировую войну» [Pietrow-Ennker 2014: 121], то А. О. Чубарьян обращает внимание на тот факт, что «решение о нападении на Польшу было принято задолго до подписания пакта, и в Берлине лишь шли дискуссии о сроках начала операции» [Tschubarjan 2014: 140]. По мнению российского автора, представляющего официальную российскую точку зрения, ключевым событием в происхождении Второй мировой войны стал не пакт Молотова — Риббентропа, а Мюнхенское соглашение.

Издание совместного пособия в условиях непростых отношений России и ФРГ свидетельствует о том, что диалог национальных историографий в современных условиях не только возможен, но и необходим. Кроме того, эта книга — напоминание современным политикам о том, как в XX в. ведущие акторы международных отношений, находясь на грани войны, не смогли консолидировать усилия и сохранить мир, — хороший повод задуматься о том, как избежать повторения ошибок прошлого.

Почему события семидесятилетней давности по-прежнему актуальны? На наш взгляд, подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении стало своеобразным «местом памяти», где пересекаются воспоминания о прошлом представителей разных стран^[4]. Значимость этого «места памяти» для государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, различна. Для стран Балтии пакт Молотова — Риббентропа и секретные протоколы к нему выступают как фундамент для обоснования современного политического устройства и формирования национальной идентичности на антироссийской почве. Оккупационная доктрина, принятая в странах Балтии, служит юридическим основанием для решения целого ряда как практических, так и политико-идеологических проблем. Современные исследователи отмечают, что в настоящее время «идея оккупации канонизирована», на ее основе воспитано уже поколение молодых граждан. В итоге тот факт, что население этих республик долгое время жило в условиях «максимального сокрытия информации, отрицания очевидных событий (в частности, расстрела польских офицеров в Катынском лесу), сыграл злую шутку, так как со временем этот пакт в массовом сознании прибалтов превратился в какой-то документ-монстр», хотя он был ничем иным, как обычным в то время (да и в нынешнее тоже) политическим соглашением между двумя большими государствами

[Симонян 2009: 19].

Анализируя особенности восприятия советско-германских отношений 1939—1941 гг. в бывших советских республиках, исследователи отмечают, что «преступными являются сталинские репрессии, т. е. не сам пакт, а его последствия. Но в массовом сознании народов Балтии за прошедшие десятилетия произошло совмещение собственно исторического эпизода и его последствий». Миф об оккупации обеспечивает легитимацию существующего общественного устройства, выполняя ряд функций: «интегративную, политическую, психологическую, пропагандистскую и правовую» [Симонян 2009: 24].

В результате возникает иная точка зрения на советско-германские отношения 1939—1941 гг. и, в частности, пакт Молотова — Риббентропа. Согласно национальным историографиям государств Балтии, пакт и секретные протоколы к нему стали причиной начала Второй мировой войны, на его основе состоялся очередной раздел Польши между СССР и Германией, Советский Союз осуществил аннексию, а затем и оккупацию стран Прибалтики.

В современной России, для которой тоже характерно повышенное внимание к проблемам гражданско-патриотического воспитания и поиска национальной идентичности, общезначимым «местом памяти», общенациональным символом великого прошлого и основой для формирования единства является 9 Мая — День Победы. Различные основания для идентичности вступают в конфликт и не позволяют истории существовать отдельно от политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Полный список советско-германских договоренностей приведен в исследовании Л. А. Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой». Под формулировкой «секретные протоколы», которая часто используется в литературе без пояснений, подразумеваются: секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г.; разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 года (в нем уточнялась граница сфер интересов Германии и СССР); конфиденциальный протокол от 28 сентября 1939 г. (о переселении лиц германского, украинского или белорусского происхождения, проживающих на территориях, входящих в сферу интересов Германии и СССР); секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о поправках к протоколу от 23 августа 1939 г.); секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о недопущении польской агитации); секретный протокол от

10 января 1941 г. (о литовской территории).

[2]. Немецкоязычная версия называется «Deutschland — Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte — Orte der Erinnerung» («Германия — Россия. Вехи совместной истории — места памяти»).

[3]. Помимо советско-германского договора о ненападении, авторы не смогли выработать единого подхода по следующим вопросам: Сталинградская битва, Берлинский кризис 1948 г., Всемирная выставка в Париже в 1937 г., июньский кризис в ГДР и период Перестройки в СССР.

[4]. Согласно терминологии французского историка П. Нора, «места памяти — это музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации, все эти ценности в себе, — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: Вече, 2000. 512 с.
2. В ответ на критику «Дюнкерка» Telegraph напомнила Москве о «союзе с Гитлером» [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-07-23/V-otvet-na-kritiku-Dyunkerka> (дата обращения: 01.08.2017).
3. Валентинов О. Секретные протоколы, которых на самом деле не было [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novorosinform.org/articles/10495> (дата обращения: 01.08.2017).
4. Варлы И. С дьяволом не танцуют! [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170601/239484081.html> (дата обращения: 01.06.2017).
5. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — М., 2015. 864 с.
6. Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. — М., 2015. — Т. 1 : Канун трагедии.
7. Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина на церемонии, посвященной 70-й годовщине начала Второй мировой войны. Гданьск. 1.09.2009 г. // Посольство России в Польше. URL: http://poland.mid.ru/samye-vaznye-teksty/-/asset_publisher/r4f7rOZ8FqMD/content/id/20801116 (дата обращения: 30.12.2016).
8. Гобзов И. А. История и мораль // Философия и общество. 2010. № 1. С. 5—19.
9. Год кризиса, 1939—1939: документы и материалы. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. — М., 1990. 431 с.
10. Гончар М. «Північний потік» не даремно назвали новим пактом Молотова — Ріббентропа [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/ukr/news/worldnews/-gonchar-pivnichnij-potik-ne-daremno-nazvali-novim-paktom-molotova-ribbentropa-198284.html> (дата обращения: 24.12.2017).
11. Грибан И. В. Дискуссия с прошлым: как изучают историю Второй мировой войны в школах ФРГ // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 260—265.
12. Грибан И. В. Траектория памяти. Советско-германские отношения 1939—1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии : моногр. — Екатеринбург, 2017. 318 с.
13. Капто А. С. Пакт Молотова — Риббентропа: мистификация или реальность? — М., 2011. 312 с.
14. Неволина И. В. Советско-германский договор о ненападении 70 лет спустя: «Бегом от пакта» или «назад в будущее»? // Вопросы всеобщей истории. 2009. Т. 11. С. 109—118.
15. Независимость Приднестровья можно отстаивать в любом международном суде [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2284352.html> (дата обращения: 24.12.2017).
16. Парламентская ассамблея ОБСЕ приравняла советский режим к нацистскому. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=298597&cid=9> (дата обращения: 15.05.2017).
17. Плотникова А. Пакт Молотова — Риббентропа — «предупреждение из прошлого». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/ai-molotov-ribbentrop/4003669.html> (дата обращения:

24.12.2017).

18. Порошенко вспомнил пакт Молотова — Риббентропа и «Железный занавес». URL: <https://www.5.ua/polityka/poroshenko-zghadav-pakt-molotovaribbentropa-ta-zaliznu-zavisu-urokymaie-vynesty-ne-lyshe-ukraina-163194.html> (дата обращения: 20.01.2018).

19. Резолюция парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». URL: <https://www.svoboda.org/a/1768840.html> (дата обращения: 15.05.2017).

20. Россия, Турция и курды: преддверие Третьей мировой войны? URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/275/posts/31582> (дата обращения: 24.01.2018).

21. Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М. События 1939—1940 годов в массовом сознании населения стран Балтии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 19—33.

22. Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». URL: <http://state.kremlin.ru/commission/21/news/4121>.

23. Яковлев А. Н. Доклад II Съезду народных депутатов // Актуальные проблемы новейшей истории. — М., 1991. С. 38.

24. Die Sprache der Diplomatie: Deutschland und die Sowjetunion im 20. Jahrhundert. URL: <http://www.hsozkult.de/review/id/rezbuecher-23037?title=test-url-titel> (date of access: 13.06.2015).

25. Eine schmerzhaft Wunde: Interview mit Stefan Troebst. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/922/484359/text>.

26. Geschichtsstreit überschattet Gedenkfeier in Polen // Spiegel. 1.09.2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/> (date of access: 24.12.2017).

27. Miodek M. «Das ist ein neuer Ribbentrop-Molotov-Pakt!» Eine historische Analogie in der polnischen Energiedebatte // Osteuropa. 2009. № 7—8. 336 s.

28. Müller D., Troebst S. Der Hitler-Stalin Pakt 1939 in der europäischen Geschichte und Erinnerung. Eine Einführung // Der Hitler-Stalin-Pakt 1939 in den Erinnerungskulturen der Europäer. Göttingen, 2011. S. 11—36.

29. Nichtangriffsvertrag zwischen Deutschland und der Union der Sozialistischen // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. F. 11/0048-0050. Mikrofilm.

30. Olschowsky H. Der weiße Fleck // Der Tagesspiegel. 18.08.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/hitler-stalin-pakt-der-weiße-fleck/8653986.html> (date of access: 24.12.2017).

31. Pietrow-Ennker B. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland — Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. — München: Oldenbourg Verl., 2014. S. 121—131.

32. Posłowie przyjęli Uchwałę zawierającą „Deklarację Pamięci i Solidarności” Polski i Ukrainy [Electronic resource]. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/komunikat.xsp?documentId=9326EF4CC8F0A38BC1258052006A61D4> (date of access: 24.12.2017).

33. Schrader M. Der Zweite Weltkrieg im deutschen Bewusstsein // Deutsche Welle. 8.05.2005 [Electronic resource]. URL: <http://www.dw-world.de> (date of access: 24.12.2017).

34. Tschubarjan A. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland — Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. — München: Oldenbourg Verl., 2014. S. 131—141.

I. V. Griban

Ekaterinburg, Russia

MOLOTOV-RIBBENTROP PACT IN MODERN MEDIAPOLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The Soviet-German non-aggression pact, signed on August 23, 1939, the secret additional protocol to it and the subsequent agreements between the USSR and Germany have for many years been in the focus of attention of the Russian and foreign public. Interest in these documents takes on a special political significance on the eve of the jubilee dates, as the consequences of the 1939 Soviet-German agreements continue to affect the relations of modern Russia with Poland, Ukraine, and the Baltic countries. In these countries, the historical memory of the Molotov-Ribbentrop Pact as a turning point and tragic moment of their history in the twentieth century serves as a basis for justifying the modern political order and building of a new national identity. Based on the analysis of news stories of the Russian-speaking Internet audience in the article, a conclusion is made about the peculiarities of using the term “Molotov-Ribbentrop pact” in the modern media policy discourse. The author notes that the term “Molotov-Ribbentrop Pact” is often mistakenly identified with all subsequent Soviet-German agreements, and is also used as a common noun, and the context of its mention is not always related to the events of 1939-1941. The constant appeal of politicians and journalists to the history of signing the Soviet-German treaty in 1939-1941 testifies that Molotov-Ribbentrop Pact is a kind of “piece of memory”, where memories of the past of the representatives of different countries overlap.*

KEYWORDS: *historical memory; the 2nd World War; national historiographic traditions; Soviet - Germany relations; political discourse; media discourse; media texts; journalism; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Griban Irina Vladimirovna, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Director of the Museum of the USPU History, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bezemenskiy L. A. Gitler i Stalin pered skhvatkoy. — M.: Veche, 2000. 512 s.

2. V otvet na kritiku «Dyunkerka» Telegraph napomnila Moskve o «soyuze s Gitlerom» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-07-23/V-otvet-na-kritiku-Dyunkerka> (data obrashcheniya: 01.08.2017).

3. Valentinov O. Sekretnye protokoly, kotorykh na samom dele ne bylo [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.novorosi.nform.org/articles/10495> (data obrashcheniya: 01.08.2017).

4. Varly I. S d'yavolom ne tantsuyut! [Elektronnyy resurs]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170601/239484081.html> (data obrashcheniya: 01.06.2017).

5. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941—1945 godov. V 12 t. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo voyny. — M., 2015. 864 s.

6. Velikaya Pobeda : v 15 t. / pod obsch. red. S. E. Naryshkina, A. V. Torkunova. — M., 2015. — T. 1 : Kanun tragedii.

7. Vystuplenie Predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina na tseremonii, posvyashchennoy 70-oy godovshchine nachala Vtoroy mirovoy voyny. Gdan'sk. 1.09.2009 g. // Posol'stvo Rossii v Pol'she. URL: http://poland.mid.ru/samyevaznye-teksty/-asset_publisher/r4f7rOZ8FqMD/content/id/20801116 (data obrashcheniya: 30.12.2016).

8. Gobozov I. A. Istoriya i moral' // Filosofiya i obshchestvo. 2010. № 1. S. 5—19.

9. God krizisa, 1939—1939: dokumenty i materialy. T. 2. 2 iyunya 1939 g. — 4 sentyabrya 1939 g. — M., 1990. 431 s.

10. Gonchar M. «Pivnichniy potik» ne daremno nazvali novim paktom Molotova — Ribbentropa [Elektronnyy resurs]. URL: <http://gordonua.com/ukr/news/worldnews/-gonchar-pivnichnij-potik-ne-daremno-nazvali-novim-paktom-molotova-ribbentropa-198284.html> (data obrashcheniya: 24.12.2017).

11. Griban I. V. Diskussiya s proshlym: kak izuchayut istoriyu Vtoroy mirovoy voyny v shkolakh FRG // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2011. № 3. S. 260—265.

12. Griban I. V. Traektoriya pamyati. Sovetsko-germanskije otoshneniya 1939—1941 gg. v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii : monogr. — Ekaterinburg, 2017. 318 s.

13. Kapto A. S. Pakt Molotova — Ribbentropa: mistifikatsiya ili real'nost'? — M., 2011. 312 s.

14. Nevolina I. V. Sovetsko-germanskij dogovor o nenapadenii 70 let spustya: «Begom ot pakta» ili «nazad v budushchee»? // Voprosy vseobshchey istorii. 2009. T. 11. S. 109—118.

15. Nezavisimost' Pridnestrov'ya možhno otstoyat' v lyubom mezhdunarodnom sude [Elektronnyy resurs]. URL: <https://regnu.m.ru/news/polit/2284352.html> (data obrashcheniya: 24.12.2017).

16. Parlamentskaya assambleya OBSE priravnala sovetskiy rezhim k natsistskomu. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=298597&cid=9> (data obrashcheniya: 15.05.2017).
17. Plotnikova A. Pakt Molotova — Ribbentropa — «preduprezhdenie iz proshlogo». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/ai-molotov-ribbentrop/4003669.html> (data obrashcheniya: 24.12.2017).
18. Poroshenko vspomnil pakt Molotova — Ribbentropa i «Zheleznyy zhanes». URL: <https://www.5.ua/polityka/poroshenko-zghadav-pakt-molotov-ribbentropa-ta-zaliznu-zavisu-urokymaie-vynesty-ne-lyshe-ukraina-163194.html> (data obrashcheniya: 20.01.2018).
19. Rezolyutsiya parlamentskoy assamblei OBSE «O vossoedinenii razdelennoy Evropy: Pooshchrenie prav cheloveka i grazhdanskikh svobod v regione OBSE v XXI veke». URL: <https://www.svoboda.org/a/1768840.html> (data obrashcheniya: 15.05.2017).
20. Rossiya, Turtsiya i kurdy: preddverie Tret'ey mirovoy voyny? URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/275/posts/31582> (data obrashcheniya: 24.01.2018).
21. Simonyan R. Kh., Kochegarova T. M. Sobytiya 1939—1940 godov v massovom soznanii naseleniya stran Baltii // Novaya i noveyshaya istoriya. 2009. № 3. S. 19—33.
22. Ukaz «O Komissii pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu popytkam fal'sifikatsii istorii v ushcherb interesam Rossii». URL: <http://state.kremlin.ru/commission/21/news/4121>.
23. Yakovlev A. N. Doklad II S"ezdu narodnykh deputatov // Aktual'nye problemy noveyshey istorii. — M., 1991. S. 38.
24. Die Sprache der Diplomatie: Deutschland und die Sowjetunion im 20. Jahrhundert. URL: <http://www.hsozkult.de/review/id/rezbuecher-23037?title=test-url-titel> (date of access: 13.06.2015).
25. Eine schmerzhaftige Wunde: Interview mit Stefan Troebst. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/922/484359/text>.
26. Geschichtsstreit überschattet Gedenkfeier in Polen // Spiegel. 1.09.2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/> (date of access: 24.12.2017).
27. Miodek M. «Das ist ein neuer Ribbentrop-Molotov-Pakt!» Eine historische Analogie in der polnischen Energiedebatte // Osteuropa. 2009. № 7—8. 336 s.
28. Müller D., Troebst S. Der Hitler-Stalin Pakt 1939 in der europäischen Geschichte und Erinnerung. Eine Einführung // Der Hitler-Stalin-Pakt 1939 in den Erinnerungskulturen der Europäer. Göttingen, 2011. S. 11—36.
29. Nichtangriffsvertrag zwischen Deutschland und der Union der Sozialistischen // Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes. F. 11/0048-0050. Mikrofilm.
30. Olschowsky H. Der weiße Fleck // Der Tagesspiegel. 18.08.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/hitler-stalin-pakt-der-weiße-fleck/8653986.htmlfleck/8653986.htmlfleck/8653986.html> (date of access: 24.12.2017).
31. Pietrow-Ennker B. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland — Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. — München : Oldenbourg Verl., 2014. S. 121—131.
32. Posłowie przyjęli Uchwałę zawierającą „Deklarację Pamięci i Solidarności” Polski i Ukrainy [Electronic resource]. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/komunikat.xsp?documentId=9326EF4CC8F0A38BC1258052006A61D4> (date of access: 24.12.2017).
33. Schrader M. Der Zweite Weltkrieg im deutschen Bewusstsein // Deutsche Welle. 8.05.2005 [Electronic resource]. URL: <http://www.dw-world.de> (date of access: 24.12.2017).
34. Tschubarjan A. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland — Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. — München : Oldenbourg Verl., 2014. S. 131—141.

Е. Е. Демидова
Кемерово, Россия

ПРОДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

АННОТАЦИЯ. Германия ведет целенаправленную работу по распространению немецкого языка за рубежом. В статье рассматриваются мотивы проведения Германией политики языковой экспансии, способы достижения поставленных в данном направлении целей и задач, оценивается масштабность проведения Германией языковой политики в современном мире. Методологическую базу исследования составляют исторический метод, заключающийся в анализе краткого политического периода (с 1996 г. по 2017 г.), а также метод сплошной выборки: исследование проводилось на основе изучения официальных правительственных документов Германии за указанный выше период, в которых встречаются сочетания «Förderung der Deutsche Sprache», «Verbreitung der Deutsche Sprache», «Sprachpolitik», «Deutsch als Fremdsprache». Для изучения отбирались примеры, в которых рассматривались поддержка и распространение немецкого языка за границей. Несмотря на то, что во взятый временной отрезок неоднократно менялся состав правительства Германии, президенты, федеральные канцлеры и главы МИД, языковая политика оставалась прежней. Конечно, выделялись новые приоритетные направления, но от старых никто не отказывался. Страна тем самым демонстрирует долгосрочность и стабильность своей языковой политики за рубежом. Статья предназначена для понимания значения распространения национального языка в мире. Выводы, сделанные автором статьи, позволяют провести дальнейшие исследования в данном направлении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая экспансия; распространение языка; языковая политика; немецкий язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Демидова Евгения Евгеньевна, кандидат филологических наук, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: demidovae2017@mail.ru.

Согласно «Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», Россия уделяет особое внимание распространению своего государственного языка в мире, признавая данное направление важной частью своей внешней политики [Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом]. В данном контексте полезно учесть опыт других стран, в частности опыт Германии.

После Второй мировой войны Германии пришлось приложить немало усилий для избавления от негативной репутации и создания своего нового образа. Эффективнейшим инструментом в улучшении имиджа страны и формировании позитивного отношения к ее жителям стала внешняя культурная и образовательная политика, которую часто называют, цитируя тем самым Вилли Брандта, третьим столпом внешней политики Германии. Действительно, предложения в сферах культуры и образования оказывают непосредственное влияние на людей из других стран, тем самым закладывая прочный фундамент для стабильных международных отношений. Таким образом создается доверие к Германии, и страна получает важных и надежных партнеров в общественной, экономической и политической сферах [Auswärtiges Amt. 18. Bericht der Bundesregierung Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik 2013/2014: 15]. Одной из важнейших целей внешней культурной и образовательной политики Германии в настоящее время является поддержка немецкого языка в Европе и в мире [Ibid.]. Но это — «улица с двусторонним движением», и немецкий язык, в свою очередь, сам по себе является мощнейшим инструментом в продвижении интересов страны.

Методика и методология исследования

Язык — это непосредственное отражение народа, его культуры и самобытности. Согласно концепции В. фон Гумбольдта, язык — это «дух народа». Он необходим для налаживания межкультурной коммуникации, связей в сферах экономики, политики, культуры, науки и образования. Именно это и многие другие причины побудили правительство Германии выделить поддержку немецкого языка в качестве основного направления и главной задачи внешней культурной и образовательной политики государства [Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode: 5; Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5; Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3; Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage...: 1]. Также немецкий язык — это важная составляющая [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht...: 74], важная задача [Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages: 33] и инструмент внешней культурной и образовательной политики [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5; Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen Sprache», одна из фундаментальных основ общества Германии [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage...: 1] и важная инвестиция в будущее [Op. cit.: 2]. Все эти определения были взяты из официальных документов, опубликованных в период начиная со второй половины 1990-х гг. до настоящего времени, так или иначе затраги-

вающих вопрос о необходимости продвижения немецкого языка за пределами страны.

Результаты исследования

Для того чтобы понять, почему это направление имеет такое значение, достаточно обратиться к соответствующим документам. Правительство Германии всегда открыто заявляло, что распространение немецкого за границей осуществляется в первую очередь для продвижения интересов страны. Однако если в 1996 г., например, говорилось о том, что активная языковая политика, помимо выполнения культурных целей, служит лишь интересам немецкой экспортной экономики и вносит свой вклад в обеспечение места Германии в промышленности [Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode: 5], а также о том, что поддержка языка является приоритетной целью в европейской политике [Op. cit.: 6], то в XXI в. члены правительства страны пришли к пониманию того, что языковая экспансия может преследовать более масштабные цели.

В наше время становится понятно, что поддержка языка усиливает позиции Германии в экономике, науке и образовании [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache], и ставка здесь делается в основном на молодых людей. Сегодняшние школьники и студенты, изучающие немецкий язык, в будущем могут стать важными партнерами Германии [Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3; Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht...: 11], поддерживая экономические, политические, научные и культурные контакты [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage: 2]. Многие из них станут руководителями, что, как ожидается, принесет стране более плодотворные связи [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache]. Чем больше людей выбирают немецкий язык, тем больше страна укрепляет свое место в мире.

Поддержка языка создает диалог, обмен и сотрудничество между людьми и культурами [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5], привлекает в Германию людей, прибывающих на короткое или продолжительное время [Ibid.; Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3]. Изучение немецкого языка для многих означает долгосрочное образование в Германии [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache]. Юные стипендиаты после школы поступают в высшие учебные заведения или работают в своих странах на немецкие организации.

С помощью объединения уроков немецкого языка с различными программами профессиональной подготовки осуществляется значимый вклад в борьбу с недостатком специалистов как в Германии, так и за границей [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht... 75].

Поддержка языка — это особенно продолжительные и долгосрочные внешнеполитические меры. Они укрепляют межкультурный обмен и понимание друг друга [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht...: 36; Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht...: 74]. Изучение немецкого языка является для многочисленных беженцев ключом к интеграции в Германии [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht: 36]. Более того, многие беженцы позднее вернуться в родные страны, овладев немецким языком, что также увеличивает потенциальные важные связи и контакты. Люди, изучающие немецкий, являются точкой опоры в международных отношениях Германии [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage...: 2].

Поддержка немецкого языка помогает продвигать положительный [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5; Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3] и «соответствующий действительности» [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5] образ Германии за границей, формировать современное и «правдивое» представление о Германии [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache]. У людей, изучающих немецкий, развивается дружелюбное отношение и особый интерес к стране [Ibid.]. Урок немецкого позволяет знакомить обучающихся с «актуальным образом» страны, а также создавать представление об ее ценностях [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht: 74].

Что касается таких сфер, как экономика и наука, здесь поддержка немецкого языка — это процесс двусторонний и взаимозависимый: сильная экономика Германии и интернационализация немецкой науки вызывают интерес к языку, и наоборот, распространение немецкого — это важный фактор конкурентоспособности экономики и науки страны [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5]. Рост интереса к Германии происходит бок о бок со значительным экономическим развитием и ростом немецких инвестиций в другие страны [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht... 74]. Язык играет в жизни экономики всё более важную роль; инвестиции и языковая компетенция являются для предприя-

тий значительным капиталом на будущее. Содействие распространению немецкого языка играет также важную роль в процессе глобализации [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage... 1].

Безусловно, Германия — это развитая страна, которая привлекает людей со всего мира. Таким образом, у нее есть преимущества перед другими, менее развитыми странами, что может помочь ей «одержать победу в этом международном соревновании за лучшие головы» [Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3]. Однако, что касается языковой экспансии, в Германии ученые уже давно пришли к пониманию того, что немецкий не сможет занять лидирующие позиции как основной иностранный, в первую очередь из-за мирового доминирования английского языка [Ibid.]. Поэтому страна добивается роста спроса на немецкий как второй иностранный [Ibid.; Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache], в результате чего у немецкого языка появляются реальные шансы занять важное место в мире. По словам депутата бундестага, государственного министра МИД Германии Марии Бёмер, у немецкого в дальнейшем будут шансы только там, где в образовательной системе представлены минимум два обязательных иностранных языка. В ближайшие годы главной целью языковой политики Германии будет усиление многоязычия и сохранение или внедрение обязательного второго иностранного языка в школах [Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3]. Во многих случаях знакомство с немецким языком начинается с детского сада и продолжается на школьной скамье и далее во время получения высшего/среднего специального образования или в профессиональной деятельности [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht: 74].

У правительства Германии есть четкое понимание того, что поддержка языка — это особенно продолжительные и долгосрочные внешнеполитические меры [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht: 11]. Языковые проекты — это «проекты поколений», которые нуждаются в постоянных и долгосрочных инвестициях [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache]. Отдавая себе отчет в том, что работа над продвижением языка в мире принесет максимальный эффект лишь в долгосрочной перспективе, правительство не ожидает мгновенных и очевидных результатов.

Финансовые вложения в данное направ-

ление стабильно растут. В 1993 г., например, страна потратила 39 млн немецких марок на поддержку немецкого языка. В 1996 г. задачи по поддержке языка в Средней и Восточной Европе, а также в странах СНГ выделяются в отдельную статью, на которую направляют 73 млн немецких марок [Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode: 5]. Сейчас эта деятельность осуществляется в рамках внешней культурной и образовательной политики. Уже давно значительная часть средств культурного бюджета направляются напрямую или опосредованно на поддержку немецкого языка за границей [Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages: 33]. В настоящее время на эти цели ежегодно направляются 315 млн евро [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache].

При поддержке немецкого как иностранного особую роль играют посреднические организации и партнеры МИДа Германии, особенно Институт Гёте (Гёте-институт, GI), Центральное управление по школьному образованию за рубежом (ZfA), Германская служба академических обменов (DAAD) и Служба педагогических обменов (PAD), наравне с фондом имени Роберта Боша, фондом Херти (Hertie-Stiftung) и фондом Меркатора [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht...: 74]. Так, мерами в области сотрудничества в сфере образования Институт Гёте добился внедрения уроков немецкого языка в 95 тыс. школ, что составляет 90 % школ всего мира и гарантирует широкую поддержку немецкого как иностранного. Особые усилия предпринимаются там, где немецкий сталкивается с серьезными соперниками среди других иностранных языков, как например, испанским или китайским/мандарином в США [Op. cit.: 75].

Вопросом поддержки немецкого языка внутри страны, а также его ролью в ЕС занимаются уже с 1980-х гг. [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage...: 2]. В 1985 г. впервые было зафиксировано повышение количества людей, изучающих немецкий язык, по всему миру [Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit: 3]. Правительство Германии поставило перед собой целью повсеместное распространение немецкого языка, особо выделяя, однако, определенные страны. Так, в начале 1990-х гг. приоритетными направлениями были обозначены Средняя, Восточная Европа и страны СНГ [Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode: 5]. В 2016 г. становится понятно, что поставленная годами ранее задача была успешно выполнена: по-

давяющее количество людей изучают немецкий в соседних для Германии европейских странах, на втором месте по популярности — немецкий в странах СНГ [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht...: 74]. Мировым лидером по количеству изучающих немецкий язык является Польша [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht...: 36].

Отдельное внимание правительство Германии уделяет азиатскому направлению. Так, в 1994—1995 гг. отмечали спад интереса к немецкому в «ключевых странах Азии» (в Южной Корее и Японии) [Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode: 5]. С 2010 г. в азиатских странах растет спрос на изучение немецкого. Также рост наблюдается в Южной Америке, на Ближнем и Среднем Востоке [Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen Sprache». Отдельного упоминания заслуживают Китай, Индия и Бразилия с их стремительно возросшим интересом к немецкому языку [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht...: 11]. В последние годы отмечается постоянный повышающийся спрос на немецкий как иностранный в развивающихся странах Латинской Америки, в Северной Африке и Африке южнее Сахары, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Южной и Юго-Восточной Азии [Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht...: 74].

Заключение

В настоящее время масштабы работы по распространению немецкого языка за рубежом внушительны. Одних только представителей Института Гёте, официально продвигающих изучение немецкого языка и культуры за границей, насчитывается 159 в 98 странах мира [Официальный сайт Института им. Гёте].

Общая цель многочисленных мер по поддержке языка — доступными средствами добиться того, чтобы больше людей всё лучше и лучше говорило по-немецки [Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland: 5]. Правительство Германии понимает, что поддержка в овладении языком — это важная инвестиция, чье долгосрочное влияние нельзя переоценить [Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage...: 2]. Очевидно, что Германия готова к серьезным мерам по распространению своего национального языка, к тщательному анализу эффективности работы по данному направлению и, как результат, к корректировке данной деятельности, в том числе исходя из политических соображений.

Выводы

Серьезный подход Германии к продвижению своего национального языка сделал немецкий одним из самых популярных языков мира. Регулярный анализ эффективности принятых мер и отслеживание динамики спроса на уроки немецкого за рубежом позволяет правительству страны корректировать стратегию по распространению языка, чтобы не дать интересу к нему угаснуть. Возможно, не все меры оправдывают себя и являются эффективными, но налицо успешное достижение поставленных страной по языковой экспансии задач. В первую очередь это привлечение людских ресурсов — лояльных к стране партнеров, владеющих немецким языком и имеющих возможность строить контакты с жителями страны и ее организациями напрямую. Со временем становятся очевидными всё больше преимуществ и возможностей, которые дает языковая экспансия стране, что позволяет выделить это направление в особо важную категорию для изучения и анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом : (утв. Президентом РФ 03.11.2015 N Пр-2283). URL: <http://legalacts.ru/doc/kontsept-sija-gosudarstvennoi-podderzhki-i-prodvizhenija-russkogo-jazyka/>.
2. Официальный сайт Института им. Гёте. URL: <https://www.goethe.de/en/wwt.html>.
3. Шелленбергер Ю. (ФРГ — Россия). Sprachliche Situation und Sprachpolitik im heutigen Deutschland // INTER-CULTUR @L-NET. 2004. Вып. 03. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/123/>.
4. Auswärtiges Amt. 18. Bericht der Bundesregierung Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik 2013/2014. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/216924/553b2349c8702df6534d0a3b5e24ba73/akbp-bericht-2013-2014-data.pdf>.
5. Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen Sprache». URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/kulturdialog/deutschesprache/200988>.
6. Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2015. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf85/Deutsch_als_Fremdsprache_weltweit_Datenerhebung_2015.pdf.
7. Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland. Wer macht was im Rahmen der AKBP? URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/201000/c2ae80566423376fc01849e6861ea8d6/deutschfoerderung-data.pdf>.
8. Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik Kultur, Bildung, Wissenschaft und Kommunikation in globaler Verantwortung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/216922/11612a084993877257b37be06d4fe2d3/akbp-bericht-2015-data.pdf>.
9. Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik 2016. Menschen bewegen: Dialogräume schaffen Brücken bauen Perspektiven entwickeln. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/762304/publicationFile/226630/AKBP-Bericht_2016.pdf.
10. Deutsch — Sprache der Ideen. Erklärung zur Förderung der Deutschen Sprache in den USA, Washington, den 29. September 2010. URL: http://www.germany.info/contentblob/3112366/Daten/1224334/Declaration_German_Promotion_DD.pdf.
11. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kulturpolitik 1994/95, Unterrichts-

tung durch die Bundesregierung. Drucksache 13/3823, 20.02.96. URL: http://www.ifa.de/fileadmin/pdf/aa/akbp_bericht_1994-95.pdf.

12. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Dr. Norbert Lammert, Bernd Neumann (Bremen), Renate Blank, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der CDU/CSU, Drucksache 14/5835. Drucksache 14/7250, 31.10.2001. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/072/1407250.pdf>.

13. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage der Abgeordneten Dr. Norbert Lammert, Bernd Neumann (Bremen), Renate Blank, Dr. Karl-Heinz Hornhues, Hartmut Koschyk, Werner Lensing, Anton Pfeifer, Hans-Peter Repnik, Hannelore Rönch (Wiesbaden), Anita Schäfer, Dr. Wolfgang Schäuble, Heinz Schemken, Margarete Späte, Erika Steinbach, Dr. Rita Süßmuth, Peter Kurt Würzbach und der Fraktion der CDU/CSU. Drucksache 14/5835, 03.04.2001. URL: <http://portal.tpu.ru/SHARED/s/SERPENTIS/files/Tab1/02.pdf>.

14. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Deutsch als Arbeitssprache auf europäischer Ebene festigen — Verstärkte Förderung von Deutsch als erlernbare Sprache im Ausland. Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN

und FDP. Drucksache 15/1574, 24.09.2003. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/015/1501574.pdf>.

15. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Bericht über die Lebenssituation junger Menschen und die Leistungen der Kinder- und Jugendhilfe in Deutschland — Zwölfter Kinder- und Jugendbericht — und Stellungnahme der Bundesregierung. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Drucksache 15/6014, 10.10.2005. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/060/1506014.pdf>.

16. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Bericht über Schüler-, Jugend- und Studentenaustausch mit der Republik Korea (Südkorea) und der Demokratischen Republik Korea (Nordkorea). Unterrichtung durch die Bundesregierung. Drucksache 18/10912, 16.01.2017. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/109/1810912.pdf>.

17. Goethe-Institut. Jahrbuch 2008/2009. URL: http://www.goethe.de/uun/pro/jb09/jahrbuch_2008_2009.pdf.

18. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. 22. Dezember 2003. Auswärtige Kulturpolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Konzeptionelle Grundlagen und institutionelle Entwicklung seit 1945. AUSARBEITUNG. URL: http://www.bundestag.de/blob/194114/053b813a91d89a29fa5c2f4ba85c50ae/ausw__rtige_kulturpolitik-data.pdf.

E. E. Demidova

Kemerovo, Russia

WORLDWIDE PROMOTION OF THE GERMAN LANGUAGE

ABSTRACT. *Germany does serious work on the spread of the German language abroad. The article examines the motives of the language expansion policy, ways to achieve the set objectives and goals, it also assesses the scale of the German language policy in the modern world. The methodological basis of the study is the historical method of the short period from 1996 to 2017, and the continuous sampling method: the study is drawn upon the research of the German government's official documents over a specified period which include the following words: «Förderung der Deutsche Sprache», «Verbreitung der Deutsche Sprache», «Spachpolitik», «Deutsch als Fremdsprache». For the investigation only the examples of the language expansion abroad were taken. In spite of the fact that the members of the German government, Presidents, Federal Chancellors and Foreign Ministers were different in the course of history, the language policy remained the same. Of course, new priorities appeared but the old ones were not rejected. The country demonstrates stability of its language policy abroad. The article is intended to explain the significance of promotion of the national language. The conclusions made by the author of the scientific article let do further research on the issue.*

KEYWORDS: *language expansion; promotion of language; language policy; German.*

ABOUT THE AUTHOR: *Demidova Evgenia Evgenievna, Candidate of Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom : (utv. Prezidentom RF 03.11.2015 N Pr-2283). URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-podderzhki-i-prodvizhenija-russkogo-jazyka/>.

2. Ofitsial'nyy sayt Instituta im. Gete. URL: <https://www.goethe.de/en/wwt.html>.

3. Shellenberger Yu. (FRG — Rossiya). Sprachliche Situation und Sprachpolitik im heutigen Deutschland // INTER-CULTUR @L-NET. 2004. Vyp. 03. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/123/>.

4. Auswärtiges Amt. 18. Bericht der Bundesregierung Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik 2013/2014. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/216924/553b2349c8702df6534d0a3b5e24ba73/akbp-bericht-2013-2014-data.pdf>.

5. Auswärtiges Amt. Artikel «Förderung der deutschen» Sprache. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/kulturdialog/deutschesprache/200988>.

6. Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2015. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf85/Deutsch_als_Fremdsprache_weltweit_Datenerhebung_2015.pdf.

7. Auswärtiges Amt. Die Förderung von Deutsch als Fremdsprache im Ausland. Wer macht was im Rahmen der AKBP? URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/201000/c2ae80566423376fc01849e6861ea8d6/deutschfoerderung-data.pdf>.

8. Auswärtiges Amt. Was wir tun. 19. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik Kultur, Bildung, Wissenschaft und Kommunikation in globaler Verantwortung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/216922/11612a084993877257b37be06d4fe2d3/akbp-bericht-2015-data.pdf>.

9. Auswärtiges Amt. Was wir tun. 20. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik 2016. Menschen bewegen: Dialogräume schaffen Brücken bauen Perspektiven entwickeln. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/762304/publicationFile/226630/AKBP-Bericht_2016.pdf.

10. Deutsch — Sprache der Ideen. Erklärung zur Förderung der Deutschen Sprache in den USA, Washington, den 29. September 2010. URL: http://www.germany.info/contentblob/3112366/Daten/1224334/Declaration_German_Promotion_DD.pdf.

11. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kulturpolitik 1994/95, Unterrichtung durch die Bundesregierung. Drucksache 13/3823, 20.02.96. URL: http://www.ifa.de/fileadmin/pdf/aa/akbp_bericht_1994-95.pdf.

12. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Dr. Norbert Lammert, Bernd Neumann (Bremen), Renate Blank, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der CDU/CSU, Drucksache 14/5835. Drucksache 14/7250, 31.10.2001. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/072/1407250.pdf>.

13. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Verbreitung, Förderung und Vermittlung der deutschen Sprache. Große Anfrage der Abgeordneten Dr. Norbert Lammert, Bernd Neumann (Bremen), Renate Blank, Dr. Karl-Heinz Hornhues, Hartmut Koschyk, Werner Lensing, Anton Pfeifer, Hans-Peter Repnik, Hannelore Rönch (Wiesbaden), Anita Schäfer, Dr. Wolfgang Schäuble, Heinz Schemken, Margarete Späte, Erika Steinbach, Dr. Rita Süßmuth, Peter Kurt Würzbach und der Fraktion der CDU/CSU. Drucksache 14/5835, 03.04.2001. URL: <http://portal.tpu.ru/SHARED/s/SERPENTIS/files/Tab1/02.pdf>.

14. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Deutsch als Arbeitssprache auf europäischer Ebene festigen — Verstärkte Förderung von Deutsch als erlernbare Sprache im Ausland. Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP. Drucksache 15/1574, 24.09.2003. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/015/1501574.pdf>.

15. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Bericht über die Lebenssituation junger Menschen und die Leistungen der Kinder- und Jugendhilfe in Deutschland — Zwölfter Kinder- und Jugendbericht — und Stellungnahme der Bundesregierung. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Drucksache 15/6014, 10.10.2005. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/060/1506014.pdf>.

16. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Bericht über Schüler-, Jugend- und Studentenaustausch mit der Republik Korea (Südkorea) und der Demokratischen Republik Korea (Nordkorea). Unterrichtung durch die Bundesregierung. Drucksache 18/10912, 16.01.2017. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/109/1810912.pdf>.

17. Goethe-Institut. Jahrbuch 2008/2009. URL: http://www.goethe.de/uun/pro/jb09/jahrbuch_2008_2009.pdf.

18. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. 22. Dezember 2003. Auswärtige Kulturpolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Konzeptionelle Grundlagen und institutionelle Entwicklung seit 1945. AUSARBEITUNG. URL: http://www.bundestag.de/blob/194114/053b813a91d89a29fa5c2f4ba85c50ae/ausw__rtige_kulturpolitik-data.pdf.

Е. Г. Доценко
Екатеринбург, Россия

ЭТИКА, ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА В ПЬЕСАХ ТОМА СТОППАРДА О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ

АННОТАЦИЯ. Том Стоппард не считается типичным представителем британского политического театра, но среди его произведений есть пьесы, направленные на разоблачение тоталитаризма и борьбу за права человека в странах социалистического лагеря. Это пьесы о диссидентах в Чехословакии и Советском Союзе: «Профессиональный трюк», «До-ре-ми-фа- соль-ля-си-Ты-свободы-попроси», «Зашифрованные „Гамлет“ и „Макбет“», «Рок-н-ролл». Для творческой манеры драматурга характерно представление философских или политических дебатов с помощью театральных и литературных экспериментов. «До-ре-ми-фа- соль-ля-си-Ты-свободы-попроси» и «Рок-н-ролл» могут быть обозначены как музыкально-драматические пьесы. «Профессиональный трюк» и «Зашифрованные Гамлет и Макбет» характеризуются повышенным вниманием к языку и «лингвистическому анализу». В статье рассматриваются различные возможности представления политических идей и этических споров в пьесах «Профессиональный трюк» и «До-ре-ми-фа- соль-ля-си-Ты-свободы-попроси». Для «чешских» пьес Стоппарда значимым также представляется сопоставление театрального эксперимента Т. Стоппарда и В. Гавела.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный политический театр; этика; права человека; театр абсурда; пьесы; литературное творчество; драматургия; английская литература.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Доценко Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 279; e-mail: eldot@mail.ru.

Темы, связанные с политикой, в творчестве Тома Стоппарда возникают часто, но представителем британского политического театра драматурга, как правило, не считают. Р. Корбаллис в книге 1984 г. обращение Стоппарда к политическим мотивам и фигурам обозначил следующим образом: «Даже „Травести“ (*Travesties*, 1974), в которой в качестве одного из главных героев выведен Ленин, — нечто гораздо большее, чем только политическая пьеса» [Corballis 1984: 23]. Д. Рейби, предлагая в более обобщающем исследовании свою классификацию английского театра второй половины XX в., фактически противопоставляет политические взгляды Стоппарда и авторов ангажированной драмы: «Том Стоппард, наиболее откровенно правый драматург данного периода, подвергает критике левацкий тоталитаризм, но не менее резко дискредитирует оппозицию новому материализму правого толка, связанному с тэтчеровским возрождением консерваторов» [Rabey 2003: 93]. Подобный отказ считать одного из крупнейших и сложных драматических авторов современности тенденциозным драматургом связан с традициями самого политического театра Великобритании, не одно десятилетие занимающего очень сильные позиции. Характеризуя другого писателя, Д. Рейби называет пьесы Х. Брентона «непосредственно отражающими политическую озабоченность проблемами современной эпохи» [Ibid.: 112]. Действительно, британский политический театр и его авторы не боятся выступать против собственного правительства, так, политическая активность Г. Пинтера обычно воспринималась как деятельность правозащитника и

оппозиционера, особенно смело критиковавшего «своих» во время бомбардировки Сербии или вторжения американских и английских войск в Ирак. Интересы Т. Стоппарда как правозащитника на протяжении многих лет были связаны с восточноевропейскими странами, которые родившийся в Чехословакии автор тоже до определенной степени воспринимает как «свои», выступая за гуманность государственных установлений при любом режиме.

Другое дело, что британский политический театр имеет и свои художественные традиции, которые, если говорить о восприятии брехтовских идей в Англии, в равной мере не близки ни Пинтеру, ни Стоппарду. Брехтианскими драматургами, по-своему продолжающими практику эпического театра, можно назвать того же Х. Брентона или К. Черчилл, Д. Хэара, Э. Бонда. Стоппард, как известно, изначально отталкивался от возможностей театра абсурдистского и «отказывался поддерживать единственно верную точку зрения: неопределенность — это все», но „к 1974 г. Стоппард медленно, но неуклонно вовлекается в принятие четкой политической позиции“» [Kelly 2001]. Лично познакомившись в 1970-х гг. с чешскими и советскими диссидентами, британский драматург посвятил им целый ряд пьес, которые — в той или иной мере — по-прежнему являлись экспериментальными. Политика сама по себе Стоппарду-драматургу вряд ли интересна: это очень театральный автор, насыщающий свои пьесы — помимо сюжетных перипетий — элементами игры, позволяющими представить на сцене самые разные сферы деятельности и виды искусства:

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-34-00032).

литературу, интеллектуальные споры, лингвистический анализ и музыку.

Пьесы максимально политизированного в творческой биографии Т. Стоппарда десятилетия 1970-х можно классифицировать по направленности эксперимента драматурга. В таком случае самой «языковой» окажется состоящая из двух одноактных пьес композиция «Зашифрованные „Гамлет“ и „Макбет“» (*Dogg's Hamlet, Cahoot's Macbeth*, 1979), где вынесенное в название имя «Догг» уже, собственно, обозначает новый «шифровальный» язык, на котором разговаривают персонажи. Музыкальной, причем в данном случае в кавычки заключать определение не требуется, имеет смысл назвать пьесу «До-ре-ми-фа-соль-ля-си-Ты-свободы-попроси» (*Every Good Boy Deserves Favour*, 1978), созданную в содружестве с американским композитором А. Превинном и предполагающую присутствие на сцене симфонического оркестра. Наконец, пьесой, где не только обсуждаются, но и являются структурообразующими вопросы этики, стала созданная для телевидения работа «Профессиональный трюк» (*Professional Foul*, 1977).

Пьеса «Профессиональный трюк», как и ряд других произведений британского драматурга, может быть обозначена как «чешская». Предназначенная для телепостановки драма была инспирирована актуальными событиями, происходившими в Чехословакии в том же 1977 г., когда на волне протеста против утвердившегося после вторжения в 1968 г. в страну войск Варшавского договора репрессивного режима свободомыслящей интеллигенцией была создана платформа независимого мышления — «Хартия-77», которую подписали несколько сот человек. Ведущую роль при создании Хартии сыграл чешский драматург, диссидент и будущий первый президент Чехии Вацлав Гавел, которому Т. Стоппард посвятил пьесу. Однако в «Профессиональном трюке» нет ни документально зафиксированных фактов, ни исторических персонажей. Павел Холлар, один из героев пьесы, молодой чешский интеллектуал, работающий уборщиком на автобусной станции, говорит о себе: «Я ведь не известный диссидент. Писатель, ученый. Если меня схватят сегодня, по пути домой, никакой шумихи не будет» [Stoppard 1978]. За несколько лет до событий в пьесе Павел закончил Кембридж со степенью магистра философии и теперь пытается передать с английскими коллегами на Запад свою диссертацию о свободе, тоталитаризме и демократии.

Вымышленные события интернационального масштаба, позволяющие драма-

тургу выстроить интригу в произведении и объяснить одновременное присутствие в Праге большого числа иностранных гостей, — это футбольный матч между командами Чехословакии и Англии (в рамках отборочного турнира чемпионата мира) и международный коллоквиум по философии, на который съезжаются, в частности, английские и американские профессора. Участнику коллоквиума, главному герою пьесы профессору Андерсону, само собрание ученых не очень интересно: «...я приглашен выступать, а не слушать». Футбольный матч, на который он собирается идти, занимает его гораздо больше, но дело не в том, что герой халатно относится к своим профессиональным обязанностям. Скорее, наоборот, он считает себя хорошим профессионалом, и удивить его сложно: философские вопросы, вопросы этики он давно освоил, говорить о них может уверенно и убедительно, а менять свои взгляды не планирует. На этой почве и происходит первое (и единственное, как оказалось) столкновение Андерсона и его бывшего ученика Павла.

Английский профессор и чешский диссидент спорят об этике на уровне государства и отдельной личности, Андерсон убежден, что коллективная мораль первична и имеет превосходство над индивидуальной: «Затруднение возникает, когда кто-то задается вопросом, как индивидуальная этика может иметь смысл сама по себе. Откуда она взялась? Насколько разумно говорить, например, что у человека есть свои изначально ему присущие персональные права? Значительно легче объяснить, как сообщество индивидуумов пришло к решению оговорить для каждого определенные права» [ibid.]. Просьбу Павла вывезти его диссертацию за границу профессор отвергает как «не этичную». И, хотя симпатии зрителя в этот момент, безусловно, должны быть на стороне Павла, о противопоставлении героев как положительных и отрицательных или даже их «научных» точек зрения как верной и неверной речи не идет: у профессора из Кембриджа и чешского уборщика-диссидента совершенно разный жизненный и политический опыт.

Андерсон, говоря о праве Государства (и о правах человека в государстве), имеет в виду только демократическое государство западного типа. Тоталитарная государственная власть пока существует для него лишь в теории. «There are some dubious things happening in Czechoslovakia. Ethically» [ibid.], — формулирует он еще в самолете, по дороге на конгресс. Очевидно, профессору не очень хочется задумываться, как

именно «неотъемлемые права личности», о которых говорит Павел, могут быть поправы государством. Вмешиваться в дела чужого общества английский профессор совсем не желает — снова по этическим соображениям: он ведь гость. Но гостю предстоит столкнуться с тоталитарными установками в обществе, где авторитетна воля большинства. Правда, самого Андерсона репрессивный режим лишит только долгожданного футбольного матча, и это в большей мере производит комический эффект. Грубое нарушение прав человека направлено на свободолюбившего диссидента Холлара и его семью: Павла действительно арестовывают по пути домой, в его доме проводят обыск, фальшивым поводом для предъявления обвинения становится «обнаруженная» под половицами пачка валюты — долларов, но подлинное беспокойство властей вызывают именно оппозиционные (философские!) взгляды персонажа. И профессор Андерсон изменит свое мнение о «коллективной морали», не только фактически признав правоту Павла, но и написав для своего выступления на коллоквиуме новый доклад — смелый, злободневный, политически заостренный.

Последовательность и ход многочасового обыска в частной квартире Холларов довольно подробно воспроизводится на экране (телепеса была экранизирована в том же 1977 г., режиссер — Майкл Линдсей-Хофф). Угроза быть задержанным распространяется и на главного героя. Для писателя важно, что несмотря на всю абсурдность претензий государства контролировать мысли своих граждан, ситуация вполне «реальна» и даже соответствует букве закона при коммунистических диктатурах. «Изобретения абсурдного общества лишь на ступеньку-другую превышают обычную норму мира государственной бюрократии; абсурдность подталкивает к абсурдности, усугубленной абсурдностью и тем не менее защищенной от абсолютной бессмыслицы своей внутренней логикой» [Stoppard 1980: V], — отмечал Т. Стоппард в Предисловии к английскому изданию пьесы В. Гавела «Меморандум» (*Vyrozumění*, 1965). Как известно, сам будущий президент Чехословакии в диссидентские годы за свои демократические убеждения провел в заключении в общей сложности пять лет. Но Гавел для пьесы Стоппарда — очень емкая и выигрышная фигура: к 1977 он не только жертва коммунистического тоталитаризма, разработчик Хартии, призывающей руководствоваться Хельсинкским соглашением по вопросам прав человека, но и драматург, работающий в традициях театра абсурда. Другими словами, В. Гавел имел мно-

госторонние представления об абсурде: ощутил на себе абсурдность государственных установлений и разрабатывал художественные средства для создания абсурдистской литературы.

Стоппард высоко ставит и гавеловскую «увлеченность языком» [Ibid.]: будучи «пражским» драматургом, В. Гавел не позволяет театру забыть о достижениях Пражской лингвистической школы, «используя терминологию избыточности и информационной теории для большего эффекта» [Esslin 2004: 325]. Пьеса Стоппарда «Профессиональный трюк» (может быть, потому, что это телепеса — не самый важный в творчестве Стоппарда жанр) достаточно далека от театрального абсурдизма, с которым британский драматург тоже знаком не понаслышке. Если языковая игра принципиальна для «Зашифрованных „Гамлета“ и „Макбета“», то Стоппард в предисловии к пьесам ссылается на Л. Витгенштейна как создателя термина и подробно объясняет правила языка Догга: «*Dogg's Hamlet* derives from a section of Wittgenstein's philosophical investigations» [Stoppard 1998: 141]. Но и в «Профессиональном трюке» есть своя языковая специфика, связанная не столько с соотношением чешского и английского (персонажи часто не понимают друг друга, потому что вполне реалистично говорят на разных языках. А для обеспечения деятельности международного конгресса требуется работа сразу нескольких синхронных переводчиков), сколько с рассуждениями о неоднозначности языка, служащими фоном для «неоднозначного» понимания и толкования моральных принципов.

Пьеса, в которой добрая половина персонажей — философы (другую половину восполняют футболисты и сотрудники чехословацкой госбезопасности), не ограничивается лишь одним «этическим» спором. Ученые обсуждают доклады и концепции друг друга, ведут дебаты непосредственно на коллоквиуме и в кулуарах, апробируют свои идеи и в разговорах на отвлеченные темы. В 1970-х гг. лингвистика остается ведущей гуманитарной дисциплиной («В связи с тем, что структурные приемы анализа более всего распространены в языкознании, многие авторы склонны считать, что методологические принципы структурализма связаны именно с природой естественного языка» [Косиков 1998: 45]), и философский коллоквиум, проходящий «на родине структурной лингвистики», вполне закономерно открывается докладом участника из категории «языковых парней» (*language chap*). Впрочем, американский лингвист рассматривает в своем сообщении проблему логического языка, а примерами

фраз с контекстно обусловленными значениями становятся реплики бытового разговора условных Мэри и Джона:

“*You cook well*” says John to Mary”, “*You eat well*” says Mary to John [Stoppard 1978].

Возможностей для интерпретации простейших высказываний открывается действительно много, и, как утверждает данный стоппардовский персонаж, «именно тогда, когда мы рассматриваем план возможностей, гипотетического опыта, мы становимся ближе к неоднозначности» [Ibid.]. Не воспринимая как новшество доклад коллеги, Андерсон тем не менее вскоре оказывается в ситуации языковой двусмысленности. Когда представитель силовых структур страны-хозяйки спрашивает героя: «Так Вы приехали в Чехословакию на футбольный матч, профессор?» [Ibid.] — он не может однозначно ответить ни «да», ни «нет». Однако Т. Стоппард в качестве морального (и политического) релятивиста себя не позиционирует [Delaney 1990: 1], а протагонист пьесы, оказавшись перед действительно важной необходимостью решить, что же является, а что не является «серьезным преступлением против государства», делает единственно возможный нравственный выбор в пользу подлинно значимого — он вывозит рукопись Павла за границу, используя при этом «не этичный» профессиональный трюк. Сам термин «профессиональный трюк» становится названием пьесы благодаря футболу, а спортивная этика в связи с конкретным, пропущенным Андерсоном матчем кубковой квалификации служит для наглядной иллюстрации неоднозначности моральных принципов.

Другое дело, что пьеса Стоппарда не могла иметь политически «окончательного» морального резюме в 1977 г.: время появления пьесы и фильма максимально близко созданию Хартии, аресту диссидентов и реальной обстановке в Чехословакии как стране социалистического блока. Своего рода продолжение «чешской» телепьесы Т. Стоппард написал много лет спустя, представив на примере судьбы нескольких героев события в Чехословакии с 1967 по 1990 г. и назвав новую пьесу «Рок-н-ролл» (*Rock'n'Roll*, 2006). Пьеса вновь посвящена Вацлаву Гавелу, «чьи эссе, комментарии, письма вдохновили на создание драмы» [Stoppard 2006], но в этом случае дистанция между финальной для пьесы Бархатной революцией и временем написания произведения как раз выдержана. Интересно, что в годы президентства в Чехословакии и Чехии коллеги по драматическому цеху Стоппард подобную пьесу не выпускал (можно пред-

положить, что не считал этичным). Да и героем новой чешской пьесы фактически стала музыка свободы — рок-н-ролл.

Впрочем, пьеса, где музыка выполняет отнюдь не фоновую роль, была написана Стоппардом и в 1970-х гг., и это тоже пьеса о диссидентах, но борющихся с несправедливостью режима уже в Советском Союзе: пьеса «Посвящается Виктору Файнбергу и Владимиру Буковскому» [Стоппард 2012: 141]. Пьеса Т. Стоппарда *Every Good Boy Deserves Favour* (буквально — «Каждый хороший мальчик заслуживает поощрения», 1978) относительно недавно, в 2012 г., переведена на русский язык О. А. Варшавер и теперь имеет русское название «До-ре-ми-фа-оль-ля-си-Ты-свободы-попроси». С переводчиком сложно спорить: в названии обыгрывается «мнемонический прием для запоминания нот на нотном стане» [Варшавер 2012: 141]; пьеса «состоит из текста и музыки, сочиненной соавтором Тома Стоппарда, Андре Превином», кроме того, *Every Good Boy Deserves Favour* — название одного из альбомов британской рок-группы «The Moody Blues». Однако попытка найти адекватное «музыкально значимое» название для русского перевода пьесы выводит за пределы заглавия того самого «хорошего мальчика», который является одним из героев пьесы и с линией которого связана заголовочная языковая игра: *Favour — Father*. В определенный момент врач говорит своему пациенту — отцу Саши: «Он хороший мальчик. Он заслужил иметь отца» [Стоппард 2012: 155]. Хороший мальчик по имени Саша оказывается, по сути, сквозным образом для двух «диссидентских» пьес Стоппарда — «Профессиональный трюк» и «До-ре-ми...»: в предыдущей пьесе имя Саша носил десятилетний сын Павла Холлара, отчаянно пытающийся помочь отцу в его сопротивлении режиму. В «советской» пьесе сразу трех героев зовут Александр Иванов, в списке действующих лиц они обозначены как «Александр, Иванов и Саша», где Саша соответственно сын Александра.

Протагонист пьесы — политзаключенный, хотя и находится он не в тюрьме, а в больнице. Стоппард основывался на реальных фактах помещения советских диссидентов в психиатрическую клинику. Александр подробно рассказывает, как режим борется с оппозиционерами, почему он сам стал политзаключенным и почему объявляет голодовку, уже находясь в клинике:

Александр. *Однажды моего друга арестовали за хранение запрещенной книги и продержали в психбольницах полтора года. Мне это показалось странным. Потом,*

когда его выпустили, арестовали двух писателей, А и Б, которые опубликовали за границей какие-то рассказы, под псевдонимами. За это они, уже под своими настоящими именами, получили один пять, а другой семь лет принудительных трудовых лагерей. Мне это показалось совсем странным...<...> Кагэбэшники выломали дверь, ворвались ко мне в дом. Они напугали моего сына и тещу. Мое сумасшествие заключалось в том, что я писал письма в защиту друга, которого посадили в тюрьму. До этого моего друга дважды отправляли в сумасшедший дом за политические взгляды, а потом его арестовали, когда он рассказал, что психически здоровых людей сажают в психушки [Стоппард 2012: 149, 155].

Но и эта пьеса ни в коей мере не претендует на историческую достоверность. Действие — как это часто бывает у Стоппарда — разворачивается на двух площадках: в психиатрической клинике и в обычном школьном классе, где учится Саша. Параллельность «допросов» обеспечивается практически одинаковой ситуацией на обеих площадках: в клинике главный врач пытается уговорить Александра прекратить голодовку, а в школе учительница требует от Саши повлиять на «упорствующего в своих заблуждениях» отца. На протяжении большей части пьесы мальчик задействован в качестве наиболее эффективного и эмоционального средства давления на героя-диссидента. Еще одно больничное «удвоение» происходит за счет того, что у Александра есть тезка-сокамерник, действительно страдающий душевным расстройством, и с Ивановым врач тоже проводит психотерапевтические консультации. Театр абсурда в данной пьесе вступает в свои права уже благодаря абсурдности самого поведения власти. На уровне поэтики абсурдистские возможности здесь как бы возвращаются к одному из своих источников — английской поэзии нонсенса, в духе которой выстраивается диалог отца и сына, когда герой — даже ради сына — не может отказаться от своих (этических и политических, теперь уже без доли сарказма) принципов.

Александр. Милый Саша, не грусти.

Выбор прост: себя спасти

Или дать тебе расти,

Чтобы веру обрести

В то, что честь всегда в чести.

Ты за все меня прости.

Саша (поет). Папа, папа! Не упрямясь.

И все будет хорошо.

Александр. Все их якобы „права“ —

Знать, что правда — трын-трава,

Совесть пустят на дрова,

Перемножат дважды два,

А получат три или пять... [Стоппард 2012: 160].

Музыкальная часть пьесы обыгрывается в драме как вымышленный оркестр, существующий в сознании одного из героев, и как метафора организации жизни в тоталитарном обществе. А. В. Решетняк, анализируя пьесу, выделяет «сюжетообразующую, символическую и функцию воздействия параллели „государство-оркестр“ при создании драматургом образа тоталитарной страны» [Решетняк 2012]. Впрочем, «как оркестр» здесь выстроены и кажущиеся совершенно непредсказуемыми и хаотичными действия власти, и сама небольшая, но очень композиционно стройная пьеса. Так, всех трех персонажей этой малофигурной пьесы, конечно, не случайно зовут «типовым именем» Александр Иванов. Обращения создают путаницу, которая, как выясняется, тоже является частью замысла власти (КГБ). Когда состояние здоровья объявившего в лечебнице голодовку героя-диссидента становится критическим, а заставить его пойти на компромисс не удастся, путаница мастерски используется как сюжетный ход, и герои — со своими душевными расстройствами или политическими убеждениями — «нечаянно» возвращаются в большой мир.

«Русских» пьес, как и «чешских», в драматургии Т. Стоппарда немало. Сегодня его творчество для российского читателя и зрителя ассоциируется прежде всего с трилогией о революционном движении в России XIX в. «Берег утопии» (*The Coast of Utopia*, 2002), равно как и пьесой «Рок-н-ролл», успешно поставленной Российским академическим молодежным театром. Другое недавнее обращение Стоппарда к России — сценарий к фильму «Анна Каренина» (2012, режиссер Джо Райт). У более поздних пьес мэтра есть свои бесспорные преимущества: это вещи зрелые и по стилю, и по взвешенной авторской позиции, и по мастерскому владению возможностями интертекста. Но и ангажированные произведения бурных и политически активных 70-х гг. не кажутся утратившими свое обаяние или актуальность. Соотношение политического и нравственного аспектов — даже на большом уже удалении от нашего коммунистического прошлого — вызывает к жизни все новые ассоциации и предлагает не соглашаться со штампами и фальшью не только на уровне языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавер О. А. Примечания переводчика // Иностранная литература. 2012. № 12. С. 137—139.

2. Косиков Г. К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). — М.: Рудомино, 1998. 192 с.

3. Пинтер Г. Искусство, правда и политика. 7 декабря 2005 г / пер. Н. Жутовской // Звезда. 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/pi9.html>.

4. Решетняк А. В. Способы языкового выражения образов России и русских (на материале пьес Тома Стоппарда) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. URL: <http://geum.ru/aref/a920-1-ref.php>.

5. Стоппард Т. До-ре-ми-фа-оль-ля-си-Ты-свободы-попроси. Пьеса для актеров и оркестра / пер. с англ. О. А. Варшавер // Иностранная литература. 2012. № 12. С. 137—163.

6. Corballis R. Stoppard: the Mystery and the Clockwork. — Oxford : Amber Lane Pr. ; New York : Methuen, 1984. 204 p.

7. Delaney P. Tom Stoppard: The Moral Vision of the Major Plays. — New York : St. Martin's Pr., 1990. 202 p.

8. Esslin M. The Theatre of the Absurd. — New York : Vintage Books, 2004. 480 p.

9. Kelly K. E. Introduction // The Cambridge Companion to Tom Stoppard (Cambridge Companions to Literature) / ed. by Katherine E. Kelly. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001.

URL: https://www.amazon.com/Cambridge-Companion-Stoppard-Companions-Literature-ebook/dp/B00A4A69LA/ref=sr_1_24?s=digital-text&ie=UTF8&qid=1513231907&sr=1-24&keywords=stoppard+tom.

10. Rabey D. I. English Drama Since 1940. — London : Pearson Education, 2003. 252 p.

11. Stoppard T. Every good boy deserves favour and Professional foul. — New York : Grove Press, 1978. URL: <https://ru.bookmate.com/reader/YmVyLC3a>.

12. Stoppard T. Introduction // The Memorandum / V. Havel ; transl. of Vyrozumeni (by Vera Blackwell). — New York : Grove Pr., 1980. P. V—VII.

13. Stoppard T. The Real Inspector Hound and Other Plays. — New York : Grove Pr., 1998. 211 p.

14. Stoppard T. Rock'n'Roll: A New Play. — New York : Grove Pr., 2006. 144 p. URL: https://www.amazon.com/Rock-n-Roll-New-Play-ebook/dp/B005CAPOSU/ref=sr_1_1_twi_kin_2?ie=UTF8&qid=1513581424&sr=8-1&keywords=tom+stoppard+rock+n+roll.

E. G. Dotsenko

Ekaterinburg, Russia

THE ETHICS, POLITICS AND LINGUISTICS IN TOM STOPPARD'S PLAYS OF COMMUNIST TOTALITARIANISM

ABSTRACT. *Politically invective plays by Tom Stoppard are concerned with the communist violation of human rights, and these are the plays about Soviet and Czechoslovakian dissidence: "Every Good Boy Deserves Favour" (1977), "Professional Foul" (1977), "Dogg's Hamlet, Cahoot's Macbeth" (1979), "Rock'n'Roll" (2006). It is typical for the playwright's style that philosophical or political debates in his drama correlate with Stoppard's theatrical and literary experiments. Thus, "Every Good Boy Deserves Favour" and "Rock'n'Roll" can be regarded as musical-dramatic plays. "Professional Foul" and "Dogg's Hamlet, Cahoot's Macbeth" make accent on language and 'linguistic analyses', not to speak of the highest level of literary allusions in the structure of Stoppard's plays. The article considers different possibilities of presenting political ideas and moral concepts in the plays "Professional Foul" and "Every Good Boy Deserves Favour". As far as Stoppard's 'Czech' plays are concerned, the article compares theatrical experiments of T. Stoppard and V. Havel.*

KEYWORDS: *modern political theatre; ethics; human rights; theatre of the absurd; play; writing; playwrighting; English literature.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dotsenko Elena Georgiievna, Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Varshaver O. A. Primechaniya perevodchika // Inostrannaya literatura. 2012. № 12. S. 137—139.

2. Kosikov G. K. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu (problemy metodologii). — М. : Rudomino, 1998. 192 s.

3. Pinter G. Iskusstvo, pravda i politika. 7 dekabrya 2005 g / per. N. Zhutovskoy // Zvezda. 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/pi9.html>.

4. Reshetnyak A. V. Spособы yazykovogo vyrazheniya obrazov Rossii i russkikh (na materiale p'es Toma Stopparda) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2012. URL: <http://geum.ru/aref/a920-1-ref.php>.

5. Stoppard T. Do-re-mi-fa-sol'-lya-si-Ty-svobody-poprosi. P'esa dlya akterov i orkestra / per. s angl. O. A. Varshaver // Inostrannaya literatura. 2012. № 12. S. 137—163.

6. Corballis R. Stoppard: the Mystery and the Clockwork. — Oxford : Amber Lane Pr. ; New York : Methuen, 1984. 204 p.

7. Delaney P. Tom Stoppard: The Moral Vision of the Major Plays. — New York : St. Martin's Pr., 1990. 202 p.

8. Esslin M. The Theatre of the Absurd. — New York : Vintage Books, 2004. 480 p.

9. Kelly K. E. Introduction // The Cambridge Companion to Tom Stoppard (Cambridge Companions to Literature) / ed. by Katherine E. Kelly. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001.

URL: https://www.amazon.com/Cambridge-Companion-Stoppard-Companions-Literature-ebook/dp/B00A4A69LA/ref=sr_1_24?s=digital-text&ie=UTF8&qid=1513231907&sr=1-24&keywords=stoppard+tom.

10. Rabey D. I. English Drama Since 1940. — London : Pearson Education, 2003. 252 p.

11. Stoppard T. Every good boy deserves favour and Professional foul. — New York : Grove Press, 1978. URL: <https://ru.bookmate.com/reader/YmVyLC3a>.

12. Stoppard T. Introduction // The Memorandum / V. Havel ; transl. of Vyrozumeni (by Vera Blackwell). — New York : Grove Pr., 1980. P. V—VII.

13. Stoppard T. The Real Inspector Hound and Other Plays. — New York : Grove Pr., 1998. 211 p.

14. Stoppard T. Rock'n'Roll: A New Play. — New York : Grove Pr., 2006. 144 p. URL: https://www.amazon.com/Rock-n-Roll-New-Play-ebook/dp/B005CAPOSU/ref=sr_1_1_twi_kin_2?ie=UTF8&qid=1513581424&sr=8-1&keywords=tom+stoppard+rock+n+roll.

Л. П. Ковальчук
Челябинск, Россия

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ лингвостилистических средств американской политической рекламы сквозь призму теории блендинга, или концептуальной интеграции. Сегодня общепризнан взгляд на метафору как на когнитивный механизм, способ познания и категоризации действительности. Выделяются исходные пространства, служащие источником формирования смысла высказывания, и раскрывается содержащееся в нем подтекстное значение, отвечающее за оказание определенного речевого воздействия на реципиента. Метафора в рекламе служит разным задачам: позволяет имплицитно выразить идею, не являющуюся политически корректной, осуществить завуалированную антирекламу, не соответствующую формальному языковому выражению. Действенные приемы политической рекламы — персонификация (например, при обращении название штата ассоциируется с людьми, проживающими в нем), аллюзия (рассматривается видеоролик, в котором американские политики сопоставляются с героями телесериала «Карточный домик»). Сложные блендинговые структуры делают рекламу более яркой и запоминающейся за счет параллелей с тем, что зрителю хорошо знакомо. Сам того не замечая, реципиент на подсознательном уровне из разных лингвостилистических приемов выстраивает нужное значение, не выраженное эксплицитно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная интеграция; бленд; ментальное пространство; политическая реклама; политический дискурс; рекламный дискурс; рекламные тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ковальчук Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, корп. 1, к. 336; e-mail: kovalchuklidia@yandex.ru.

Вопрос о соотношении языка и мышления веками занимал ученых. Достаточно вспомнить такие имена, как Вильгельм Гумбольдт, Август Шлейхер, Фердинанд де Соссюр, Леонард Блумфильд и других, чтобы понять, что единого мнения о взаимосвязи этих двух феноменов не существует. Не раз предпринимались попытки описать и объяснить способы построения новых понятий и отражения новых явлений. Важную роль сыграла в этом когнитивная теория метафоры, которая и легла в основу теории концептуальной интеграции.

Метафорическое представление действительности — это способ новой концептуализации окружающего мира. На протяжении многовековой истории науки исследования метафоры проделали большой путь от ее трактовки как средства выразительной речи до описания как когнитивного механизма, способа познания и категоризации действительности.

Большая заслуга в когнитивном понимании данного явления принадлежит Дж. Лаккоффу и М. Джонсону, которые предложили двухпространственную модель отображения явлений действительности в метафоре (из сферы-источника в сферу-цель) и отнесли метафору не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности [Lakoff 2006]. А. П. Чудинов дополнил теорию концептуального анализа метафоры описанием фреймово-слотовой системы и выделил семантические сферы, способные служить источником метафорической экспансии [Чудинов 2003].

Все перечисленные теории основываются на идее о том, что метафора представля-

ет собой наложение сущностей одного предмета на сущности другого, в результате чего смешиваются их качественные характеристики. В современной лингвистике это явление называется блендингом и рассматривается в теории концептуальной интеграции. Блендинг — это процесс, который происходит неосознанно, не поддается сознательному контролю.

Ж. Фоконье в книге «Mappings in thought and language» объясняет функционирование концептуальных сетей нашего разума сложной структурой аналогических и метафорических отображений, играющих ключевую роль в синхроническом конструировании значения и в его диахронической эволюции. Часть таких отображений настолько укоренилась в нашем сознании и языке, что мы их сознательно не замечаем, другая же часть воспринимается как нечто непривычное и оригинальное [Fauconnier 1997].

Марк Тернер описывает блендинг как естественный процесс, лежащий в основе нашего мышления: «Blending is not something special or costly. Blending operates almost entirely below the horizon of consciousness. We usually never detect the process of blending and typically do not recognize its products as blends. Very rarely, the scientists can drag a small part of blending onstage, where we can actually see it. But the mind is not made for looking into the mind, and as a result, we see blending only infrequently, and poorly» [Turner 2014: 18].

Под концептуальной интеграцией ученые понимают сложный когнитивный процесс, происходящий неосознанно в результате

Статья печатается по гранту РГНФ № 15-04-00455 «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

сопоставления двух независимых друг от друга явлений или понятий и соединяющий в общем счете четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), одно общее пространство (generic spaces) и смешанное пространство (blended space), или бленд (blend).

Бленды образуются за счет проекции общего пространства, проекции некоторых элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, и добавочных элементов, определяющихся фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в рекламе. Большинство исследователей рекламы определяют ее как коммуникацию между потребителем и рекламодателем, цель которой не только передать сообщение, информировать о рекламируемом товаре или услуге, но и оказать психологическое воздействие на потребителей, вовлечь их в процесс рекламной коммуникации, создать благоприятный образ рекламируемого товара, вызвать желание, убедить их в необходимости совершения покупки [Гольдман, Добробабенко 1991]. Основная цель рекламы — воздействие на потенциального реципиента, для достижения этой цели рекламодатели прибегают к разным техникам и приемам.

Рекламное воздействие находится в ведении науки о речевом воздействии, так как связано с текстом; однако рекламное воздействие включает и техническую сторону — графику, дизайн, визуальные средства — и тем самым частично выходит за рамки исследования речевого воздействия [Стернин 2001: 55].

В XX—XXI вв. реклама переросла из разряда эффективного экономического инструмента в неотъемлемую часть массовой культуры и стала передавать не только информацию о рекламируемом объекте, но и навязывать социальные, политические и культурные модели поведения. Такой эффект достигается с помощью разных инструментов: часто повторяемых выражений и слоганов, заимствованных сценариев (изображения повседневных ситуаций, кадров из фильмов или мультфильмов, воображаемых или потенциально возможных ситуаций), использования известных людей и образов, переложения текста рекламы на популярную музыку. В связи с этим не удивительно, что реклама используется для многих целей, в том числе и политических.

Политическая реклама в последнее время стала настоящим произведением искусства, особенно в США. Цели политического

маркетинга заключаются в том, чтобы обеспечить приход к власти, сформировать имидж политика, внедрить в массовое сознание какую-либо политическую идею или инициативу, получить поддержку у населения, раскрыть политические взгляды и убеждения, а также дискредитировать оппонентов. Политическая реклама является небольшой, но значимой частью обширного комплекса мер политического маркетинга. Т. Э. Гринберг определяет политическую рекламу как «форму политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы, имеющее целью преподнести в доступной, эмоциональной, лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме суть политической платформы определенных политических сил; настроить на поддержку, сформировать и внедрить в массовое сознание определенное представление об их характере, создать желаемую психологическую установку, предопределяющую направление чувств, симпатий, затем и действий человека» [Гринберг 2012: 38]. При этом Т. Э. Гринберг выделяет несколько функций политической рекламы: информационную (оповестить аудиторию о предстоящем политическом событии, представить кандидата, программу партии, ознакомить с взглядами, предложениями, преимуществами кандидатов); коммуникативную (установить контакт между носителями власти или претендентами на власть и массой); социально ориентирующую, идеологическую (выделить объект рекламы и его систему взглядов на социальные проблемы и способы их решения) [Там же].

Чтобы привлечь внимание избирателя, тридцатисекундные рекламные ролики продумываются с такой тщательностью, что так или иначе оказывают сильное воздействие на сознание, причем как на уровне текста, так и на уровне изображения.

Возвращаясь к теории концептуальной интеграции, необходимо отметить, что какие бы способы воздействия ни применялись в рекламе, видеоизображение и его текстовое сопровождение сами по себе не несут определенного значения. Как отмечает Марк Тернер, они всего лишь визуальные маркеры и звуки, которые подсказывают нам, какое значение мы можем в них вложить: «We think that expressions — speech, signs, gestures, cartoons, paintings — have meaning. They do not. They are sounds or visual marks or whatever that prompt us to construct meaning» [Turner 2014: 184].

Видеоизображение в американской политической рекламе — это не просто люби-

тельский кадр, а хорошо продуманный способ воздействия на человека с помощью удачно подобранной комбинации кадров, ракурса, света и цвета, а также обстановки. В рекламе одна и та же картинка не держится на экране долго, кадры сменяют друг друга очень быстро, иногда через каждые 2—3 секунды, чтобы задержать внимание зрителя. В данной статье мы не будем подробно останавливаться на этом аспекте рекламы, так как он заслуживает особого внимания, а обратимся к лингвистической составляющей рекламного видеоролика.

Текстовое сообщение в американской политической рекламе может оказывать как имплицитное, так и эксплицитное воздействие. Текст рекламы всегда оригинален. Он может озвучиваться или даваться в виде субтитров. Письменный текст часто кратко представляет уже произнесенную информацию. В письменном тексте главные идеи (имена, цифры, слоганы) выделяются графически: вариацией шрифта, капитализацией и т. д., что позволяет ухватить основную идею. Главные идеи в устном тексте выражаются на лингвостилистическом уровне.

В теории блендинга метафора, метонимия, синекдоха и другие лингвостилистические приемы анализируются как результат компрессии ментального отображения [Turner 2014: 142]. Другими словами, лингвостилистический анализ направлен на выявление исходных пространств, которые и легли в основу построения того или иного изобразительного приема. Выделение этих ментальных пространств помогает понять, как мы, зрители, «конструируем» новое значение.

Использование широкого спектра лингвостилистических средств помогает сделать рекламный текст простым, метким и легко запоминающимся. Наша задача — проанализировать лингвостилистические средства в политической рекламе с точки зрения теории концептуальной интеграции. Все приведенные ниже примеры метафор, эпитетов, персонификаций, аллюзий, риторических вопросов являются самостоятельными блендами, несущими в себе скрытый смысл, который зритель конструирует для себя на бессознательном уровне.

Выше уже говорилось о том, что когнитивная метафора является наиболее эффективным способом создания новых идей. Именно метафора чаще всего лежит в основе нового понятия или явления. При анализе текстовых особенностей политической рекламы следует обратить внимание на языковую метафору.

В политической рекламе языковая метафора часто помогает избежать прямых

упоминаний политического контекста или визуализировать его. Например, в рекламе «Squeal» кандидат в сенаторы Джонни Эрнст строит свою речь на бленде «Senators in Washington are castrating hogs» («Сенаторы в Вашингтоне — кастрированные боровы»). В целях политической корректности напрямую в речи эта идея не озвучивается. Она завуалирована контекстом, но зритель, на подсознательном уровне строящий этот бленд, легко проводит параллели и понимает именно скрытое значение данного сообщения. Реклама начинается с развернутой лингвистической метафоры: *I grew up castrating hogs on an Iowa farm, so when I get to Washington, I'll know how to cut pork* (Я выросла на ферме в Айове, кастрируя боровов. Когда я попаду в Вашингтон, я буду знать как резать свиней) — и продолжается фразой: *Washington's full of big spenders. Let's make 'em squeal* (В Вашингтоне много транжир. Давайте заставим их визжать). Имплицитно Джонни Эрнст сообщает, что ее навыки обращения с дикими животными помогут ей справиться с законодателями в Вашингтоне, тем самым выстраивая схему отождествления сенаторов в Вашингтоне с кастрированными боровами.

Подобный прием используется и в ролике «Gator». Роб Мэннес из Луизианы борется с аллигатором и говорит: *Louisiana needs a senator that's going to stand up to the career politicians — and the alligators* (Луизиане нужен сенатор, который сможет противостоять карьерным политикам — и аллигаторам). Очевидно, что Вашингтон ассоциируется с болотом, полным крокодилов. Лингвистическая метафора позволяет выстроить два бленда: «Washington is a swamp» («Вашингтон — болото») и «Senators are crocodiles» («Сенаторы — крокодилы»).

В обоих роликах политики демонстрируют знания географических и социальных особенностей своих штатов. Так, штат Айова лидирует по производству свинины, а Луизиану отличает обилие болотистых низменностей. Упоминание в рекламном ролике характерных черт региона оказывает сильное персуазивное воздействие.

Метафорический повтор слогана *Shatter the glass, break the ceiling* («Разбейте стекло, сломайте потолок») в рекламе под названием «It's time for Alison» на когнитивном уровне фиксирует бленд «Политика — женское дело». В отличие от предыдущих роликов, где значение понятно и без картинки, здесь бленд становится очевидным только благодаря видеоизображению. Женщины-сенаторы из разных штатов высказываются в поддержку кандидата в сенаторы Элисон

Ландерген, повторяя только одно выражение. Метафора в сочетании с быстроменяющимся видеоизображением выражает идею «Политика — не только для мужчин, пора сломать гендерные барьеры». Два исходных пространства в этом случае относятся к разным сферам. С одной стороны, имеется языковое выражение, с другой — видеоизображение. При их совмещении образуется общее пространство — *политика/выборы*, которое и приводит к итоговому значению.

В антирекламе «Shady», направленной против кандидата из «Солнечного штата» Флорида Рика Скотта, обличаются реформы и политика сенатора; ролик заканчивается фразой *Too shady for the sunshine state (Слишком темный для Солнечного штата)*. Темное прошлое сенатора и название штата формируют представление о несовместимости двух понятий:

Rick Scott ≠ Florida

Эпитеты, как и метафоры, могут придавать высказыванию двойное значение. Например, Кори Гаднер в рекламе «Nice Guy» прибегает к эпитету, чтобы охарактеризовать своего оппонента Марка Юдала: *He's a nice guy who will never change the Senate. He is the Senate. Eighteen years in politics, and he's got two cousins who are Senators too... Let's shake up the Senate (Он хороший парень, который никогда не изменит сенат. Он и есть сенат. Он восемнадцать лет в политике, у него два кузена — сенаторы... Давайте встряхнем сенат)*. Зауваживаемая антиреклама в результате приводит к значению «Cory Gardner is a nice guy».

Получившийся имплицитный бленд не соответствует эксплицитным формулировкам (см. рис. 1).

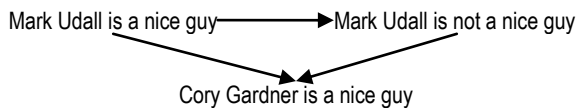

Рис. 1. Формирование имплицитного бленда

Эпитеты часто используются для характеристики оппонента. Как правило, они содержат негативную коннотацию, либо зауваживаемую (как в предыдущем примере), либо ярко выраженную, как в рекламе «Don't Let Hillary Clinton Do It Again». Эпитеты *careless, reckless, crooked (легкомысленная, безответственная, бесчестная)*, относящиеся к Хиллари Клинтон, автоматически указывают на то, что ее оппонент, в данном случае Дональд Трамп, не имеет подобных качеств и на ее фоне предстает в более позитивном свете: *Hillary Clinton is careless, reckless, crooked → Donald Trump is a nice guy*.

Персонификация в политической рекламе связана чаще всего с названиями штатов. Например, фраза «Hey, Kentucky» («Привет, Кентукки») или «Arizona, remember to vote» («Аризона, не забудь проголосовать») из одноименных роликов. В этом случае название штата ассоциируется с людьми, проживающими в нем. Персонификация проявляется и в случаях, когда название государственного органа используется вместо обозначения людей: *Congress should live by the same laws as the rest of us (Конгресс должен жить по тем же законам, что и все мы)*.

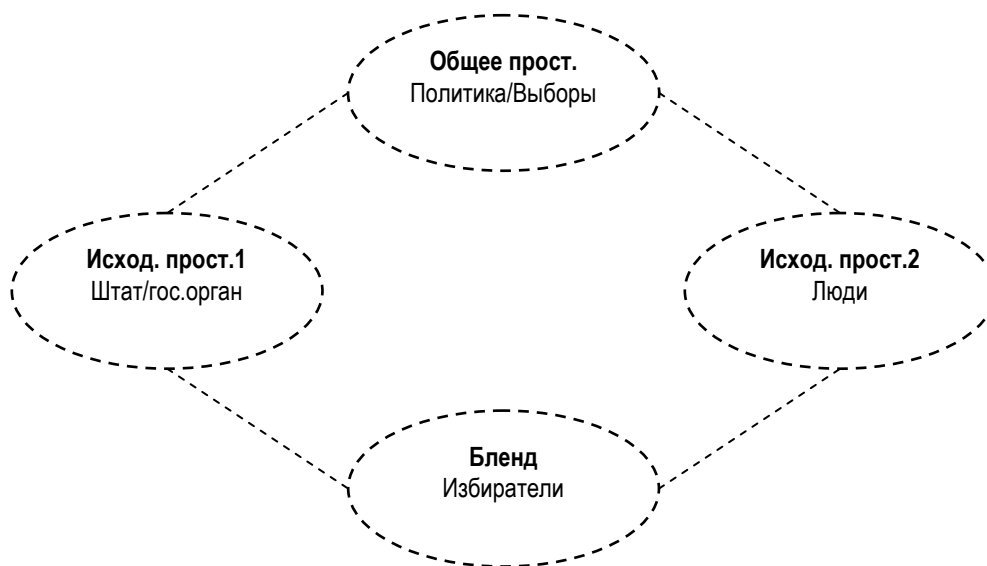

Рис. 2. Пример проекционного отображения формирования бленда при персонификации

В основе этого суждения заложены два исходных пространства — штат, или государственный орган, и люди. В данном контексте их общим пространством являются выборы в аппарат управления, проводимые в определенном штате. Зритель прекрасно понимает, что обращение направлено не всем людям, а только тем, кто имеет право голосовать. При этом цель субъекта рекламы — заполучить себе голоса избирателей.

Сильным эксплицитным средством воздействия является аллюзия. Посмотрим, как она работает, на примере ролика «House of Crawford». Название рекламы соотносится с названием телевизионного сериала «House of Cards» («Карточный домик»). Аллюзия на сериал уже прослеживается с первых кадров. Текстовое сопровождение подкрепляет визуальную аллюзию: *I'm a lobbyist. People pay me to influence legislators. Would it help me if my wife were in the State Senate? What do you think? <...> Truckloads of money from special interests. Who's Sarah Crawford going to work for? You tell me (Я лоббист. Люди платят мне, чтобы я повлиял на законодателей. Было бы мне легче, если бы моя жена была в сенате? Как вы думаете? <...> Огромные суммы денег от крупных корпораций. На кого будет работать Сара Кроуфорд? Вы скажите мне).* В телевизионном сериале герой с помощью различных механизмов добивается высокого поста в политике

благодаря жене. Таким же образом представлена семья Дона и Сары Кроуфорд, сенаторов. Название сериала проецируется на название рекламы: *House of Cards* → *House of Crawford*, а герои сериала — на американских сенаторов: *Frank and Clair Underwood* → *Dan and Sarah Crawford*.

В 2014 г. появился ряд роликов «Spelling bee», дискредитирующих некоторых сенаторов, поддерживающих президента Соединенных Штатов Барака Обаму. В рекламе прослеживается яркий визуальный и языковой бленд: детей 12—13 лет просят произнести по буквам имя сенатора *Jeanne Shaheen*. Действие происходит на сцене и на первый взгляд ничем не отличается от настоящего конкурса с тем же названием, однако зритель понимает, что это не реальное действие. Вместо имени сенатора дети произносят имя «Обама», на что жюри отвечает: «*Close enough*» («Почти»). Таким образом, исходные пространства «*Jeanne Shaheen*» и «*Обама*» фомируют новый бленд, где «*Jeanne Shaheen* = Обама». В результате на текстовом уровне происходит смешение игрового и политического контекста. Ролик заканчивается надписью «*Jeanne Shaheen: the wrong answer for New Hampshire. Vote No*» («Джин Шахин: неправильный ответ для Нью-Гэмпшира. Проголосуйте за „Нет“»). Аллюзия на детскую игру оказывается политической антирекламой.

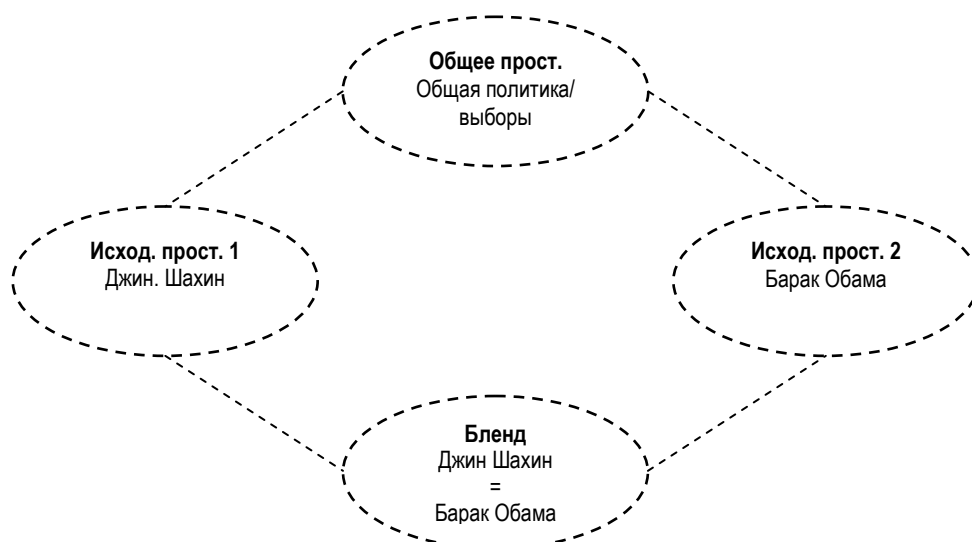

Рис. 3. Пример проекционного отображения формирования бленда в рекламе «Spelling bee»

Рис. 4, 5. Кадры из рекламы «Philadelphia International Airport»

Аллюзия делает рекламу запоминающейся и увлекательной. Ментальная связь, которую проводит реципиент, вызывает сильные чувства. Но проводимая аналогия должна быть доступной, понятной и культурно обусловленной. Российский зритель вряд ли поймет суть рекламы «Spelling bee», так как не знает правила этой игры. Наиболее доступными являются универсальные образы. Например, в антирекламе «Philadelphia International Airport» (рис. 4, 5) неудачная политика Хиллари Клинтон проецируется на чемоданы, курсирующие по багажной карусели. Каждая ее политическая неудача — отдельный чемодан: *Caution. Heavy. Hillary Clinton's Baggage (Осторожно. Тяжелый. Багаж Хиллари Клинтон)*. Аэропорт Филадельфии — мировая политика, в которой действия Хиллари Клинтон нечестны и опасны.

Рекламные ролики 2016 г., направленные против Хиллари Клинтон, отличаются своей изобретательностью. Так, антиреклама под названием «Deleted Emails» является аллюзией на известную компьютерную игру «Распан», только в роли желтого человечка выступает сама бывший госсекретарь США, поедающая собственные письма.

Сложное проекционное отображение можно наблюдать в риторических вопросах. Риторический вопрос всегда предполагает молчаливый ответ реципиента, который изначально навязывается говорящим. Фактически создаются два разных пространства — две реальности: то, что думает реципиент, и то, что говорящий заставляет его думать. В рекламе Дональда Трампа приведена новостная цитата представителя Хиллари Клинтон: *If any American voter is troubled by the idea that the Clintons want to continue working to solve the AIDS crisis on the side while Hillary Clinton is president, then don't vote for her (Если американский избиратель переживает по поводу того, что Клинтон хотят продолжить работу над решением проблемы со СПИДом, когда Хиллари Клинтон станет президентом, тогда пусть не голосует за нее)*. Цитата сопровождается риторическим вопросом: *Does Hillary's spokesperson think we are stupid? (Представитель Хиллари думает, что мы глупы?)*. Цель рекламодателя — навязать положительный ответ; это то ментальное пространство, которое мы формируем извне. При этом мы можем соглашаться с этой идеей или нет, тем самым конструируя свое ментальное пространство. Встречаются и аналогичные вопросы, относящиеся к Дональду Трампу: *Is this the president we want for our daughters? (Это тот президент, которого мы хотим*

для наших дочерей?) из видеоролика «Mirrors» или *Our children are watching. What example will we set for them? (Нашу дочь смотрят это. Какой пример мы им подадим?)* из ролика «Role Models». В политической рекламе риторические вопросы не предполагают однозначного ответа. Каждый вопрос приводит к подсознательной борьбе мнений и заставляет задуматься, чью сторону занять. Следовательно, и новое ментальное образование у каждого реципиента будет свое.

Сложные брендинговые структуры можно проследить в различных видах рекламы. Именно они делают рекламу более яркой и запоминающейся, заставляют зрителя проводить параллели с тем, что ему хорошо знакомо, и переосмыслить те сведения, которые ему хотят сообщить. Сам того не замечая, реципиент на подсознательном уровне из разных лингвистических приемов выстраивает нужное значение, не выраженное эксплицитно. При этом сам процесс не занимает много времени и не требует специальных усилий.

Таким образом, рекламный видеоролик представляет собой мощный механизм, способный оказывать социально-психологическое воздействие на человека путем смешения разных концепций и сущностей. Именно брендинг определяет столь значимую роль рекламы в жизни современного человека и является важным инструментом политического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96—102.
2. Гольдман И. А., Добробабенко Н. С. Практика рекламы. — Новосибирск: Интербук, 1991. 73 с.
3. Гринберг Т. Э. Политические технологии. ПР и реклама. — М.: Аспект-Пресс, 2012. 279 с.
4. Довыборец Е. Н. Формирование имиджей кандидатов в президенты США Дж. Маккейна и Б. Обамы // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. 2007. Вып. 7. С. 245.
5. Иванова С. В. Реальный мир виртуальной политической рекламы // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 252—257.
6. Клушина Н. И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. 2015. № 3 (май — июнь). С. 55—60.
7. Купина Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. С. 216—233.
8. Миньяр-Белоручева А. П. Язык предвыборной политической рекламы США: динамика развития // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 4. С. 26—33.
9. Морозова О. Н. Политическая реклама в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : моногр. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010.
10. Семкин М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 186—190.

11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001. 227 с.
12. Халатян А. Б. Коммуникативные стратегии и тактики современного предвыборного дискурса в России и США // Вестн. ПГЛУ. 2010. № 1. С. 159—164.
13. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.
14. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. — USA : Cambridge Univ. Pr., 1997. 205 p.

L. P. Kovalchuk
Chelyabinsk, Russia

PECULIARITIES OF CONCEPTUAL INTEGRATION IN LINGUOSTYLISTIC MEANS OF AMERICAN POLITICAL ADVERTISING

ABSTRACT. *The article analyzes linguo-stylistic means used in American political advertising from the point of view of blending theory or the theory of conceptual integration. Today metaphor is understood as a cognitive mechanism, a method of cognition and categorization of reality. Metaphor is imposition of the qualities of one object on the qualities of the other, as a result their qualitative characteristics are mixed. This process is called blending. Blends are made by means of projection of the general space, projection of some elements of the space not included in the general space and the other additional elements determined by the background knowledge, cognitive and cultural models. We usually single out the initial spaces, which are the source of meaning of the utterance and the way of expressing connotative meaning responsible for speech manipulation of the mind of the listener. Metaphor in advertising fulfills different tasks: it helps to express politically incorrect idea implicitly and to present the hidden subvertisement. The tools of political advertising are: personification (for example, the name of the state is associated with the people living there), allusion (there is a video in which American politicians are compared to the characters of TV series "The House of Cards"). The complex blended units make the advertisement more attractive and memorable thanks to allusions to phenomena that are well known for the audience. The listener gets the meaning on the basis of the linguo-stylistic means used in the ad.*

KEYWORDS: *conceptual integration; blend; mental space; political advertising; political discourse; advertising discourse; advertising texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kovalchuk Lidia Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledebatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 96—102.
2. Gol'dman I. A., Dobrobabenko N. S. Praktika reklamy. — Novosibirsk : Interbuk, 1991. 73 s.
3. Grinberg T. E. Politicheskie tekhnologii. PR i reklama. — M. : Aspekt-Press, 2012. 279 s.
4. Dovyborets E. N. Formirovanie imidzhey kandidatov v prezidenty SShA Dzh. Makkeyna i B. Obamy // Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un ta. 2007. Vyp. 7. S. 245.
5. Ivanova S. V. Real'nyy mir virtual'noy politicheskoy reklamy // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1. S. 252—257.
6. Klushina N. I. Mediastilistika: kak ustroen sovremennyy mediastil' // Russkaya rech'. 2015. № 3 (may — iyun'). S. 55—60.
7. Kupina N. A. Agitatsionnyy diskurs: v poiskakh zhanra vliyaniya // Kul'turno-recheyaya situatsiya v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg, 2000. S. 216—233.
8. Min'yar-Beloruicheva A. P. Yazyk predvybornoy politicheskoy reklamy SShA: dinamika razvitiya // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2015. T. 12, № 4. S. 26—33.
9. Morozova O. N. Politicheskaya reklama v internet-prostranstve Velikobritanii (na materiale personal'nykh saytov chlenov

15. Lakoff G. Conceptual Metaphor. The Contemporary Theory of Metaphor // Cognitive Linguistics : Basic Readings / ed. by D. Geeraerts. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 185—238.

16. Turner M. The Origin of Ideas. — New York : Oxford Univ. Pr., 2014. 300 p.

17. Voroshilova M., Solopova O. Discursive metaphors in creolized texts // SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017. — 2017. — Volume 1. Language and Linguistics. — P. 65—71.

parlamentna Velikobritanii) : monogr. — SPb. : LGU im. A. S. Pushkina, 2010.

10. Semkin M. A. Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki konfrontatsionnykh elektoral'nykh ritorik (na materiale tret'ego etapa debatov prezidentskoy predvybornoy kampanii SShA 2012 g.) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1. S. 186—190.

11. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh, 2001. 227 s.

12. Khalatyan A. B. Kommunikativnye strategii i tak-tiki sovremennoy predvybornogo diskursa v Rossii i SShA // Vestn. PGLU. 2010. № 1. S. 159—164.

13. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2003. 248 s.

14. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. — USA : Cambridge Univ. Pr., 1997. 205 p.

15. Lakoff G. Conceptual Metaphor. The Contemporary Theory of Metaphor // Cognitive Linguistics : Basic Readings / ed. by D. Geeraerts. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 185—238.

16. Turner M. The Origin of Ideas. — New York : Oxford Univ. Pr., 2014. 300 p.

17. Voroshilova M., Solopova O. Discursive metaphors in creolized texts // SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017. — 2017. — Volume 1. Language and Linguistics. — P. 65—71.

Т. А. Коновалова, А. Д. Зейферт
Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБРАЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В АРХИТЕКТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию образа современной России на основе проведенного социологического опроса и экспериментального исследования ассоциаций студентов Уральского региона, вызываемых окружающей архитектурной средой. В эксперименте использовался методологический подход Е. Ф. Тарасова к изучению образа России, метод когнитивного моделирования ассоциативных концептов. В качестве ключевых в статье представлены ассоциативные концепты «город», «деревня». Концепты рассматриваются в сравнении с результатами ассоциативных экспериментов Ю. Н. Караулова 1988—1997 годов. Авторы обращают внимание на динамику взглядов респондентов на внешнюю составляющую окружающей среды, «лицо» страны проживания. Ассоциативное поле концептов исследуется с точки зрения ценностных аспектов, эмоционально-смысловых доминант, обращения респондентов со словом, лексического разнообразия в ассоциативных реакциях, проявления типичных когнитивных схем мышления молодежи. Результаты сопоставляются с данными социологического опроса респондентов. Авторы статьи особое внимание уделяют разнообразию и частоте использования респондентами метафорических выражений как средству репрезентации образа России в ассоциативном эксперименте и в социологическом опросе молодых людей Уральского региона. Социологические данные и результаты ассоциативного эксперимента свидетельствуют, что метафора — не только частотное средство выражения реакций респондентов, но и средство концептуализации образа России, чем подтверждается мысль лингвистов-когнитологов о том, что метафора — способ категоризации окружающего мира. Использование метафоры молодыми людьми вносит новые коннотации в лексическое разнообразие выраженных реакций о своей стране, свидетельствует о глубине и многослойности у них ментального образа России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая картина мира; ассоциативные концепты; ценностные параметры; образ России; метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Коновалова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Уральский государственный архитектурно-художественный университет; 620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23; e-mail: prokanta@yandex.ru.

Зейферт Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Уральский государственный архитектурно-художественный университет; 620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23; e-mail: seifert@inbox.ru.

Для любого современного политика важность и необходимость знания того, как воспринимают молодые люди свою страну, не подлежит сомнению. Есть разные способы и методы выявления взглядов, оценок, ценностных суждений и установок респондентов. В когнитивной лингвистике такими методами являются социологические опросы, метод интроспекции, но когнитивная лингвистика располагает и таким инструментом, как ассоциативный эксперимент. Анализ образа России у студентов, которому было посвящено наше исследование, является комплексным исследованием, предполагающим использование совокупности разных методов, позволяющих получить сопоставимые и сопоставимые результаты. Согласно мнению Е. Ф. Тарасова, «при формировании представлений о знаниях (смыслах и т. п.), входящих в образ России, целесообразно исходить из предположения, что эти знания формируются под влиянием социальной практики (под воздействием социума), с одной стороны, и под влиянием культуры в форме знаний, смыслов, концептов, смысловых конструкций и всего того, что входит в понятие „этнический (национальный) менталитет“, с другой. Социальная практика быстрой и непрерывна, текуща, а культурные знания и схемы придают устойчивость социальной практике членов конкретного этноса. Следовательно, образ России

следует понимать как совокупность знаний, отображающих социальную практику, и совокупность знаний, отображающих смысловые и концептуальные (культурные) схемы» [Тарасов 2007: 69]. Познакомить читателей с результатами эксперимента по выявлению образа России у молодежи на примере исследования социального измерения архитектуры (влияние которой, по нашему мнению, на формирование взглядов молодежи относительно своей страны ничуть не меньше, чем литературы), а также социологического опроса и выявления в ассоциативном поле респондентов образа современной России, концептуализированного и выраженного участниками эксперимента, как показывает наше исследование, часто с помощью метафоры, — цель данной статьи.

Одним из наиболее перспективных направлений в современной метафорологии, как отмечает А. П. Чудинов, стала когнитивно-дискурсивная теория метафоры, которая возникла и развивается в рамках когнитивной лингвистики. «Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Чудинов 2005: 259—260]. Наши экспериментальные данные, подтверждающие эту мысль, были получены первоначально методом ассоциативного эксперимента, после изучения ассо-

циативных реакций на архитектурную среду страны. Наиболее частотные лексемы, с помощью которых выражались ассоциации респондентов, трактовались как максимально важные для психологической сферы реципиентов. Такими словами оказались номинации «город», «деревня», отражающие, как показал проведенный эксперимент, ментальный образ современной России у молодежи нашего региона. В эксперименте использовался метод когнитивного моделирования ассоциативных концептов. Основой изучения и анализа ассоциативного поля в описываемом эксперименте, который был проведен с целью изучения ментальных проекций архитектурных объектов у студентов, послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного исследователем А. Т. Коноваловой, в котором участвовали 100 человек (2987 субъективных дефиниций и 303 словосочетания и метафоры). Результаты эксперимента были сопоставлены в дальнейшем с экспериментальным социологическим опросом студентов относительно образа России, проведенного исследователем А. Д. Зейферт, в котором также участвовали 100 человек, среди которых были студенты разных высших учебных заведений г. Екатеринбурга.

При изучении языкового сознания человека исследовательской единицей считают концепт (Е. Ф. Тарасов, А. А. Залевская, И. А. Стернин, З. Д. Попова, Ю. Н. Караулов, Н. В. Уфимцева и др.). Существуют разные точки зрения на то, что такое концепты. В данном исследовании мы исходили из трактовки лингвистов-когнитологов и психолингвистов (упомянутых выше), согласно которой термин «концепт» не отождествляется с понятием. Концепт — некий теоретический конструкт, модель элемента (единицы) сознания. Нам близка также точка зрения Ю. С. Степанова, согласно которой это «некий „пучок“ представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово... предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека, и концепт — это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43].

На основании того, что архитектура относится к лингвокультурным концептам, а лингвокультурные концепты отличаются от других ментальных единиц акцентуацией ценностного аспекта [Карасик, Слышкин 2003: 12], а также на основе анализа частотности сем и смысловой сущности семем ключевой лексемы «архитектура», с учетом

семантики ассоциативных реакций респондентов, содержащихся в ассоциативном поле ассоциативного концепта «архитектура», мы выделили следующие параметры доминантных образных составляющих лексемы «архитектура» с точки зрения их ценностных составляющих для респондентов:

1. Физические и эстетические (ценностные) параметры.
2. Временные и локальные параметры.
3. Духовные параметры.
4. Социальные (идеологические, ценностные) параметры.
5. Психологические параметры.

Относительно психологического параметра отметим следующее: психическое состояние субъекта характеризуется ассоциативными маркерами как минимум с двух позиций — восприятия и воздействия архитектуры. Разумеется, такое деление не абсолютно, о преобладании той или иной составляющей лексического значения говорить трудно, однако в ассоциациях, характеризующих психическое состояние субъекта, воспринимающего архитектуру, наблюдается явное деление на группы, которые находятся в антонимических отношениях по признаку положительной или отрицательной оценки.

Подчеркнем, что мы опираемся на точку зрения Умберто Эко, который рассматривает все явления культуры в качестве коммуникативных процессов [Есо 1980: 27]. С этой точки зрения архитектура как совокупность архитектурных объектов может быть изучена лингвосемиотическими методами в рамках общей теории коммуникаций. На наш взгляд, анализ архитектуры как процесса коммуникации дает возможность рассмотреть ее не как изолированное явление, а как целостную систему, элементы которой функционируют в тесном взаимодействии, вычленив отдельные звенья этой системы. Это, с одной стороны, взаимодействие архитектора с обществом через произведения (архитектурные объекты); с другой — сам процесс создания архитектурных объектов (система: архитектор — здание или среда); затем сложная система отношений между архитектурными объектами и потребителем. Исходя из понимания того, что можно назвать архитектурной коммуникацией, мы пришли в нашем исследовании к понятию архитектурной картины мира, являющейся результатом конструирования субъектом картины мира через восприятие социально-культурной реальности и последующей над ней рефлексии посредством архитектуры.

В результате ассоциативного эксперимента в нашем исследовании было выясне-

но, что доминирующими образными составляющими лексемы «архитектура» стали наряду с ассоциатами «дом», «домá» ассоциаты «город», «деревня». В ходе эксперимента было предпринято когнитивное моделирование концептов и анализ собирательных образных составляющих ключевой лексемы «архитектура», представленных лексемами «город», «деревня», частично выявляющимися, на наш взгляд, образ современной России и отношение к ней респондентов — участников эксперимента. Не имея возможности представить результаты ассоциативного эксперимента относительно всех архитектурных объектов (финансовых, промышленных, культурно-образовательных и других, отражающих разные стороны социальной сферы страны) в рамках одной статьи, рассмотрим на примере упомянутых выше ассоциатов «город», «деревня» характер и способ употребления метафор нашими респондентами.

В ходе эксперимента выяснилось, что по физическим параметрам город ассоциируется с размерами, выраженными прилагательными: *большой* — 1, *огромный* — 1, *крупный* — 1 или *маленький*, *небольшой* — 2 (всего 5 реакций).

По эстетическим параметрам город характеризуется разными, часто противоположными качествами: *красивый* — 1, *светлый* — 1, *великолепный* — 1, *прекрасен* — 1; город имеет свое лицо: *чистый* — 1, *грязный* — 5, *пыльный*, *пыль от машин* — 1; город имеет свой запах: *дымный* — 1; город имеет свой звук: *тихий* — 2, *шумный* — 1; город имеет высоту: *великий* — 1, *высотный* — 1; город имеет свой цвет: *белый* — 1, *серый* — 1, *зеленый* — 1, *золотой* — 1; город сделан из разного материала: *деревянный* — 1, *каменный* — 1, *индустриальный* — 1. Реакции представлены в основном прилагательными (всего 24 реакции).

Вышеприведенные реакции показывают, что город воспринимается респондентами как целостный живой организм.

По временным параметрам город воспринимается как *город детства* — 1, *город будущего* — 1, *город будет* — 1, как *город юности* — 1, как *древний* — 1, *старый* — 3, *новый* — 2, *город настоящего* — 1, *город строится* — 1. Реакции преимущественно выражены словосочетаниями (всего 12 реакций). По месту (локусу) город представлен реакциями, отражающими разные географические точки города, выраженные словосочетаниями: это *город на Урале* — 1, *на море* — 1, *на Неве* — 1, *в Крыму* — 1, *в горах* — 1, *на карте* — 1 (всего 6 реакций).

По духовным параметрам реакции ре-

спондентов подтверждают связь города с такими ценностями, как дом, родина, страна и т. д. Реакции выражены абстрактными существительными: *город — это дом* — 5, *родина* — 3, *страна* — 2, *цивилизация* — 1 (всего 11 реакций).

По социальным параметрам город конкретизирован. Это чаще какой-то конкретный город, который как-то связан с жизнью респондента или, возможно, с сильными впечатлениями от него. Город представлен именем собственным: *Екатеринбург* — 7, *Челябинск* — 4, *Питер (Петербург)* — 2, *Москва* — 3, *Пермь* — 3, *Новосибирск* — 4, *Каменск-Уральский* — 2, *Среднеуральск* — 2, *Калининград* — 2, *на Неве (Петербург)* — 1, *Новгород* — 1, *Смоленск* — 1 (всего 32 реакции).

Выделяются оценки социального характера, относящиеся к городу, выраженные словосочетаниями прецедентного типа: *город-герой* — 2, *Изумрудный город* — 1, *город-сад* — 1, *Город солнца* — 1, *Город мастеров* — 1, *великий* — 1, *вольный* — 1, *славный* — 1 (всего 9 реакций).

По психологическим параметрам город описывается как *мой город* — 9, *муравейник* — 9, *большое скопление людей*, *машин* — 6, *дома* — 5, *люди* — 5, *населенный пункт* — 4, *наш* — 4, *село* — 2, *большая деревня* — 1. Есть и другие характеристики города, отражающие разные его стороны, например: *ночной* — 2, *провинция* — 2, *река*, *сад*, *улица* — 2, *автобус*, *трамвай* — 1, *город — это машина* — 1, *город — это башня* — 1, *безмянный* — 1, *город — это банк* — 1, *город — это бардак* — 1, *толстосумов* — 1, *в цветах* — 1, *город — это газ* — 1, *город — это огород* — 1, *дураков* — 1, *город-завод* — 1, *много домов* — 1, *многоэтажные здания* — 1 и др. (всего 80 реакций).

В психологическом отношении для респондентов город связан с людьми, домами, транспортом, сооружениями. Он вызывает как положительные, так и отрицательные впечатления. Очень много механических и образных метафор, особенно в единичных реакциях. Например, «техническая»: *город-завод*; «строительная»: *город-башня*; «финансовая»: *город-банк*; «биологическая»: *город — это муравейник*; «продуктовая»: *город-торт*. Встречается восприятие города в терминах *спелый* (фрукты), сопоставление с человеком, с его профессией и социальным положением: *город — это олигархи*, *торгашки* и, наконец, *город — это смерть*.

Благодаря таким метафорам очевидны те аспекты картины города, которые непосредственно проникают в структуру языковых единиц, вводят в лексемы оценочные

коннотации.

Общее количество реакций по всем параметрам — 179 (40 сущ., 42 прилаг., 3 глаг., 50 словосоч., 39 имен собственных, 4 мест., 1 нареч.).

В целом ядро ассоциативного концепта «город», по данным нашего ассоциативного эксперимента, представлено психологическими параметрами (42 стереотипные реакции из 80 реакций, представляющих объект по данному параметру), средние слои — социально-идеологическими (27 стереотипных реакций из 39 реакций, представляющих объект по данному параметру), духовными и эстетическими параметрами (8 стереотипных реакций из 11 реакций, представляющих объект по данному параметру), на периферии оказались единичные ассоциативные реакции респондентов, выражающие временные и локальные параметры, частично эстетические и психологические параметры с нейтральной или отрицательной коннотацией (всего 49 реакций).

Интересно было сравнить данные нашего эксперимента с аналогичным, проведенным Ю. Н. Карауловым. Распределение частотных реакций — словосочетаний с лексемой «город», представленных в исследованиях Ю. Н. Караулова, которыми он занимался с 1988 по 1997 г., по выделенным нами параметрам выглядит следующим образом.

По физическим и эстетическим параметрам город ассоциируется прежде всего с размерами и привлекательностью внешнего вида: *большой* — 55, *красивый* — 10, *огромный* — 4, *крупный* — 2, *светлый* — 4, *маленький* — 2, *небольшой* — 2, *высотный* — 1, *белый* — 1, *деревянный* — 1, *зеленый* — 1, *каменный* — 1 (всего 84 реакции).

По временным параметрам город воспринимается как город *будущего* — 4, *древний* — 4, *старый* — 3, *новый* — 2, *будет* — 1, *жил* — 1, *молод* — 1, *молодой* — 1, *умер* — 1, *юности* — 1 (всего 19 реакций).

По месту, локусу как *южный* — 3, *пригород* — 2, *провинция* — 2, *в Крыму* — 1, *в небе* — 1, *далекий* — 1, *далеко* — 1, *на Волге* — 1, *над Невой* — 1, *на карте* — 1, *на море* — 1, *на Неве* — 1, *областной* — 1 (всего 17 реакций).

По духовным параметрам: *герой* — 24, *родной* — 22, *родина* — 3, *страна* — 3, *великий* — 1, *вольный* — 1, *вперед идущий* — 1, *славный* — 1 (всего 56 реакций).

Городу нужно строиться — 1, *существовать* — 1 (всего 2 реакции).

По социально-идеологическим параметрам город представлен конкретизированными номинациями — названиями конкретных

городов. Это города, которые респонденты, возможно, оценили с эстетической точки зрения или с точки зрения ценности места, где они родились, живут, места, с которым связаны определенные воспоминания, с которым они себя идентифицируют: *Москва* — 17, *Челябинск* — 14, *Саратов* — 8, *Горький* — 6, *Пермь* — 5, *Ленинград* — 4, *Курск* — 3, *Владимир* — 2, *Калинин* — 2, *Батуми* — 1, *Бухара* — 1, *Гродно* — 1, *Гродов* — 1, *Златоуст* — 1, *Назрань* — 1, *Новгород* — 1, *Рига* — 1, *Таллинн* — 1 (всего 70 реакций); названия зарубежных городов, таких как *Лондон* — 2, *Иерусалим* — 1, *Клиффорд* — 1, *Нью-Йорк* — 1 (всего 5 реакций).

Социальное восприятие города отражается на наш взгляд, и в таких реакциях, выраженных абстрактными существительными, как *страна* — 2, *столица* — 1, *здания* — 1, *многоэтажные здания* — 1, *народ* — 1, *район* — 1, *строения* — 1, *квартира* — 1, *цивилизация* — 1, *урбанизация* — 1 (всего 11 реакций). По психологическим параметрам город предстает как *деревня* — 36, *родной* — 22, *село* — 20, *домá* — 15, *мой* — 9, *город детства* — 7, *любимый* — 5, *светлый* — 4 (всего 118 реакций). Все эти реакции, выраженные существительными, прилагательными и словосочетаниями, передают положительные характеристики города как чего-то близкого и родного. Город характеризуется и отрицательно, как *грязный* — 5, *грязь* — 4, *дым* — 4, *душный* — 2, *в дыму* — 1, *в пыли* — 1, *газ* — 1, *дымный* — 1, *пыльный* — 1, *пыль от машин* — 1 (всего 21 реакция).

Среди реакций респондентов есть метафоры, несущие отрицательные коннотации: город, по мнению некоторых респондентов — *это голод* — 2, *это бардак* — 2, *это коробка* — 1, *это лес* — 1, *это машина* — 1, *это мираж* — 1, *это мор* — 1, *это муравейник* — 1, *это мясо* — 1, *помойка* — 1, *суматоха* — 1, *улица с фонарями* — 1, *это завод* — 1 (всего 15 реакций). Есть грубые, отрицательные маркеры, характеризующие город как *город врунов* — 1, *дураков* — 1, *леунов* — 1, *скопление пороков* — 1, *город — это спрут* — 1, *это толпа* — 1, выраженные синтагматическими реакциями и метафорами (всего 6 реакций). Город ассоциируется с транспортом, с промышленностью: *автобус* — 1, *автомобильный* — 2, *индустриальный* — 1, *трубы* — 1, *трамвай* — 1 (всего 6 реакций). Город ассоциируется с человеком: *в шинели* — 1, *незнакомый* — 2, *странный* — 2, *тихий* — 2, *обреченный* — 1, *не важный* — 1, *не нравится* — 1, *пустой* — 1, *чужой* — 1 (всего 12 реак-

ций).

Среди реакций респондентов есть прецедентные названия и выражения, носящие стереотипный характер: *город Зеро* — 5, *невест* — 3, *Солнца* — 3, *большая деревня* — 2, *город Мастеров* — 1, *мечты* — 1, *надежды* — 1, *не спит* — 1, *сказок* — 1, *смерти* — 1, *счастья* — 1, *удачи* — 1, *золотой* — 1, *зеркал* — 1, *юности* — 1 (всего 24 реакции). Город связан со следующими ощущениями: *много домов* — 1, *много огней* — 1, *огни* — 1, *в огнях* — 1, *люди* — 1, *жизнь* — 1, *детство* — 1 (всего 7 реакций).

Общее количество реакций, отраженных в первом томе Русского ассоциативного словаря, — 549 + 212 + 1 + 150 [РАС 2002, 1: 142].

В целом структура ассоциативного концепта «город», смоделированного нами на основе ассоциативных реакций респондентов, представленных Ю. Н. Карауловым в Русском ассоциативном словаре и отражающих реакции респондентов с 1988 по 1997 г., с учетом выделенных нами параметров, выглядит следующим образом.

Ядро ассоциативного концепта «город» представлено психологическими параметрами с положительной коннотацией (всего 142 реакции), средний слой — социально-идеологическими (всего 86 реакций), физическими, эстетическими (всего 84 реакции) и духовными параметрами (всего 58 реакций), на периферии — психологические параметры с отрицательной коннотацией (всего 42 реакции), временные параметры (всего 19 реакций), локальные параметры (всего 17 реакций) и психологические параметры с нейтральной коннотацией (всего 15 реакций).

Сравнительный анализ ассоциаций респондентов показывает, что характер ассоциативных реакций, отражающих ассоциативный концепт «город», в нашем эксперименте в целом совпадает с данными Ю. Н. Караулова. Характер оценочных коннотаций лексемы «город», несмотря на разное количество представленных ассоциативных реакций, в целом и в том, и другом эксперименте тоже не различается.

Для лексемы «деревня» в нашем эксперименте зафиксированы следующие результаты.

По физическим и эстетическим параметрам реакции респондентов отражают, кроме размера и эстетических составляющих деревни, еще и образные составляющие (дома, хижина, избы), выраженные в основном прилагательными и словосочетаниями: *большая* — 4, *маленькая* — 1, *красивая* — 3, *небольшая* — 3, *деревянная* — 1, *низкие*

дома — 1, *много домов* — 1, *бревенчатая хижина* — 1, *бревно* — 1, *желтая изба* — 1 (всего 17 реакций).

По временным и локальным параметрам реакциями респондентов представлено различное географическое положение деревни и ее временные характеристики. Реакции выражены прилагательными, словосочетаниями и наречиями, отражающими предполагаемое респондентами время, характеризующее объект, расстояние и место: *старая* — 5, *далекая*, *дальняя* — 2, *далеко* — 4, *в лесу* — 3, *на отшибе* — 1, *ближняя* — 1, *в глуши*, *вдалеке* — 1, *в сельской местности* — 1, *глубинка* — 1, *глухомань*, *глухость*, *глушь* — 1, *у коровника* — 1, *за городом* — 1, *на горке* — 1, *на Урале*, *на холме* — 1, *недалеко* — 1, *периферия* — 1, *рядом* — 1 (всего 27 реакций).

Духовные параметры, отраженные в реакциях респондентов, демонстрируют связь концепта «деревня» с такими ценностями, как дом, родина, Россия, мать, семья. Этот же факт подтверждает проведенное одним из авторов статьи А. Д. Зейферт исследование, в котором Россия представлена такими частотными реакциями, как *мой дом* — 24, *моя семья* — 16, *моя деревня*, *мой дом родной* — 8, *родная душа* — 8 и др. (всего 99 реакций).

В основном реакции респондентов выражены прилагательными, абстрактными существительными и названиями членов семьи — существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *родная* — 9, *дом* — 5, *бабушка*, *природа* — 2; *бабушкина родина* — 3, *земля* — 2, *матушка*, *деда*, *дедушка* — 1, *Россия* — 1 (всего 23 реакции).

По социальным параметрам деревня представлена ассоциатами, подчеркивающими статус деревни по количеству проживающих в ней жителей, их национальной принадлежности, их деятельности, образу жизни, степени развития деревни, реальности или ирреальности существования деревни: *село* — 4, *город* — 3, *русская* — 2, *поселок* — 1, *колхоз* — 1, *неперспективная* — 1, *башкирская* — 1, *фазенда* — 1, *колхозная*, *колхозник*, *колхозница* — 1, *крестьянин* — 1, *маленькое селение* — 1, *моя дорогая колхозная* — 1, *отсталость* — 1, *перестраивается* — 1, *поселение* — 1, *сельское хозяйство* — 1, *хлебное поле* — 1, *этнос* — 1, *где скука (смертная)* — 2, *„Кому на Руси жить хорошо“* — 1, *деревня-матушка* — 1, *Потемкинская* — 1, *Пушкина* — 1 и др.

Реакции респондентов выражены абстрактными существительными, прилага-

тельными, словосочетаниями и именами собственными, имеющими иногда прецедентный характер, подчеркивающими ту или иную особенность (в частности, ирреальность, поэтичность, патриархальность деревни; всего 31 реакция). По психологическим параметрам реакции респондентов представляют деревню противоречно; с отрицательной стороны деревня выглядит как забытая, грязная, отсталая и умирающая в глуши: *заброшенная* — 2, *грязь* — 3, *захолустная* — 1, *пустая* — 1, *забитая, захудалая, нищая, отсталая* — 2, *ветхая* — 2, *вымерла* — 2, *забытая* — 2, *без крестьян* — 1, *вымирает, вымирающая* — 1, *глухомань, глухость, глушь, грязьница (в смысле ле дороги плохие)* — 1, *деревья, домишки* — 1, *захолустье* — 1, *тоска* — 1, *стонет* — 1, *ужас* — 1, *умерла* — 1. Реакции выражены преимущественно прилагательными и причастиями, абстрактными существительными, глаголами, отражающими процесс гибели: *вымирает, вымерла, умерла* (всего 24 реакции).

Однако к деревне сохраняются теплые чувства, и она характеризуется и с положительной стороны, ассоциируется с родным домом, родиной, местом покоя и уединения: *моя* — 3, *любимая, милая* — 2, *наша, картина, летом, осень, простор* — 1, *речка* — 1, *сарай, сено* — 1, *хорошая* — 1, *чистый воздух* — 2, *блаженство* — 1, *дом родной* — 1, *лето, коза, кол, колея* — 1, *летний отдых* — 1, *лошадь, луг* — 1, *на деревню к дедушке* — 1, *сад* — 1, *садовый участок* — 1, *светлая* — 1, *светло* — 1, *своя* — 1, *сказка* — 1, *снег, солнце, спокойствие* — 1, *стоит* — 1, *строится* — 1, *тихий уголок* — 1, *тишина* — 1, *только в мечтах* — 1, *трава* — 1, *три дома* — 1, *у реки* — 1, *лес, ягоды* — 1. Реакции респондентов выражены притяжательными местоимениями (*моя, наша*), прилагательными, отражающими чувства и оценку (*любимая, милая светлая, хорошая*). Предметные реакции отражают отдельные детали в картине деревни, названные абстрактными существительными и словосочетаниями (*речка, сарай, сено, садовый участок, тихий уголок и др.*), животных (*коза, лошадь*). Метафоры представляют деревню как *картину, сад, сказку*, глаголы отражают процесс строительства деревни (*стоит, строится*), а словосочетания — желание оказаться в деревне (*на деревню к дедушке, только в мечтах*) (всего 33 реакции). По психологическому параметру в целом насчитывается 57 реакций.

Общее количество реакций — 155 (50 сущ., 43 прилаг., 7 глаг., 48 словосоч., 7 причаст.).

Ассоциативный концепт «деревня»

представлен в ядре преимущественно духовными параметрами (17 стандартных реакций — *родина, родная, дом* и др. — из 23 реакций, представляющих объект по данному параметру) в сочетании с физическими и временными параметрами (*большая, старая*) (10 стандартных реакций из 44 реакций, представляющих объект по данным параметрам), средний слой представлен преимущественно социально-идеологическими (*город, русская, село* и др.) и психологическими параметрами (сюда относятся как частотные реакции отрицательного характера: *грязь, заброшенная, вымерла, отсталая, забытая, нищая, захудалая* и др. — всего 20 реакций, так и частотные реакции положительного характера: *моя, любимая, милая, чистый воздух* — всего 7 реакций), на периферии находятся единичные реакции, представляющие локальные, физические и психологические параметры деревни нейтрального и отрицательного характера (всего 122 реакции).

Среди единичных реакций отрицательного характера есть глаголы, например *стонет, умерла*, отражающие такой когнитивный признак, как «смерть», и *строится, перестраивается*, связанные с когнитивным признаком «жизнь». Единичные реакции, выражающие психологические ощущения, носят противоречивый характер: с одной стороны, это выражение теплых чувств к деревне (*дом родной*), с другой — резкое неприятие, выраженное лексическими единицами, носящими экспрессивный пренебрежительный характер (*грязьница, ужас*). Есть и нейтральные реакции, носящие характер констатации фактов (*без крестьян, три дома* и др.). Встречаются прецедентные названия, например: *Потемкинские, Пушкина, «Кому на Руси жить хорошо», деревня-матушка*, выражающие, на наш взгляд, с одной стороны, чувство ирреальности существования самой деревни, сожаления по поводу ушедшего в прошлое, с другой, возможно, известное только из русской литературы ощущение родной и близкой, хоть и всегда непростой и трудной, деревенской жизни.

По приведенным выше ассоциативным реакциям респондентов (и указанной частоте употреблений) очевидно, что лексема «деревня» занимает третье место после лексем «дом» и «город» (всего 155 реакций), а ощущение, что город — это большая деревня, достаточно широко представлено в менталитете современных молодых людей Уральского региона. Образ деревни связан в сознании респондентов с деревянными строениями небольшого размера где-нибудь в глуши (*изба, домик в лесу*), а образ горо-

да — с крупными строительными объектами (*многоэтажными зданиями, множеством домов, сооружений*). Различаются и оценочные коннотации: противоречивые у города и преимущественно негативные у деревни (связанные с чувством безысходности от разрушения деревни), но в целом (несмотря на экономические изменения в стране со времен Советского Союза) демонстрирующие теплые чувства к своей стране. По данным социологического опроса у тех же респондентов, проведенного А. Д. Зейферт, Россия представлена такими частотными метафорами, как *мой дом — 24, моя семья — 16, красивая природа, сильные люди — 14, мой город — 10, моя деревня, мой дом родной — 8, родная душа — 8*, и такими менее частотными, как *красота — 2, сила — 2, мишки на Севере — 1, богатырь — 1, родина моя — 3, леса и поля — 1* и др. (всего 99 реакций).

В целом по данным ассоциативного эксперимента можно утверждать следующее.

Внешненнные лексемами «*город*», «*деревня*» и именами собственными — названиями конкретных городов, разнообразными метафорами образные составляющие концепта-лексема «*архитектура*», представленные ассоциатами респондентов, относящимися к современной России, как показывает наш эксперимент, проведенный на выборке студентов Уральского региона, в сравнении с данными ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова, претерпевают изменения. Это отражается в характере ассоциативного наполнения реакций, отражающих современные (профессиональные, энциклопедические и культурные) знания респондентов об окружающей архитектуре, их представления, ценностные ориентации, оценки, мнения.

В реакциях респондентов четко прослеживается дихотомия «*город/деревня*», «*личное/общественное*» с преобладанием (по количественной и качественной составляющим, обладающим положительной коннотацией в ассоциативных реакциях участников эксперимента) города над деревней, личного над общественным. Заметим, что по духовным параметрам концепт «*деревня*» значительно количеству респондентов ближе, чем концепт «*город*». На наш взгляд, это обусловлено как социально-историческими, так и психологическими (возрастными, гендерными, индивидуальными) факторами, что, как показывает эксперимент, не только вносит новые коннотации в соответствующие концепты, но и вызывает изменение ментальной архитектурной картины мира респондентов в целом.

Характерной особенностью языка ураль-

ских респондентов мы считаем метафоричность. Эту творческую способность мыслить образно, метафорично мы объясняем образовательной и профессиональной принадлежностью наших респондентов. Известно, что метафора — способ представления порожденного смысла, а следовательно, «отчасти задает и способ его восприятия» [Пищальникова 2002: 159].

Частотность разнообразных метафоричных ассоциаций респондентов (наличие в ассоциативных реакциях метафор «*технических*», «*строительных*», «*финансовых*», «*биологических*», «*продуктовых*», «*физических*» и т. д.) свидетельствует о том, что такие понятия, как «*город*», «*деревня*», «*дом*», ассоциируются либо с живым (биологическим) организмом, либо с человеком, имеющим свое лицо, запах, настроение, либо с машиной и устройством, техническими и физическими сооружениями и т. д.

Частотными для респондентов являются метафоры, базирующиеся на внутримодальном сенсорном сходстве (по форме, цвету, звуку и т. п.), метафоры, основанные на сходстве между предметами, которые принадлежат к разным классам, но функционируют сходным образом (*город — это завод, город — это банк, город — это муравейник, город — это торт, деревня — это сад, деревня — это сказка* и др.).

Метафоры демонстрируют и психофизический тип сходства — между сенсорными признаками физического объекта и психологическими свойствами человека (например, *город — это человек в шинели, незнакомый, странный, тихий; деревня — это тоска, деревня — это матушка* и т. д.).

Предметность природы архитектурной метафоры позволяет выделить как универсальные, так и профессиональные опоры, используемые индивидом при ее опознании. К универсальным относятся опоры по линиям универсального энциклопедического и культурного знания, профессионально-специфическими опорами являются специальное знание и профессионально выработанные перцептивные навыки. Наблюдение за функционированием метафоры в разных профессиональных группах молодежи позволяет говорить о наличии единого когнитивного ядра в возрастном лексиконе молодежи, как юношей, так и девушек. Метафора представляет собой способ осмысления архитектурных реалий через обращение к иным областям знания, прежде всего к наивным знаниям о человеке и его основных потребностях, к профессиональным и культурным, энциклопедическим знаниям.

Таким образом, ассоциативный экспери-

мент по восприятию архитектурных объектов и подтверждающий его результаты социологический опрос, на основе которых была предпринята попытка выявления ментального образа России у молодежи Уральского региона, демонстрируют, что «человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовывать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление, казалось бы, хорошо известных феноменов» [Чудинов 2005: 259].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974. 386 с.
2. Арутюнова Н. Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. — М., 1988.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1998
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное: сб. тр. — М.: Лабиринт, 2001. 368 с.
5. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. — М.: Гнозис, 2005. 542 с.
6. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: 13-й Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. — М.: ИЯ РАН, 2000. С. 107—109, 194.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Т. 1. — Волгоград, 2005.
8. Кубрякова Е. С. В начале XXI века (Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков) // Когни-

тивная семантика. — Тамбов, 2000. Ч. 1.

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с. = НБТС, 2008.
11. Пищальникова В. А. Метафора как способ представления личностного смысла // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. — М., 2006. Вып. 11. 201 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивно-семантический анализ языка: моногр. — Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
13. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с. = РАС, 2002
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. — М., 2002. 992 с. = РАС, 2002.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004. 992 с.
16. Тарасов Е. Ф. Образ России. Методология исследования. Вопросы психолингвистики / Ин-т языкознания РАН. 2007. № 4. С. 69.
17. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики / НОУ ВПО «Москов. ин-т лингвистики» № 7714981 от 3 апр. — М., 2003. С. 18.
18. Уфимцева Н. В. Ядро языкового сознания русских // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. науч. конф. — М., 2002.
19. Чудинов А. П. Новые русские метафоры // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всерос. науч. конф. (14—16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия) / под ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2005. 554с.
20. Eco U. Function and Sign: The semiotic of Architecture // Signs, Symbols and Architecture. 1980. P. 27.

T. A. Konovalova, A. D. Seifert
Ekaterinburg, Russia

METAPHOR AS A COGNITIVE-DISCURSIVE MEANS OF REPRESENTING THE IMAGE OF MODERN RUSSIA IN THE ARCHITECTURAL PICTURE OF THE WORLD

ABSTRACT. *The article is devoted to the description of the image of modern Russia on the basis of the conducted sociological survey and experimental research of associations of students of the Ural region on the surrounding architectural environment. The methodological approach of E.F. Tarasov was used in the experiment in the study of Russia's image - the method of cognitive modeling of associative concepts. Associative concepts "city", "village" are presented as key in the article. These concepts are considered in comparison with the results of associative experiments of Yu. N. Karaulov of 1988 to 1997. The authors pay attention to the dynamics of respondents' views on the external component of the environment, the "face" of the country where respondents live. The associative field of concepts is explored from the point of view of value aspects, emotional and semantic dominants, the relations of respondents with the word, lexical diversity in pronounced associative reactions, and manifestations of typical cognitive schemes of youth thinking. The results are compared with the data of the survey. The authors of the article pay particular attention to the diversity and frequency of respondents' use of metaphorical expressions as a means of representing the image of Russia in an associative experiment and in the sociological survey of young people in the Urals region. Sociological data and the results of the associative experiment show that metaphor is not only a frequent tool for expressing the views, but also a means of conceptualizing the image of Russia, confirming the idea of linguists-cognitivists that metaphor is a way of categorizing the world around us. The use of metaphor by young people introduces new connotations into the lexical variety of the views of their country, and testifies to the depth and multilayeredness of their mental image of Russia.*

KEYWORDS: *language worldview; associative concepts; evaluative parameters; image of Russia; metaphors.*

ABOUT THE AUTHORS: *Konovalova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Department of Social Sciences and the Humanities, Ural State University of Architecture and Arts, Ekaterinburg, Russia.*

Seifert Anna Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Social Sciences and the Humanities, Ural State University of Architecture and Arts, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Arnkheim R. Iskustvo i vizual'noe vospriyatie. — М.: Progress, 1974. 386 s.
2. Arutyunova N. D. Ot obraza k znaku // Myshlenie, kognitivnye nauki, iskusstvennyy intellekt. — М., 1988.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — М., 1998
4. Vygotskiy L. S. Myshlenie i rech'. Psikhika, soznanie, bes-

soznatel'noe: sb. tr. — М.: Labirint, 2001. 368 s.

5. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst : izbr. tr. — M. : Gnozis, 2005. 542 s.
6. Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya // Yazykovoe soznanie: sodержanie i funktsionirovanie : 13-y Mezhdunar. simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii : tez. dokl. — M. : IYa RAN, 2000. S. 107—109, 194.
7. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov. Antologiya kontseptov. T. 1. — Volgograd, 2005.
8. Kubryakova E. S. V nachale XXI veka (Razmyshleniya o sud'bakh kognitivnoy lingvistiki na rubezhe vekov) // Kognitivnaya semantika. — Tambov, 2000. Ch. 1.
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. — M., 2004.
10. Noveyshiy bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint ; M. : RIPOL klassik, 2008. 1536 s. = NBTS, 2008.
11. Pishchal'nikova V. A. Metafora kak sposob predstavleniya lichnostnogo smysla // Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty / pod red. V. A. Pishchal'nikovoy. — M., 2006. Vyp. 11. 201 s.
12. Popova Z. D., Stermin I. A. Kognitivno-semanticheskiy analiz yazyka : monogr. — Voronezh : Istoki, 2006. 226 s.
13. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii : ok. 7000 stimulov / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M. : Astrel' : AST, 2002. 784 s. = RAS, 2002
14. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu : bolee 100 000 reaktsiy. — M., 2002. 992 s. = RAS, 2002.
15. Stepanov Yu. S. Konstanty : slovar' russkoy kul'tury. Izd. 3-e, ispr. i dop. — M. : Akademicheskiiy proekt, 2004. 992 s.
16. Tarasov E. F. Obraz Rossii. Metodologiya issledovaniya. Voprosy psikholingvistiki / In-t yazykoznaniya RAN. 2007. № 4. S. 69.
17. Ufimtseva N. V., Tarasov E. F. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya // Voprosy psikholingvistiki / NOU VPO «Moskov. in-t lingvistiki» № 7714981 ot 3 apr. — M., 2003. S. 18.
18. Ufimtseva N. V. Yadro yazykovogo soznaniya russkikh // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod : materialy mezhvuz. nauch. konf. — M., 2002.
19. Chudinov A. P. Novye russkie metafor // Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke : materialy Vseros. nauch. konf. (14—16 apr. 2005 g., Ekaterinburg, Rossiya) / pod red. L. G. Babenko. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural.un-ta, 2005. 554s.
20. Eco U. Function and Sign: The semiotic of Architecture // Signs, Symbols and Architecture. 1980. P. 27.

Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля
Каир, Египет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен лингвокультурологический анализ русских и арабских фразеологических единиц с числовым компонентом — универсальным кодом культуры. Выявлены как общие, так и национально-специфические особенности числовой символики, отраженной в мировидении русского и арабского народов, приведены примеры полного соответствия и несовпадения образной мотивированности исследуемых фразеологизмов. В русской лингвокультуре наиболее частотны числа «один», «два», «три» и «семь», в арабской лингвокультуре — числа «один» и «два», в меньшей степени — «пять», «семь» и «десять». Больше всего совпадений демонстрируют фразеологизмы, репрезентирующие символические значения чисел («один» и «два», что связано с универсальностью символики этих чисел (один — начало, единство, целостность, превосходство; два — противоречие, противоположность, взаимодополнительность)). Культурно-национальное своеобразие связано с использованием национально-специфичных культурных кодов, отражающих реалии среды обитания, исторический опыт образного видения мира, а также религиозные представления. У синонимичных фразеологизмов может различаться оценочная семантика (например, эквивалент русского выражения «стричь под одну гребенку» обладает положительной коннотацией, поскольку употреблен в сакральном для мусульман тексте). Некоторые фразеологизмы основаны на особенностях письма («ноль без палочки» в русском языке, «ноль слева» — в арабском). Среди изучаемых единиц преобладают фразеологизмы с числовыми компонентами, описывающие негативные качества человека и предмета, в чем проявляются общие закономерности русской и арабской фразеологии; многие рассмотренные фразеологизмы относятся к просторечно-разговорному стилю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизмы; числовая символика; культурный код; мотивирующий образ; русский язык; арабский язык; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка кафедры славянских языков факультета иностранных языков (Аль-Альсун), Айн-Шамский университет (Каир, Египет); 11221, Египет, г. Каир, р. Аббасия, ул. Аль-халифа Аль-мамун, email: egyru80@gmail.com.

Общепризнан тот факт, что своеобразным фундаментом исследовательских работ по лингвистике последних лет служит антропоцентрический принцип, суть которого заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995: 212]. Это, в свою очередь, привело к процессу «очеловечения» языкознания как ответной реакции на угрозу его дегуманизации в крайних направлениях структурализма [Зубкова 1999: 5].

Среди междисциплинарных наук данной ориентации особо выделяется лингвокультурология, изучающая вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры. Язык, как утверждают ученые, выступает в роли транслятора, носителя национальной культуры, хранящейся в нем. Он также развивается в культуре, отражая ментальность, мировоззрение народа, его эмпирический опыт, мораль, систему ценностей и т. п. [Колесов 1999; Красных 2002; Маслова 2007; Тер-Минасова 2000].

Одним из главных лексических репрезентантов культурных концептов, сложившихся в сознании любого этноса, т. е. в его языковой картине мира, являются фразеологизмы. Фразеология, по мысли В. Н. Телия, определяется как «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», как «самый культуросоносный компонент языка в дей-

ствии» [Телия 1996: 9; Телия 2004: 19]. К тому же фразеологические номинации «представляют собой большой объем „свернутой“ культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [Шкатова 2012: 209]. На этом основании фразеологизмом можно назвать готовое устойчивое словосочетание, содержащее представления, ставшие частью национальной культуры, следовательно, это лингвокультурема (по терминологии В. В. Воробьева [Воробьев 2008]).

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес как российских, так и зарубежных лингвистов к сопоставительному изучению фразеологизмов в контексте лингвокультурологии с целью выявить ступени развития мышления народов — носителей разных языков, их культурно-исторические традиции, специфическое мировидение, отраженное в языке. В то же время указанный метод исследования способствует установлению степени родства или неродства анализируемых языков и относительной хронологии возникновения общих для них явлений.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц (ФЕ), имеющих в своем составе числовой компонент, в русском и арабском языках с позиции лингвокультурологического подхода (материал исследования составили 122 русские ФЕ и 104 арабские ФЕ). В работе представлена и проиллюстрирована примерами из исследуемого материала про-

блема соотношения фразеологических картин мира народов — носителей названных языков (фразеологическая картина мира понимается как подсистема языковой картины мира: «...это прежде всего мастерство и искусство этого народа представлять сложные концепты в виде образов» [Солодуб, Альбрехт 2002: 204]).

В современном языкознании число рассматривается не только как грамматическая категория, но и как лингвокультурологический и этнолингвистический компонент языковой картины мира. Изучение числовой символики позволяет выделить особенности образно-ассоциативного и интеллектуального освоения окружающего мира языковыми социумами. Это связано с тем, что числа, как элементы числового кода, описывают Вселенную, человека и саму систему метаописания. В древних мифопоэтических традициях они имели сакральное значение, символизировали гармонию, порядок в противовес Хаосу, тем самым воплощая в себе тайну, обладающую сверхъестественной магической силой [Маковский 1996: 388]. При этом число считается важной составляющей понятийной системы человеческого мышления, а также универсальным концептом и константой духовной культуры.

В своей работе мы придерживаемся широкого подхода к пониманию границ фразеологии, предложенного Н. М. Шанским [Шанский 1972]. Поэтому объектом исследования послужил корпус русских и арабских ФЕ разного рода (идиомы, фразеологические выражения и сочетания и паремии), в состав которых входят количественные, порядковые и собирательные числительные. Фразеологизмы отобраны методом сплошной выборки из различных лексикографических источников. Наряду с этим использованы отдельные толковые словари русского языка и энциклопедии знаков и символов для экспликации культурной семантики имен числительных.

При проводимом нами анализе рабочего материала учитываются параметры лингвокультурологического метода во фразеологии, указанные в трудах Е. Ф. Арсентьевой, М. Л. Ковшовой и В. Н. Телия [Телия 1996; Ковшова 2009; Арсентьева 2006]. Вслед за ними и применительно к объекту исследования мы попытаемся рассмотреть следующие моменты: 1) денотативное значение ФЕ; 2) внутреннюю форму как источник деривации их семантики, возникающую прежде всего в процессе метафоризации; в ее основе лежит образ, отражающий стереотипные представления этноса об объектах картины мира; 3) символику числительных и других

культурных кодов, взаимодействующих во фразеомообразовании изучаемых единиц. Помимо этого, проливается свет на составляющие коннотативного компонента их значения. По названным аспектам четко определяется национально-культурная специфика анализируемых ФЕ в сопоставляемых языках.

В зависимости от стержневого слова, выраженного именем числительным, исследуемые единицы делятся на следующие тематические группы и подгруппы.

I. ФЕ с числовым компонентом «ноль, нуль»

Источником мотивации внутренней формы ФЕ данной группы послужили переносно-образные значения лексемы «ноль, нуль»: 1. 'полное отсутствие чего-л., всего, что могло бы быть'; 2. 'о никчемном, ничтожном человеке, специалисте, недостойном уважения' [БАСРЯ 2012: 535—536]. Это объясняется тем, что указанное число вызывает в сознании разных народов мира ассоциации «пустоты, небытия, первозданного хаоса...» [Вовк 2006: 39]. Многозначное слово «ноль» имеет одинаковую культурную коннотацию в русской и арабской лингвокультурах, представленную либо тождественными, либо различными по мотивирующим образам ФЕ в сопоставляемых языках.

А. Символическое значение «пустота, незначительность». Оно представляет денотативное ядро таких совпадающих по образно-семантическому прототипу ФЕ, как *начинать с нуля*; *بدأ من الصفر* 'на пустом месте, когда ничего еще нет'; *быть равным нулю*; *يساوي صفر* 'быть незначительным, почти никаким'; *стричь под ноль*; *حلق على الصفر (الزير)* 'стричь, остричь наголо'.

Неполное соответствие в плане выражения имеют ФЕ *сводиться к нулю* 'превращаться в ничто'; *عاد إلى المربع صفر* (букв. 'вернуться к квадрату нуля') — 'сходить на нет'. Как видно, в арабском фразеологизме числовой культурный код сочетается с геометрическим культурным кодом («квадрат») в силу связи с существующим в концептуальной картине мира арабов образом «точки небытия».

Расхождение в образной основе наблюдается у ФЕ *быть на полном нуле* 'оказаться совсем без денег, быть некредитоспособным'; *بقى على الحديدية* (букв. «остаться на железке») 'разориться, лишиться достатка, богатства'. В деривации семантики арабской идиомы участвует специфический национально-культурный компонент «железка / кусочек железа», образ которого ассоциируется в арабском сознании с ненужным крошечным

предметом. Обе идиомы имеют отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску.

Б. Символическое значение «ничтожный, ничего не значащий человек». Сюда включаются нумеративные фразеологизмы-синонимы, внутренняя форма которых имеет частичное совпадение в обоих языках.

За содержанием сопоставляемых ФЕ: *ноль без палочки* (о ничего не значащем, не стоящем человеке); *صفر على الشمال* (букв. *ноль слева* — о незначительном, ничтожном человеке) — закрепляются разные образы и прототипические ситуации, заимствованные из универсальной области знания — математики. В русской лингвокультуре есть выражение «ноль без палочки»: в математической записи число «ноль» становится незначащим, обозначающим отсутствие, когда стоит без числа «один» (вместе эти две цифры представляют число «десять»). В данном случае слово «палочка» подверглось метафорическому переосмыслению и приобрело смысл «число один» по сходству формы объектов. С точки зрения арабского мировидения, ноль превращается в ничего не обозначающую единицу тогда, когда стоит слева любой цифры. Такой же культурной коннотацией обладают фраземы *круглый ноль* — *صفر على الشمال* (букв. *ноль слева*); *абсолютный ноль*; *مجرد صفر* (букв. *лишь всего ноль*) или *صفر كبير* (букв. *большой ноль*).

В отличие от русской фразеологической картины мира, арабский фразеологизм *صفر منور* (букв. *круглый ноль*), а также его синоним *صفر مربع* (букв. *квадратный ноль*) употребляются тогда, когда речь идет о совсем незначительном объекте, а не о субъекте — ничтожном человеке. Тут прилагательные *مدر* «круглый» и *مربع* «квадратный» имеют вторичную семантику «целый, совершенный».

Всем вышеприведенным фразеологизмам с числовым компонентом данной подгруппы свойственна экспрессивная и отрицательная эмоционально-оценочная окраска, передающая оттенки пренебрежения и иронии. Данные ФЕ относятся к просторечно-разговорному стилю.

II. ФЕ с числовыми компонентами «один» и «первый»

Единицы данной группы обладают наибольшей частотностью. Они составляют в целом 64 фразеологизма (52,4 %).

А. Числительное «один»

Как показал анализ рабочего материала, ФЕ этой подгруппы имеют значительные семантические совпадения в рассматриваемых лингвокультурах ввиду универсальности символики числа «один»: «...символ начала,

единства и цельности, воплощение божественной сущности и аллегория космической оси» [Вовк 2006: 39]. Фразеологизмы с числом «один» отличаются высокой продуктивностью в разных языках. Так, рассмотрев ФЕ с указанным числом в татарском языке, Р. Ф. Фаттахова выявила девять значений слова «один»: *единичность, совместимость, целостность, дискретность, малое количество, близкое расстояние, единообразие и одиночество* [Фаттахова 2015: 199—200].

Применительно к нашему материалу лексема «один» выражает нижеуказанные культурно-символические смыслы в обоих сравниваемых языках.

1. Одинокий, находящийся без других, в отдельности. Данное значение воплощается во внутренней форме синонимической пары русских пословиц, наделенных негативной коннотацией: *одной рукой (и) узла не завяжешь*; *один в поле не воин* 'в одиночку все трудно делать'. Похожую культурную информацию несут в себе следующие арабские синонимичные пословицы, основанные, правда, на других прототипических ситуациях: *يد واحدة ماتصقش* (букв. *одной рукой не хлопнут*); *الففة أم ودنين لازم يشيلوها اتنين* (букв. *корзину с двумя ушками надо нести двум людям*). В последней арабской ФЕ лексема «один» замещена другим числовым кодом культуры — «два» — для усиления значения «необходимость избежать одиночества и оказывать помощь друг другу во всех делах, даже простых».

2. Одинаковый, сходный. В русском языке сюда относятся прежде всего фразеологизмы-синонимы негативно-иронического характера *одного поля ягоды, одним миром мазаны, все на одну колодку, одной масти (под одну масть), на один покров* 'о людях, обладающих одинаковыми свойствами, качествами (обычно отрицательными)'. Это обусловлено характером образа, лежащего в основе самого фразеологизма. Так, образ ФЕ *одним миром мазаны* связан с религиозным представлением «о том, что все люди грешные и на основании этого равны между собой» [БФСРЯ 2010: 494]. Нейтральную оценку имеет фразеологизм «из одного теста».

Напротив, в фразеологической картине мира арабов преобладают ФЕ с нейтральной и положительной оценкой, например: *من عجيبة واحدة* (букв. *из одного теста*); *من طينة واحدة* (букв. *из одной глины*) — 'о людях, похожих, равных по качествам'. Последняя ФЕ восходит к религиозному верованию в то, что Всевышний (Аллах) создал всех людей из глины. Положительную коннотацию несут ФЕ *من معين واحد* (букв. *из одной воды*); *من ماء واحد* (букв. *из текущей воды*); *من مشكاة واحدة* (букв.

из одного светильника) — «об одних и те же хороших вещах».

3. Всеобщий, единодушный. Наглядными выражениями этого значения в обоих языках являются ФЕ экспрессивного характера *все как один, как один человек*, которые представлены частичными эквивалентами в арабском языке: *على قلب رجل واحد* (букв. *на душе одного мужчины*); *عن (على) بكرة أبيهم* (букв. *на молодой верблюдице своего отца*) — 'все совместно'. Источником деривации второго фразеологизма служат разные версии одной арабской истории, которая рассказывает о группе арабов, которых убили в пустыне и вместе повезли на молодой верблюдице их отца [ЭСФАЯ 2014: 1077].

Русскому фразеологизму *стричь всех под одну гребёнку*, обозначающему «уравнивать всех в каком-либо отношении, не считаясь с различиями (обычно отрицательными)», свойственна негативная оценка, усиленная ядерной семьей «срезать», которая входит в денотативное значение глагола «стричь». А арабский частичный эквивалент *جعلهم سواسية كأسنان المشط الواحد* (букв. *делает всех как зубья одной гребенки*) имеет положительную коннотацию в силу того, что содержание самой ФЕ представляет собой прецедентную фразу из сакрального текста хадиса, утверждающего значение справедливости.

4. Однократный, интенсивный. Это значение ярко воплощается в ФЕ с тождественными смыслами и образами в русской и арабской лингвокультурах: *одним духом* — *في نفس واحد*; *в/за один присест* — *في قعدة واحدة*; *одним росчерком пера* — *بجرة قلم واحدة*; *одним словом* — *بكلمة واحدة*; *один конец* — *نهاية واحدة*; *сесть за один стол* — *جلس على مائدة واحدة*; *одним махом* — *في لفة واحدة / دفعة واحدة*. Несоответствие мотивирующих образов мы находим в ФЕ *ставить на одну доску*; *وضع في خانة واحدة* (букв. *ставить в одну ячейку таблицы*) 'приравнять кого-л. к кому-л. в каком-л. отношении'.

5. Полное отсутствие кого-/чего-либо. При сочетании с отрицательной частицей «ни» лексема «один» приобретает значение 'совсем никого/ничего'. Примером может служить ФЕ *ни одной живой души* (об отсутствии людей где-либо), где слово «душа» употребляется в значении «человек» на основе метонимизации. Арабскую фразеологическую картину мира отражает аналогичное выражение *ولا صريخ ابن يومية* (букв. *ни одного двухдневного кричащего ребенка*) 'совсем никого где-либо'.

В становлении ФЕ со смыслом «совсем ничего» *ни одной копейки*; *ولا قرش صاغ واحد* (букв. *ни одного чеканного пиастра*) участвуют этнокультурные реалии — монеты,

национальная валюта России и Египта: русская *копейка* и чеканный *пиастр* (старая монета в Египте).

Обнаружен единичный пример фразеологизмов полной эквивалентности, выражающих отношение «один — другой»: *в одно ухо вошло, а в другое вышло* — *دخل من وذن وخرج من الودن الثانية* — 'о без внимания слушающим и о скоро забываемом'.

Б. Числительное «первый»

Входя в состав ФЕ, слово «первый» имеет следующие инвариантные значения.

1. Первоначальный, самый ранний. Среди единиц данной подгруппы межъязыковые фразеологические эквиваленты репрезентируются такими ФЕ, как *сделать первый шаг*; *يخطو خطواته الأولى* 'начать что-нибудь'; *с первого взгляда* — *من أول نظرة* 'по первому впечатлению'; *из первых рук* — *من أول يد* 'прямо из первоисточников, без посредников'; *играть первую роль* — *يلعب الدور الأول* 'быть ведущим, главенствующим в чем-либо'; *первый среди равных* — *الأول بين أقرانه* 'выдающийся, главный, ведущий'; *первая помощь* — *الأسعافات الأولية* 'меры оказания первой помощи'.

Несовпадающими по образной составляющей оказываются нижеприведенные фразеологизмы с числовыми компонентами.

- В русской языковой картине мира фразеологизм с экспрессивной окраской *первая ласточка* имеет два значения: 1) 'о самых ранних, самых первых признаках появления, наступления чего-л.; 2) 'самый первый, за которым следуют другие'. В арабской фразеологической картине мира эти же значения выражаются двумя ФЕ с разными образами: *أول الغيث* (букв. *первый признак дождя*) или *البادرة الأولى* (букв. *первая весточка*); 2) *أول الخيط* (*первая нитка*).
- Для русского фразеологизма с негативной оценкой *первый блин комом* 'о неудачном начале какого-либо дела, о неуспешном первом опыте' имеются две синонимичные ФЕ в арабском языке: *أول القصيدة كفر* — (букв. *первый стих в стихотворении бывает неясным*) и *أول ما شطح* (букв. *когда он (один человек) в первый раз побежал, налетел*) — 'о первой попытке, оказавшейся неудачной'.

2. Лучший из всех в каком-либо отношении. Фразеологизм *звезда первой величины*, обозначающий человека, прославившегося в какой-либо области деятельности, заимствован из астрономии: еще в Античности звезды были разделены на шесть величин по степени яркости, самой яркой из них является звезда первой величины [Серов 2005: 270]. Арабскими частичными эквивалентами считаются идиомы *نجم من الطراز الأول*

(букв. звезда первой категории); *النجم الأول* (букв. первая звезда). Кроме того, в арабском языке употребляется лингвокультура *четвертая пирамида* для обозначения всемирно известного деятеля.

Для выражения смысла «превосходный, отличный сорт какого-либо товара / продукта» в русском языке употребляется фразеологизм *первый сорт*, арабскими аналогами которого служат ФЕ *أول قطفة* (букв. первый сорванный плод) или *درجة أولى* (букв. сорт первого класса).

III. ФЕ с числовыми компонентами «два» и «второй»

А. Числительное «два»

Число два символизирует главным образом любое противоречие, различного рода оппозиции (белое и черное, мужское и женское, день и ночь, материя и дух и др.) [Маковский 1996: 390]. Среди изучаемых единиц выделяются следующие культурно-символические смыслы этого числа.

1. Двойственность, одновременность. К единицам данной подгруппы можно отнести ФЕ с прозрачной внутренней формой в обоих языках: *убить (убивать) двух зайцев / гоняться за двумя зайцами*; *يضرب عصفورين* (букв. убить двух воробьев одним камнем) — «выполнить одновременно два разных дела». Указанные фраземы базируются на аналогичной прототипичной ситуации, в формировании которой существенную роль играет метафорическое переосмысление двух различных зоонимов — «заяц» и «воробей», которые приобрели значение «поставленная цель». В противоположном этим ФЕ смысле употребляются пословицы *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*; *صاحب بالين كذاب* (букв. тот, у кого есть две мысли одновременно, является лживым) — «если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результатов ни в одном». Судя по семантике, первые пары ФЕ имеют положительную оценку, а вторые пары — отрицательную.

Значение двойственности наглядно проявляется также в следующих ФЕ: *между двух огней*; *بين نارين* (букв. между двух огней) — «в положении, когда опасность грозит с двух сторон»; *действовать на два лагеря*; *يلعب على* (букв. играть на двух веревках) — «поступать как двурушник»; *на два фронта (бороться)* — *على الجبهتين* (بجارب) «действовать в двух направлениях».

2. Превышение/снижение нормы. Идиома *видеть на два аршина под землей (в землю)* со значением «отличаться проникательностью» содержит в себе лингвокультуру «аршин» (старая русская мера дли-

ны, равная 0,71 м). Она отражает нереальную ситуацию: невозможно видеть внутрь земли, тем более на два аршина. На такой же прототипической ситуации основана фразеологическая универсалия *لديه الحاسة السادسة* (букв. обладать шестым чувством) — «о человеке, наделенном сверхъестественным чувством».

Русской реалией является и слово «вершок» (старая русская мера длины, равная 4,4 см), которое включается в состав ФЕ *от горшка два вершка* — «о маленьком ребенке или о человеке очень низкого роста». В арабской лингвокультуре аналогичным по семантике фразеологизмом является выражение, основанное на значении лексемы «пядь»: *ثبير ونص* (букв. пядь с половиной).

3. Похожий, сходный. Рассмотрим примеры.

Фразеологизмы как *две капли воды* и *فولة* *وانقسمت نصين* (букв. как две половинки боба) построены на сравнении двух похожих объектов. Они характеризуются различными образами и культурными кодами в сопоставляемых языках, но их значения аналогичны: «совершенно, очень сильно похож на кого-, что-л.». Схожесть объектов в русском языке подчеркивается сравнением с объектом природного кода культуры, а именно водой, в арабском языке — с единицей пищевого культурного кода в виде бобов, национального завтрака во многих арабских странах.

Русским фразеологизмом с ироническим оттенком *два сапога пара* обозначаются «люди, похожие друг на друга в каких-то отрицательных качествах». Он мотивирован метафоризацией — перенесением наименования «сапоги» на другой референт, «люди», на базе сходства признаков. В арабской лингвокультуре такой же образ лежит в основе фразеологизма *جوزوا مشكاح لريمه ما على الاتنين قيمه* (букв. поженили Мишкаха на Риме, и они оба никто) — «о паре подлых людей, совершенно незначительных». Его прототип взят из древней арабской истории об одном подлом, противном мужчине, который женился на похожей по своему негативному характеру женщине [ТСПАЯ 1956: 184].

4. Противоположность, несовместимость. Сюда относятся синонимичные пословицы, характеризующие противоположные стороны в отношениях между людьми, одинаковыми по социальному статусу, профессиональной принадлежности, характеру и т. п., например: *два кота в одном мешке не улежатся; два медведя в одной берлоге не живут; две бараньи головы в один котел не лезут; две собаки в одной конуре не живут*. В арабской фразеологической картине мира подобную же ситуацию описывает послови-

ца *المركب اللي ليها ريسين تغرق* (букв. лодка с двумя капитанами тонет) — «о тех, кто претендует в равной мере на первенство, руководство и т. п.».

5. Отдельные переносные значения:

а) близость: в двух шагах; *على قيد (بعد) خطوتين* (букв. в двух шагах) — «на очень близком расстоянии»; б) быстрота: в два счета; *كلمح البصر واحدة* (букв. одним ударом) или *بضربة واحدة* (в мгновение ока) — «очень быстро и легко»; в) ясность: как дважды два <четыре>; *واحد زائد واحد يساوي اثنين* (букв. один плюс один равно двум) — «очень ясно, логично, убедительно»; г) невозможность: двум смертям не бывать, а одной не миновать; *العمر واحد والرب واحد* (букв. возраст один и Бог один) — «о решимости сделать что-либо, связанное с риском, с надеждой на благополучный исход»; д) краткость: в двух словах; *في كلمتين* (букв. в двух словах) — «кратко, сжато, без подробностей».

Б. Числительное «второй»

Слово «второй» имеет ряд переносных символических значений, которые ниже проиллюстрированы примерами.

1. Посредничество: *из вторых рук* купить; *يشترى سلعة ما ثاني يد* (букв. купить какой-то товар второй руки) — «через посредника, не непосредственно из первоисточника».

2. Аналогичность: *привычка — вторая натура*; *العادة طبع ثان* (букв. привычка — вторая натура) или *العادة تؤام الطبيعة* (букв. привычка — близнец природы) — «привычку трудно искоренить или не искоренить вовсе».

3. Второстепенность: *играть вторую скрипку*; *يلعب نور ثان* (букв. играть вторую роль) — «занимать не главное, подчиненное положение в каком-либо деле». Метафорический образ второй скрипки соотносится с группами «скрипок в струнном или симфоническом оркестре, которые исполняют вторую, сопровождающую партию», а образ второй роли символизирует не главную, не основную роль [ФСРЛЯ 2008: 265].

4. Возрождение. Арабским аналогом русской ФЕ с положительной коннотацией *вторая молодость* («подъем энергии, прилив новых сил в пожилом возрасте») является фразеологизм с негативной оценкой *منتصف العمر* (букв. средний возраст). Он обозначает возрастной период человека, связанный с переоценкой опыта и депрессией.

IV. ФЕ с числовыми компонентами «три» и «третий»

Во многих мифологических системах число «три», как указывает В. Н. Топоров, выступает в качестве образа совершенства, так как оно представляет собой «идеальную

структуру с выделяемым началом, серединой и концом» [Топоров 1980: 32].

Судя по нашему материалу, это число не настолько характерно для арабской лингвокультуры, насколько для русской языковой картины мира. Арабские ФЕ построены на основе других кодов культуры. Так, в русской лингвокультуре данное число объективирует: а) маленькое пространство: *заблудиться в трёх соснах* — *يغرق في شبر ميه* (букв. тонуть в пяди воды) — «не сумеешь разобраться в чем-л. простом, несложном»; б) длительность: *обещанного три года ждут* — *يومه بسنة* (букв. для него день равен году) — «о том, когда не верят в скорое выполнение кем-то данных обещаний»; в) большое количество, чрезмерность: *на третьем взводе* — *سكران طينة* (букв. пьяный как глина) — «очень пьян, т. е. больше возможного»; с *три короба наврать* — *كذاب كذب الإبل* (букв. врун, как верблюд) — «очень много наговорить неправды, наврать»; в этой арабской фразеологизме ощутимо заметна роль экстралингвистического (зооморфного) фактора в формировании прототипа на базе сравнения с верблюдами, которые непроизвольно шевелят пастью, притворяясь, что едят. Как видно, в арабских фразеологических параллелях употребляются неоднородные культурные коды, такие как пространственный, временной, природный и зооморфный.

V. ФЕ с числовыми компонентами «четыре», «пять» и «пятый»

С этими числами отмечены отдельные ФЕ в обоих языках, например: русская ФЕ с эмоционально-экспрессивной окраской *в четырех стенах жить (сидеть)*, обладающая полным эквивалентом в арабском языке — *عاش (جلس) بين أربعة جدران* «ни с кем не общаясь, в полном одиночестве»; ФЕ без *пяти минут* (очень скоро будет кем-то) имеет арабский аналог *فركة كعب* (букв. растирание каблука) — «очень скоро достигнет чего-то»; фразеологическая универсалия книжного характера «пятая колонна» имеет полный эквивалент в арабском языке *الطابور الخامس* (букв. пятая колонна) — «о предателях, изменниках, находящих в содержании враждебных государств». Это выражение представляет собой кальку с испанского языка (исп. *quinta columna*).

Специфическое дифференциальное значение, характерное лишь для арабской языковой картины мира, имеет фразеологизм *خمسة وخمسة* (букв. пять и пятерка) — это жест или амулет от зависти и сглаза в виде кисти руки, пяти пальцев.

VI. ФЕ с числовыми компонентами «семь», «седьмой» и «семеро»

В мировой культурной традиции число «семь» является магическим, волшебным знаком, символизирующим совершенство, космический порядок и завершенность цикла. Это число также имеет религиозный характер: в христианстве оно обладает как положительной, так и отрицательной символикой, в исламской религии представляет собой первое число, указанное в Священном Коране, и ассоциируются со строением вселенной, состоящей из семи небес, земель и морей [Вовк 2006: 42—43; Кальсум Мадкан 2012: 113].

Как показал анализ, число «семь» и его словообразовательные дериваты более частотны в русской фразеологической картине мира. Межъязыковые фразеологические эквиваленты составляют всего 4 единицы и выражают следующие значения: а) далекое расстояние: *за семью морями*; *ما وراء سبعة بحور* (букв. *за семью морями*) — ‘очень далеко, в чужих странах’; б) длительность: *седьмой сон видеть / снится кому*; *راح في سابع نومه* (букв. *пропал в седьмой сон*) — ‘крепко спать’; в) дальнее родство: *седьмая вода на киселе*; *سابع جد* (букв. *седьмой дед*) — ‘об очень дальнем родстве’. Два значения идиомы *за семью замками* репрезентируются двумя оборотами в арабском языке: 1) под строгим присмотром, под надежной охраной; *في سابع أرض* (букв. *в седьмой земле*); 2) надежно спрятан и недоступен — *في بئر* (букв. *в колодце*).

В других примерах наблюдается отсутствие числительного «семь» в соответствующих арабских ФЕ. В данных русских ФЕ число «семь» ассоциируется: а) с рискованностью: *семь бед — один ответ*; *إذا ضربت فأتوجع فإن الملامة واحدة* (букв. *если ты бьешь кого-то, то сделай ему еще больнее, потому что наказание одно*) — ‘рискуем, что бы ни случилось, будь что будет, все равно придется отвечать’; б) изменчивостью: *семь пятниц на неделе (у кого)*; *زي رياح أمشير كل ساعة* (букв. *подобно ветрам в амшир (шестой месяц коптского календаря Египта, когда дуют сильные ветры), он изменяется каждый час*) — ‘о том, кто часто меняет свои решения’; в) утомлением: *до седьмого пота*; *حتى آخر نفس* (букв. *до последнего вздоха*) — ‘до крайнего утомления’; г) радостью: *быть на седьмом небе* — *طار من الفرحة* (букв. *лететь от радости*) — ‘испытывать наслаждение, большую радость’; д) большим количеством: *семеро одного не ждут*; *اللي غايب ملهوش نايب* (букв. *тот, кого нет за торжественным столом, лишается своей порции еды*) — ‘из-за того, что кто-то опаздывает, дело не может откладываться’.

Помимо ФЕ с вышеприведенными числительными, нами выявлены отдельные русские фраземы с числительными «девятнадцать», «сорок» и «сто». Приведем примеры.

В концептуальной картине мира многих этносов, в том числе русского и арабского народов, кошка символизирует поразительную живучесть, грациозность, способность спастись от опасности, что послужило источником деривации русской и арабской поговорок: *кошку девятая смерть донимает*; *القطة بسبع أرواح زي* (букв. *у него, как у кошек, семь душ*) — ‘о живучем, жизнестойком человеке’.

Несовпадение числовых кодов наблюдается также при обозначении очень большого, бесчисленного количества чего-то: *сорок сороков*; *ألوف مؤلفة* (букв. *тысячи тысячи*).

Полностью эквивалентным в изучаемых фразеологических картинах мира оказалось числительное «сто» как символ всецелостности и завершенности; примером могут служить разговорные фразеологизмы *сто на сто, на все сто*; *كل شئ مية مية مية مية* — ‘очень хорошо, полностью’. Эту же семантику выражает и арабский фразеологизм *عشرة عشرة* (*десять на десять*).

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ русских и арабских фразеологизмов с числовыми компонентами дает нам возможность сделать следующие выводы.

- Исследуемые единицы позволяют выявить универсальные и этноспецифичные черты русской и арабской фразеологических картин мира: языковые универсалии связаны главным образом с однотипностью моделей, построенных на ментальном единообразии людей разных этносов, а этноспецифичность представлена своеобразными языковыми образами, которые «демонстрируют наиболее важные для данной этнокультуры объекты — предметы, факты, события» [Маркова 2013: 14].

- В русской лингвокультуре наиболее частотны числа «один», «два», «три» и «семь», в арабской лингвокультуре — числа «один» и «два», в меньшей степени — «пять», «семь» и «десять».

- Самую большую группу составляют эквивалентные фразеологизмы с числовыми компонентами (68 единиц, т. е. 56,5 %). Мотивировка значительной их части связана с общим для обоих языков обобщенно-символическим значением лексемы «один».

- Культурно-национальное своеобразие, характерное для ряда арабских ФЕ, объясняется употреблением других культурных кодов, отражающих реалии среды обитания, исторический опыт образного видения мира, а также религиозность арабского народа.

• Среди изучаемых единиц преобладают фразеологизмы с числовыми компонентами, описывающие негативные качества человека и предмета (51,6 %), в чем проявляются общие закономерности русской и арабской фразеологии с числовым компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАСРЯ = Большой академический словарь русского языка. Т. 12 / под ред. А. С. Герда. — М.; СПб.: Наука, 2009. 656 с.
2. БФСРЯ = Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. 4-е изд. — М.: АСТ-пресс, 2010. 784 с.
3. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. — М.: Вече, 2006. 528 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
5. Зубкова Л. Г. Истоки и эволюция антропологического подхода к языку // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
6. Кальсум Мадкан. Далалъятъ Аль-Адад фи аль-Куран аль-Карим (Семантика числа в Священном Коране) // Аль-Асаръ: журн. — Алжир. 2012. № 14, июнь. С. 105—118.
7. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. С. 144—238.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. 416 с.

Mohammed Abdelfattah Abu Elela
Cairo, Egypt

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMERICAL COMPONENT IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

ABSTRACT. *The article analyzes Russian and Arabic phraseological units with a numerical component which are a universal code of the culture. Linguoculturological analysis revealed both common and specific features of numerical symbols in the worldviews of Russian and Arab peoples. There are examples of identical and totally different images in the basis of a phraseological unit. The most frequent numbers in the Russian linguoculture are “one”, “two” and “seven”, while in Arabic linguoculture they are “one” and “two” and to some extent “five”, “seven”, and “ten”. Most similar are phraseological units representing symbolic meanings of “one” and “two”, as these numbers have a universal meaning (one is the beginning, unity, integrity and superiority; two is contradiction, opposition, complementarity). Cultural and national identity is caused by the use of specific culture codes typical of the nation and reflecting the realia, historical experience and religious beliefs. Synonymous phraseological units may have different evaluative semantics (for instance, the equivalent of the Russian expression “стричь под одну гребенку” (tar with the same brush) has a positive connotation in Arabic as it is used in the sacred Muslim text). Some phraseological units are based on the peculiarities of writing (“ноль без палочки” – a zero without a one in Arabic is “ноль слева” zero on the left). Among the analyzed lexemes phraseological units with a numerical component emphasizing negative qualities of a person or an object are more frequent, which is the similarity of the Russian and Arabic phraseology; many of the analyzed units refer to slang or colloquial language.*

KEYWORDS: *phraseological unit; culture code; motivational image; Russian; Arabic; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mohammed Abdelfattah Abu Elela, Candidate of Philology, Lecturer of Russian Language, Department of Slavic languages, Faculty of Foreign Languages (Al-Alsun), Ain Shams University, Cairo, Egypt.*

REFERENCES

1. BASRYA = Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 12 / pod red. A. S. Gerda. — M.; SPb.: Nauka, 2009. 656 s.
2. BFSRYA = Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskiy kommentariy / pod red. V. N. Teliya. 4-e izd. — M.: AST-press, 2010. 784 s.
3. Vovk O. V. Entsiklopediya znakov i simvolov. — M.: Veche, 2006. 528 s.
4. Vorob'ev V. V. Lingvokulturologiya. — M.: Izd-vo RUDN, 2008. 340 s.
5. Zubkova L. G. Istoki i evolyutsiya antropologicheskogo podkhoda k yazyku // Russkiy yazyk i rusistika v sovremennom

9. Маркова Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому [Электронный ресурс] // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. — М., 2013. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

10. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей. 2-е изд. — М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

11. Солдуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). — М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с.

12. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19—31.

13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

14. Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. — М.: Наука, 1980. С. 3—58.

15. ТСПАЯ = Ахмед Таймур. Толковый словарь пословиц арабского языка (Аль-Амсалъ Аль-Амийа: машруха ви мураттаба аля аль-харф аль-авал мэн аль-масаль) / под ред. Ахмеда Таймура. 2-е изд. — Каир, 1956. 579 с.

16. Фаттахова Рузиля Фердависовна. Функционально-семантические особенности числительных в составе ФЕ татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 2. С. 199—201.

17. ФСРЛЯ = Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

18. Шкатова В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестн. Петербург. гос. ун-та. 2012. № 1. Т. 7. С. 207—215.

19. ЭСФАЯ = Энциклопедический словарь фразеологизмов арабского языка (Аль-муажам аль-мавуэи лиль-таабир аль-астияхи). Т. II / под ред. Мохаммада Мохаммада Давуда. — Каир, 2014. 1048 с.

kul'turnom prostranstve: tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999.

6. Kal'sum Madkan. Dalaljat' Al'-Adad fi al'-Kuran al'-Karim (Semantika chisla v Svyashchennom Korane) // Al'-Asar': zhurn. — Alzhir. 2012. № 14, iyun'. S. 105—118.

7. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX v. (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka kontsa XX v. / pod red. Yu. S. Stepanova. — M., 1995. S. 144—238.

8. Makovskiy M. M. Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh. — M.: Gumanit. izd. tsentr «VLADOS», 1996. 416 s.

9. Markova E. M. Kul'turnye konnotatsii vtorichnykh nominatsiy pri obuchenii russkomu yazyku kak inoslavyanskomu

[Elektronnyy resurs] // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. — M., 2013. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

10. Serov V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy : bolee 4000 statey. 2-e izd. — M. : Lokid-Press, 2005. 880 s.

11. Solodub Yu. P., Al'brekht F. B. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt). — M. : Flinta : Nauka, 2002. 264 s.

12. Teliya V. N. Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava yazyka // Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. S. 19—31.

13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 s.

14. Toporov V. N. O chislovykh modelyakh v arkhaischeskikh tekstakh // Struktura teksta. — M. : Nauka, 1980. S. 3—58.

15. TSPAYa = Akhmed Taymur. Tolkovyy slovar' posloviits arabskogo yazyka (Al'-Amsal' Al'-Amia: mashruha vi murattaba alja al'-harf al'-aval mjen al'-masal') / pod red. Akhmeda Taymura. 2-e izd. — Kair, 1956. 579 s.

16. Fattakhova Ruzilya Ferdavisovna. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti chislitel'nykh v sostave FE tatarskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2015. № 3. Ch. 2. S. 199—201.

17. FSRLYa = Fedorov A. I. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka : ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits. 3-e izd., ispr. — M. : Astrel' : AST, 2008. 878 s.

18. Shkatova V. V. Frazeologicheskaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniya // Vestn. Peterburg. gos. un-ta. 2012. № 1. T. 7. S. 207—215.

19. ESFAYa = Entsiklopedicheskiy slovar' frazeologizmov arabskogo yazyka (Al'-muazham al'-mavsujei lil-taabir al'-astiljahi). T. II / pod red. Mokhammadada Mokhammadada Davuda. — Kair, 2014. 1048 s.

У Анна
Москва, Россия

ГЕНЕЗИС ЯЗЫКОВ В НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. С точки зрения концепции «мягкой силы» рассматривается, как изменяющиеся геополитические факторы влияют на взаимодействие языков. Эти процессы анализируются на примере русского, украинского, польского, немецкого, английского и китайского языков. В связи с изменением расстановки сил в мире после Первой и Второй мировой войны возросло влияние русского языка и широта распространения русской культуры, повысились позиции русского языка в международном рейтинге языков. Однако исчезновение Советского Союза привело к значительному уменьшению влияния русского языка на языки стран — соседей России. Союзные республики СССР после его распада постепенно расширяют сферы использования своего национального языка, отказываясь от русского в пользу английского в качестве языка международного общения. Различия между польской и русской лингвокультурами обусловлены многовековыми традициями, в том числе религиозными (в Польше самой распространенной конфессией является католицизм, в России — православие), и политическое тяготение украинских властей к странам Запада приводит к вытеснению в качестве влиятельного языка, источника заимствований по отношению к украинскому языку русского языка польским (эта замена облегчается общеизвестной близостью, в том числе в сфере лексики и грамматики, большинства славянских языков). Отмечается неоднозначность данного процесса: такая смена политического курса и языковой политики явилась причиной раскола и гражданской войны на территории Украины. Прогнозируется, что в связи с поворотом России на Восток будет расти взаимовлияние русского и восточных языков, в частности китайского, несмотря на значительные типологические различия между этими языками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геополитика; взаимовлияние культур; лексические заимствования; типологическая близость языков; лингвокультура; политическая лингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У Анна, аспирантка кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; e-mail: wianna1990@gmail.com.

С точки зрения геополитики географические факторы могут сказываться на развитии языка и культуры. Как отмечает американский лингвист Леонард Блумфилд в своей монографии «Лингвистика», заимствование речевых форм на уровне культуры обычно является взаимным и имеет разные типы, самый распространенный из которых — это заимствование слов [Bloomfield 1973: 441]. Действительно, несмотря на то, что разные языки могут относиться к неродственным языковым семьям и разным языковым типам, это не является препятствием для языкового обмена, в том числе в виде заимствования слов. В связи с этим С. П. Анохина писала: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всякой исторической связи между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически и географически. Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строе языка и в эволюционном процессе...» [Анохина 2012: 11]. Для того чтобы объяснить причины сходжений между разными языками, мы решили рассмотреть общие характерные черты из сравниваемых языков. В данной статье рассматриваются также политические и лингвокультурные факторы, влияющие на изменения языка.

В качестве объекта исследования выбраны польский и украинский языки, каждый из которых имеет свою национальную специфику. Тем не менее в связи с изменением политических особенностей и структуры

власти на Украине в языке и культуре этой страны стало заметным влияние польского языка и культуры Польши. Помимо политических факторов, влияние польского языка на украинский обусловлено также географическими причинами — соседством с Польшей. В результате мы наблюдаем смену вектора влияния: снижается традиционное влияние русского языка на украинский, а также русской культуры на культуру этой страны.

Польский и русский языки являются родственными — славянскими, входящими в индоевропейскую языковую семью, но относятся к разным языковым группам, а говорящие на указанных языках народы относятся к разным лингвокультурам, различия между которыми обусловлены в том числе религиозными традициями. Русский язык — один из восточнославянских языков, польский — один из западнославянских. В двух языках имеется много сходств, не только в фонетике, но и в семантике. Например, совпадает или близко звучание некоторых слов с одинаковыми значениями: *кора* — *kora*, *плод* — *plód*, *окно* — *okno*, *ухо* — *ucho*, *палец* — *palec*, *нос* — *nos*, *нога* — *noga* и т. д. В русском и польском языках есть этимологически родственные существительные, близкие по звучанию и совпадающие в роде, например: *листок* — *listek*, *корень* — *korzeń* (м. р., ед. ч.); *кора* — *kora*, *спина* — *spina* (ж. р., ед. ч.); *колени* — *kolano* (ср. р., ед. ч.) и т. д. Кроме того, часто совпадают в роде и заимствованные слова: *фундамент* — *fundament*, *колонна* — *kolonna* и т. д. В этих языках имеется сходство и в фразеологии:

знать, как свои пять пальцев [Ожегов 1986: 421] — *znać jak swoje pięć palców* [Большой русско-польский словарь 1970, т. 1: 787]; *смотреть сквозь пальцы* [Ожегов 1986: 421] — *patrzeć przez palce* [Большой русско-польский словарь 1970, т. 1: 787] — в данных примерах внутренняя и внешняя форма фразеологизмов одинакова. Подобные совпадения создают условия для безболезненной переориентации украинского языка с русского на польский в новых геополитических обстоятельствах.

С точки зрения геополитики следует отметить, что Польша располагается большей частью на Среднеевропейской равнине, имеет границу с многими европейскими странами, что может объяснить и выбор алфавита: польский язык пользуется латиницей (это обусловлено в том числе доминирующей в Польше религией — католицизмом), в отличие от большинства языков восточнославянской и южнославянской группы. Польская культура находилась под сильным влиянием западной цивилизации, в результате чего в польском языке появилось много заимствованных слов из западных языков (особенно много латинизмов), в последнее время растет количество заимствований из английского языка, и до сих пор влияние западной культуры по политическим соображениям не ослабевает. Можно предположить, что при сохранении существующей динамики языкового развития в отдаленном будущем следует ожидать перехода и украинского языка на латиницу.

Смена вектора «лингвополиткультурного» влияния является основой переориентации украинского языка на польский, т. е. после многовекового цикла ориентации на русский мир и русский язык наблюдается разворот украинской ментальности в сторону польской ментальности и языка, а через них — к западному миру и его культуре (остается открытым вопрос о количестве поддерживающих такой курс жителей этой страны). Однако такая смена политического курса явилась причиной раскола и гражданской войны на территории Украины. Таким образом, важность факторов культуры и языка нельзя переоценить, и сам процесс межкультурной коммуникации (и конфронтации) может служить причиной важных исторических событий.

Вместе с тем украинский язык имеет много сходных с русским языком особенностей. Близкие соответствия есть в фонетике и графике, используется письменность на кириллической основе, что связано в том числе с культурным единством — доминированием одной, православной веры. Впрочем,

в отличие от русского, в украинском алфавите нет букв Ёё, Ъъ, Ыы, Ээ, зато есть отсутствующие в русском алфавите буквы Гг, Єє, Іі, Ії. Большинство слов обоих языков демонстрирует общее происхождение, многие слова полностью совпадают; приведем примеры: *ветер* — *вітер*, *библиотекарь* — *бібліотекар*, *десять* — *десять*, *дружба* — *дружба* и др. [Ганич, Олейник 1998: 6]. Заимствованные слова в обоих языках совпадают по роду: *чай*, *баскетбол* и др. [Ганич, Олейник 1998: 16]. Несмотря на то, что в этих двух языках слова пишут и произносят близко или одинаково, имеются различия в значении одинаково звучащих слов. Примером может служить слово *жаль*: в русском языке оно используется как предикативное наречие, обозначающее сожаление и жалость; в украинском языке слово *жаль* употребляется в двух значениях: 1) как наречие — обладает подобным русскому слову смыслом; 2) как существительное для обозначения *скорби*, *горечи* [Ганич, Олейник 1998: 336].

С точки зрения грамматики русский и украинский языки также имеют сходства: оба они выделяют категории вида, наклонения, времени, лица, числа и залога. В отличие от русского, в украинском языке существительные изменяются по семи падежам (в русском языке нет форм звательного падежа). Если принять во внимание современные тенденции развития украинского языка, становится очевидно, что в нем после распада СССР в 1990-х гг. свершилась «революция».

Не только Украина, но и другие союзные республики СССР после его распада постепенно расширяют сферы использования своего национального языка, отказываясь от русского в пользу английского в качестве языка международного общения.

Кроме того, в процессе развития русский язык и сам в определенной степени испытывает влияние западной языковой культуры, особенно в лексике, причем и в грамматике увеличивается сходство с языками Запада, в первую очередь с английским, что проявляется в росте аналитизма.

Особого внимания с точки зрения взаимовлияний с русским заслуживает немецкий язык: уже несколько веков немецкий язык играет в данном аспекте важную роль и стимулирует развитие русского языка, «дальним родственником» которого является. В русском языке существует множество слов, этимологически восходящих к общим с немецким языком индоевропейским корням, например: *du* — *ты*, *Nase* — *нос*, *Auge* — *око*, *Schwein* — *свинья*, *neu* — *новый*, *sitzen* — *сидеть*. При этом с Петровской эпохи возникали и развивались культурные и политиче-

ские связи с Германией, откуда заимствовались не только слова, но и элементы культуры, одежды, быта и т. д. С точки зрения генетического родства немецкий и русский языки демонстрируют сходство в грамматических категориях глаголов: в обоих языках глаголы изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям. Например, в нем. *sagst* флексия *-st* выражает 2-е лицо, ед. ч. наст. или прош. вр., изъяв. или сосл. наклонения. В русском языке глагольная флексия *-ишь* в словоформе *говоришь* также выражает 2-е лицо, ед. ч., наст. вр. изъяв. наклонения [Анохина 2012: 53]. Русский и немецкий языки относятся к индоевропейской семье и, естественно, имеют многие сходные черты. Это сходство выражается и в словообразовании: оба языка используют одни и те же словообразовательные способы — аффиксацию, словосложение, субстантивацию.

После распада СССР политические связи между Россией и Германией окрепли и расширились, и распространение немецкого языка активизировалось в 1990-е гг. в России, но позже все-таки сменилось доминирующим влиянием английского языка.

В языках стран Центральной и Восточной Европы взаимовлияние в языковой сфере зависит от меняющихся исторических факторов, а также от идеологической и культурной совместимости. Приведем пример: после Первой и Второй мировой войны расстановка сил в мире изменилась, использование русского языка во всем мире и его влияние на другие языки в основном увеличивались, позиция в рейтинге мировых языков также повышалась. Однако развал Советского Союза изменил как степень культурного влияния русского мира, так и языкового влияния России на соседние страны. Изменились сферы влияния, поменялся вектор российской геополитики: восточные страны стали более близкими в культурном и ментальном плане, чем ближайшие западные соседи (кроме Белоруссии). Новое состояние неминуемо приведет к языковому взаимовлиянию в связке *Россия — Восток*, хотя здесь значительные типологические различия языков ограничивают потенциал взаимовлияния в языковой сфере. Тем не менее в китайском языке можно отметить заимствования из русского, многие из которых осуществлялись путем переводческой транслитерации, т. е. максимально близкой передачей звучания русских слов. Такие заимствованные слова касаются многих областей — не только пищи и напитков, но и поли-

тики, торговли и др. Приведем примеры: *водка* (伏特加); *квас* (克瓦斯); *хлеб* (赫列夫); *Дума* (杜马); *большевик* (布尔什维克); *Совет* (苏维埃); *ведро* (维得罗) и др. [Jiang 2011: 75].

Однако активизируется и обратный процесс: увеличивается число русскоязычных студентов, изучающих китайский язык, которые становятся проводниками заимствований из китайского в русский. Заметим, что заимствования разных периодов из китайского в русский включают не только тривиальные примеры типа *кун-фу*, *Шаолинь*, *байховый*, *шарпей*, *хунвейбин* и др., но и слова с философским и духовным содержанием: *дзен*, *фэншуй*, *дао*, *инь*, *ян* и т. д.

Культурная и языковая политика как важный фактор международного обмена в значительной степени влияет на диалог и сближение культур, содействует укреплению связей между языками, одновременно препятствуя поглощению одних языков другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков : учеб. пособие / под общ. ред. О. А. Костровой. — М. : Флинта : Наука, 2012. 208 с.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учеб. для вузов. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
3. Большой русско-польский словарь : в 2 т. / сост. И. Грек-Пабис, И. Дулевич, И. Марыняк, А. Мирович. — М. : Сов. энциклопедия; Варшава : Ведза Повшехна, 1970.
4. Виноградов В. В. История слов. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1994. 1142 с.
5. Ганич Д. И., Олейник И. С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. — Киев : А.С.К., 1998.
6. Гу Байлинь. К вопросу об отборе лексики и формировании словника «Китайско-русского словаря» // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1989. Вып. 22 : Языкознание в Китае. С. 191—201.
7. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1975. Вып. 7 : Социолингвистика. С. 320—335.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1986. 800 с.
9. Складаревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. — СПб., 1998. 700 с.
10. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1972. Вып. 6 : Языковые контакты. С. 61—80.
11. Цзян Ямин. Изучение китайских заимствований из русского языка // Вестн. Тяньцзиньского ун-та иностранных языков. 2011. № 2. С. 73—78.
12. Bloomfield L. Language. — London : George Allen & Unwin LTD, 1973.
13. Gumperz J. J., Hymes D. (eds.). Directions in Sociolinguistics. — New York, 1972.
14. Inglehart R., Woodward M. Language conflicts and political community // Language and social context / ed. by P. P. Giglioli. — Harmondsworth : Penguin Books, 1982. P. 358—378.
15. Kreindler I. T. The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Socio-linguistic perspectives on Soviet national languages: their past, present and future / ed. by I. T. Kreindler. — Berlin, etc. : Mouton de Gruyter, 1984. P. 345—367.

Wu Anna

Moscow, Russia

GENESIS OF LANGUAGES IN THE NEW POLITICAL REALITY

ABSTRACT. *The article describes the influence of the changes of geo-political factors on the development of languages from the point of view of “soft power” phenomenon. These processes are studied on the basis of Russian, Ukrainian, Polish, German, English and Chinese. Due to the shift of power after the first and second World Wars, the influence of the Russian language grew, the Russian culture became popular and Russian moved up the international rating of languages. After the collapse of the USSR the Russian language didn't have much influence on the neighbouring countries any more. The former USSR republics stimulate the usage of their national languages, Russian is replaced by English, as it is the language of international communication. The differences between Polish and Russian linguocultures are caused by traditions, including religious traditions (Catholic religion is dominant in Poland, while in Russia it is Orthodoxy). As for Ukraine, their political attraction to the Western countries turns Polish into the source of borrowings instead of Russian (such easy replacement is explained by the similarities of Slavic languages). There are many contradictions in this process: the change of political course of Ukraine split the country and led to the Civil War on the territory of Ukraine. The current political situation in the world stimulates cooperation between Russia and China. We believe that Russian and Chinese will influence each other, although these languages have a lot of typological differences.*

KEYWORDS: *geopolitics; mutual interaction of cultures; lexical borrowings; typological classification of languages; linguoculture; political linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Wu Anna, Post-graduate Student of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Anokhina S. P., Kostrova O. A. Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov : ucheb. posobie / pod obshch. red. O. A. Kostrovoy. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 208 c.
2. Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika : ucheb. dlya vuzov. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 315 s.
3. Bol'shoy russko-pol'skiy slovar' : v 2 t. / sost. I. Grek-Pabis, I. Dulevich, I. Marynyak, A. Mirovich. — M. : Sov. entsiklopediya; Varshava : Vedza Povshekhna, 1970.
4. Vinogradov V. V. Istoriya slov. — M. : In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 1994. 1142 s.
5. Ganich D. I., Oleynik I. S. Russko-ukrainskiy, ukrainsko-russkiy slovar'. — Kiev : A.S.K., 1998.
6. Gu Baylin'. K voprosu ob obore leksiki i formirovanii slovnika «Kitaysko-russkogo slovary» // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1989. Vyp. 22 : Yazykoznanie v Kitae. S. 191—201.
7. Labov U. Otrazhenie sotsial'nykh protsessov v yazykovykh strukturakh // Novoe v lingvistike. — M. : Progress, 1975. Vyp. 7 : Sotsiolingvistika. S. 320—335.
8. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 57 000 slov / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — 18-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1986. 800 c.
9. Sklyarevskaya G. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya. — SPb., 1998. 700 s.
10. Khaugen E. Yazykovoy kontakt // Novoe v lingvistike. — M. : Progress, 1972. Vyp. 6 : Yazykovye kontakty. S. 61—80.
11. Tszyan Yamin. Izuchenie kitayskikh zaimstvovaniy iz russkogo yazyka // Vestn. Tyan'tszin'skogo un-ta inostrannykh yazykov. 2011. № 2. S. 73—78.
12. Bloomfield L. Language. — London : George Allen & Unwin LTD, 1973.
13. Gumperz J. J., Hymes D. (eds.). Directions in Sociolinguistics. — New York, 1972.
14. Inglehart R., Woodward M. Language conflicts and political community // Language and social context / ed. by P. P. Giglioli. — Harmondsworth : Penguin Books, 1982. P. 358—378.
15. Kreindler I. T. The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Socio-linguistic perspectives on Soviet national languages: their past, present and future / ed. by I. T. Kreindler. — Berlin, etc. : Mouton de Gruyter, 1984. P. 345—367.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.111'42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

С. В. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

З. З. Чанышева
Уфа, Россия

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. В статье изложены процедуры проведения лингвистической экспертизы идеологической составляющей политического текста. В качестве эмпирического материала исследования выбрано выступление 45-го американского президента Дональда Трампа на 72-й сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2016 года и ответные реакции на него в мировой прессе. Данная речь квалифицируется авторами как типичный образец современного конфликтного дискурса в политической коммуникации. В работе использован лингвокультурологический подход, рассматривающий идеологическую составляющую текста как разновидность культурно-ценностной информации. Лингвокультурологический подход при анализе материала сочетается с компонентным, контекстуальным и дискурсивным методами. В процессе анализа выработана трехуровневая модель экспертизы текста, которая включает 1) уровень языковых элементов текста, 2) уровень реализации культурологической модальности, который отвечает за актуализацию категорий лингвокультурологической парадигмы и лингвополитики, и 3) дискурсивный уровень, отражающий особенности лингвополитического моделирования информации о политической реальности и соответственно содержащий экспликацию идеологической модальности. В результате лингвистической экспертизы установлена роль идеологических коннотаций, отображающих в сознании субъекта политического дискурса культурно-ценностное представление о проблемах мироустройства. На категориальном культурологическом уровне выявлены условия функционирования категорий «свои» / «чужие», «прецедентность», «политическая власть», «категория политической асимметрии и неравенства» в межкультурном пространстве. На уровне дискурсивной организации текста показана роль идеологических ценностей американской лингвокультуры в лингвополитическом моделировании миропорядка, продолжающем традиции политики «постправды» относительно актуальных событий в настоящем, ценностных оценок прошлого и прогнозов будущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; политический дискурс; лингвокультурологическая парадигма; лингвокультурологическая модальность; лингвополитический подход; информационное моделирование; идеологические оценочные коннотации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет; 450074, Россия, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 16; e-mail: chanyshvezazz@yandex.ru.

Введение

В последние годы отмечается активный перенос методов лингвистической экспертизы из области юстиции в другие сферы [Баранов 2009]. Этот подход следует признать крайне востребованным в исследовании современного политического дискурса, в котором нередко существует конфликтность в толковании, освещении, оценке и прогнозах развития ситуаций. Сам политический дискурс в этом контексте нередко приобретает характеристики, порождающие и углубляющие конфликт в условиях войны слов. Сегодня как никогда раньше ощущается влияние лингвистического фактора как мощного политического ресурса в обществе, как орудия разжигания вражды и ненависти, как инструмента лингвополитического моделирования действительности, часто не имеющего ничего общего с реальностью [Луман 2005: 13, 120—121; Маклюэн 2003; Чанышева 2016]. Цель настоящей статьи заключается в определении специфики проявления идеологии как неотъемлемой черты политического конфликтного дискурса с

позиций лингвокультурологии и лингвополитики.

Превращение дискурса в междисциплинарную область знания является следствием того, что он представляет собой тот методологический узел, в котором сходятся интересы различных направлений исследований (Н. Ф. Алефиренко, П. Бурдье, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Ю. Руднев, D. Edwards, M. Foucault, M. Pêcheux). Такой подход к интерпретации дискурса не мог не отразиться на понимании дискурсивного анализа, возникшего в 1970-е гг. на стыке ряда дисциплин и получившего в середине 1980-х гг. статус автономного научного направления. Среди исходных дисциплин, стоявших у истоков дискурс-анализа, большую роль сыграла теория идеологии, которая также разрабатывалась в междисциплинарном контексте в трудах социологов, философов, литературоведов, политиков, хотя так и не получила до сих пор общепринятых концепций. По-прежнему не определен статус идеологии относительно культуры, языка и дискурса, не установлены уровни ее анализа в дискурсе, не выявлены механизмы экспертизы

© Иванова С. В., Чанышева З. З., 2018

идеологических коннотаций в конфликтогенном дискурсе. Наконец, принципиально важным представляется установление связи между идеологической составляющей текста и лингвополитическим оформлением и подачей реальных событий в прессе. Эти и сопряженные с ними проблемы рассмотрены ниже в аналитическом обзоре.

Аналитический обзор литературы

Для решения задач исследования прежде всего необходимо уточнить понимание лингвистической экспертизы как метода формально-содержательного анализа текста. Данный метод предполагает пошаговое исследование идеологического компонента анализируемого объекта, соотносимое с речевой интенцией говорящего, что обуславливает обоснованную аспектизацию объекта, которая должна учитывать специфику проявления его отдельных сторон и форм обнаружения в интертекстуальном пространстве. Все это в совокупности ведет к диверсификации лингвистических процедур на различных этапах анализа. В проведенном исследовании в фокусе внимания находится идеологическая составляющая политического текста, которая определяется с позиций лингвокультурологии и лингвополитики как культурно-ценностная основа для освещения событий и оказания под этим углом зрения воздействия на целевую аудиторию. Это означает возможность оценить ее как автономный объект лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, создаваемых в политической коммуникации.

Прежде всего необходимо уточнить ключевые понятия, раскрывающие связь между теорией идеологии и теорией дискурса. В объемной монографии британского философа Терри Иглтона «Ideology: An Introduction» в обзоре подходов фигурирует около десяти определений, в которых идеология рассматривается как система идей, взглядов, представлений, понятий, характеризующих социальную группу, класс, партию; набор политических убеждений, образующих основу политической и экономической систем; как нейтральное понятие или с негативной окраской [Eagleton 1991]. В собственной концепции исследователь подчеркивает еще ряд важных политических и дискурсивно ориентированных признаков идеологии: она нацелена на то, чтобы легитимизировать и рационализировать интересы правящего класса; относится не к языку, а к дискурсу; реализуется в модели высказывания, включающей следующие компоненты: субъект речи (**кто?**), предмет высказывания (**о чем?**),

адресат (**кому?**), конечный результат (**с какой целью?**) [Eagleton 1991].

Идею о привязке идеологии к дискурсу одними из первых стали развивать французские философы М. Фуко и М. Пешё. Согласно М. Фуко, наука, знание и идеология связаны с властью и отнюдь не противопоставлены друг другу. Власть выполняет репрессивную и идеологическую функции: надзирать, наблюдать, контролировать [Фуко 1996]. Свое понимание власти и идеологии автор связывает с «дисциплинарным» обществом и инквизиторской цивилизацией. Особую ценность для современных исследований имеют утверждения М. Фуко о том, что производство дискурса одновременно контролируется и подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, общей целью которых является обуздание властных полномочий [Фуко 1996]. Его теория также пополняет типологию дискурса критерием истинности/ложности, что сегодня в дискурсивной практике, связанной с актуальными проблемами, приобретает исключительную значимость. Это разграничение, известное древним грекам, связывало организацию истинного дискурса с надлежащим исполнением ритуала. Предложенный параметр был пересмотрен и уточнен М. Фуко и принял форму утверждения о соответствующем традиции и принятом в обществе способе рассуждения о чем-либо. В статье «Порядок дискурса» ученый излагает принципы, запреты и правила в организации дискурса, представляющего стихию, которую следует сознательно ограничивать, «устрашающую силу...<...>», то, чем сражаются, власть, которой пытаются завладеть» [Фуко 1996].

Развивая мысли М. Фуко, его последователь М. Пешё уточняет отношения между дискурсом и идеологией, подчеркивая, что идеология материализуется в дискурсе, который, следовательно, функционирует в сфере классовых отношений. Подхватив идею дискурсивных практик, исследователь разработывает понятие «матрицы смысла», в качестве которой выступает идеология, и соотносит ее с субъектом. Тем самым цепочка *идеология — дискурс* пополняется за счет недостающего звена в виде *субъекта*. Полученная таким образом связка *идеология — дискурс — субъект* позволяет преодолеть в фуконианской концепции бессубъектность дискурса, принимающую форму чрезмерного объективизма (см.: [Кожемякин 2008]).

Как следует из определений идеологии и ее целевого использования, она самым тесным образом связана с теорией дискурса и

дискурс-анализом. Труды упомянутых выше французских философов подготовили почву для появления концепций дискурса Р. Водак, Т. А. ван Дейка, Н. Фейрклафа. В своих монографиях Т. А. ван Дейк не только разработал наиболее популярную схему дискурс-анализа, но и показал, как дискурс используется для достижения целей идеологии: влиять на формирование и изменение ценностей, норм, оценок, которые определяют модели жизненного опыта; манипулировать массовым сознанием, насаждая определенные императивы и узаконивая существующие политические структуры разделения властей и укрепляя позиции доминантных социальных классов и групп [Dijk 1998]. Основатели критического дискурс-анализа исследуют возможности изменения дискурсивных смыслов благодаря разным инструментам интертекстуальности.

Оценивая роль идеологии в современном обществе, отметим ее ценностно-культурный ресурс для политики в целом и политического дискурса в особенности и согласимся с выводом С. Г. Тер-Минасовой о том, что понятие идеологии «закономерно перешло из лагеря беспристрастной науки на просторы политической борьбы за умы и сердца людей» [Тер-Минасова 2007: 33]. Не случайно выявление и изучение идеологического компонента в политическом дискурсе является сегодня актуальным направлением в политической лингвистике. Его исследуют в рамках когнитивного, дескриптивного и критического подходов, причем с позиций последнего выявляются маркеры социального, властного, политического неравенства, выраженного в дискурсе [Дейк 2013; Карасик 2004]. Принимая распространенный взгляд на политический дискурс как на институциональный, отметим тем не менее наличие в нем медийных характеристик лично ориентированного дискурса в силу его обращенности к массовой аудитории, установку на оказание манипулятивного речевого воздействия, управление информационным пространством, осуществление жесткого контроля над информированием массового читателя и навязывание ему аксиологической картины политического миропорядка. Эти черты наиболее ярко проявляются в конфликтогенном дискурсе, который обладает спецификой содержательно-формального, ценностного культурно-смыслового и дискурсивного характера [Чанышева, Хазиева 2015].

Обсуждение полученных результатов

Экспертная оценка идеологической составляющей конфликтогенных текстов де-

лалась в процессе исследования с опорой на лингвокультурологические процедуры с привлечением компонентного, контекстуального, дискурсивного методов анализа. Одно из преимуществ лингвокультурологической парадигмы состоит в том, что она предлагает исследователю надежный инструментарий для выявления и верификации идеологической информации в тексте. Идеологическая обусловленность единиц, формирующих политический дискурс, проявляется в виде ценностных коннотаций, которые можно использовать в качестве материала для интерпретации их культурной значимости. Предлагаемая экспертиза осуществляется в данном исследовании на трех уровнях анализа, который нацелен на выявление идеологической направленности текста и идеологической нагрузки его компонентов: 1) на уровне отдельных языковых единиц (слов, словосочетаний разного типа); 2) на более высоком, культурологическом уровне, отвечающем за актуализацию культурологической модальности в тексте; 3) на уровне дискурсивной организации текста как знака культуры и носителя ценностной информации. Выделение первого уровня связано с передачей языковой единицей денотативных и коннотативных значений, отвечающих за трансляцию оценочных отношений. Необходимость проведения анализа на культурологическом и дискурсивном уровнях обусловлена пониманием того, что ценности существуют в системе культуры и в системе дискурса [Марьянчик 2013: 8].

Согласно предложенной схеме, носители идеологической коннотации элементарного уровня устанавливаются по их способности вызывать ценностные ассоциации и представления у зрелого члена сообщества. В межкультурной коммуникации приходится учитывать, что нередко возникает конфликт культур в результате несовпадения порождаемых одними и теми же сигналами ассоциаций. Например, положительные оценочные смыслы, которые актуализировала номинация *КГБ* в сознании советских людей, были связаны с представлением об организации, имевшей целью обеспечить безопасность граждан, гарантировать защиту страны от внешних врагов, что вызывало чувство уважения и благодарности за сохранение порядка и законности в стране. В англоязычных лексикографических изданиях это словосочетание имеет помету, свидетельствующую о негативных ассоциациях в массовом сознании на Западе: *carrying on an impressively orchestrated psywar against the dissidents, the world's largest infamous secret-police and espionage organization* [Oxford Dic-

tionary]. Подобные идеологические и иные культурные и страноведческие коннотации обычно закрепляются в словарях культурологической направленности в форме сведений культурного характера [Газизов, Мурашов 2016; Иванова 2002; Чанышева, Дьяконова 2007].

На категориальном уровне лингвокультуры экспертиза основывается на выявлении культурно-идеологической информации на материале средств репрезентации лингвокультурологических категорий (свой/чужой, прецедентность, политкорректность [Иванова, Чанышева 2010; Иванова 2016]). На наш взгляд, помимо указанных выше, в экспертизе политического дискурса необходимо учитывать также категории политической лингвокультуры, включающие политическую власть, политическую культуру, властную и политическую асимметрию во внутрикультурном и межкультурном политическом пространстве. По свидетельству многих ученых, исследующих оппозицию «свои» / «чужие» в межкультурном пространстве, она получает своеобразное преломление на классической эмоциональной шкале, отражая достаточно субъективный характер квалификации своих и чужих в терминах «хорошее» / «плохое» (А. Н. Баранов, Л. И. Гришаева, С. В. Иванова, В. Б. Кашкин, В. В. Красных, А. А. Матвеева). Исследования показывают, что в политической коммуникации эта оппозиция лежит в основе конфликтных ситуаций, возникающих, как правило, из-за идеологических разногласий [Чанышева, Хазиева 2015]. В терминах лингвокультуры на данном уровне целесообразно говорить о проявлении культурологической модальности, которая отвечает за оценку с точки зрения принятых в обществе норм, при этом шкалирование осуществляется между полюсами «добро ÷ зло» посредством выражения одобрения/неодобрения [Иванова 2017: 174].

На уровне дискурсивной организации текста лингвистическая экспертиза направлена на интерпретацию идеологического компонента в культурно-ценностном поле текста, представляющем фрагмент ценностного поля культуры. На идеологическую суть ценностного параметра культуры справедливо указывал еще Р. Барт, подчеркивая, что любой индивид с рождения погружен в определенную идеологическую атмосферу, вынужден читать и усваивать ту Книгу культуры, которую предложили ему его эпоха, среда, социальное положение, система воспитания и образования, существовавшая в его время [Барт 2001]. Отличая текст от произведения, ученый сделал вывод о первичности текста как носителя коннотаций, упо-

добляя текст морю социокультурных смыслов [Косиков 2004]. Этот уровень анализа является базовым, так как он оперирует категорией «ценность» (value), пронизывающей всё пространство культуры, образующей ее ядро и локализуемой на всех уровнях дискурсивного представления политической реальности. Привязка ценности к культуре является важным фактором, поскольку «каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности» [Шаховский 2008: 289]. В полной мере это положение относится к политической культуре и идеологическим ценностям.

На этом уровне экспертизы на первый план выходит анализ способа лингвополитического моделирования ситуаций, поскольку массовый читатель оказывается в плену информационной картины миропорядка, которая, следуя традициям политики постправды [Mearsheimer 2011], часто представляет собой продукт, радикально отличающийся от реальности. В итоге политическая реальность вытесняется удобной практикой ее языкового программирования, поскольку в условиях сформировавшегося информационного сообщества происходит «триумф информации, которая ведет к гибели политики», о чем предупреждал французский социолог Пьер Бурдьё [Бурдьё 2002].

В информационной войне ведущим стал принцип «язык против реальности» [Щипков 2014], и, судя по имеющимся материалам, политически ангажированная лингвистика закрепились прочно и, как представляется, надолго в современных средствах информации на Западе, что и определяет качество ее информационного продукта. Знаменитый американский лингвист, философ и политический публицист Ноам Хомский дает пример манипулятивного использования языка из новейшей истории, сравнивая события в январе 2015 г. в Париже (теракт в редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо») и события в Югославии в 1999 г. (натовский обстрел ТВ-центра в Сербии). Его обвинение направлено против лицемерия и пристрастного освещения аналогичных событий с позиций «своих» и «чужих»: *Charlie Hebdo attacks were terrorism, but so was NATO strike on Serbian TV building in 1999. "Their" crimes are terror attacks, while "Our" attacks are not crimes but are noble defense of values (Атака на „Шарли Эбдо“ была терроризмом, но таковыми были и удары по зданию телецентра Сербии в 1999. „Их“ атаки приобретают квалификацию террористических, в то время как „наши“ атаки являются не преступлением, но благородной защитой ценностей)* [Chomsky 2015].

Изложенные выше принципы анализа политического дискурса и сама модель экспертизы использованы нами в ходе анализа первого выступления Дональда Трампа на 72-й сессии Генассамблеи ООН [Trump], которое можно квалифицировать как типичный пример конфликтогенного дискурса, спровоцировавшего лавину ответных не менее агрессивных и воинственных реакций со стороны различных средств массовой информации.

Начиная экспертизу с анализа лексической семантики и культурно-идеологических коннотаций, обратим внимание на фрагменты выступления, в которых на идеологический компонент содержания приходится наибольшая нагрузка. Самый сильный резонанс в мировой прессе получил выпад американского президента против КНДР и его руководителя Ким Чен Ына, в отношении которого Трамп, заслуживший славу создателя политических прозвищ, приберег обидный ярлык *Little Rocket Man / Маленький человек-ракета*. Эта наиболее агрессивная часть выступления построена на ключевых единицах экспрессивной лексики, создающей образные и эмоционально-оценочные негативные коннотации, призванные мотивировать и оправдать выносимый в речи суровый и страшный вердикт: *the scourge of our planet, reckless nuclear program, rogue regime, regime's deadly abuse, this band of criminals, imperils the world, hostile behavior, unthinkable loss of human life, Rocket Man is on a suicide mission for himself and the country, totally destroy the country, etc.* (планетарный бич, необдуманная ядерная программа, преступный режим, смертельная угроза режима, банда преступников, угрожает миру, враждебное поведение, непоправимые потери человеческих жизней, Человек-ракета выполняет самоубийственную миссию в отношении себя и своей страны, полностью разрушает страну и т. п.). В структуре значений приведенных единиц имеются компоненты, указывающие на негативную личностную, политическую и идеологическую характеристику лидера Северной Кореи и атмосферы в стране: *utterly unconcerned about the consequences of some action; without caution; careless; belonging or appropriate to an enemy; showing the disposition of an enemy; showing ill will and malevolence, or a desire to thwart and injure; dangerous esp. to life: destructive to one's own interests* [Merriam-Webster].

Второй мишенью для злобных нападок стало руководство Ирана, в отношении политики которого также использована лексика, указывающая на якобы агрессивный

политический курс и диктаторский режим страны, обстановку беззакония с актами насилия, кровопролитие и смерть: *murderous regime, corrupt dictatorship, speak openly of mass murder, vow death to America, destruction to Israel, ruin for many leaders, violence, bloodshed, chaos, longest-suffering victims of Iran's leaders, etc.* (режим-убийца, коррупцированная диктатура, открыто говорит о массовых убийствах, прокликает Америку, разрушение Израиля, уничтожение многих лидеров, насилие, кровопролитие, хаос, многострадальные жертвы лидеров Ирана и т. д.) [Trump]. Компонентный анализ вскрывает семантические элементы в значениях приведенных единиц, призванных создать образ непримиримого врага «демократии по-американски» (*having the purpose or capability of murder, characterized by or causing murder or bloodshed, having the ability or power to overwhelm; devastating; shedding or spilling of blood; slaughter; the act of shedding human blood, or taking life, as in war, riot, or murder* [Merriam-Webster]).

Щедро рассыпая злостные эпитеты в адрес лидеров этих стран, Дональд Трамп объединяет их, а заодно и лидера Венесуэлы Николаса Мадуро, руководителей Кубы и бывшего Советского Союза, одной идеологической доктриной — социализма, которую обвиняет в исторической несостоятельности и неизбежном крахе: *socialism/communism delivered anguish and devastation and failure, the tenets of these discredited ideologies, failed ideology that has produced poverty and misery everywhere it has been tried, live under these cruel systems, rogue regimes* (социализм/коммунизм принес боль, разрушение и упадок; главные принципы этих дискредитированных идеологий; провальная идеология, которая породила нищету и страдание везде, где ее пытались применить; жить под гнетом этих жестоких систем; преступные режимы). Высказанные обвинения в адрес идеологического врага суммированы в базовом противопоставлении «своих» и «чужих» в формуле “*If the righteous many do not confront the wicked few, then evil will triumph*” (если добропорядочное большинство не будет противостоять малому количеству нечестивцев, то зло восторжествует), повторяющей прецедентную формулировку Дж. Буша-старшего о странах «оси зла» (*axis of evil states*), запущенную в оборот в 2002 г. Кого же Трамп причисляет к «своим», представляющим «добропорядочное большинство»? По мнению американского президента, это — сильные независимые страны Европы — союзники США (*the Western Hemisphere, the USA and its allies, a*

coalition of strong and independent nations of Europe, the powerful people in this room), признающие Конституцию США как гарант мира, процветания и свободы (*the foundation of peace, prosperity, and freedom for the Americans and for countless millions around the globe*), объединенные значительными результатами, а не идеологией (*guided by outcomes, not ideology*). Американский президент явно лукавит, как бы отказываясь от идеологических претензий, полагая, что базовые идеологические ценности его политкультуры должны быть известны априори и восприниматься как нечто само собою разумеющееся. Главная цель обращения президента к тем, кого он считает «своими», — объединить усилия для совместных выступлений против общего врага. Эта установка звучит рефреном после каждой атаки на идеологического оппонента: работая вместе, бороться против тех, от кого исходит угроза (*must work together and confront together those who threaten us*), присоединяться к общим шагам в форме изоляции стран, продолжения политики санкций, вплоть до нанесения поражения «врагам человечества» (*to isolate the Kim regime, all responsible nations must work together, joining the vote to impose sanctions, condemning the regime and providing vital support, prepared to take further action, prepared to do more to address this very real crisis, need to defeat the enemies of humanity*). В этой борьбе президент обещает неизменную помощь в виде финансовой и материальной поддержки со стороны США (*our economic bond forms a critical foundation for advancing peace and prosperity for all of our people and all of our neighbors*) [Trump].

В контексте воззвания к объединению усилий Д. Трамп еще раз акцентирует роль США как «гегемона» в глобальном мире: хотя политик и не пользуется открыто этим выражением, мысль о лидерстве и однополярном мире содержится в тексте имплицитно. Эта позиция воплощает идеи фразы «America First», ставшей центральным лозунгом не только в президентском инаугурационном выступлении, но и во всей предшествовавшей ему президентской гонке 2016 г. Согласно «Washington Post», Д. Трамп проигнорировал порочный смысл пресловутого прецедентного высказывания, использованного впервые Чарльзом О. Линдбергом в несдержанно-резкой, несправедливой и даже опасной по своим импликациям речи с призывом не вступать во Вторую мировую войну [Thomas 2016], и наделил его собственной коннотацией. Эта фраза переключается и с другим прецедентным выражени-

ем, «Make America Great Again», которое с небольшими вариациями использовалось в президентских кампаниях Р. Рейгана и Б. Клинтона. В соответствии со своим предвыборным лозунгом Д. Трамп пытается доказать реализуемость данных им обещаний. Настоящая речевая интенция выражается за счет нагромождения касающихся всех сфер жизни описаний в превосходной степени (*all-time high — a record, unemployment at its lowest level, has not seen it in a very long time, the strongest military, the oldest Constitution in use, among the greatest forces for good, the greatest defenders of sovereignty, security and prosperity for all / рекордный, выше, чем когда-либо; самый низкий за долгое время уровень безработицы; самые сильные вооруженные силы; старейшая из ныне действующих Конституция; среди сильнейших; самые большие защитники суверенитета, безопасности и благосостояния*) [Trump].

В ходе анализа на текстуальном уровне экспертизы было установлено, что в самой первой речи 45-го президента США с трибуны ООН, продолжавшейся 41 минуту, наиболее частотными единицами являются *regime* (17), *threat(en)*, *peril (imperial)* (11) в сочетании с жестко негативными атрибутами (28), когда он говорит о политических и идеологических врагах. Однако эффект, на который рассчитывал Д. Трамп, не получился, поскольку его выступление делегаты встретили молчанием, не приняв призыва объединиться с целью полного уничтожения лидера Северной Кореи и его страны в силу осознания серьезности ситуации, чреватой всемирной катастрофой.

Статистика приведенных выше примеров свидетельствует об установке оратора выбрать способ лингвополитического моделирования ситуации в мире, который проводит резкий водораздел между «своими» и «чужими» в глобальном масштабе и соответственно диктует не только воинственную риторику, но и приемы достижения поставленной коммуникативной цели. Частотность использования указанных ключевых слов в отношении стран, которые отнесены к лагерю врага, направлена на создание атмосферы страха, политику устрашения и запугивания аудитории за счет эмоционального представления якобы исходящих от этих стран угроз. Судя по семантике и частотности употребления слов, призванных доказать вербальную и реальную агрессию со стороны противника, Д. Трамп позиционирует себя как жесткий критик, не питающий надежд на успех дипломатических мер. Однако в докладе это противопоставление

«добра и зла» получает неожиданную развязку по трамповскому сценарию: резко и беспощадно критикуя страны «оси зла», президент США, пытаясь добиться позитивной самопрезентации как поборника мира, в призыве к решительным действиям выступает фактически с самой страшной в мире угрозой тотального уничтожения целого народа, которая в век ядерных технологий воспринимается аудиторией как угроза человечеству и несопоставима по своим результатам с теми, которые он страстно бичевал. Приводимый им аргумент (*the US will have no choice but to .../ у США не останется другого выбора, как ...*) звучит слабо и неубедительно. По высказываниям президента видно, что он не желает продолжать дипломатические усилия и даже предпринятые его предшественником Б. Обамой шаги (заключение договора с Ираном) считает позором для страны: «*The Iran deal is an embarrassment to the United States*».

Как смертельную угрозу расценили слова Д. Трампа не только здравомыслящие политики и рядовые американцы, но даже близкие союзники США, включая Великобританию, чью позицию озвучил Борис Джонсон, действующий министр иностранных дел. В обзорах, посвященных данному выступлению, подчеркивается, что Д. Трамп угрожал разрушением народу целой страны, что не соответствует законам этики (*he threatened the destruction of an entire country <...> waging war against people.<...> it is a much less credible and ethical threat.* [Schake 2017]). В своей воинственной речи он обрушился на противников США и призвал «праведные» страны на борьбу с ними. Тишина, в которой прозвучала речь, перемежалась редкими сдавленными возгласами неодобрения, в то время как Трамп продолжал шельмовать враждебные режимы (*in a bellicose first address to the United Nations general assembly in which he lashed out at a litany of US adversaries and called on "righteous" countries to confront them. The speech was greeted in the UN chamber mostly with silence and occasional outbreaks of disapproving murmurs, as Trump castigated a succession of hostile regimes* [Borger 2017]). Политики настороженно слушали, понимая, что в основе озвученной позиции лежит регановский принцип «мир посредством силы», а это означает, что Дональд Трамп может пойти дальше безобидной риторики президента Обамы, приняв в качестве плана курс на поражение Северной Кореи (*based on the Regan principle of 'peace through strength', president Trump can go further than Obama' mere rhetoric...<...> by adopting the plan to defeat North Korea and China* [Pandolfi

fo 2017]).

На уровне реализации лингвокультурологических категорий, которые в силу своей природы отвечают за передачу ценностных ориентаций, целесообразно прежде всего говорить об актуализации культурологической модальности, которая предполагает объективацию оценочных смыслов, соответствующих культурно-ценностной картине мира того или иного лингвокультурного сообщества. Культурологическая модальность транслируется посредством культурноносных единиц (или культуронимов), т. е. единиц, передающих наряду со своим значением информацию культурно-ценностного плана. Культурно-ценностная информация может быть сопряжена с денотативным, коннотативным, сигнификативным или прагматическим компонентом значения лексем. Актуализация культурно-ценностной информации может быть связана и с порождаемыми в тексте культурно-ценностными смыслами [Иванова, Чанышева 2014]. Соответственно культуроним выступает источником модализации, в основе которой лежит оценка, обусловленная одобрительным или неодобрительным отношением к определенному факту или ситуации окружающей действительности в свете принятых в лингвокультурном сообществе ценностных ориентаций. В результате культурологическая модальность создает в тексте оценочный социально-культурный контекст, который, с одной стороны, напрямую связан с культурологической идентичностью продуцента текста, а с другой, представляет собой один из пластов аксиологического пространства текста.

Однако, будучи ответственной за один тип оценки, в политическом дискурсе культурологическая модальность вступает в специфические отношения с модальностью идеологической, интерпретируемой «как совокупность оценочных значений и отношений, которые базируются на политических взглядах» [Марьянчик 2013: 14] и реализуемой посредством совокупности оценочных предикатов, нацеленных на передачу идеологической позиции автора [Марьянчик 2013: 16—17]. При этом приоритетной задачей идеологической модальности является управление процессом интерпретации высказываний адресатом [Дускаева, Краснова 2016: 52]. Соответственно, ее характерная особенность состоит в том, что она «подминает» под себя другие очаги модализации в том смысле, что она иррадирует политические оценки на все другие виды оценок, которые объединены в один аксиологический контекст. Вполне закономерно, что очаги культурологической модальности порож-

дают аксиологические смыслы, сопряженные с политическими взглядами продуцента текста и подчиненные им.

В анализируемом тексте культурологические единицы прежде всего представлены политическими мифологемами, которые насыщают выступление 45-го президента США и отражают специфику его языковой личности. Политические мифологемы — это ментальные сущности, относящиеся к политической сфере и выраженные посредством языковых единиц с ощутимым воздействующим потенциалом благодаря внедренной в них культурно-ценностной информации, относящейся к основополагающим идеям о социально-политическом устройстве. Как отмечают исследователи, транспонирование концептуальной информации в лексические единицы является главным воздействующим инструментом политика, который не только «озвучивает» последние, но и стремится зафиксировать их в концептуальной и языковой картинах мира адресной аудитории [Какорина 2008: 504]. Политические мифологемы в речи Д. Трампа объективируют культурные концепты, характерные для культурно-ценностной картины мира американца: *opportunity* / возможность (*We live in a time of extraordinary opportunity; We have invested in better health and opportunity all over the world*), *dream* (help our citizens realize their **dreams**), *freedom* / свобода (*Our citizens have paid the ultimate price to defend our freedom and the freedom of many nations represented in this great hall*), *democracy* / демократия (*The Iranian government masks a corrupt dictatorship behind the false guise of a democracy; The greatest in the United States Constitution is its first three beautiful words. They are: "We the people."* Generations of Americans have sacrificed to maintain the promise of those words, the promise of our country, and of our great history. *In America, the people govern, the people rule, and the people are sovereign. I was elected not to take power, but to give power to the American people, where it belongs*), *independence* / независимость (*The success of the United Nations depends upon the independent strength of its members*), *rights* / права (*respect the sovereign rights of its neighbors*), *American exceptionalism* / американская исключительность (*In America, we do not seek to impose our way of life on anyone, but rather to let it shine as an example for everyone to watch; As long as I hold this office, I will defend America's interests above all else*). Данные мифологемы отражают стереотипы американцев о самих себе. Это фантомные единицы, которые получают в речи американских политиков исключитель-

но «американскую трактовку» [Садуов 2011: 13]. И Д. Трамп не исключение в этом ряду. Так, к примеру, если и существует демократия, то это только демократия по-американски. Все остальное — фальшивая маска: *The Iranian government masks a corrupt dictatorship behind the false guise of a democracy*.

Названные выше единицы, которые выступают в качестве очагов культурологической модальности, получают идеологическую трактовку, поскольку выступают в рамках идеологического контекста: кто не с нами — тот против нас (пример с Ираном). В результате этноцентричности в интерпретации использованных номинаций и соответственно этноцентричного принципа построения текста на культурологическом уровне, который предполагает собственное прочтение всех названных сущностей как единственно возможное и правильное, политик производит разделение на своих и чужих и в том числе навязывает свои трактовки и свои политические взгляды. Как следствие, создается некий идеальный образ исключительной страны, которая, как это ни парадоксально, не столько показывает пример, ослепительный в своей позитивной силе, сколько бряцает оружием и пугает тех, кто не укладывается в обозначенную ей систему координат.

Экспертиза речи Д. Трампа на уровне дискурсивной организации текста показывает обилие констативов (по Дж. Остину), которые представляют утверждения или высказывания общего характера, не выдерживающие проверки соответствия действительности, т. е. не могущие быть верифицированными: *In America, we do not impose our way of life on anyone, but rather let it shine as an example for everyone to watch* (В Америке мы не навязываем никому свой образ жизни, но позволяем ему сиять как светочу, который каждый может наблюдать); *In America, the people govern, the people rule, and the people are sovereign* (В Америке народ управляет, народ правит и народ является сувереном); *America does more than speak for the values expressed in the United Nations Charter* (Америка делает гораздо больше, чем просто защищает ценности, выраженные в Хартии ООН); *The United States has great strength and patience* (США сильны и терпеливы); *The United States is a compassionate nation* (США — это сочувствующая страна). Практически все примеры содержат вызывающие законные сомнения утверждения о целях, интересах, ценностях внутренней и внешней политики США, умело и талантливо упакованные, позволяющие уверенно переходить от постправды к агрес-

сии против «несогласных». Даже подключенные эксплицитные перформативы не помогают пройти тест на соответствие реальности: *"I don't think you've heard the last of it — believe me"*; *"we cannot allow it to tear up our nation"*; *"We seek the de-escalation of the Syrian conflict"*; *"I want to salute the work of the United Nations in seeking to address the problems"*; *"We are prepared to take further action"*; *"We seek stronger ties of business and trade with all nations of good will"*.

В появившихся в мировой прессе откликах на речь президента США также используется подмена терминов как лингвополитический прием, когда слова и выражения вступают в конфликт с реальностью и конкретными событиями. Применяя словесный камуфляж, верные союзники США пытаются оправдать акты неоправданного, нарушающего международное право вмешательства во внутренние дела других стран в разных регионах мира и использования военной силы. Прецедентная фраза «peace through strength» («мир через демонстрацию силы»), запущенная в оборот Р. Рейганом, пришлась по душе политическим «ястребам», так же как и схожие с ней по сути выражения языкового программирования единицы «humanitarian war/ bombing» (бомбардировки мирной Югославии в 1999 г.) и «peace enforcement forces» (операции по принуждению к миру), которые использовались американцами и их союзниками (в качестве предлога озвучивалась необходимость восстановления «закона и порядка») для оправдания войны в Персидском заливе против Ирака под названием «Буря в пустыне», в Ливане, Сьерра-Леоне и других регионах.

Выводы

Таким образом, предложенная модель лингвистической экспертизы идеологического содержания политического конфликтного дискурса позволяет использовать ее для получения объективных данных, отталкиваясь от смысловой интерпретации содержания на уровне элементарных единиц текста, переходя на категориальный уровень и завершая анализ на уровне дискурсивной организации текста. Благодаря использованию лингвокультурологической парадигмы подход к тексту обеспечивает выход за пределы лингвистики, что позволяет трактовать его как знак культуры, служащий местом стыковки носителей языковой и культурно-идеологической информации. Экспертиза идеологической составляющей политического текста показывает специфику ее проявления на разных уровнях, начинаясь с семантики отдельных элементов, переходя на

уровень обобщающих категорий (свой/чужой, прецедентность, неравенство политическое и статусное в межкультурном пространстве, проявляющееся в форме гегемонии сильного государства над слабыми) и завершаясь выбором способа лингвополитического моделирования событий и миропорядка в целом, преследующего цель формирования и насаждения ложной аксиологической картины мира. Согласно полученным данным экспертизы конфликтного текста, следует пересмотреть локализацию в нем ценностно-культурных коннотаций, возникающих в результате рассеивания смыслов политико-идеологических императивов в пространстве целостного текста. Экспертиза доказывает практическую возможность выявления разноплановых носителей идеологической сверхзадачи текста в политической коммуникации, подтверждая, что в своем функционировании политический дискурс преследует цель не только своевременно реагировать на события дня, но и помещать их в заданные идеологические рамки, навязывая аудитории продиктованный формат их восприятия и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009. 592 с.
2. Барт Р. "S/Z" : пер. с фр. 2-е изд., испр. — М. : Эдиториал, 2001. 232 с.
3. Бурдье П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. — М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т экспериментальной социологии, 2002. С. 105—141.
4. Газизов Р. А., Мурашов Р. З. Лингвокультурология и современная лексикография // Вестн. Башкир. ун-та. 2016. Т. 21. № 2. С. 413—420.
5. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. Дускаева Л. Р., Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51—57.
7. Иванова С. В. Культурологическая модальность как смыслообразующий фактор текста // Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения : материалы Междунар. науч. конф. — М. : Круть, 2017. С. 174—180.
8. Иванова С. В. Лингвокультурология: изучая культурный универсум // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 9—16.
9. Иванова С. В. Подходы к составлению лингвокультурологического словаря // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2002. № 6. С. 174—176.
10. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
11. Иванова С. В. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культураносности / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2014. № 4. С. 153—164.
12. Какорина Е. В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М. : Языки славянских культур,

2008. С. 495—548.

13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.

14. Кожемякин Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости. 2008. № 4 (44). С. 5—17.

15. Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст (по поводу книги Р. Барта «S/Z») // S/Z / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова, В. П. Мурат; общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Ad Marginem, 1994. С. 277—302.

16. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Практикс, 2005. 256 с.

17. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. 462 с.

18. Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013. 36 с.

19. Садуов Р. Т. Лингвокультурный и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы: автореф. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2011. 24 с.

20. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. — М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

21. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. — М.: Касталь, 1996. 448 с.

22. Чанышева З. З. Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 54—62.

23. Чанышева З. З., Дьяконова Г. Р. Русско-английский лингвокультурологический словарь реалий общественно-политической, экономической и социально-культурной жизни. — Уфа, 2007. 197 с.

24. Чанышева З. З., Хазиева Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестн. Башкир. ун-та. Уфа. 2015. Т. 20. № 3. С. 974—980.

25. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008. 416 с.

26. Щипков А. В. Феномен лингвополитического и реальной политика // Армия и общество: науч.-информ. журн. — М.: Науч.-исслед. центр «Наука-XXI». 2014. № 6 (43). С. 18—21.

27. Borger J. Donald Trump threatens to 'totally destroy' North Korea in UN speech [Electronic resource] // The Guardian. 19.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-threatens-totally-destroy-north-korea-un-speech>.

28. Chomsky N. Paris attacks show hypocrisy of West's outrage [Electronic resource] // CNN. 20.01.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/19/opinion/charlie-hebdo-noam-chomsky/index.html>.

29. Dijk van T. A. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. — London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publ., 1998. [VII], 365 p.

30. Eagleton T. Ideology: An Introduction. — London; New York: Verso, 1991. [IX], 242 p.

31. Mearsheimer J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2011. 102 p.

32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.

33. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.

34. Pandolfo C. 5 great things from Trump's UN speech [Electronic resource] // Conservative Review. 20.09.2017. URL: <https://www.conservativereview.com/articles/5-great-things-from-trumps-un-speech/>.

35. Schake K. What Total Destruction of North Korea Means [Electronic resource] // The Atlantic. 19.09.2017. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/09/north-korea-trump-united-nations-kim-jong-un-nuclear-missile/540345/>.

36. Thomas L. America First, for Charles Lindbergh and Donald Trump [Electronic resource] // The New Yorker. 24.06.2016. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/america-first-for-charles-lindbergh-and-donald-trump>.

37. Trump D. Trump's 2017 U.N. speech transcript [Electronic resource] // Politico. 19.09.2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879>.

S. V. Ivanova
St. Petersburg, Russia

Z. Z. Chanysheva
Ufa, Russia

IDEOLOGICAL COMPONENT OF CONTENT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE OF POLITICAL TEXT

ABSTRACT. *The article discusses procedures of linguistic expertise of political text aimed at revealing and assessing its ideological impact. The empirical material includes the debut address of the US 45-th president at the 72 UNO session in September this year and response reactions to it in the global press. This speech is qualified as a perfect sample of conflict generating discourse in political communication. The research is based on linguacultural approach to ideological content as a variety of cultural information in conjunction with componential, contextual and discursive methods. The author substantiates a three-level model of expertise: the level of textual linguistic elements; the categorical level based on cultural modality responsible for the exposition of the categories of the linguacultural paradigm and those of linguapolitics; the discursive level of a text viewed as a product of linguapolitical modeling of reality. The linguistic expertise of texts reveals the role of ideological connotations which reflect cultural axiological assessment of world events in the mind of a political discourse subject. The categorical level of analysis brings to light conditions of discursive functioning with reference to categories of Us/Them, precedence, political power, political asymmetry and inequality in intercultural space. The level of discursive organization of a text proves the importance of ideological values of American linguaculture in linguapolitical modelling of world relations pursuing the posttruth politics when covering current urgent issues, evaluating events of the past and giving prognostic views of the future.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; political discourse; linguocultural paradigm; linguocultural modality; linguo-political approach; information modeling; ideological evaluative connotations.*

ABOUT THE AUTHORS: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, English Philology Chair, Professor and Head of the Chair, Pushkin Leningrad State University.*

Chanysheva Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Language and Intercultural Communication Chair, Professor, Bashkir State University.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 592 s.
2. Bart R. "S/Z" : per. s fr. 2-e izd., ispr. — M. : Editorial, 2001. 232 s.
3. Burd'e P. Pole politiki, pole sotsial'nykh nauk, pole zhurnalistiki // O televideanii i zhurnalistike / per. s fr. T. Anisimovoy, Yu. Markovoy ; otv. red., predisl. N. Shmatko. — M. : Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», In-t eksperimental'noy sotsiologii, 2002. S. 105—141.
4. Gazizov R. A., Muryasov R. Z. Lingvokul'turologiya i sovremennaya leksikografiya // Vestn. Bashkir. un-ta. 2016. T. 21. № 2. S. 413—420.
5. Deyk T. A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
6. Duskaeva L. R., Krasnova T. I. Intentsional'nost' i modalizatsiya mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshcheniya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 51—57.
7. Ivanova S. V. Kul'turologicheskaya modal'nost' kak smysl-obrazuyushchiy faktor teksta // Kul'turno-semioticheskoe prostranstvo russkoy slovesnosti: istoriya razvitiya i perspektivy izucheniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — M. : Krug", 2017. S. 174—180.
8. Ivanova S. V. Lingvokul'turologiya: izuchaya kul'turnyy universum // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 2. S. 9—16.
9. Ivanova S. V. Podkhody k sostavleniyu lingvokul'turologicheskogo slovarya // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. 2002. № 6. S. 174—176.
10. Ivanova S. V., Chanyшева Z. Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya. — Ufa : RITs BashGU, 2010. 366 s.
11. Ivanova S. V. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kul'turonosnosti / S. V. Ivanova, Z. Z. Chanyшева // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2014. № 4. S. 153—164.
12. Kakorina E. V. Aktivnyye protsessy v yazyke sredstv massovoy informatsii // Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnyye protsessy na rubezhe KhKh—KhKhI vekov / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 495—548.
13. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004. 390 s.
14. Kozhemyakin E. A. Analiz diskursa kak sistemy rasseivaniya v traditsii frantsuzskoy filosofii vtoroy poloviny XX veka (M. Fuko, M. Peshe) // Nauchnye vedomosti. 2008. № 4 (44). S. 5—17.
15. Kosikov G. K. Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst (po povodu knigi R. Barta «S/Z») // S/Z / R. Bart ; per. G. K. Kosikova, V. P. Murat ; obshch. red., vstup. st. G. K. Kosikova. — M. : Ad Marginem, 1994. S. 277—302.
16. Luman N. Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. — M. : Praxis, 2005. 256 s.
17. Maklyuen G. M. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka / per. s angl. V. G. Nikolaeva. — M. : KANON-press-Ts ; Zhukovskiy : Kuchkovo pole, 2003. 462 s.
18. Mar'yanchik V. A. Aksiologicheskaya struktura mediapoliticheskogo teksta (lingvostilisticheskyy aspekt) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2013. 36 s.
19. Saduov R. T. Lingvokul'turnyy i semioticheskyy analiz osobennostey struktury i soderzhaniya politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2011. 24 s.
20. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki. — M. : AST : Astrel' : Khranitel', 2007. 286 s.
21. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine — po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let : per. s frants. — M. : Kastal', 1996. 448 s.
22. Chanyшева Z. Z. Informatsionnye tekhnologii smyslovykh iskazheniy v klikbeyt-zagolovkakh // Vestn. PNIPU. Problemy yazykoznaneya i pedagogiki. 2016. № 4. S. 54—62.
23. Chanyшева Z. Z., D'yakonova G. R. Russko-angliyskiy lingvokul'turologicheskyy slovar' realiy obshchestvenno-politicheskoy, ekonomicheskoy i sotsial'no-kul'turnoy zhizni. — Ufa, 2007. 197 s.
24. Chanyшева Z. Z., Khazieva R. R. Diskursivnye praktiki ispol'zovaniya agressivnoy lzhi v konfliktogennom diskurse // Vestn. Bashkir. un-ta. Ufa. 2015. T. 20. № 3. S. 974—980.
25. Shakhovskiy V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy : monogr. — M. : Gnozis, 2008. 416 s.
26. Shchipkov A. V. Fenomen lingvopoliticheskogo i real'naya politika // Armiya i obshchestvo : nauch.-inform. zhurn. — M. : Nauch.-issled. tsentr «Nauka-XXI». 2014. № 6 (43). S. 18—21.
27. Borger J. Donald Trump threatens to 'totally destroy' North Korea in UN speech [Electronic resource] // The Guardian. 19.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-threatens-totally-destroy-north-korea-un-speech>.
28. Chomsky N. Paris attacks show hypocrisy of West's outrage [Electronic resource] // CNN. 20.01.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/19/opinion/charlie-hebdo-noam-chomsky/index.html>.
29. Dijk van T. A. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publ., 1998. [VII], 365 p.
30. Eagleton T. Ideology: An Introduction. — London ; New York : Verso, 1991. [IX], 242 p.
31. Mearsheimer J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2011. 102 p.
32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
33. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
34. Pandolfo C. 5 great things from Trump's UN speech [Electronic resource] // Conservative Review. 20.09.2017. URL: <https://www.conservativereview.com/articles/5-great-things-from-trumps-un-speech/>.
35. Schake K. What Total Destruction of North Korea Means [Electronic resource] // The Atlantic. 19.09.2017. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/09/north-korea-trump-united-nations-kim-jong-un-nuclear-missile/540345/>.
36. Thomas L. America First, for Charles Lindbergh and Donald Trump [Electronic resource] // The New Yorker. 24.06.2016. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/america-first-for-charles-lindbergh-and-donald-trump>.
37. Trump D. Trump's 2017 U.N. speech transcript [Electronic resource] // Politico 19.09.2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879>.

Д. В. Руднев, Т. С. Садова
Санкт-Петербург, Россия

ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА НОРМООБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются типы отклонений от литературной нормы, встречающиеся в деловых текстах, и их причины. Делается вывод о том, что отмечаемые отклонения («стилистические аномалии») являются результатом не только речевой безграмотности создателей деловых текстов, но и более общих причин, обусловленных особенностями деловой коммуникации. Целый ряд отмечаемых «аномалий» обусловлен коммуникативными целями, которые реализует деловой стиль — они должны быть описаны и могут быть введены в систему норм литературного языка (например, регулярные отклонения при пунктуационном оформлении деловых текстов). Другие отклонения обусловлены особенностями протекания деловой коммуникации. В связи с этим рассмотрен механизм воздействия деловой коммуникации на возникновение отклонений в деловых текстах. Кроме того, рассмотрены отклонения, которые провоцируются стереотипными представлениями носителей языка об особенностях делового текста. Недостаточное владение авторами судьбоносных документов ясным и точным деловым языком приводит к серьезным проблемам при исполнении таких документов, а зачастую исключает всякую возможность этого исполнения, в связи с чем предлагаются меры борьбы с ошибками в деловом языке: введение экзамена по русскому языку для целого ряда государственных должностей; создание лингвистических служб, которые бы оценивали документы (законы, постановления, рекомендации и др.), обращенные к большому количеству людей, с точки зрения их соответствия нормам литературного языка и с точки зрения понятности; установление ответственности за нарушение Закона о государственном языке Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная коммуникация; деловой стиль; деловой язык; литературный язык; норма; ошибка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Руднев Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, ауд. 195; e-mail: rudnev@mail.ru.

Садова Татьяна Семеновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, ауд. 195; e-mail: tatsad_90@mail.ru.

0. Каждый носитель русского языка, владеющий письменной речью, хотя бы раз в своей жизни сталкивался с деловыми текстами, в которых явно и очевидно были нарушены нормы литературного языка. В предлагаемой статье будут рассмотрены типы отклонений от литературной нормы, фиксируемые в современном деловом языке, высказаны предположения о причинах встречающихся отклонений и поставлен вопрос о возможности и/или необходимости борьбы с ними.

1. Прежде всего коснемся вопроса об онтологическом статусе делового языка. С точки зрения теории функциональных стилей, сложившейся в отечественной лингвистике во второй половине XX в., деловой язык является функциональным стилем (под разными названиями: *деловой, официально-деловой, официально-документальный, административный, законодательный, официально-канцелярский, канцелярский* и др.) наряду с другими функциональными стилями литературного языка — научным, публицистическим, художественным стилями и разговорной речью (иногда выделяют также рекламный и религиозный стили). В качестве основных стилевых черт делового языка называют предписывающий характер изложения, точность, стандартизованность, имперсональность и нек. др.

Примечательно, что если отнесение разговорной речи и художественного стиля к числу функциональных стилей литературного языка регулярно подвергается сомнению, то

статус делового языка как функционального стиля практически никогда не оспаривался — он входит в так называемую ядерную зону литературного языка. Из этого следует важный вывод практического порядка: нормы литературного языка имеют к деловому языку самое непосредственное отношение.

2. Под литературной нормой понимают «принятые в общественно-языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [Скворцов 1997: 270—271]. Для литературной нормы характерна разная степень устойчивости на разных уровнях языка и в разных условиях общения. Несмотря на то, что норма ограничивает использование изофункциональных языковых средств, в идеале стремясь к закреплению в качестве нормативного единственного варианта, на некоторых участках норма имеет вариативный характер.

Как показывает история развития делового стиля, его нормы отчасти совпадают с общей литературной нормой (например, орфоэпические и морфологические нормы), отчасти не совпадают. Очевидно также и то, что для делового языка характерны довольно существенные отклонения от общелитературной нормы в области словоупотребления и синтаксиса, а также в области оформления письменного текста (орфографические и пунктуационные нормы).

Часть отклонений обусловлена функцией делового языка, обслуживающего — прежде всего — сферу права. «Назначением права как нормативной системы является регулирование отношений в обществе, действий и поведения людей, а также функционирования объединений и государственных органов» [Дускаева, Протопопова 2006: 274]. Следствием этого оказываются такие стилевые черты делового языка, как долженствование и точность. Например, на лексическом уровне требование точности удовлетворяется за счет активного использования терминологии и особой стилистически маркированной фразеологии (так называемых клише), единицы которой, как известно, не являются принадлежностью общелитературного языка, и особенности их значения редко отражаются в толковых словарях.

Необходимость соблюдать точность в деловом тексте ведет к преобразованию синтаксических и связанных с ними пунктуационных норм. Так, необходимость полного и исчерпывающего описания объекта права ведет к резкому увеличению длины предложения за счет перечислительных рядов и конструкций со значением уточнения и пояснения. Отклонение от средней количественной нормы, связанной с длиной предложения в тексте, имеет следствием поиск таких способов представления информации в тексте, которые бы обеспечивали ее точное понимание читателем. В результате этого деловому тексту становятся присущи, во-первых, перегруженность знаками препинания (прежде всего запятыми, точками с запятой, скобками и двоеточиями, причем частотность двоеточия и точки с запятой в деловом тексте значительно выше, чем в иных типах текстов), а во-вторых, привлечение дополнительных, периферийных пунктуационных средств (рубрикация, особенности абзацного членения, пространственное положение текста на странице и др.).

В справочной литературе отсутствует полное описание особенностей пунктуационного оформления деловых текстов: изредка в специальных разделах даются особенности рубрицирования (например: [Рахманин 1988: 208—234; Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 282—286]), некоторые сведения предлагаются попутно — например, сведения о том, что в деловых текстах «двоеточие может ставиться перед перечислением и при отсутствии обобщающего слова» [Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 194]. Однако целый ряд особенностей пунктуационного оформления деловых текстов в справочной литературе отсутствует вовсе. Наиболее ярким приме-

ром последнего является оформление адресов с использованием двоеточия после слова «адрес», видимо, в рамках этого жанра приобретающего своеобразный статус обобщающего слова, и запятых после самостоятельного элемента текста, например: *Гражданка Иванова проживает по адресу: г. Москва, Ленинградский пр., д. 15, кв. 7.*

Перед лингвистами и педагогами стоит задача исчерпывающе описать материал, связанный со всякого рода отклонениями от норм, и, что не менее важно, обобщить его и осмыслить теоретически. Необходимо объяснить, почему такие отклонения являются устойчивыми, почему языковая система и речевая практика «не сопротивляются» установлению узкостилистических норм делового языка, что влияет на их закрепление — прагматика или возможности самой системы.

Если говорить о том, как носителям литературного языка следует относиться к рассматриваемым отклонениям, то здесь, видимо, необходимо различать функционально (и жанрово) оправданные отклонения и такие нарушения норм, которые зачастую ведут к осложнению деловой коммуникации. Избыточную автономизацию деловой нормы, искусственность и речевую нелепость многих «придумок» делового стиля в свое время Я. К. Грот назвал «противными как духу русского языка, так и грамматике», а А. П. Чехов вовсе не признавал языка канцелярии: «Какая гадость чиновничий язык! <...> И все это без всякой надобности! <...> Я читаю и отплеываюсь. Этакая духота» (цит. по: [Колесов 1998: 19—20]).

3. Очевидно, что далеко не все отклонения от норм литературного языка, встречающиеся в деловом языке, имеют своим источником реализуемую им коммуникативную цель. Часть из них является следствием особенностей протекания деловой коммуникации, которую обслуживает деловой язык. Деловая коммуникация является ядром государственной коммуникации, под которой понимается один из «аспектов коммуникативного взаимодействия власти и общества, направленный на формирование постоянного конструктивного диалога с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности» [Громова 2002: 43]. Государственная коммуникация, как известно, выполняет в обществе различные функции: консервативную, координирующую, интегрирующую, мобилизационную, которые имеют «неодинаковое значение в различные периоды существования того или иного государства» [Громова 2002: 48].

Как любой вид коммуникации, государ-

ственная нуждается в собственном речевом коде для своего осуществления. «Чтобы государство могло возникнуть и существовать как организация, его члены должны не только обмениваться между собой определенной информацией, но и понимать ее. Они могут владеть различными языками, но один из них должен быть общим (единым) для всех членов данного государства или, по крайней мере, для большей их части» [Гомеров 2002: 479].

В Российской Федерации языком, при помощи которого осуществляется общегосударственная коммуникация, является русский. Статус русского языка как государственного закреплен Федеральным законом от 1 июня 2005 г. № 53 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее — Закон). Сферы употребления государственного языка, перечисленные в ст. 3 Закона, не оставляют сомнения в том, что ядром государственного языка является деловой язык: с использованием делового языка связаны сферы, указанные в пп. 1, 2, 4—8, отчасти 3 («при подготовке и проведении выборов и референдумов»), и лишь сферы, указанные в пп. 9 и 10 (деятельность СМИ и реклама), с ним не связаны. Поэтому п. 3 и п. 6 ст. 1, касающиеся норм русского литературного языка при его использовании в качестве государственного, имеют особую важность применительно к деловому языку. Приведем их полностью:

(п. 3) *Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.*

(п. 6) *При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.*

Согласно п. 3, государственный язык РФ — это русский литературный язык. Литературному языку присуща такая черта, как «общеобязательность норм и их кодификация» [Бельчиков 1997: 222]. Между тем п. 3 оговаривает особый порядок утверждения норм, из чего можно сделать вывод о том, что либо на государственный язык не распространяются нормы литературного языка, либо государственный язык предполагает особый порядок выработки и фиксации норм литературного языка. В результате подобной

формулировки может возникнуть сомнение в том, что государственный и литературный язык — это одно и то же.

Прямым следствием терминологического хаоса, обнаруживающегося в тексте Закона, является п. 6. Наличие этого пункта было бы лишним, если бы государственный и литературный язык отождествлялись, поскольку в литературном языке и не должно «допускаться использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка». Упоминание в этом пункте «нецензурной брани» и «иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке», вообще имеет анекдотический характер, о чем уже неоднократно говорили многие лингвисты [Стернин 2010; Кушнерук 2012 и др.].

23 ноября 2006 г. было подписано постановление Правительства Российской Федерации № 714 г. «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации». В тексте Постановления была предложена сомнительная дефиниция норм русского языка как государственного — «закольцованное» определение так и не прояснило природы и сущности этих норм:

При этом под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации (выделено нами. — Д. Р., Т. С.).

Постановление противоречиво определяет также источник норм государственного языка: с одной стороны, это «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка», с другой — «совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Любому лингвисту известно, что грамматики, словари и справочники не «содержат», а фиксируют нормы, однако это можно списать на профессиональную небрежность авторов Закона. Важнее другой вопрос: если употребление языковых единиц в государственном языке не фиксируется в утвержденных правительством словарях и грамматиках, то как оценивать их использование с точки зрения Закона? Приказ Министерства образования и науки Российской

Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» содержит лишь четыре лингвистических справочника: 1) Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 2) Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 3) Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 4) Телля В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008).

С 2009 г. этот список не пополнялся. К настоящему моменту рекомендованы в качестве источника для лингвистического обеспечения Закона о русском языке как государственном 47 справочных пособий [Вербицкая 2015], однако законодательно эти пособия не утверждены.

4. Как представляется, попытки законодателей в одних случаях отождествлять государственный язык и его нормы с литературным языком и его нормами, в других — противопоставлять их, имеют более глубокую причину, чем просто небрежное использование лингвистической терминологии. История развития русского языка показывает, что деловой язык и литературный язык и их нормы могут довольно существенно расходиться. Представление о деловом языке как части литературного языка является поздним и не отражает ситуацию, существовавшую, например, в русском языке XVIII в.

Литературный язык формируется с середины XVIII в. во многом как следствие переводческой, издательской и ученой деятельности в рамках новой, европеизированной культуры. Деловые тексты этой эпохи были противопоставлены литературным текстам по многим параметрам — по способу графического оформления (скоропись), по используемым морфологическим, синтаксическим, орфографическим, пунктуационным нормам. Лишь в первой трети XIX в. деловой язык сближается с литературным языком через усвоение норм последнего.

Смена норм делового языка была обусловлена процессом (в свою очередь распадающимся на ряд этапов), который можно назвать огосударствлением литературного языка. Начальным этапом стало оформление указов, исходящих от верховной власти, при помощи типографской печати и с ис-

пользованием норм, разработанных для печатных текстов. Печатные указы запустили процесс трансформации рукописной деловой письменности, и к рубежу XVIII—XIX вв. даже почерки, при помощи которых оформлялись деловые тексты, сближаются с печатными шрифтами. Трансформации подверглась морфологическая система и орфография деловых текстов.

Министерская реформа поставила точку в процессе распространения на деловые тексты норм литературного языка. Во-первых, руководители новообразованных министерств отчетливо противопоставляли себя старой коллежской системе не только в отношении приемов управления, но и в отношении используемого языкового кода: начинается активное насаждение нового делового языка на основе языка литературного. Вертикальный характер деловой коммуникации способствовал быстрому распространению новой манеры делового письма.

Во-вторых, важнейшим стимулом к распространению нового делового письма стала реформа образования 1802 г. В результате реформы было образовано министерство народного просвещения и шесть учебных округов: во главе округов стояли университеты, им подчинялись гимназии, гимназиям — уездные училища. Централизация системы образования поставила вопрос о языке (и его нормах), который должен был использоваться как инструмент и как предмет обучения. Таким языком стал литературный язык, результат деятельности ученых — литературный язык присваивается государством, становясь кодом государственной коммуникации.

В-третьих, окончательный отказ от старой деловой традиции происходит в результате реформы государственной службы М. М. Сперанского. 6 августа 1809 г. был утвержден подготовленный Сперанским именной указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указ устанавливал образовательный ценз для продвижения чиновников по служебной лестнице. Отныне условием для производства в чин коллежского асессора (VIII класс), дававшего право на личное дворянство, наряду с выслугой и одобрением начальства, стало обучение в одном из университетов Российской империи или сдача там специального экзамена (подробнее см.: [Баженова, Зипунникова 2009]). Специальный экзамен проводился в университетах и включал четыре предмета испытаний: «науки словесные», «правоведение», «науки исторические»

и «науки математические и физические». Требования к «наукам словесным» включали в себя «грамматическое познание российского языка и правильное на оном сочинение. Познание, по крайней мере, одного языка иностранного и удобность перелагать с оного на российский» [ПСЗ, 30: 1056].

История становления современного делового языка показывает, что его трансформация происходила отнюдь не естественным образом, а в результате активнейшего вмешательства государства.

5. Распространение на деловой язык норм литературного языка не означает, что нормы литературного языка обязательно воспроизводятся во всей их полноте в деловой речи. Нормы литературного языка имеют главным образом эксплицитный характер, между тем нормы делового языка имеют не только эксплицитный, общелитературный, но и в значительной мере имплицитный характер: при порождении новых текстов их авторы ориентируются на предшествующие тексты. Имплицитные нормы деловой коммуникации могут вступать в конфликт с эксплицитными, литературными нормами.

Влияние имплицитных, текстовых норм в деловой коммуникации обусловлено различными причинами, из которых самой главной являются особенности протекания деловой коммуникации. Деловая коммуникация представляет собой разновидность письменного диалога, в котором реплика-высказыванию живой речи соответствует документ, воплощающий тот или иной деловой жанр [Лобашевская 2007: 27—32]. Письменное деловое общение строится на основе так называемого прескриптивного диалога, для которого характерны такие черты, как осуществление диалога в целях инициатора; существование пресуппозиции права на требование и возможности его выполнения адресатом; присутствие жестко запрограммированной реакции на сообщение (программистом выступает адресант, исполнителем — адресат); деперсонифицированность адресата (адресаты представлены социальными моделями).

Запрограммированность ответной реплики и использование в ее качестве документа определенного жанра ведет к воспроизводству в документах устойчивых речевых формул, к клишированности. А. С. Пиголкин называет эту черту «стабильностью юридической формы» [Язык закона 1990: 51].

Направление движения делового текста в ходе документооборота может быть различным: движение деловых текстов может происходить либо по вертикали — нисходящая коммуникация (от вышестоящих органов

власти к нижестоящим) и восходящая коммуникация (от нижестоящих органов власти к вышестоящим), либо по горизонтали (между коммуникантами, не находящимися друг у друга в зависимости). На формирование речевой деловой культуры огромное влияние оказывает нисходящая коммуникация: «...документные тексты внутригосударственной нисходящей коммуникации обладают огромным влиянием на речевую культуру граждан страны» [Татарникова 2015: 141]. Это обусловлено как авторитетностью текста-стимула, направленного подчиненным, так и тем, что такой текст часто полностью или частично цитируется документами, разрабатываемыми на его основе.

Появление ошибки или отклонения в тексте-стимуле, исходящем «сверху», ведет к тому, что погрешность воспроизводится в последующих текстах. Апелляция подчиненных к нарушению литературных норм в таком случае оказывается затруднительной или даже невозможной. Ничего подобного не встречается в других типах коммуникации — научной, публицистической, художественной, устно-разговорной: прецедентные тексты, содержащие ошибку или отклонение от норм, не оказывают существенного влияния на тексты, появившиеся под их влиянием, в вопросе соблюдения норм литературного языка.

Проиллюстрируем это утверждение весьма курьезной ошибкой, допущенной в тексте Устава СПбГУ. Разработчики Устава в силу ряда причин в п. 47 указали, что для дисциплин и видов работы, по которым формой итогового либо промежуточного контроля является зачет, устанавливаются оценки «зачтено» и «незачтено» (так!). Устав, несмотря на очевидную орфографическую ошибку («незачтено» вместо «не зачтено»), был утвержден постановлением Правительства РФ № 1241 от 31 декабря 2010. С юридической точки зрения, с этого момента все положения Устава должны были исполняться неукоснительно. Обращение преподавателей-филологов в администрацию СПбГУ с указанием на ошибочность такого написания первоначально не имело результата (см. разъяснение начальника юридического отдела СПбГУ [Корректность написания оценки «не зачтено»...], к которому в 2016 г. было добавлено «дополнение»). На основе Устава (в этой редакции) в течение пяти лет издавались локальные нормативные акты, в которых от преподавателей требовалось использовать ненормативное с позиций литературного языка написание «незачтено». Например: 4.3.1. Оценка „зачтено“ представляется преподавателем в зачетной

ведомости (протоколе заседания аттестационной комиссии) и в правой стороне зачетной книжки. Оценка „незачтено“ представляется только в зачетной ведомости (протоколе заседания аттестационной комиссии); 5.1. Академической задолженностью признается получение студентом одной или более оценок „незачтено“ или „неудовлетворительно“ [Правила обучения по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования в Санкт-Петербургском государственном университете (Приложение к приказу Ректора от 16.08.2012 № 3480/1)].

В 2015 г. была утверждена новая редакция Устава СПбГУ (Постановление Правительства РФ от 16.06.2015 № 594), где написание «незачтено» было изменено на нормативное «не зачтено». Вслед за этим администрация СПбГУ приняла локальные нормативные акты, отменявшие прежние постановления. Этот пример, при всей его парадоксальности и курьезности, показывает, что ошибка, допущенная в уставных документах, может иметь далеко идущие последствия. Возможность таких ошибок была всегда, однако в наше время, когда между черновиком документа и его окончательной версией нет инстанции, которая могла бы проверить грамотность текста, появление и воспроизводство даже единожды совершенной ошибки приобретает массовый характер. До появления принтера такой инстанцией была машинистка, от которой требовалась грамотность и естественные корректорские навыки, а еще ранее — секретарь, имевший неукоснительную обязанность проверять рукопись любого документа на предмет «правильного на российском языке сочинения».

В качестве другого примера приведем текст присяги, утвержденный Государственной думой 12 июля 2017 г.:

Я, Ф. И. О., добровольно и осознанно принимая гражданство Российской Федерации, клянусь: соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы её граждан; исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Российской Федерации; быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции» [Госдума утвердила текст присяги... 12.07.2017].

По словам председателя Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинникова, «текст лаконичный, он позволяет говорить человеку о том, что он будет

соблюдать Конституцию и российское законодательство, будет уважать традиции, историю, обычаи, которые существуют в Российской Федерации» [Госдума утвердила текст присяги... 12.07.2017]. При этом очевидно, что в тексте присяги присутствуют существенные погрешности по части «классических норм» русского литературного языка: в нем выявляются различные неточности, связанные с лексической сочетаемостью. Укажем лишь на две из них:

1) сочетание «соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы её граждан» ошибочно с позиций семантической связанности. Дело в том, что глагол «соблюдать» многозначен; словари выделяют у него несколько значений, основными из которых являются два: 'строго придерживаться, выполнять что-либо в точности' и 'охранять, беречь что-л., блюсти' [МАС, 4: 170]. В сочетании с существительными «Конституция» и «законодательство» реализуется первое значение глагола «соблюдать» ('выполнять'), в сочетании с существительными «права» и «свободы» — второе значение ('охранять'). В результате соединения в один ряд существительных, в сочетании с которыми глагол «соблюдать» реализует разное значение, во-первых, нарушается такая стилевая черта делового языка, как точность; во-вторых, создается каламбурное сочетание, неуместное в деловом тексте (и напоминающее фразы типа *Я пил чай с лимоном, с женой и с удовольствием*). В научной литературе такой прием нарушения сочетаемости подводится под разные стилистические фигуры — каламбур, зевгма, силлепс). Конечно, можно сослаться в этом случае на семантический синкретизм старого русского глагола (*блюсти*), возможный для текстов символического содержания, однако для современного русского языка, **блюсти** литературную норму которого нас призывает Закон, такое сочетание вряд ли уместно. Авторам, возможно, следовало бы иначе сформулировать свою мысль, а не стремиться к исключительной краткости (хотя лаконичность, и в этом П. В. Крашенинников прав, есть весьма желаемый признак любого документа), например: «соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, **уважать** права и свободы её граждан».

2) В сочетании «исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества» избыточным выглядит оборот «на благо государства и общества». (Любопытно, что чаще это достаточно употребляемое клише используют с иным порядком слов «общество» и «госу-

дарство», как бы подчеркивая значимость одного относительно другого: «на благо общества и государства». Например: *Отдавать частицу себя на благо общества и государства — с таким настроем Вера Юрьевна Шokol выполняет свою нелегкую и ответственную работу* [18 лет службы на благо общества и государства, 02.10.2017...].) В данном же случае уместнее и, кстати, лаконичнее было бы добавить лишь слово «добросовестно».

Обязанность — 'то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-л. согласно закону или общественным требованиям или внутреннему побуждению, долг' [МАС, 2: 582]. Указание на цель выполнения обязанности представляется плеонастичным: а во имя чего человек-гражданин вообще исполняет свой долг и иные обязанности?

Разумеется, эти и иные лексические неточности будут многократно воспроизводиться — таков характер деловой (особенно — документной) коммуникации.

6. Проблема отклонений от литературных норм в деловой коммуникации может выходить за пределы собственно деловых текстов. Сформировавшаяся в деловых текстах имплицитная норма может вступать в конкуренцию с литературной нормой, стремясь вытеснить последнюю не только из деловой коммуникации, но и в иных типах текстов. Это явление наблюдается в сфере номинации как при создании, так и при оформлении наименований.

Одним из типичных явлений делового языка является неправильное употребление прописных букв: многие учреждения предписывают употребление прописных букв, когда речь идет о различных подразделениях, должностных лицах и т. д., хотя правила русской орфографии и пунктуации предписывают в этом случае употребление строчных букв [Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 144—166]. Эта особенность делового языка имеет давнюю историю. Еще в 1857 г. Н. В. Варадинов отмечал, что в канцелярском слоге прописные буквы употребляются не только нормативно (в начале новой строки и при употреблении имен собственных), но и ненормативно: ими означаются «сверх того, каждое присутствующее лицо, каждая должность и чин с их титулами, существительные, заменяющие то и другое...». Автор объяснял эту особенность тем, что в таких случаях «самою буквою, так сказать, должно быть показано значение места или лица» [Варадинов 1857: 155].

Наверное, эту особенность делового языка можно было бы признать вполне до-

пустимой, если бы написание некоторых слов не расшатывало литературную норму. Речь идет о названии высших учреждений и должностей. Высшие органы власти и должностные лица, стремясь показать свою значимость «самою буквою, так сказать», при именовании себя используют исключительно прописные буквы, причем если речь идет о составных наименованиях, то каждое слово пишется с прописной буквы. Учитывая значимость документов, исходящих от высших органов власти, такие наименования проникают за пределы деловой коммуникации и постепенно становятся нормативными. Орфографическая комиссия РАН регулярно рассматривает вопрос о признании нормативным употребления прописной буквы у новых слов этой сферы. Так, 14 мая 2017 г. на ее заседании обсуждался вопрос о правописании сочетаний *Государственная дума / Государственная Дума* и *Федеральное собрание / Федеральное Собрание*. Под влиянием текстов, исходящих от властей, написание *Государственная Дума* и *Федеральное Собрание*, тиражируемое многочисленными официальными текстами и новостными текстами СМИ, вытесняет старое написание, соответствующее прежним орфографическим нормам русского языка.

7. В деловой коммуникации создаются многие номинации, отсутствующие или малоупотребимые в иных видах текстов. Так, литературное слово «студент» заменяется на труднопроизносимое слово «обучающийся», а «абитуриент» — на «поступающий в высшее учебное заведение». Названия многих учебных заведений и научных учреждений вместо привычного облика (имевшего больше символический статус, чем информативный, например: МГУ, МГИМО, ЛГУ и под.) приобрели многословный неудобопроизносимый, но при этом малосодержательный и непривлекательный вид: *Воронежский государственный университет* стал называться (и это наименование воспроизводится во всех документах) как *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»*; или еще более чудовищно — особенно на слух — *ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*. А *Институт языкознания — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкознания Российской академии наук»*. Подобные лингвистические опыты чиновников, возможно, имеющих свой «автономный взгляд» на проблемы именования учебных (и не только) учреждений, ведут к тотальной путанице и неизбежным

ошибкам в процессе воспроизводства этих громоздких названий в заявлениях, рапортах, служебных и иных повседневных документах работников этих заведений.

Широкое употребление таких тяжеловесных наименований не имеет никакого смысла, так как функция имени собственного — идентифицировать объект, о котором идет речь в тексте, и группа приложения к нему не способствует повышению эффективности общения. Наоборот, такие номинации приносят несомненный вред, ведя к разрушению нормальной коммуникации, поскольку пользователи языка отторгают такие искусственные образования, неоправданно увеличивающие объем текста. (Использование таких номинаций может расцениваться как нарушение двух максим Г. Грайса — максимы релевантности и максимы количества.) Более того, речевое насилие со стороны подобных сконструированных норм деловой коммуникации создает условия для возникновения зоны отчуждения между государством и рядовым гражданином, что уже не столь невинно, как кажется на первый взгляд.

Некоторые номинации деловой сферы проникают за ее пределы и, попадая в литературную и разговорную речь, вызывают появление так называемого канцелярита. Передаточным звеном, способствующим проникновению деловых номинаций в иные коммуникативные сферы языка, являются средства массовой информации. Деловая речь является источником ряда номинаций, имеющих «канцелярское значение»: *население, мероприятие, позиция, отсутствие, выдвижение, голосование* и мн. др.

8. Отдельно остановимся на употреблении отглагольных существительных в деловой коммуникации. Их широкое распространение в деловых текстах связано с реализацией такой стилевой черты, как имперсональность: являясь грамматическими дериватами личных форм глагола, отглагольные существительные представляют действие обобщенно — в отвлечении от лица и времени.

Однако злоупотребление отглагольными существительными в тексте может вступать в противоречие с другой стилевой чертой делового языка — точностью (*точность* — «высокая степень строгости, полноты соответствия чему-л. в действительности» [БАС, 15: 745]). Обычно, говоря о точности, подразумевают точность выражения, т. е. оценивают эту черту с позиции адресанта. Между тем точность должна оцениваться также и с позиций адресата как точность понимания.

Отглагольное существительное имеет не только достоинства, но и недостатки, кото-

рые подробно описал А. М. Пешковский еще в 1925 г. в статье «Глагольность как выразительное средство» [Пешковский 1959]. Сравнивая глагол и отглагольное существительное, он отмечал: «Главное достоинство глагола — способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой. <...> Отглагольные существительные за редкими исключениями не разделяют этих достоинств. Поэтому речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная» [Пешковский 1959: 111]. Свою статью Пешковский завершал показательным лозунгом: «Назад к глаголу!»

Отсутствие синтаксической перспективы и сопутствующие этому трудности понимания текста особенно ощущаются при нанизывании отглагольных существительных: приходится долго вчитываться в такую фразу, прежде чем прояснится ее смысл. «Глагол рассеивает одинаковые падежи, вносит новые отношения между словами и делает ясной зависимость между членами предложений, очищает речь от лишних слов. Глагол управляет различными падежами, тогда как существительное по большей части требует родительного падежа <...>. Наконец, только глагольные формы управляют словами легко, без затемнения смысла, тогда как, напр., прилагательные, без применения особых интонационных средств (обособление), на это совершенно неспособны, а существительные делают это лишь с большим уроном для ясности мысли (сравн. такие ряды последовательно управляемых родительных, как „значение признания необходимости введения ... и т. д.“, являющиеся настоящим бедствием в нашем газетном языке)», — пишет П. В. Верховской [Верховской 1930: 108], настаивая на том, что в деловых текстах глагол должен восстановить свои права.

Если проблема нанизывания отглагольных существительных хорошо освещена в литературе, посвященной культуре речи, то иной аспект обычно упускается из виду. В глазах пользователей делового языка отглагольные существительные являются одним из его конституирующих признаков. Давление этого представления приводит к тому, что в деловых текстах часто употребляются отглагольные существительные, отсутствующие в словарях и относящиеся к числу потенциальных слов языка. «...Потен-

циальными называются слова, которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов» [Земская 2013: 228]. Это явление далеко не новое в деловой речи; ср.: «...без намордников, лишаящих их возможности учинить **укушение** (из Обязат. Постановл. сапожковской городской думы о намордниках для собак)» [Пешковский 1959: 102], «Надежное поручительство в **неотлучке** (Св. зак.); Когда должник объявил себя сам в **неоплатности** (Св. зак.); Должник не имел возможности отметить по своим книгам выдачу мне векселя, почему **незаписка** векселя не может повлечь за собою признания иска спорным (старый образец искового прошения); Вопрос об **уделении** вам части наших поручений на Саратов мы оставляем покамест открытым (у Вейцмана из образца письма к комиссионеру)» [Верховской 1930: 110].

Наше время дает многочисленные примеры подобной «изобретательности» (П. В. Верховской), например: *Из-за непогоды в столице возможны затруднение движения транспорта и ДТП, повреждения линий электропередач, повал деревьев, повреждение кровель домов* [Москвичей предупредили...]; *Уважаемые пассажиры! В случае отстоя водителей на остановках, просим сообщать по тел. ...* [объявление в салонах маршрутных такси Санкт-Петербурга, осень 2017 г.].

Учитывая, с одной стороны, тонкую грань, отделяющую нормативные отглагольные существительные от ненормативных, а с другой — трудность организации понятных для восприятия фраз, включающих отглагольные существительные, можно говорить о том, что правильное их употребление в деловом тексте является важным показателем хорошего владения языком.

Выводы. Необходимо ли бороться с отклонениями от литературных норм в деловом языке и если да, то в какой мере и каким образом? Попытаться ответить на этот вопрос отчасти можно с точки зрения того языкового уровня, где наблюдаются отклонения.

Регулярные отклонения при пунктуационном оформлении деловых текстов могут считаться допустимыми, поскольку они отражают, во-первых, особенности синтаксического устройства делового текста (перечислительные ряды различной длины и глубины) и, во-вторых, необходимость таким образом оформить текст, чтобы он был однозначно понят адресатом. Отклонения на уровне пунктуации необходимо описывать, обобщать и вводить в нормативное поле.

Отклонения на морфологическом уровне следует квалифицировать как недопустимые, так как эти нормы обеспечивают ясность содержания, облачаемого в грамматические формы. А ясность — важнейший категориальный признак деловой речи. Многочисленные нарушения, встречающиеся в современных деловых текстах, нет необходимости перечислять: достаточно посмотреть справочник Д. Э. Розенталя ([Розенталя 1965] и последующие издания).

Отклонения от лексических норм в одних случаях можно считать допустимыми — когда речь идет, например, о создании специальных терминов (что неизбежно с развитием деловой сферы), однако в большинстве случаев такие нарушения откровенно вредны, поскольку часто недостаточное владение авторами судьбоносных документов ясным и точным деловым языком приводит к серьезным проблемам при его исполнении, а зачастую исключает всякую возможность этого исполнения.

Меры борьбы с ошибками в деловом языке могут быть различными. Во-первых, для целого ряда государственных должностей (например, депутатов) возможно и даже необходимо введение экзамена по русскому языку. Кажется, это уже понимают многие государственные деятели [Государственные служащие и топ-менеджеры...]. Во-вторых, в высших органах власти бесполезно было бы создание лингвистических служб, которые бы оценивали документы (законы, постановления, рекомендации и др.), обращенные к большому количеству людей, с точки зрения их соответствия нормам литературного языка и — что еще важнее — с точки зрения понятности. Проблема понимания государственных документов всех уровней стоит в нашем обществе очень остро. В-третьих, закон «О государственном языке Российской Федерации» предстоит усовершенствовать и лингвистически, и юридически, сделав его действующим механизмом для исполнения норм литературного языка — хотя бы в деловой коммуникации. Назрела необходимость не только разработать лингвистическое обеспечение этого Закона, но и установить ответственность за его нарушение вплоть до запрета занимать государственные должности лицам, не имеющим навыков грамотного общения с гражданами как в устной, так и в письменной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. 18 лет службы на благо общества и государства [Электронный ресурс] // Новости ФССП России. 2017. 2 окт. URL: <https://fssp.rf.ru/news/229226-18-let-služby-na.html> (дата обращения: 12.10.2017).

2. Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. «Все части государственного служения требуют сведущих исполнителей...»: к

200-летию указа об экзаменах на гражданские чины // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 178—184.

3. Бельчиков Ю. А. Литературный язык // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая советская энцикл. : Дрофа, 1997. С. 221—223.

4. Варадинов Н. В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и единоличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. — СПб. : [С. П. Лоскутов], 1857.

5. Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. 2015. Vol. 4. № 2. С. 90—97.

6. Верховской П. В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов. — М. : Техника управления, 1930. 201 с.

7. Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. — М. : Изд-во ЮЭКЭА, 2002. 832 с.

8. Госдума утвердила текст присяги при приеме в гражданство России [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. 12 июля. URL: <https://rg.ru/2017/07/12/gosduma-utverdila-tekst-prisiagi-pri-prieme-v-grazhdanstvo-rossii.html> (дата обращения: 12.10.2017).

9. Государственные служащие и топ-менеджеры будут сдавать экзамен по русскому языку [Электронный ресурс] // Planet Today. 2015. 4 июня. URL: <http://planet-today.ru/no-vosti/obshchestvo/item/10921-gosudarstvennye-sluzhaschie-i-top-menedzheri-budut-sdavayt-ekzamen-po-russkomu-yazyku> (дата обращения: 12.10.2017).

10. Громова Т. Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. 2002. Вып. 1. С. 43—52.

11. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2006. С. 273—277.

12. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 8-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2013. 328 с.

13. Колесов В. В. Русская речь: вчера. Сегодня. Завтра. — СПб. : Юна, 1998. 247 с.

14. Корректность написания оценки «не зачтено» [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://guestbook.spbu.ru/upravleniya/penov-yurij-vitalevich/7567-korrektnost-napisaniya-otsenki-neza-chteno.html> (дата обращения: 12.10.2017).

15. Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть 1) // Научный диалог. 2012. Филология. № 12. С. 111—123.

16. Лобашевская И. С. Жанры официально-деловой речи. — Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2007. 91 с.

17. Москвичей предупредили о надвигающейся грозе с градом и шквальным ветром [Электронный ресурс] // Росбалт. 2017. 12 июля. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/07/12/1629929.html> (дата обращения: 12.10.2017).

18. Пешковский А. М. Глагол как выразительное средство // Избр. тр. / А. М. Пешковский. — М. : Гос. учеб.-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. С. 101—111.

19. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 30 (1808—1809). — СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. = ПСЗ, 30.

20. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 432 с.

21. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. 3-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 1988. 238 с.

22. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М. : Высшая школа, 1965. 355 с.

23. Скворцов Л. И. Норма // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая советская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 270—272.

24. Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 61—65.

25. Татарникова Н. М. Влияние государственной коммуникации на культуру речи общества // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2 (20). С. 141.

26. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Юридическая литература, 1990. 192 с.

СЛОВАРИ

27. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (К — О). Изд. 3-е, стер. — М. : Рус. яз., 1986. 736 с. = МАС, 2.

28. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (С — Я). Изд. 3-е, стер. — М. : Рус. яз., 1988. 795 с. = МАС, 4.

29. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 15. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 1286 стлб. = БАС, 15.

D. V. Rudnev, T. S. Sadova
St. Petersburg, Russia

OFFICIAL LANGUAGE AS THE BASIS OF STATE COMMUNICATION: TO THE PROBLEM OF NORMALIZATION

ABSTRACT. *The paper describes the types and the reasons for violation of the literary standard of Russian in official texts. It is concluded that violations of the standard ("stylistic deviation") are the result of not only illiteracy of the officials, but they are also caused by the type of communication in general. A number of deviations are caused by communicative goals of official style – these deviations must be described and even included in the literary standard (for example frequent deviation of punctuation in official documents). Other deviations are caused by the peculiarities of official communication. In this connection we described the mechanism of influence of official communication on the appearance of deviations in official texts. Besides, we analyzed deviations caused by the stereotypes about official texts existing in the minds of the native speakers. Lack of knowledge of the literary norms of official language leads to mistakes in the documents that make it impossible to interpret the document in a proper way. To eliminate such mistakes certain measures may help: exam in the Russian language for public officers; establishment of linguistic services to check the documents addressed to many people (laws, statements, recommendations, prescriptions, etc.) from the point of view of their conformity to the rules of the Russian language and from the point of view of clearness; legal responsibility for violation of the Law on the State Language of the Russian Federation.*

KEYWORDS: *communication on the state level; official style; official language; literary language; norm; error.*

ABOUT THE AUTHORS: *Rudnev Dmitry Vladimirovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

Sadova Tatyana Semyonovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. 18 let sluzhby na blago obshchestva i gosudarstva [Elektronnyy resurs] // Novosti FSSP Rossii. 2017. 2 okt. URL: <https://fssprf.ru/news/229226-18-let-sluzhby-na.html> (дата обращения: 12.10.2017).

2. Bazhenova T. M., Zipunnikova N. N. «Vse chasti gosudarstvennogo sluzheniya trebuyut svedushchikh ispolniteley...»: k 200-letiyu ukaza ob ekzamenakh na grazhdanskije chiny // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2009. № 6. S. 178—184.

3. Bel'chikov Yu. A. Literaturnyy yazyk // Russkiy yazyk :

- entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bol'shaya sovetskaya entsikl. : Drofa, 1997. S. 221—223.
4. Varadinov N. V. Deloproizvodstvo, ili Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugolovnomu, kollegial'nomu i edinolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vsekh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag i k vedeniyu samykh del, s prilozheniem k onym obraztsov i form. — SPb. : [S. P. Loskutov], 1857.
5. Verbitskaya L. A. Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy: sovremennoe sostoyanie i mery po ego ukreplenyu i razvitiyu // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2015. Vol. 4. № 2. S. 90—97.
6. Verkhovskoy P. V. Pis'mennaya delovaya rech'. Slovar', sintaksis i stil'. Razbor byurokraticheskikh shablonov i narusheniy grammatiki v yazyke dokumentov. — M. : Tekhnika upravleniya, 1930. 201 s.
7. Gomerov I. N. Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast': predpyslki, osobennosti, struktura. — M. : Izd-vo YuKEA, 2002. 832 s.
8. Gosduma utverdila tekst prisyagi pri prieme v grazhdanstvo Rossii [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta. 2017. 12 iyulya. URL: <https://rg.ru/2017/07/12/gosduma-utverdila-tekst-prisyagi-pri-prieme-v-grazhdanstvo-rossii.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
9. Gosudarstvennye sluzhashchie i top-menedzhery budut sdavat' ekzamen po russkomu yazyku [Elektronnyy resurs] // Planet Today. 2015. 4 iyunya. URL: <http://planet-today.ru/novosti/ob-shchestvo/item/10921-gosudarstvennye-sluzhaschie-i-top-menedzhery-budut-sdavayt-ekzamen-po-russkomu-yazyku> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
10. Gromova T. N. Gosudarstvennaya kommunikatsiya: teoreticheskaya model' i regional'naya praktika // Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya. 2002. Vyp. 1. S. 43—52.
11. Duskaeva L. R., Protopyopova O. V. Ofitsial'no-delovoy stil' // Stilisticheskyy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2006. S. 273—277.
12. Zemskaya E. A. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovo-obrazovanie : ucheb. posobie. 8-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2013. 328 s.
13. Kolesov V. V. Russkaya rech': vchera. Segodnya. Zavtra. — SPb. : Yuna, 1998. 247 s.
14. Korrektnost' napisaniya otsenki «ne zachtено» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://guestbook.spbu.ru/upravleniya/penov-yurij-vitalevich/7567-korrektnost-napisaniya-otsenki-nezachtено.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
15. Kushneruk S. P. Federal'nyy zakon Rossii o gosudarstvennom yazyke kak ob'ekt dokumentno-lingvisticheskogo analiza (chast' 1) // Nauchnyy dialog. 2012. Filologiya. № 12. S. 111—123.
16. Lobashevskaya I. S. Zhanry ofitsial'no-delovoy rechi. — Petropavlovsk-Kamchatskiy : KamchatGTU, 2007. 91 s.
17. Moskvichey predupredili o nadvigayushcheysya groze s gradom i shkval'nym vetrom [Elektronnyy resurs] // Rosbalt. 2017. 12 iyulya. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/07/12/1629929.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
18. Peshkovskiy A. M. Glagol kak vyrazitel'noe sredstvo // Izbr. tr. / A. M. Peshkovskiy. — M. : Gos. ucheb.-pedagogich. izd-vo Min-va prosveshcheniya RSFSR, 1959. S. 101—111.
19. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. T. 30 (1808—1809). — SPb. : Tip. II otd. Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. = PSZ, 30.
20. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskyy spravochnik. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2011. 432 c.
21. Rakhmanin L. V. Stilistika delovoy rechi i redaktirovanie sluzhebnykh dokumentov. 3-e izd., ispr. — M. : Vysshaya shkola, 1988. 238 s.
22. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. — M. : Vysshaya shkola, 1965. 355 s.
23. Skvortsov L. I. Norma // Russkiy yazyk : entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya : Drofa, 1997. S. 270—272.
24. Sternin I. A. Gosudarstvo i yazyk // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 61—65.
25. Tatarnikova N. M. Vliyanie gosudarstvennoy kommunikatsii na kul'turu rechi obshchestva // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2015. № 2 (20). S. 141.
26. Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1990. 192 s.
27. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2 (K — O). Izd. 3-e, ster. — M. : Rus. yaz., 1986. 736 s. = MAS, 2.
28. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4 (S — Ya). Izd. 3-e, ster. — M. : Rus. yaz., 1988. 795 s. = MAS, 4.
29. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 15. — M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 1286 stlb. = BAS, 15.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.133.1'367
ББК ШП47.11-22

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19; 10.02.05

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА ПАРЦЕЛЛЯЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья представляет собой обзор работ французских лингвистов, посвященных проблеме парцелляции. Автор выделяет два этапа развития теории парцелляции: этап становления (40–60-е годы XX века) и современный этап (с 2000 года). Во время первого этапа были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллятный стиль» (*style parcellaire*), которые впоследствии уступили место другой терминологии. Парцелляция связывалась на этом этапе с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс. На втором этапе французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису, морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Наибольший интерес вызывают безглагольные парцелляты — части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» / «не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и — для обозначения основы конструкции — «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого, как это трактуется в отечественной лингвистике. Наиболее значимой, с точки зрения автора, является разработка теории парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте. Точка парцелляции при таком подходе рассматривается как сигнал, говорящий о необходимости произвести определенные операции по переработке информации для понимания глобального смысла текста, для облегчения его когнитивной обработки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парцелляция; французский язык; синтаксис французского языка; стилистика; психолингвистика; когнитивная лингвистика; лингвосемиотика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 465; e-mail: jvbog@yandex.ru.

Изучение парцелляции в отечественной лингвистике началось в 60-х гг. XX в. Были предприняты глубокие и многоаспектные исследования особенностей данного феномена как на материале русского языка, так и на материале других языков. Это обусловило, с одной стороны, значительное развитие этой теории, постоянно обогащающейся данными, полученными на материале разноструктурных языков, а с другой стороны, обозначило появление многих дискуссионных вопросов, так и не нашедших к данному моменту однозначного решения. Особенно сильно развития российской теории парцелляции является изолированность от европейских и американских исследований. Тому, как мы полагаем, есть несколько причин.

Во-первых, серьезным препятствием для распространения научного знания о парцелляции стала терминологическая разногласия, во-вторых, отсутствие полного тождества в объеме и содержании понятий, используемых в тех или иных национальных лингвистических традициях. В российском научном обиходе установился термин «парцелляция» (крайне редко в этом значении встречается «присоединение» или другие терминологические наименования), в современных франкоязычных научных работах фигурируют термины *ajout après le point* (добавление после точки), *annexe* (приложение) или *addition* (добавление) / *construction en annexe* (добавочная конструкция) и другие. В англоязычных исследованиях мы зафиксировали использование иной терминологии:

fragmentary sentence (предложение, расчлененное на фрагменты) / *sentence fragmentation* (фрагментация предложения) / *sentence fragment* или *fragment of sentence* (фрагмент предложения).

Проблемы изолированного развития теорий феномена парцелляции и расхождения в используемой терминологии привели к тому, что научные дискуссии по проблемам парцелляции в зарубежной лингвистике не получили должного отражения в трудах российских исследователей, ее достижения не учитывались при построении концепций и подходов, разрабатываемых в отечественной лингвистике.

Этот факт побудил нас обратиться к подробному анализу достижений, полученных в рамках зарубежных национальных лингвистик. Целью настоящего обзора является освещение исследований парцелляции во французской лингвистике.

Изучение работ французских лингвистов позволяет выделить две волны научного интереса к парцелляции. Первые упоминания о парцелляции относятся к 40-м гг. XX в., активно она начала изучаться в 50–60-е гг. XX в.

В исследовании «История одного языка: французский» М. Коэн описывает зафиксированные им случаи расчленения сложных предложений и вынос за точку некоторых частей предложения: частей сложного предложения, а также фразового дополнения или наречия [Cohen 1973: 397]. М. Коэн отмечает недавнее появление этого приема [Cohen

1966: 234] и связывает его с изменениями в интонации, происходящими в современном французском языке: «Очень частотный в современной письменной речи, как в газетах, так и литературе, и, видимо, являющийся следствием изменений, происходящих в интонации французского языка, этот прием все чаще применяется в сложных предложениях с подчинительными относительными и обстоятельственными придаточными: *C'est une calomnie indigne. Qui ne restera pas impunie. Il s'est mis à employer des imparfaits du subjonctif à tort et à travers. Pour ne pas avoir l'air d'être un ignorant*» [Cohen 1966: 48; Cohen 1969: 48] (здесь и далее перевод наш. — Ю. Б.).

Французский ученый подчеркивает, что данные структуры заслуживают широкого изучения, так как они представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, поскольку оно затрагивает традиционное понятие логической организации фразы. Ученый ввел понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллирующий стиль» (*style parcellaire*), которые, однако, не закрепились в научном обиходе, уступив впоследствии место иной терминологии.

Ж. Антуан пишет о том, что французский язык, стремясь к простоте и непринужденности, ищет новые формы литературного изложения, в основе которых — систематическое введение элементов разговорной речи [Antoine 1962]. Одной из таких новых форм является то явление, которое мы подразумеваем под парцеллированной конструкцией. Ж. Дюбуа отмечает частотность употребления этой конструкции и делает попытку социологического истолкования данного факта [Dubois 1961: 63—66].

Некоторые французские ученые, обращавшиеся к анализу парцелляции в 40—60-е гг. XX в., негативно оценивали ее применение в письменной речи, пренебрежительно рассматривали это явление как маргинальное и связывали со стилистическими эффектами. Р. Жоржен видит в парцелляции средство для максимального выделения деталей и дезартикуляции основной части, но осуждает его использование, называет факт дробления фразы «смешным, вычурным стилем» (*style poinilliste, papillotant*), расценивая его как негативный стилистический процесс [Georgin 1956: 205—208]. А. Доза также подчеркивает, что помещение придаточного предложения после точки выглядит искусственно, и называет этот прием «пунктуационным трюком» (*trucage de ponctuation*). Как и М. Коэн [Cohen 1966: 228, 232—234], он относит его к особенностям авторского стиля [Dauzat 1943: 234]. Факт вынесения важных

элементов в конец предложения связывался французскими лингвистами с влиянием разговорной речи, где позиции слов гораздо подвижнее (см., например: [Bar 1958]).

В 1970—1990-е гг. интерес к парцелляции несколько спадает, появляются лишь отдельные работы, рассматривающие парцелляцию в рамках обособления. В своей диссертации С. Тюше пишет о парцелляции как об «усиленном обособлении» (*détachement fort*) [Tuchais 1996]. Тот же подход мы зафиксировали в статье Б. Комбетта [Combettes 1992]. Лингвисты сходятся в том, что парцелляция репрезентирует «новый стиль» в литературе [Ballard 1995: 150].

После значительного временного прерыва новая волна научного интереса к данному феномену поднялась только в 2000-е гг. Парцелляция стала исследоваться то в контексте фрагментации текста, то как вид обособления, то как добавление, восходящее к риторической фигуре гипербатона, широко используемого в классической литературе [Noailly 2002; Havu 2011, 2013; Gautier 2006, 2010a, b; Combettes 2007a, b; Combettes 2011a и др.].

Преимущественно негативное отношение, характерное для середины XX в., сменилось острым интересом к парцелляции, ее пониманием как одного из ярких явлений синтаксиса современного французского языка. Внимание исследователей вызвали различные аспекты ее структуры, семантики и функционирования в тексте, что отразилось в десятках статей, коллективных монографиях и специализированных международных коллоквиумах, семинарах и конференциях, наиболее известными из которых являются:

1) «Фрагментированные сегменты во французском языке» (*Les séquences fragmentaires en français*), исследовательский семинар, Брюссель, 30—31 мая 2011;

2) «Лингвистики обособления» (*Les linguistiques du détachement*), международный коллоквиум, Нанси, 7—9 июня 2006;

3) «Фигура добавления: фраза, текст, письменная речь» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), коллективная монография (Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002);

4) «Эллипсис и фрагмент» (*Ellipse et fragment — Morceaux choisis*), выпуск научного журнала (Bruxelles: Peter Lang, 2013);

5) «Гипербатон. На границах фразы» (*L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase*), конференция, организованная Высшей национальной школой, 9—10 июня 2010 (Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011).

На современном этапе развития соответствующей теории для обозначения сег-

мента, вынесенного за точку, чаще всего используется термин «добавление после точки» — «*ajout après le point*» (в вариантах *ajout après un point* и *ajouts après point*), под которым понимаются собственно парцелляты — «синтаксические конститuenty, зависящие от предыдущей фразы» [Курумсуян 2009: 318], «элементы, которые дополняют после точки высказывание, которое казалось законченным» [Combettes 2007a: 111].

Однако нельзя утверждать, что этот термин прочно устоялся в научном обиходе. Исследователи, находясь в активных поисках адекватных для описания терминов, вынуждены обращаться к «проблеме метаязыка» [Gautier 2006: 294]. Конкурентами *добавления после точки* выступают *графически изолированный сегмент* (*segment graphique isolé*), *обособленная точкой конструкция* (*construction détachée par un point*), *графический блок* (*block graphique*) [Bosredon, Tamba-Mecz 2003], *обособленный сильной пунктуацией отрезок* (*séquence détachée par une ponctuation forte*) [Havu 2013], *прибавление* (*addition*), *приложение* (*annexe*) [Gautier 2006; 2010a, b], *фрагментированный отрывок* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян 2013] и т. д.

Рассуждая о значении терминов «добавление» и «обособление», Ф. Неве совершенно справедливо замечает: «Экспликативные понятия „прибавление“ (*addition*) или „добавление“ (*ajout*), с одной стороны, „обособление“ (*détachement*), с другой, часто ассоциируемые в анализе, предполагают на самом деле радикально различные намерения. Обособление в строгом смысле слова предполагает выход за пропозициональную рамку, т. е. внутреннюю, а значит и локальную точку наблюдения. Прибавление и добавление предполагают вход в эту рамку и, следовательно, внешнюю и глобальную точку наблюдения» [Neveu 2003: 12]. Дескриптивный термин не удовлетворяет некоторых исследователей. В последних работах Б. Комбетта переходит от *добавления после точки* к терминологическому дублету *фрагмент после точки* (*fragment après le point*), лучше, на его взгляд, отражающему суть данного явления [Combettes 2012a, 2012b, 2013], А. Кьюмкьюян — к *фрагментированному отрезку* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян 2013] и т. д.

В работах либо вовсе отсутствует номинация основной (базовой) части конструкции, либо используются разнообразные наименования, имеющие индивидуально-авторский характер. Их применение ограничено порой одной научной работой: *сегмент-источник* (*segment source*) [Combettes,

Курумсуян 2010], *принимаящая фраза* (*phrase d'accueil*) и *исходная фраза* (*phrase de départ*) [Combettes 2007a], *фраза-источник* (*phrase source*) [Combettes 2013], *матричная структура* (*structure matrice*) [Combettes, Курумсуян 2010], *матричная база* (*base matrice*), *матричная фраза* (*phrase matrice*), *рамочная структура* (*structure cadre*) [Gautier 2006].

Термин «парцелляция», широко применяемый в российской научной литературе для обозначения самого феномена расчленения структуры предложения на составные части, не имеет эквивалента во французской лингвистике.

На наш взгляд, терминологический разноречивый, связанный с обозначением одного и того же явления, косвенно свидетельствует о его недостаточной изученности. Данный феномен только недавно оказался в центре внимания лингвистов, отказавшихся от более ранней терминологии. Процесс «складывания» данной терминосистемы безусловно свидетельствует о стремлении ученых постичь сущность и свойства исследуемого объекта, дать ему адекватное наименование.

В настоящее время наметилось два направления исследований «добавлений после точки». Первое связано с рассмотрением феномена «добавления» во всем разнообразии его проявлений, т. е. в границах как простого, так и сложного предложения (работы Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, М. Ноайи, А. Готье и др.), или в целом феномена добавления. Второе — с изучением отдельных видов «добавления», как правило, беспредложных субстантивов или адъективов. В этом случае «добавление после точки» вписывается в более широкий контекст «безглагольной фразы (сегмента/высказывания)» или «фрагментированного сегмента (структуры)», которые выступают гиперонимами по отношению к «добавлению» или противопоставляются ему. Большое внимание в таких работах обращается на выявление границ между «добавлением» и другими видами безглагольной фразы.

Важным этапом в развитии теории «добавления после точки» стала коллективная монография 2002 г. «Фигуры добавления: фраза, текст, стиль» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), объединившая разноаспектные исследования широко трактуемого феномена добавления: от выделенного точкой «добавления» до расширения структуры предложения за счет однородных «добавлений», связанных сочинительной связью. Главные редакторы и рецензент монографии пишут: «Добавление, будучи второстепенным по отношению к базе движением,

является местом *рефлексивного раздвоения* фигуры говорящего [Authier-Revuz, Lala 2002: 10], который «берет дистанцию, оценивает, уточняет, поправляет свою речь в соответствии с динамикой испытываемых чувств, более или менее контролируемых или контролирующих» [Bordas 2005: 161].

В первой части монографии мы бы отметили статью П. М. де Биези, А. Х. Пьерро и Ж. Неф «Добавление и генезис», в которой выделяются два типа добавлений: «графические» и «генетические». Во второй части «Пересечение точек зрения: прагматической, дискурсивной, процессуальной» значимым разделом стала статья Ф. Сиркюрель, которая, основываясь на трудах Ж. Женетта, определяет функцию добавления не только как «крепление» предложения, но и как «место нюанса», поправки, «место свободы прочтения» [Cicurel 2002: 63]. Текстуальность, которую оно открывает, заключается, как считает автор, в «способности играть с перспективой» [Cicurel 2002: 63]. Е. Орланди в статье «Точка — это все. Интердискурс, неполнота, текстуализация» работает с пунктуацией, рассматривает «добавление» как «след стратификации», как «дискурсивный уплотнитель» (вслед за Фуко и Пеше), «разбивающийся о текстовую линейность как напоминание о рубце на лоне текстуализации дискурса» [Orlandi 2002: 49]. Б. Н. Грюниг изучает «добавления» до и после «базы», указывает на то, что процесс создания «добавления» и его интерпретация — два разных процесса, приводящие к разным результатам [Grunig 2002: 79—93].

Третья часть носит название «Добавление во фразе: вопросы грамматики». Добавление здесь рассматривается как «форма разрешения напряжения между линейностью и дискурсивной памятью» [Badiou-Monferran 2002: 97]. Автор исследует синтаксическую однородность и неоднородность сочиненных добавлений, понимая под сочинением «диалектическую форму добавления, которая вызывает нечто другое, чтобы лучшим образом разместить его в соответствии с общим топиком, в том же плане» [Badiou-Monferran 2002: 106]. «Связывать сочинительной связью — это не добавлять то же самое, это добавить что-то другое либо добавить кого-то Другого» [Badiou-Monferran 2002: 109]. Добавление и проблематика приложения — тема статьи Ф. Нева. С. Бушрон-Петийон исследует добавление, графически выделенное скобками или тире. Одна из основополагающих публикаций, без цитирования которой не обходится практически ни одно исследование «добавлений после точки» — работа М. Ноайи «Добавле-

ние после точки всего лишь графический прием?», в которой автор представляет синтаксическую классификацию графически изолированных «добавлений», впервые формулирует критерий идентификации этой конструкции и исследует как стилистический ресурс. Автор приходит к выводу, что эти структуры часто сигнализируют об изменении точки зрения и напоминают поток сознания и внутреннего монолога [Noailly 2002].

Ключевыми работами, предопределившими дальнейшие научные изыскания в этой области, стали также многочисленные статьи Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, Б. Босредона, И. Тамба-Мекс, А. Готье и других лингвистов.

На современном этапе развития французской лингвистики можно выделить несколько взаимодополняющих, развивающихся подходов к исследованию данного феномена, рассматривающих представляющие его единицы его как объекты синтаксиса, лингвистики текста, стилистики, идиостилистических исследований, лингвопоэтики, психолингвистики, прагматики, лингвосемиотики, лингвокогнитологии, исследований дискурса.

Начнем обзор с анализа работ, посвященных синтаксису парцеллированной конструкции.

Синтаксические особенности «добавления после точки» достаточно хорошо исследованы и представлены в работах М. Ноайи, Б. Комбетт, А. Готье, Е. Авю, Ф. Лефевр и других лингвистов.

Б. Комбетт пишет, что морфосинтаксический анализ «добавления после точки» должен базироваться на характеристиках его форм и функций. Что касается основной части конструкции, то она «не вызывает особого интереса с синтаксической точки зрения», так как это может быть предложение любого типа: повествовательное, восклицательное, вопросительное; определено-личное и неопределенно-личное; с глаголом в пассивном залоге, с выделительной конструкцией и т. д. «Любая единица, расположенная после глагола, может использоваться в качестве добавления, даже вместе с другими компонентами, расположенными справа, в том числе абсолютные конструкции», — пишет Б. Комбетт [Combettes 2007a: 114]. С точки зрения синтаксиса в «добавлении» может быть представлена «вся гамма отношений зависимости» [Combettes 2007a: 121]. При этом автором отмечается, что предложные, беспредложные обстоятельства и обстоятельственные придаточные «в конечном счете эксплицируют автономность, которая подтверждается как в синтак-

сическом, так и в семантическом и прагматическом планах», поэтому они проявляют высокую способность к отчленению [Combettes 2007b: 124].

А. Готье в описании типов «добавочных конструкций» опирается на морфосинтаксический принцип. В конструкциях могут быть представлены «большинство синтагматических типов: номинативные синтагмы, адъективные, предложные, адвербиальные. Также часто встречаются придаточные различных видов» [Gautier 2010a: 7—8].

Продуктивной представляется предложение автора построить синтаксическую классификацию добавочных конструкций по двум параметрам:

- разрыв супрасинтагматических отношений: между подлежащим и сказуемым (крайне редкие случаи, встречающиеся исключительно в художественной литературе; выглядят как эксперименты), а также изоляция предложных и беспредложных обстоятельств и обстоятельственных придаточных;
- разрыв инфрасинтагматических отношений. Эта группа подразделяется на две подгруппы:

а) разрыв симметрических отношений, под которыми понимаются отношения между двумя элементами с бессоюзной или сочинительной связью одного иерархического уровня (однородные или неоднородные члены предложения, придаточные предложения);

б) разрыв асимметрических отношений, в результате которого за графическую рамку выводится компонент — носитель маркеров зависимости от главного слова, расположенного в этой рамке. Речь идет о дополнениях, обособленных определениях, выраженных как существительными с предлогом, так и прилагательными, относительных придаточных, обстоятельствах, выраженных наречиями и существительными с предлогом, а также некоторых видах придаточных, зависимых от глагола, типа *Je sais que toute la journée je peux appeler Hélène, Jean-Marc, Damien, Catherine, Capucine, pour savoir. Si ça va* (Angot, 2002) (Цит. по: [Gautier 2010a: 8—12]).

«Добавление после точки» анализируется и с позиции синтаксической предикативности. Б. Делорм и Ф. Лефевр сосредотачивают свое внимание на неравномерных способностях выражения предикативности адъективными сегментами после точки. Выделяются сегменты с вторичной предикативностью (в этом случае их можно считать «добавлением после точки») и с автономной предикативностью (самостоятельные предложения) [Delorme, Lefevre 2004].

Иной подход предлагают Б. Босредон и И. Тамба-Мекс. Положив в основу своей классификации синтаксический принцип, лингвисты выделяют следующие группы графически изолированных сегментов.

1. Управляемые моносегментные структуры — эндоцентрические конструкции, включающие маркер внутрифразового (предлог) или межфразового (союз) управления. С синтактико-семантической точки зрения данные структуры легко интегрируются в предыдущее предложение.

2. Моносегментные структуры, построенные по принципу обособленных запятой или двоеточием конструкций. Эти структуры включают «синтаксически периферийные компоненты» — «аппозитивные обособления» [Neveu 2000], характеризующиеся относительной свободой расположения, вторичной предикативностью, синтаксической и референциальной зависимостью от существительного в основной части [Bosredon, Tamba 2003: 29].

Б. Босредон и И. Тамба-Мекс считают, что рассматриваемые сегменты «представляют собой некоторые „аномалии“ по отношению к каноническим моделям фраз, которые предлагают грамматические или лингвистические теории» [Bosredon, Tamba 2003: 28]. Для М. Ноайи «аномалия» заключается в том, что вместо запятой стоит «синтаксически неоправданная» точка [Noailly 2002: 133]. Однако А. Кьюмкьюан призывает воздержаться от их отнесения к «аномалиям», даже если они противоречат нормативным представлениям о пунктуации, так как «благодаря этим намеренным отклонениям узус, анархический либо незаконный, если можно так выразиться, но совершенно точно интенциональный, придает точке значительное разнообразие эффектов, которое контрастирует с бедностью школьных прескрипций» [Kuyumcuyan 2009a: 319].

В ряде случаев «добавление после точки» рассматривается как одно из явлений, свидетельствующих о деконденсации, т. е. ослаблении связей в предложении [Tuchais 1996; Combettes 2011], об изменениях в структуре высказывания, ее реорганизации, свойственной многим современным языкам [Combettes 2011: 24—29].

Исследуя графически изолированные «добавления после точки», находящиеся в аппозитивных отношениях с именем существительным в основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан подразделяют их на три группы:

1) добавления — точные повторы (*ajouts en reprise fidèle*). Данная группа представляет собой развернутые лексические повторы,

например: *On eût dit que le silence s'était fait à l'intérieur. Un silence lourd d'angoisse (Le Port des brumes)*;

2) добавления — неполные повторы (*ajouts en reprise infidèle*). Анализ референциальной семантики позволил авторам установить, что практически во всех случаях речь идет о переходе от гиперонима в основной части к гипониму в «добавлении», что позволяет рассмотреть этот тип как случай неполной анафоры (*anaphore infidèle*): *Les mêmes jeunes gens étaient là. Non seulement les reporters, mais les chroniqueurs (La Danseuse du Gai-Moulin)*;

3) добавления с пропозициональным содержанием (*ajouts à contenu propositionnel*) — многочисленная группа, представленная с морфосинтаксической точки зрения инфинитивами и отглагольными формами, в том числе абсолютными причастными конструкциями: *Il y a des opérations très simples en apparence qui sont pratiquement impossibles. Par exemple rechercher l'homme qui s'était volatilisé soudain derrière la villa du maire! (Le Port des brumes)* [Combettes, Kuyumcuyan 2010a: 11—17].

В другой работе авторы отмечают также, что важно исследовать коммуникативный аспект конструкции, ее темо-рематическую организацию. Именно в области распределения коммуникативного динамизма «наблюдаются наибольшие последствия от операции членения». Наиболее эксплицитна рематизация, как считают авторы, в «добавлениях» с предложными обстоятельствами, но значительно менее выражена в «добавлениях», поддерживающих бессоюзную связь с главным предложением [Combettes, Kuyumcuyan 2007: 111—134].

Несмотря на высокую ценность синтаксических исследований, сконцентрированных на структуре и семантике конструкций, очевидно, что вскрыть ее сущность и характер функционирования невозможно, оставаясь только на уровне микросинтаксиса, без обращения к более сложной единице, чем предложение — к тексту.

Точка, отделяющая «добавление» от основной части, является откликом на различные функциональные потребности, инвентарь которых находится в центре внимания целого ряда лингвистов. А. Кьюмкьюян пишет о том, что точка — маркер текстового уровня, изучение которого позволяет лучше понять механизмы построения текста, поэтому изучать «экстрафрастический перенос» (*rejet extraphrastique*) необходимо с позиций грамматики текста. Опираясь на корпус «добавлений после точки», представляющих собой дополнения различного типа

(дополнения к глаголу, именам существительному, прилагательному и фразовые дополнения), «гетерогенные с морфосинтаксической точки зрения», лингвист исследует «текстуальный аспект феномена» (*aspect textuel du phénomène*), а именно «дискурсивное», «„интерактивное“ отношение» (*relation discursive, interactive*), определяемое автором как «дискурсивное отношение» — «аргументативное в широком смысле, охватывающее в том числе и контраргументативные движения» [Kuyumcuyan 2009: 320]. Автор выявляет три типа этого отношения: координация, повторная формулировка/иллюстрация, уступка/утверждение.

Исследователь справедливо отмечает массовое использование «добавления после точки» в текстах прессы, объясняя этот факт способностью «текстового построения точки зрения», проявления субъективности, «последствия от которой в выполнении межличностной функции проявляются в терминах эмпатии» [Kuyumcuyan 2009: 319—320].

Исследуя субстантивные сегменты, заключенные в точки, на материале текстов художественной литературы и публицистики, Е. Авио приходит к выводу, что их следует рассматривать как стратегию построения текста. Для их интерпретации, считает исследователь, необходимо обращаться к предыдущему контексту (т. е. «левой части»). Учет синтаксико-семантических и прагматических особенностей сегментов, отобранных из газетных текстов, приводит лингвиста к построению следующей классификации:

– собственно «добавления» в узком смысле, проявляющие высокую степень синтаксической и семантической зависимости от «левого контекста». Эту группу наполняют «обязательные и периферийные дополнения» (т. е. дополнения и обстоятельства) и симметричные сегменты (однородные и неоднородные члены предложения);

– уточнение/объяснение, синтаксическая зависимость которых значительно ниже при сохранении семантической зависимости. В эту группу включены адъективные сегменты, которые при снятии точки требуют обособления запятой;

– группа сегментов, которые синтаксически не зависят от «левого контекста»: комментарий, описание и наррация, опора которых на контекст характеризуется как семантико-прагматическая.

При обращении к материалу художественной литературы автор констатирует большее разнообразие сегментов, на его взгляд, связанное с «многоголосием» литературного текста; их классификация выглядит сложнее. К «чистым добавлениям» при-

мыкают «добавление»-комментарий (ajout-commentaire) и «добавление»-мостик (ajout-pivot). К уточнению/объяснению примыкает подгруппа со сложным названием «уточнение-реприза-фокализация-мостик». Наполнение групп «комментарий», «описание» и «наррация» остается прежним.

Е. Авю заключает, что вне зависимости от корпуса данные сегменты могут рассматриваться «как стратегии, структурирующие текст, и особенно как вводящие в форму разрыва диалогический аспект (вмешательство журналиста или нарратора)» [Navu 2013: 67—79].

Обращаясь к анализу «добавлений после точки», имеющих «аргументативную антиориентацию», т. е. выражающих опровержение основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан выявляют большой потенциал конструкции в выполнении обозначенной функции в тексте [Combettes, Куумсуан 2010b: 28—30].

Несмотря на то что французские лингвисты отмечают стилистическую маркированность «добавления» и определяют его как стилистическое средство, восходящее к фигуре гипербатона [Noailly 2002; Combettes, Куумсуан 2010; Combettes 2013; Gautier 2006 и др.], исследований, направленных на выявление стилистического потенциала, практически нет. Одной из немногих работ, обращенных к стилистическому аспекту «добавления» (как определяет сам автор), является работа М. Ноайи, в которой лингвист пишет, что точка, отсоединяющая «добавление», играет «двусмысленную роль»: с одной стороны, изолирует элемент, с другой — присоединяет его к основной части, что создает прежде всего эффект обманутого ожидания, оказывается «игрой в кажущуюся завершенность» (jeu de fausse clôture). Автор отмечает, что гипербатон создается изменением порядка слов и запятой на письме, однако возможности «добавления» шире, поскольку отчленяться могут и такие элементы, которые невозможно было бы отделить только при помощи запятой. Построение речи при помощи «добавления» призвано показать паузы в размышлениях персонажей, естественный прерывистый ход мыслей, показать «полусознательную стадию» внутренней жизни. Эта «сюрпунктуация», пишет М. Ноайи, «родилась без сомнения вместе с необходимостью передать движение сознания. Весьма остроумно, что для того, чтобы передать этот поток сознания, используется знак, предназначенный для разрыва — знак точки» [Noailly 2002: 144].

Что касается стилистических ограничений использования данного приема, лингви-

стами подчеркивается, что сферами его применения являются художественная литература и пресса. Писатели и поэты в неравной степени прибегают к «добавлению после точки». Е. Авю замечает, что в ее корпусе наибольшее количество «добавлений» зафиксировано в произведениях А. Гавальда, М. Дюрас, значительно меньше у Ж. Ешеноза и практически нет их у А. Нотомб [Navu 2013: 79]. Б. Комбетт, Б. Босредон, И. Тамба-Мекс и многие другие исследователи обращаются к произведениям Ж. Сименона, богатым на «добавления». Исследователями признается, что «добавление после точки» — специфический элемент идиостиля писателя.

Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан в статье «Интерпретативные смыслы безглагольной предикации в нарративном корпусе: субстантивные высказывания и художественная репрезентация дискурсивных и когнитивных процессов» обращаются к выявлению интерпретативных эффектов, создаваемых графически изолированными субстантивами (в том числе и отчлененными приложениями) в произведениях Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ (1930—1972 гг.). Авторы объясняют свое обращение к этому материалу желанием доказать, что данный тип структур, к которым французские писатели «пристрастились» еще в довоенный период, является мощным ресурсом, хоть и подвергшимся сильнейшей критике со стороны «пуристов и адептов красивого стиля», но создающим «удовольствие от чтения текста» [Combettes, Куумсуан 2010a: 2]. Выбранный подход позволяет авторам выделить экзистенциальные субстантивы в дескриптивном контексте и событийные субстантивы в нарративном контексте. Первые «служат не для того, чтобы создать рисунок на фреске в его мельчайших деталях в соответствии с бальзаковской нормой, а наоборот, высветить фрагмент, обрывки, цепочки более или менее однородных образов, которые представлены таким же случайным образом в дискурсе, как это делают их референты с точки зрения актантов диалезы. Обстановка вырисовывается сцеплением различных планов, фокусов, а не панорамным видом, который давал бы читателю впечатление, что он контролирует все элементы ситуации». Этими фрагментами Ж. Сименону «удается ярко изобразить атмосферу небольшим количеством слов, которые создают образ и которым минималистичный синтаксис служит лишь экраном <...> этого достаточно, чтобы обстановка обрела смысл и ожила» [Combettes, Куумсуан 2010a: 7]. Отчлененные аппозитивы создают что-то вроде «дескриптивной паузы». Описание

связано с некоторой неподвижностью, статичностью референтов. На это семантическое свойство, которым обладают безглагольные фрагменты, указывает также и Ф. Лефевр [Lefeuve 1999: 123—124].

Основной функцией второй группы — событийных субстантивов в нарративном контексте — является «представлять информацию заднего плана», т. е. то, что видит и слышит Мегрэ, в «настолько краткой форме в дискурсе, насколько нечетко она отражается в субъективном восприятии персонажа». Такие «пассажи» создают оригинальный «эффект точки зрения, актуализирующийся именно в безглагольных фрагментах, и вызывают эмпатию читателя, который таким образом ставится в контакт с ощущением, испытываемым рассказчиком, и на место которого он себя ставит». У читателя, «погруженного в диегезу этими заимствованными ощущениями, создается максимальная иллюзия близости и вовлеченности в происходящее» [Combettes, Кууумсуян 2010а: 8].

Авторы считают, что, помимо этих когнитивных процессов произвольного характера (ощущения и восприятие информации заднего плана), данные структуры в ряде случаев представляют собой рациональную сознательную деятельность говорящего, а именно когда безглагольные фрагменты создают представление о внутренней речи персонажа, цепочке его рассуждений.

Благодаря использованию безглагольных фрагментов, которые «играют на контрасте и эффекте обманутого ожидания», «рассказ дробится и приумножается бесчисленными гранями». «Трудно не вспомнить современную эстетику джаза, так как действительно создается впечатление перенесения в другой семиотический материал, имеющий похожее стремление к изобретению достаточно гибких форм с целью преуспеть в создании иллюзии движения самого сознания. Эта эстетическая инновация, являющаяся стилистическим средством, оформляется систематическим использованием в контексте произведения всех значений данной грамматической структуры» [Combettes, Кууумсуян 2010а: 19—20].

Лингвопоэтическому анализу произведения П. Шаппиуса посвящает свою работу И. Шоль, которая исследует роль пунктуации, в том числе знака точки, отделяющей «добавление» от основной части. «Будучи фактом языка, но став стилистическим фактом, пунктуация призвана выстраивать дискурс, который прогрессирует посредством „добавлений после точки“, уточнений и реприз и который является хранилищем мно-

жества голосов, ткань которого заставляет варьировать ритмические и синтаксические отношения, оставляя в неопределенности завершенность и семантическую полноту» [Chol 2011: 139].

В статье С. Петийон «добавление после точки» трактуется как «инфрасинтагматическая конфигурация» (*configuration infrasyntagmatique*) фраз, в которых «точка не является знаком конца и в которых, наоборот, фраза — синтаксически — продолжается за пределами точки». «Добавление после точки» выступает как «проявление субъективности» (*affectation de subjectivité*), т. е. средство, позволяющее по пунктуации судить о субъективном авторском отношении к сообщаемому. Автор видит в приеме «добавления, появившиеся по желанию пишущего, играющего на демаркационной функции точки для того, чтобы выделить второстепенный сегмент» [Pétillon 2011: 30].

Анализ восприятия отчлененных компонентов представлен в работе Б. Босредона и И. Тамба-Мекс: «Вначале глаз читателя фиксирует графическое расчленение, маркированное точками и заглавной буквой. Что приводит его к изоляции сегмента, размещенного между двумя точками. Но, читая этот сегмент, читатель обнаруживает синтаксическую связь, которая бесспорно маркирует возможность интеграции сегмента в предложение, которое ему предшествует. Тогда читатель начинает осознавать, что есть некое несоответствие между графическими и синтаксическими границами предложения, которые обычно совпадают. Он признает в этом без труда расхождение двух систем организации фрагментной единицы. И, так как пунктуация является неавтономной системой сегментации, иерархически подчиненной лексико-синтаксической конфигурации, именно синтаксическое управление будет в первую очередь направлять интерпретацию этих графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Авторы подчеркивают, что «этот интерпретативный двухэтапный процесс, вызванный расхождением между лексико-синтаксическим и графическим расчленением, позволяет в полной мере осознать специфичность графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Продуктивной представляется методологический подход, осуществляющийся в интеграции когнитивно-семиотического подхода и семантико-синтаксического анализа, предложенный в диссертации А. Готье. Исследователь отмечает, что в случае с парцелляцией фиксируется конфликт, в который входит пунктуация с синтаксисом и смыслом:

графически самостоятельное «добавление» обнаруживает зависимость на других уровнях (синтаксическом, семантическом, прагматическом). Финальная точка рассматривается им как семиотический маркер завершенности, «как след действия, выполненного пишущим, решившим по разным причинам поставить для себя и читателя веху в графической континуальности» [Gautier 2006: 269]. Континуальность нарушается, уступая место дисконтинуальности, понимаемой автором в духе Ж. М. Марандена и рассматриваемой им как феномен, угрожающий целостности графической фразы [Gautier 2006: 229; 293]. О разрыве «континуальности дискурсивного потока» в подобных случаях пишет и А. Кьюмкьюян [Kuyumcuyan 2009: 321].

В более поздней работе А. Готье фиксирует внимание на следующем аспекте: «С функциональной точки зрения, фразовая граница ассоциативно маркирована чаще всего финальной точкой и заглавной буквой. Для пишущего эта фразовая граница является знаком завершения коммуникативной микропрограммы; для читателя она представляет собой сигнал, что читатель может (и даже должен) произвести некоторые операции по переработке информации для построения глобального смысла текста. Ясно, что это значение тесным образом связано с означаемым самой точки и подвержено варьированию» [Gautier 2010b: 3]. И далее: «Письменная фраза больше не воспринимается как средство передачи устной фразы, но как вектор самостоятельной информации, которая обращается к мысли напрямую», для чего ей необходима адаптированная для этой задачи пунктуация. Важным является также вывод автора о том, что точка в данной конструкции «должна разделять сообщения для глаза (и мысли) для того, чтобы облегчить когнитивную обработку письменного сообщения» [Gautier 2010b: 3—4].

М. Фейоль в своей работе «От идей к тексту, когнитивная психология словесного произведения, устного и письменного» утверждает, что сигнал конца фразы влечет за собой уплотнение (compactage) сообщения, которое хранится в оперативной памяти в форме, близкой к резюме темы и ремы, более упрощенной, нежели сохранение в виде «слово в слово»: «Все происходит как если бы за фразой субъекты представляли значимые единицы, соответствующие неким „блокам“, более или менее разграниченным поверхностными маркерами» [Fayol 1997: 131]. Точка является тем самым поверхностным маркером, который позволяет выделить значимый блок.

Итак, во французской лингвистике можно выделить два значимых этапа (волны) раз-

вития теории парцелляции: первый этап — этап становления теории (1940—1960-е годы): были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (parcelle) и «парцеллятный стиль» (style parcellaire), которые впоследствии уступили место другой терминологии; парцелляция связывалась с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс. Второй этап (современный) фиксируется с начала 2000-х г. Французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису, морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Ее происхождение связывается с риторической фигурой гипербатона, широко используемой в классической литературе. Подробно изучены безглагольные парцелляты — части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» / «не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и — для обозначения основы конструкции — «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого, как это трактуется в отечественной лингвистике. Наиболее важным, на наш взгляд, является разработка теории парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте. Точка парцелляции при таком подходе рассматривается как сигнал для читателя, говорящий о необходимости произвести определенные операции по переработке информации для понимания глобального смысла текста, для облегчения его когнитивной обработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. — Strasbourg, 1962. T. 2. — P. 443—451.
2. Authier-Revuz J. Du dire “en plus” : dédoublement réflexif et ajout sur la chaîne // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 147—167.
3. Badiou-Monferran C. Coordonner : (qu')est-ce (qu') ajouter ? / C. Badiou-Monferran // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 97—110.
4. Ballard M. Relations discursives et traduction. — Lille : Presses universitaires de Lille, 1995. 297 p.
5. Bar F. Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif // Le français moderne. 1958. № 4. P. 12—19.
6. Bordas E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes // Bulletin suisse de linguistique appliquée / Université de Neuchâtel. Institut de linguistique. 2005. № 81. P. 161—164.
7. Bosredon B., Tamba-Mecz I. Aux marges de la phrase écrite : analyse d'unités typographiques autonomes // L'Information Grammaticale. 2003. № 98. P. 28—38.
8. Cicurel F. Le texte et ses ornementations // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 51—64.

9. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. — Paris, 1966. 311 p.
10. Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. — Paris, 1973. 513 p.
11. Dauzat A. Le génie de la langue française. — Paris, 1943. 435 p.
12. Dubois J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? // La pensée. 1961. № 96. P. 61—75.
13. Chol I. Énoncés fragmentés et systèmes ponctuels : l'exemple de Pierre Chappuis // Le Discours et la langue. — Bruxelles, 2011. № 3. P. 139—158.
14. Fayol M. Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite. — Paris : Presses universitaires de France, 1997. 236 p.
15. Combettes B. L'organisation du texte. — Metz : Publications de l'Université de Metz, 1992. 180 p.
16. Combettes B. De la cohérence textuelle aux règles syntaxiques : le cas des constructions détachées // Problèmes de cohésion syntaxique / J. Baudry et P. Caron (éds). — Limoges : Presses de l'Université de Limoges, 1998. P. 139—156.
17. Combettes B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point // Cahiers de Praxématique. 2007a. № 48. P. 111—134.
18. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al., eds. — Ophrys, 2007b. P. 119—131.
19. Combettes B. Les ajouts en fin d'énoncé dans les Nouvelles Créations et Joyeux Devis de Bonaventure des Périers // L'Information Grammaticale. 2009. № 120. P. 23—27.
20. Combettes B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif : énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs [Electronic resource] // Discours [En ligne]. 2010a. № 6. URL: <http://discours.revues.org> (date of access: 19.02.2014).
21. Combettes B., Kuyumcuyan A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation : colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24—26 mars 2010. — 20106. P. 28—30.
22. Combettes B. Hyperbate et structure informationnelle : le cas des ajouts après le point // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011a. — P. 195—205.
23. Combettes B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? // L'Information grammaticale. 2011b. № 130. P. 24—29.
24. Combettes B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29—30 octobre 2012. — Lyon, 2012a. P. 145—157.
25. Combettes B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discursivité : le cas des «fragments après le point» // Perspective fonctionnelle de la phrase : L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 octobre 2012. — Nancy, 2012b. P. 76—79.
26. Combettes B. Aspects diachroniques des fragments après le point : cas d'ellipse ou ajouts ? // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 223—237.
27. Gautier A. Phrase et syntaxe: sur quelques aspects de l'intégration // Langue française. 2014. № 182. P. 27—41.
28. Gautier A. La pause et l'effet : Hyperbate et segmentation graphique // L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (dir.). — Paris : PUPS, 2010b. — P. 103—116.
29. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la réaction? // Travaux de linguistique. 2010a. № 60. P. 91—107.
30. Gautier A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase : thèse de Doctorat. — Université Paris-Sorbonne, 2006. 438 p.
31. Georjgin R. La prose d'aujourd'hui. — Paris : Editions André Bonne, 1956. 456 p.
32. Grunig B.-N. Conflits et instabilité dans les processus de production et interprétation d'ajouts // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 79—96.
33. Havu E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. — P. 65—80.
34. Havu E., Lefevre F. Les énoncés averbaux comme hyperbates // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. P. 179—192.
35. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.
36. Kuyumcuyan A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 143—154.
37. Lefevre F. La phrase averbale en français. — Paris : L'Harmattan, 1999. 352 p.
38. Neveu F. L'apposition : concepts, niveaux, domaines // Langue française. 2000. № 1 (125). P. 3—17.
39. Neveu F. Détacher est-ce condenser ? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français // L'Information Grammaticale. 2011. № 130. P. 18—23.
40. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.
41. Orlandi E. Un point, c'est tout. Interdiscours, incomplétude, textualisation // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 65—78.
42. Pétilion S. Affectation de subjectivité: le point intempestif dans une configuration infrasyntagmatique. Le cas du syntagme nominal // L'information grammaticale. 2011. № 130. P. 30—37.
43. Tuchais S. La phrase nominale dans la presse contemporaine française // Mémoire de maîtrise. — Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. 210 p.

Yu. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF PARCELING IN FRENCH LINGUISTICS: STAGES AND AREAS OF RESEARCH

ABSTRACT. This article is a survey of the research works of French linguists devoted to the problem of parceling. The article identifies two stages in the development of the theory of parceling: the stage of formation (40-60s of the 20th century) and the present stage (since 2000). During the first stage, parceling cases were recorded, the notions of "parcel" and "parcel style" were introduced, which later gave way to other terminology. Parceling was associated at this stage with the penetration into the written language of elements of colloquial speech, often regarded as a stylistically negative process. During the second stage, French researchers show an active interest in the syntax, morphology, semantic and pragmatic features of parceling. The most interesting are the parcels without a verb — parts of a simple sentence (substantive, adjective, appositive), peripheral cases are discussed with the aim of revealing the taxonomic boundary "addition" / "not addition". The parcel is perceived as a structure added to the main part (hence the terms "adding after the point" and for designating the basis of the construction — "receiving part"), and not as a result of the dismemberment of a single whole, as interpreted in Russian linguistics. The most significant, from the point of view of the author, is the development of the theory of parceling in the cognitive-semiotic aspect. The point of parceling with this approach is considered as a signal, saying that it is necessary to perform certain operations for processing information to understand the global meaning of the text, to facilitate its cognitive processing.

KEYWORDS: *parceling; French; French syntax; stylistics; psycholinguistics; cognitive linguistics; linguosemiotics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. — Strasbourg, 1962. T. 2. — P. 443—451.
2. Authier-Revuz J. Du dire “en plus” : dédoublement réflexif et ajout sur la chaîne // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 147—167.
3. Badiou-Monferran C. Coordonner : (qu')est-ce (qu') ajouter ? / C. Badiou-Monferran // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 97—110.
4. Ballard M. Relations discursives et traduction. — Lille : Presses universitaires de Lille, 1995. 297 p.
5. Bar F. Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif // Le français moderne. 1958. № 4. P. 12—19.
6. Bordas E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes // Bulletin suisse de linguistique appliquée / Université de Neuchâtel. Institut de linguistique. 2005. № 81. P. 161—164.
7. Bosredon B., Tamba-Mec I. Aux marges de la phrase écrite : analyse d'unités typographiques autonomes // L'Information Grammaticale. 2003. № 98. P. 28—38.
8. Cicurel F. Le texte et ses ornements // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 51—64.
9. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. — Paris, 1966. 311 p.
10. Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. — Paris, 1973. 513 p.
11. Dauzat A. Le génie de la langue française. — Paris, 1943. 435 p.
12. Dubois J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? // La pensée. 1961. № 96. P. 61—75.
13. Chol I. Énoncés fragmentés et systèmes ponctuants : l'exemple de Pierre Chappuis // Le Discours et la langue. — Bruxelles, 2011. № 3. P. 139—158.
14. Fayol M. Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite. — Paris : Presses universitaires de France, 1997. 236 p.
15. Combettes B. L'organisation du texte. — Metz : Publications de l'Université de Metz, 1992. 180 p.
16. Combettes B. De la cohérence textuelle aux règles syntaxiques : le cas des constructions détachées // Problèmes de cohésion syntaxique / J. Baudry et P. Caron (éds). — Limoges : Presses de l'Université de Limoges, 1998. P. 139—156.
17. Combettes B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point // Cahiers de Praxématique. 2007a. № 48. P. 111—134.
18. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al., eds. — Ophrys, 2007b. P. 119—131.
19. Combettes B. Les ajouts en fin d'énoncé dans les Nouvelles Récréations et Joyeux Devis de Bonaventure des Périers // L'Information Grammaticale. 2009. № 120. P. 23—27.
20. Combettes B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif : énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs [Electronic resource] // Discours [En ligne]. 2010a. № 6. URL: <http://discours.revues.org> (date of access: 19.02.2014).
21. Combettes B., Kuyumcuyan A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation : colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24—26 mars 2010. — 20106. P. 28—30.
22. Combettes B. Hyperbate et structure informationnelle : le cas des ajouts après le point // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011a. — P. 195—205.
23. Combettes B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? // L'Information grammaticale. 2011b. № 130. P. 24—29.
24. Combettes B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29—30 octobre 2012. — Lyon, 2012a. P. 145—157.
25. Combettes B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discursivité : le cas des «fragments après le point» // Perspective fonctionnelle de la phrase : L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 octobre 2012. — Nancy, 2012b. P. 76—79.
26. Combettes B. Aspects diachroniques des fragments après le point : cas d'ellipse ou ajouts ? // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 223—237.
27. Gautier A. Phrase et syntaxe: sur quelques aspects de l'intégration // Langue française. 2014. № 182. P. 27—41.
28. Gautier A. La pause et l'effet : Hyperbate et segmentation graphique // L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (dir.). — Paris : PUPS, 2010b. — P. 103—116.
29. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la réaction? // Travaux de linguistique. 2010a. № 60. P. 91—107.
30. Gautier A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase : thèse de Doctorat. — Université Paris-Sorbonne, 2006. 438 p.
31. Georjin R. La prose d'aujourd'hui. — Paris : Editions André Bonne, 1956. 456 p.
32. Grunig B.-N. Conflits et instabilité dans les processus de production et interprétation d'ajouts // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 79—96.
33. Havu E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. — P. 65—80.
34. Havu E., Lefevre F. Les énoncés averbaux comme hyperbates // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. P. 179—192.
35. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.
36. Kuyumcuyan A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 143—154.
37. Lefevre F. La phrase averbale en français. — Paris : L'Harmattan, 1999. 352 p.
38. Neveu F. L'apposition : concepts, niveaux, domaines // Langue française. 2000. № 1 (125). P. 3—17.
39. Neveu F. Détacher est-ce condenser ? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français // L'Information Grammaticale. 2011. № 130. P. 18—23.
40. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.
41. Orlandi E. Un point, c'est tout. Interdiscours, incomplétude, textualisation // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 65—78.
42. Pétilion S. Affectation de subjectivité: le point intempestif dans une configuration infrasyntagmatique. Le cas du syntagme nominal // L'information grammaticale. 2011. № 130. P. 30—37.
43. Tuchais S. La phrase nominale dans la presse contemporaine française // Mémoire de maîtrise. — Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. 210 p.

Н. Г. Юзефович, И. А. Полякова
Хабаровск, Россия

ТЕОРИЯ ПРОКСИМИЗАЦИИ П. ЦАПА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. Интеграция прагматики, когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа, а также концепции П. Чилтона является основой теории проксимизации польского ученого П. Цапа. Данная модель анализа была сформирована первоначально для анализа интервенционистского дискурса, при этом она успешно экстраполируется на другие дискурсивные практики, что представляет интерес для исследователей разных направлений. Несомненным достоинством теории проксимизации П. Цапа является ее валидность: база данных включает эмпирический материал, охватывающий политический дискурс 2001—2010 гг., анализ которого отражен в публикациях разных периодов. В полной мере теория проксимизации получила отражение в монографии «Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing», изданной в 2013 г., при этом продолжает развитие данной теории, привлекая эмпирический материал других дискурсов, в частности медицинского, экологического, виртуального и пр. В статье раскрывается концептуальная и эмпирическая основа данной модели, обоснована ее продуктивность для моделирования метафоры: сущность теории проксимизации состоит в моделировании конструктов пространства, времени и аксиологических характеристик предполагаемых милитаристских действий. При успешном моделировании события, относящиеся к другой территории, другому времени, представляются как события настоящего, причем такие события, которые угрожают обществу. В данном случае создается также эффект соответствующей оценочности (эффект угрозы), что требует незамедлительных действий. Если были использованы эффективные риторические приемы, выбраны соответствующие лингвистические средства, то достигается легитимизация действий политика (придание им законности); именно легитимизация является показателем реализации проксимизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проксимизация; легитимизация; политический дискурс; дискурсивные стратегии; межкультурный аспект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, факультет филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; 680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; e-mail: iuzefovichnata@gmail.com.

Полякова Ирина Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; 680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; e-mail: iril221@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Положения концепции проксимизации, которую разработал профессор Петр Цап (Piotr Cap; при передаче на русский язык использовался метод практической транскрипции, позволяющий передать как звучание имени, так и написание [Гиляревский 2004; Ермолович 2009]), представляют интерес для многих отечественных ученых, исследующих различные аспекты политического дискурса, равно как и других дискурсивных практик. Важно отметить тот факт, что известность П. Цапа в научном мире несомненна: он возглавляет кафедру прагматики университета г. Лодзь (Польша), его труды по лингвистической прагматике, политической лингвистике, медийному дискурсу и бизнес-коммуникации публикуют известные в научном мире издательства: *Journal of Pragmatics*, *Cambridge Scholars Press*, *Peter Lang* (Frankfurt am Main), *John Benjamins* (Amsterdam) и др. Профессора приглашают для чтения лекций в университеты Европы и США.

Отдельные его статьи, а также аннотации публикаций на английском языке доступны в Интернете, однако русскоязычная аудитория практически не знакома с работами ученого, поскольку они написаны на английском или на польском языках. Публикации переводов на русский язык ограниче-

ны Законом об авторских правах (Copyright Law), что в определенной мере и побудило нас обратиться к теории П. Цапа.

Настоящая статья посвящена описанию основных положений теории проксимизации; они применимы как для изучения внутрикультурного дискурса (борьба с внутренней угрозой), так и в аспекте межкультурных глобальных контактов (борьба с внешней угрозой террористического акта, т. е. выход за свою территорию), а также для исследования других дискурсивных практик.

Теория ученого обобщает результаты многолетнего изучения политического дискурса США периода 2001—2010 гг., так называемого «интервенционистского» дискурса, или «дискурса войны с террором» (the War-on-Terror). Важно отметить, что ученый анализирует в рамках своей теории дискурс других сфер: экологический дискурс (environmental discourse), медицинский (health communication: *The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion* [Cap 2004]), дискурс киберугроз (cyber-threat discourse) и пр. Исследование эмпирического материала разнообразных дискурсивных практик способствует валидности (достоверности) данной теории и позволяет сделать вывод о релевантности мо-

© Юзефович Н. Г., Полякова И. А., 2018

дели П. Цапа для метафорологии, когнитивно-прагматического анализа, прагматики и критического дискурс-анализа.

Принимая во внимание тот факт, что мы опираемся на англоязычные издания и терминологию, в данной статье отдельные термины представим на русском и на английском языке, что позволит читателю обратиться к первоисточникам. В отечественном научном дискурсе функционирует множество терминов, которые заимствованы из западного научного дискурса или были калькированы с него. При этом нередко наблюдается понятийная, концептуальная и аксиологическая вариативность; классическим примером является термин «концепт». Англоязычный термин «concept» означает «понятие» и не передает специфику отечественного термина, использующегося в рамках направления «когнитивная лингвистика».

Интересно отметить, что в англоязычном дискурсе эвфемизации ряда номинаций и терминов войны с террором способствует то, что совпадающие по форме лексические единицы (омонимы) или одна и та же номинация могут функционировать в разных контекстах. При этом эвфемистичность одного контекста влияет и на другой, что нередко теряется в переводе.

Так, лексическая единица *preventive* используется как в милитаристском дискурсе (*preventive attack*), так и в других, например: *preventive maintenance*, т. е. «профилактическое обслуживание» (оборудования), частотна она и в медицинском дискурсе (*preventive medicine*). Важно помнить, что в большинстве случаев *preventive* синонимична лексической единице *pre-emptive*. Естественно, что, например, в медицинском дискурсе позитивная аксиологическая характеристика слова *preventive* очевидна — ср.: *preventive medicine* и *профилактика*. В русскоязычном дискурсе используются номинации «профилактика, профилактическое обслуживание», не совпадающие по форме с терминологией милитаристского дискурса, что при анализе переводных текстов не является очевидным.

Научный подход к анализу публичного дискурса П. Цапа соответствует принципам социокогнитивной лингвистики: когнитивно-прагматический анализ сопровождается квантитативным (количественным) и квалификативным (качественным) анализом, проводится на значимой по объему эмпирической базе, при этом используются и социолингвистические методы [Юзефович 2017].

Обобщение результатов изучения американской политической риторики периода

2001—2010 гг. представлено в монографии *Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing* [Cap 2013] и также в разного рода статьях и коллективных монографиях, например: *Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse* [Cap 2008]; *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice* [Cap 2010]. Ученый продолжает работать над дальнейшим развитием своей теории: *Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximization analysis of three public space discourses* [Cap 2014]. Значительный интерес представляет недавно опубликованное монографическое исследование *The Language of Fear: Communicating Threat Threat in Public Discourse* [Cap 2016].

Термин «проксимизация» является относительно новым в политической лингвистике; он основан на английских номинациях *proximity* (буквально «близость», «приближенность»), *proximize* и *proximizing* (буквально «приближать концептуально»). Глагольные формы *proximize*, *proximizing* впервые встречаются в работах британского лингвиста П. Чилтона [Chilton 2004], на концепции которого во многом опирается П. Цап.

Номинативная форма *proximization* (в концепции П. Цапа соответствует значению «концептуальное приближение») была введена П. Цапом для обозначения когнитивно-прагматических конструктов, используемых в дискурсе и способствующих реализации необходимых дискурсивных стратегий. Модель проксимизации позволяет выявить отношения между субъектами внутри дискурсивного пространства, что релевантно для исследования как в контексте когнитивной прагматики, так и критического дискурс-анализа. Проксимизация (всех уровней) является результатом дискурсивного события, например, выступления политика, задача которого — достичь реализации своей цели, в частности легитимизации интервенционистских кампаний [Cap 2013: 26].

Модель анализа политического дискурса П. Цапа основана на двух парадигмах: когнитивно-прагматической и когнитивно-лингвистической, соответственно выделяются когнитивно-прагматический и когнитивно-лингвистический уровни исследования.

На первом этапе в рамках когнитивно-прагматической парадигмы осмысливается цель коммуникативного акта в данном геополитическом контексте: конечным результатом должна стать реализация всех уровней проксимизации (пространственной, темпоральной и аксиологической) и, соответственно, легитимизация планируемых военных действий. При этом выделяются,

осмысливаются те конструкты, которые будут способствовать реализации данной цели: такие конструкты должны приблизить какие-либо давние, но экстремально значимые события к текущему моменту. Данные конструкты моделируются по трем направлениям (осям): пространственному (*spatial*), временному (*temporal*) и аксиологическому (*axiological*), что позволяет создать эффект угрозы и добиться легитимизации военных действий.

Модель проксимизации в английском языке обозначается инициальным сокращением STA model: *Satial Temporal Axiological*, что в русском языке соответствует сокращению «ПВА», которое расшифровывается следующим образом: п(пространственная) в(ременная) а(ксиологическая) модель проксимизации. Данное обозначение выделяет этапы проксимизации, при этом ведущей является именно пространственная.

Особое место в теории проксимизации отведено исследованию функционирования вербальных средств, в частности дейктическим элементам. Выделяют личный дейксис, который указывает на нахождение говорящего/собеседника в пространстве, пространственный и временной, которые выражаются местоимениями (указательными и личными), наречиями, сочетаниями типа «в этой стране» и пр. Как правило, дейктический центр включает элементы, непосредственно связанные с говорящим («свой»), а на периферии располагаются элементы «чужого» (пространства, времени, личности). Перемещение дейктической периферии в центр («чужой» (потенциальный источник угрозы) приближается к «нашей территории») способствует созданию страха и реализации милитаристских целей политика.

На пространственной оси (измерении) выделяются центр и периферия. Дейктический центр маркирован как *здесь, в нашей стране* — «наши», а дейктическая периферия включает другие страны, отдаленные (враждебные) территории — «чужие». Конструирование пространственной проксимизации позволяет «приблизить» удаленные от центра, чужие территории, которые потенциально несут угрозу, к центру, к своей стране. Такой конструкт создает эффект опасности для людей, которые понимают близость опасности и необходимость защищаться, что, как предполагается, будет способствовать реализации политической цели политика: интервенционистские цели будут легитимизированы.

Временная, или темпоральная проксимизация требует создания такого конструкта, который позволит приблизить опасное собы-

тие в прошлом к текущему моменту: «вчерашняя угроза» становится реальностью сегодня. Соответственно темпоральный конструкт «проектирует» аналогичное по опасности событие в контексте настоящего времени, реальности. Так, фраза «17-й год» (о событиях 1917 г., о революции) может быть соотнесена с протестными акциями в России в 17-м году сегодня, т. е. в 2017 г. Проксимизация в данном случае создает конструкт концептуально связанных событий и соответствующих последствий, что может потребовать незамедлительных превентивных действий.

Аксиологическая проксимизация позволяет создать необходимую оценочность интерпретируемого события, соответствующую моральным ценностям данного общества, что, в конечном счете, будет способствовать достижению легитимизации превентивных, т. е. военных действий на чужой территории. Например, репрезентация идеологического «сближения» национальных (разделяемых обществом) ценностей основных субъектов дискурсивного пространства с чуждыми и антагонистическими ценностями.

Как отмечалось выше, модель проксимизации разработана на основе интервенционистского дискурса (*interventionist discourse*), в частности, дискурса войны с террором в 2003 г. — в период смещения дейктического центра (угрозы). Если в первые два года после теракта, известного в англоязычном мире как 9/11 (в английском языке при написании даты цифрами на первое место ставится порядковый номер месяца, т. е. в англоязычном контексте «9/11» означает «11 сентября»), угроза толковалась как внутренняя: правительство США не смогло обеспечить безопасность своих граждан внутри страны, то в 2003 г. угрозу стали конструировать как внешнюю. Соответственно военные действия необходимо было проводить в другой стране, что не воспринималось одобрительно многими американцами. Следует отметить, что в этот период была открыта прямая телефонная линия, любой человек мог позвонить в Белый дом и высказать свою позицию относительно войны в Ираке. Многие студенты приняли активное участие в этом мероприятии, выражая свое неодобрение действиям правительства: звонили с требованием отказаться от «предваряющих интервенционистских кампаний» (*pre-emptive interventionist campaigns*), поскольку было понятно, что речь шла именно о милитаристских кампаниях, хотя значение «военные действия» и было завуалировано (из письма Кристин Ньют, студентки колледжа Льюис и Кларк (Портленд, США) — личная переписка студентки и Н. Г. Юзефович).

Теорию проксимизации П. Цап системно представляет на материале официального сайта Белого дома (проанализировано более 400 официальных докладов, комментариев и т. п.). Одним из наиболее ярких примеров проксимизации, как представляется, является «Обращение к нации» Дж. Буша, с которым он выступил 26 февраля 2003 г. Эта речь известна также как «манифест войны в Ираке». Войска США и коалиции вошли в Ирак 19 марта 2003 г.

П. Цап выделяет два уровня, на которых реализуется проксимизация: диахронический (события прошлого) и синхронический (релевантность прошлых событий в контексте реальности) [Сар 2014: 20].

На диахроническом уровне репрезентированы идеологические установки прошлого, которые соотносятся с настоящим, что подчеркивает преемственность поколений. Верность историческому наследию требует решительных действий сегодня: долг США, как и раньше, — освободить цивилизацию от внешнего врага: *The objectives (of liberation) have come before*. При этом реализуется главным образом темпоральная и аксиологическая проксимизация: разделяемые обществом в историческом прошлом ценности провозглашаются значимыми и сегодня, и эти ценности требуют защиты, а значит, и незамедлительных действий.

На синхроническом уровне в историческую ретроспективу вовлекается проксимизация исторического настоящего и основным, исходным условием легитимизации действий являются не обязательства идеологического характера, а прямая физическая угроза, нависшая над страной, которая превратилась в поле сражения (*our country is a battlefield*).

В контексте этой речи актуализировалась метафора, означающая «угрозу»: *On a September morning (Сентябрьским утром...)*. Эта фраза выступает эпиграфом монографии П. Цапа о проксимизации, и к ней он не раз возвращается в ходе обоснования своей теории [Сар 2013]. Вне контекста событий 9/11 и/или «Обращения к нации» данная фраза не несет никакой политической нагрузки. Неопределенный артикль «а» в английском языке означает «один из многих, любой, некий», т. е. нет привязки ни к определенной территории, ни к временному периоду. В 2003 г. в памяти еще свежи события 9/11, поэтому для многих, особенно американцев, фраза звучит довольно зловеще и возвращает их в тот трагический день. Фраза приобретает политический смысл «день, когда был совершен жесточайший теракт», что позволяет гово-

рить о ее метафоричности. Функционируя как метафора, фраза приобретает особую аксиологичность, создавая проксимизацию и способствуя легитимизации интервенционистских действий.

В целях проксимизации Дж. Буш выделяет Ирак как страну потенциальной угрозы, страну, которая обладает оружием массового поражения: *Saddam Hussein and his weapons of mass destructions are a direct threat to our people and to all free people*. Эта страна (чужая территория) угрожает США (нам, нашей нации: *our nation*) и «всему цивилизованному миру» — *the civilized world*.

Реальность угрозы подчеркивается историческим фактом, ссылкой на прошлое (*flashback*), при этом Дж. Буш выдвигает на первый план и то, что 9/11 словно аккумулирует все угрозы, которые на протяжении многих лет секретно готовились и в результате привели к убийству множества людей: *On a September morning, threats that had gathered for years, in secret and far away, led to murder in our country on a massive scale*. Таким образом, создается и временная проксимизация.

Конструкт проксимизации аксиологического уровня формируется выделением ценностей американского общества: «Мы не позволим разгореться пламени ненависти и жестокости» — *And we will not to allow the flames of hatred and violence in the affairs of men*.

Дж. Буш связывает ценности прошлого и настоящего в единое целое, проецируя их в будущее, выделяя роль США как освободителя мира от режима Ирака и оружия массового поражения, угрожающего всему миру: *Today the goal is to remove the Iraq regime and to rid Iraq of weapons of mass destruction*.

При этом он апеллирует и к более давнему прошлому, к заветам отцов-основателей: *founding promise* (Ср.: *founding fathers*), к созданию США, государства, которое формировалось как общество равных возможностей: *The liberation of millions of America's founding promise*.

Выделяется апелляция и к патриотизму, одной из главнейших ценностей американского общества, и к роли страны на мировой арене, что может потребовать и «актов героизма» (т. е. жертв американцев): *The objectives we've set in this war are worthy of all the acts of heroism and generosity that have come before*.

Характеризуя «условного противника» как враждебного ценностям и национальному наследию американского народа, сохранение которых является прямой обязанностью Дж. Буша на посту президента Соединенных Штатов, президент усиливает стра-

тегии проксимизации.

Дейктические элементы центра включают номинации *American people, all free people, the world*, иначе говоря, «свои», которые противопоставлены чужой территории и враждебной идеологии: *Saddam Hussein, the Iraq regime, the ideologies of murder*. При этом геополитическое расстояние конструируется как «сужающееся».

Следует подчеркнуть, что риторика Дж. Буша соотносима с политическим дискурсом других политиков. Аналогичные стратегии используются практически всеми политиками, если им необходимо легитимизировать военные действия на территории иностранного государства. Такие кампании рассматриваются как необходимые для борьбы с глобальным терроризмом, что предопределено событиями 11 сентября 2001 г. Описание угрозы, которая появилась в какой-либо период в прошлом, используется политиком как проекция текущей или будущей ситуации, за счет чего создается чувство опасности и выдвигается требование легитимизации незамедлительных военных действий. Или, напротив, сопоставление текущей ситуации с прошлой может создать чувство безопасности благодаря правомочным действиям правительства.

Таким образом, проксимизация является особой дискурсивной стратегией, которая репрезентирует уже случившиеся события и ситуации (включая «дистантивные», враждебные идеологии) как представляющие чрезвычайные, негативные последствия для политика и его аудитории в настоящий момент.

Представляя «удаленных» субъектов реальности как таких, которые исподволь и постепенно посягают на территорию говорящего и его адресата (причем как физически, так и идеологически), говорящий может достигать различных целей. Основной, преобладающей целью, как правило, является именно легитимизация милитаристских действий и политических решений, с помощью которых политик предлагает нейтрализовать возрастающее негативное воздействие «иностраных», «чуждых», «антагонистиче-

ских» субъектов.

Теория проксимизации позволяет раскрыть символические сдвиги (смещения в пространстве и времени), посредством которых элементы периферии дискурсивного пространства интерпретируются как его центральные элементы, дейктический центр, т. е. территория речевого акта (*here and now*) или дискурсивного пространства.

Теория проксимизации и ее пространственно-темпорально-аксиологическая модель анализа политического дискурса предполагает, что все три аспекта, или стратегии, проксимизации способствуют непрерывному сужению символического пространства между субъектами/ценностями и их негативному воздействию на говорящего и его адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиляревский П. С. Практическая транскрипция фамильно-именных групп. — М. : Физматлит, 2004.
2. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. — М. : ВЦП, 2009.
3. Boykoff M. The cultural politics of climate change discourse in UK tabloids // *Political Geography*. 2008. № 27. P. 549—569.
4. Cap P. The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion // *Developments in Pragmatics: Special Issue of Research in Language*. — Łódź : Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2004. P. 65—80.
5. Cap P. Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse // *Journal of Pragmatics*. 2008. No 40. P. 17—41.
6. Cap P. et al. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice*. — JBP, 2010.
7. Cap P. Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing. — Amsterdam : JBP, 2013.
8. Cap P. Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximization analysis of three public space discourses // *Journ. of Pragmatics*. 2014. No 70. P. 16—30.
9. Cap P. *The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse*. — Basingstoke : Palgrave, 2016.
10. Chilton P. *Analyzing Political Discourse*. — Routledge, 2010.
11. *Contemporary Critical Discourse Studies (Contemporary Studies in Linguistics)* / ed. Ch. Hart, P. Cap. — Bloomsbury, 2017.
12. Dunmire P. *Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine*. — Amsterdam : John Benjamins, 2011.
13. Gavins J. *Text World Theory. An Introduction*. — Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2007.
14. Levinson S.C. *Pragmatics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.
15. Silberstein S. *War of words*. — London : Routledge, 2004.

N. G. Iuzefovich, I. A. Poliakova
Khabarovsk, Russia

PROXIMIZATION THEORY OF PIOTR CAP AS CROSS-CULTURAL POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS METHOD

ABSTRACT. A well-known Polish scientist Piotr Cap created his theory of proximization integrating the ideas of pragmatics, cognitive linguistics and critical discourse analysis; much is based on the conception of Paul Chilton. Piotr Cap developed his theory first as a model of political discourse analysis, namely interventionist discourse or discourse of war. He also analyzed other types of discursive act and found out that his analysis model is applicable to study different fields of discourse. Piotr Cap's theory is well grounded and valid as he analyzed official discourse of the White House (documents and speeches) covering the period of 2001 — 2010. The analysis of different texts is described in numerous publications. Thorough description of the theory is presented in the monograph "Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing" (published in 2013). Since then the scientist has been still developing his theory basing on the empirical sources of various discourses such as environmental, cyber-attack discourse, medical, etc. The paper dwells on the conceptual and empirical background of the proximization theory, stressing its advantages as a method of the metaphor production analysis. In short, the proximization theory is used as a means of creating models: the construction of space (spatial proximization), the construct of time (temporal proximization).

tion), the construction of axiological characteristics (axiological proximization) of a might-be (planned) interventionist campaigns. Proximization models represent the past events as if they were the events of today ("yesterday becomes "now") and what is most important is the fact that the events described can create a serious threat to the country and the people of the speaker (a politician). Thus, the created effect is the effect of fear because of the close threat. Obviously, negative axiological character of the war campaign is transformed into positive as the military action is viewed as a necessary means to save the country and her people. Thus, the military campaign is legitimized.

KEYWORDS: proximization; legitimization; political discourse; discursive strategies; intercultural aspect.

ABOUT THE AUTHORS: *Iuzefovich Natalia Grigoryevna, Doctor of Philology, Professor, English Philology and Cross-Cultural Communication Department; Philology, Translation and Cross-Cultural Communication Faculty, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.*

Poliakova Irina Alekseevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, English Linguistics and Cross-Cultural Communication Department; Philology, Translation and Cross-Cultural Communication Faculty, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

REFERENCES

1. Gilyarevskiy R. S. *Prakticheskaya transkriptsiya famil'no-imennykh grupp.* — M. : Fizmatlit, 2004.
2. Ermolovich D. I. *Metodika mezh"yazykovoy peredachi imen sobstvennykh.* — M. : VTsP, 2009.
3. Boykoff M. The cultural politics of climate change discourse in UK tabloids // *Political Geography*. 2008. № 27. P. 549—569.
4. Cap P. The Pragmatic Construal of Scientific Discourse: The Case of Medical Persuasion // *Developments in Pragmatics: Special Issue of Research in Language.* — Łódź : Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2004. P. 65—80.
5. Cap P. Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse // *Journal of Pragmatics*. 2008. No 40. P. 17—41.
6. Cap P. et al. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice.* — JBP, 2010.
7. Cap P. *Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing.* — Amsterdam : JBP, 2013.
8. Cap P. Applying cognitive pragmatics to Critical Discourse Studies: A proximization analysis of three public space discourses // *Journ. of Pragmatics*. 2014. No 70. P. 16—30.
9. Cap P. *The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse.* — Basingstoke : Palgrave, 2016.
10. Chilton P. *Analyzing Political Discourse.* — Routledge, 2010.
11. *Contemporary Critical Discourse Studies (Contemporary Studies in Linguistics)* / ed. Ch. Hart, P. Cap. — Bloomsbury, 2017.
12. Dunmire P. *Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine.* — Amsterdam : John Benjamins, 2011.
13. Gavins J. *Text World Theory. An Introduction.* — Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2007.
14. Levinson S.C. *Pragmatics.* — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.
15. Silberstein S. *War of words.* — London : Routledge, 2004.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2018. ВЫПУСК 1 (67)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 28.02.2018. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 25,2. Усл. печ. л. — 25,8. Тираж 500 экз. Заказ 4918.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me